H. eccl.
3185
o

H. eccl. 3185º

Tuss 29 11/72

[illegible]

Ф.8673.

ОЧЕРКИ

ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРІИ

ВИЗАНТІЙСКО-ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ IX, X И XI ВѢКАХЪ,

(отъ конца иконоборческихъ споровъ 842 г. до начала крестовыхъ походовъ,—1096 г.).

МОСКВА.
Типографія Лебедева, на Донской ул., д. Зоркиной.
1878.

От Московскаго комитета для цензуры духовных книг печатать позволяется. Московская Духовная Академія, февраля 2 дня, 1878 года.

Цензор протоіерей *Филарет Сергіевскій.*

Bayerische Staatsbibliothek München

Lebedev, Aleksej Petrovič

FgT/75/7016

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Церковь, государство и общество 1— 93

Характеристика Византійскаго государства и общества 1— 16

I. Теоретически высокое, фактически уничиженное положеніе церкви въ государствѣ. 16— 39

II. Вліяніе церкви въ религіозныхъ, государственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ.—Факты угодливости и притязательности въ пастыряхъ. 39— 63

III. Отношенія государства къ церкви.—Вмѣшательство императоровъ въ дѣла церковныя 63— 93

Смуты въ іерархіи и общее ея состояніе 94—168

Интересъ изученія іерархіи данной эпохи 94— 95

I. Происхожденіе партіи Игнатіанъ и Фотіанъ.—Характеристика той и другой.—Торжество Фотіанъ надъ Игнатіанами. . 95—114

II. Обратное насильственное торжество Игнатіанъ надъ Фотіанами.—Могущество Фотіанъ. 114—129

III. Полное торжество Фотіанъ надъ Игнатіанами.—Разложеніе партіи Игнатіанъ. 129—137

IV. Церковныя партіи Николаитовъ и Евѳимитовъ, ихъ взаимная борьба . 137—142

V. Состояніе четырехъ восточныхъ патріархатовъ. — Ученіе о пентархіи патріаршей 142—152

VI. Умственное и матеріальное положеніе духовенства.—Попеченія архипастырей о нравственности и дисциплинѣ клира. . 152—160

VII. Борьба пастырей съ прежними и новыми ересями 160—164

VIII. Условія развитія церковнаго законодательства. 164—168

Византійская образованность вообще, богословская наука и литература въ частности 169—231

Сравненіе эпохи иконоборческой и эпохи IX, X, XI вѣка въ отношеніи къ просвѣщенію. 169—171

I. Причины, объясняющія поднятіе уровня просвѣщенія въ IX—XI вѣкахъ.—Черты Византійской образованности и научности.—Византія центръ науки. 171—189

[library stamp]

II. Главные представители богословской интеллигенціи.—Школы и учителя.—Платонизмъ и аристотелизмъ въ богословской наукѣ 190—203

III. Обзоръ различныхъ отраслей богословской науки.—Состояніе церковнаго проповѣдничества и религіознаго искусства. 203—231

О направленіяхъ въ религіозно-умственной жизни 232—264

Понятіе о направленіи эпохи. 232—233

I. Направленія въ средѣ церкви строго—ортодоксальное,—консервативно—ритуальное,—консервативно—спиритуальное,—либерально—спиритуальное 233—256

II. Направленія въ ересяхъ. 257—264

Библіотеки Казанской Духовной Академіи.

ОТЪ АВТОРА.

Настоящее сочиненіе представляетъ собой популярные очерки на научныхъ основаніяхъ и составляетъ обзоръ Византійско-восточной церкви отъ средины IX до конца XI вѣка, точнѣе: отъ 842 года, конца иконоборческихъ споровъ, конца періода Вселенскихъ соборовъ, до 1096 года, начала крестовыхъ походовъ, которыми условливается рядъ новыхъ явленій въ исторіи Восточной церкви. Книга обнимаетъ эпоху такъ называемаго раздѣленія церкви. Обработка Византійской церковной исторіи есть прямая задача русскихъ богослововъ. Богословы западные, какъ естественно, посвящаютъ мало вниманія этой области церковной исторіи. Принявъ на себя задачу изложить указанную эпоху въ систематическомъ цѣломъ, мы не имѣли подъ руками никакого руководящаго сочиненія. Западная и русская литература, относящаяся къ нашему дѣлу, пересмотрѣна нами, полагаемъ, тщательно, древняя же Византійская историческая и богословская литература настолько, насколько это нужно было для составленія очерковъ, не имѣющихъ притязанія на обширную ученость. Питаемъ надежду, что читатели наши, которыхъ мы расчитываемъ найдти между просвѣщенными пастырями церкви, наставниками семинарій, законоучите-

лями свѣтскихъ учебныхъ заведеній, юношами, изучающими богословскія науки, и вообще любителями богословскихъ наукъ, отнесутся съ сочувствіемъ къ нашему труду. Пусть читатель не ставитъ намъ въ вину неполноту обзора. Изъ внутренней Восточной церковной исторіи нами не обозрѣны слѣдующія стороны: монашество, потому что почти исключительно пришлось бы говорить о монашествѣ Аѳонскомъ, но послѣ талантливаго и обширнаго сочиненія объ этомъ преосвящ. Порфирія, вышедшаго въ свѣтъ къ прошломъ году, это излишне,—исторія богослуженія, потому что исторія эта бѣдна фактами и все главное можно найти въ сочиненіи преосв. Филарета Черниговскаго „Пѣснопѣвцы Греческой церкви“,—исторія раздѣленія церкви, потому что она уже изложена нами въ нѣсколькихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Чт. Общ. люб. дух. просвѣщенія“ за 1873—1875 годы.

Сергіев. посадъ.
1878 г. Февраля 2 дня.

Библіотеки Кіевской Духовной Академіи.

Церковь, государство и общество.

Прямое назначеніе церкви состоитъ въ томъ, чтобы воздѣйствовать на государство и общество въ духѣ идей христіанства и его требованій. Такое назначеніе церкви при его выполненіи въ эпоху, о которой мы говоримъ, значительно облегчалось тѣмъ, что общество тѣхъ временъ было особенно доступно для религіозныхъ идей: религія для этого общества составляла начало, дѣйствіе котораго было желательно и являлось совершенно необходимымъ. Эпоха наша не знала отрицанія религіи изъ явной и сознательной вражды къ религіи. Византія и Византійская Имперія, о которыхъ у насъ по преимуществу должна идти рѣчь, были глубоко проникнуты религіозными интересами. Вся жизнь общества носила отпечатокъ религіозныхъ интерессовъ, хотя эти интересы, нужно сознаться, и не были такъ живы, такъ прочувствованы, какъ это было ранѣе, въ болѣе древнюю эпоху христіанства. Говоримъ—привязанность общества къ религіи облегчала вліяніе и дѣйственность этого вліянія церкви на государство и общество.

Къ сожалѣнію, при всей своей религіозности, общество носило въ себѣ очень много задатковъ болѣзненной, патологической жизни, ненормальнаго развитія, отъ чего бы то не происходило. Религіозность была чѣмъ-то отдѣльнымъ

отъ жизни: религіозность сама по себѣ, а жизнь сама по себѣ. Между ними не было того единенія, той тѣсной связи, которая, поставляя то и другое въ гармоническія отношенія, раждала бы истинно облагороженную, высоконравственную жизнь. Вслѣдствіе этого наблюдатель надъ жизнію и исторіею общества данной эпохи поражается обиліемъ, избыткомъ нравственныхъ недуговъ, недостатковъ, которые составляли самую выдающуюся сторону въ положеніи общества. Эта патологическая сторона составляетъ такое многозначительное явленіе, что мы должны остановить на немъ наше вниманіе.

Это тѣмъ необходимѣе для насъ, что такимъ образомъ мы выяснимъ препятствія, съ которыми должна была церковь бороться при осуществленіи своей задачи, частныя задачи, которыя предначертывали для нея время и общество,—словомъ сферу, въ которой жила и на которую дѣйствовать приходилось церкви.

И нужно сознаться, руководить такимъ обществомъ, какимъ было общество нашей эпохи, было дѣломъ, соединеннымъ съ величайшими трудностями!

Достаточно хотя кратко обозрѣть состояніе этого общества, чтобы согласиться, что это дѣйствительно такъ. Трудно понять, чѣмъ поддерживалось продолжительное существованіе имперіи при той нетвердости, расшатанности государственныхъ основъ, какую представляло византійское государство, бывшее центромъ церковно-историческихъ событій времени. Какая-то атмосфера самоволія пропитала все и всѣхъ. Это было странное время, когда не стало болѣе довѣрія ни правительства къ народу, ни народа къ правительству, ни войска къ полководцу; все жило въ какомъ-то тяжеломъ напряженномъ состояніи. Каждый пользовался минутою счастія, и хотя искалъ большаго, но рѣдко находилъ. Въ отношеніи народа къ императорскому трону повторились печальныя времена римской языческой имперіи: императоры всходили на него часто для того, чтобы тотчасъ же снова оставить его съ безчестіемъ. Революція, путемъ которой те-

перь занимала престолъ большая часть императоровъ, деморализующимъ образомъ дѣйствовала и на правительство и на народъ. Какое благодѣтельное вліяніе на народъ могло имѣть правительство, которое и на день не увѣрено было въ своей безопасности; счастливцы, окружавшіе непрочный тронъ, были своекорыстны и часто жестоки и мстительны. Народъ съ своей стороны не могъ питать должнаго уваженія къ правительству, которое обязано своей властію капризу народа, или самовольно, или же при помощи грубой военной силы захватило власть въ государствѣ. Одинъ историкъ взялъ на себя задачу пересчитать—сколько императоровъ трагическимъ образомъ были лишены трона въ византійской имперіи во все продолженіе ея существованія (отъ Аркадія до Магомета II) и пришелъ къ слѣдующимъ интереснымъ результатамъ. Въ продолженіе существованія византійской имперіи 109 лицъ занимали императорскій тронъ, какъ императоры въ первый или второй разъ, или какъ сотоварищи императоровъ. Изъ нихъ 34 умерло въ своей постели, т. е. естественною смертію, 8 умерли на войнѣ или отъ какой нибудь случайности. Изъ прочихъ 12 или добровольно или насильственно отказались отъ престола; 12 умерли въ монастырѣ или въ темницѣ; трое погибли голодною смертію; 18 были оскоплены или лишены зрѣнія, потеряли носы и руки; 20 были отравлены, задушены, изгнаны, погибли отъ кинжала, или низвержены сверху колонны [1]. Эпоха, которую мы разсматриваемъ, едвали не богаче революціями, чѣмъ какая другая эпоха въ исторіи византійской имперіи. Мы не говоримъ о заговорахъ неудачныхъ, не сопровождавшихся достиженіемъ трона узурпаторами, заговоры были въ каждое царствованіе и притомъ по нѣскольку. Что особенно замѣчательно и съ нашей точки зрѣнія печально, потому что указываетъ на крайнюю степень де-

[1]) Rambaud. L'Empire Grec. au 10 Siècle (Constantin Porphyrogénète), p. 24. Paris. 1870.

морализаціи, заговоры и революціи эти вспыхивали и разражались, не щадя ни самаго близкаго кровнаго родства, ни друзей, ни благодѣтелей. „Революціи эти часто подготовлялись во дворцахъ самихъ императоровъ, въ аппартаментахъ ихъ женъ, жаждавшихъ власти или преданныхъ своимъ страстямъ; онѣ губили своихъ мужей, чтобы царствовать вмѣсто ихъ, подъ именемъ своихъ сыновей, или же для того, чтобы украсить короною своихъ фаворитовъ; эти революціи затѣвались также нетерпѣливыми сынами, находившими, что виновники ихъ дней слишкомъ ужъ зажились на свѣтѣ“ и пр. и пр. [1]. Подобныхъ примѣровъ находимъ въ данную эпоху множество. Въ IX вѣкѣ императоръ Михаилъ III, будучи 17-тилѣтнимъ юношей, отнимаетъ престолъ у матери своей Θеодоры, заключивъ послѣднюю въ монастырь [2]. Василій Македонянинъ (императоръ) авантюристъ, приближенный ко двору императора Михаила III и изъ простаго конюха возвысившійся въ достоинство патриція и потомъ августа—отплатилъ за все это правительству Михаила злодѣяніями. Онъ оклеветалъ предъ Михаиломъ дядю его Варду, заправлявшаго ходомъ дѣлъ государственныхъ, выставляя его заговорщикомъ на жизнь императора, возстановилъ Михаила на Варду и собственноручно убилъ послѣдняго. Но на этомъ ловкій авантюристъ не остановился, онъ пожелалъ престола императорскаго, убилъ императора Михаила, выведшаго его изъ ничтожества и возведшаго въ высшія въ государствѣ должности—и сѣлъ на окровавленномъ тронѣ [3]. Факты подобнаго же рода можно находить и въ 10

[1]) Mortreuil. Histoire de droit Bysantin. Tom. III, p. 39. Paris. 1846.

[2]) Theoph. Continuatus. Chronographia p. 174. Bonnae. Symeon Magister. Annales. p. 658. Bonnae. Genesius. Regum liber IV, p. 90. Bonnae.

[3]) Theoph. Continuatus. ib. p. 230—231. 235. Genesius. p. 105; Theoph. cont. p. 236. Sym. Magister. ib. p. 678—9; Georgius Monachus, Vitae imperatorum recentiorum. p. 830—31, edit. Bonn. Leo Grammaticus. Chronographia, p. 1078, apud Migne Patralogiae cursus, series Graeca, t. CVIII. Sym. Mag. p. 684—5. Georg. Mon. p. 836—7.

вѣкѣ. При императорѣ Львѣ Мудромъ много было заговоровъ. Такъ одинъ изъ такихъ заговоровъ вспыхнулъ въ 902 году. Одинъ изъ заговорщиковъ ударилъ императора дубиной по головѣ въ церкви св. Мокія, куда императоръ прибылъ, сопровождая торжественную религіозную процессію. Ударъ впрочемъ не былъ смертеленъ, потому что заговорщикъ при ударѣ задѣлъ за паникадило и сила удара парализовалась. Важно то, что главнымъ скрытымъ вожакомъ возстанія былъ никто другой, какъ братъ императора Александръ [1]). Въ томъ же 10 вѣкѣ, будучи еще несовершеннолѣтнимъ Константинъ Порфирогенетъ изгоняетъ изъ дворца свою мать Зою, правившую дотолѣ государствомъ, и хотя слезы и мольбы Зои побудили императора отмѣнить свое рѣшеніе объ изгнаніи изъ дворца своей матери, однакожъ власть не была возвращена ей [2]). Въ свою очередь Зоя, когда на престолъ вступилъ Романъ I, затѣяла противъ него заговоръ, старалась отравить его ядомъ, но заговоръ ея не имѣлъ успѣха, сама она была изгнана изъ дворца, пострижена въ монахини и заключена въ монастырь св. Евѳиміи [3]), который былъ обыкновеннымъ мѣстомъ заточенія царственныхъ особъ женскаго пола. Романъ впрочемъ не остался на императорскомъ тронѣ до смерти; онъ былъ низвергнутъ своими собственными сыновьями; но и этимъ не пришлось царствовать. Константинъ Порфирогенетъ, юностью и неопытностью котораго воспользовался Романъ,—провозгласивъ себя императоромъ, теперь самъ захотѣлъ царствовать. По совѣту своей жены Елены, дочери Романа, онъ выгналъ ея братьевъ, занявшихъ было отцовскій императорскій престолъ, сославъ ихъ на острова, повелѣлъ постричь ихъ въ клирики [4]). Въ XI вѣкѣ было не лучше. Въ особен-

1) Theophan. Cont. ib. p. 364.

2) Theoph. Cont. ib. p. 392. Symeon. Mag. ib. p. 726.

3) Theoph. Cont. ib p. 397. Georg. Mon. ib. p. 889—890.

4) Theoph. Cont. ib. p. 435. 437. Sym. Mag. ib. p 752—3. Cedrenus. Historiarum compendium. t. II, p. 324. Edit. Bonn.

ности прославилась как неутомимая заговорщица въ это время императрица Зоя. Она затѣваетъ заговоръ противъ своего собственнаго супруга императора Романа III, она хочетъ отравить его ядомъ, и когда ядъ оказывается дѣйствующимъ слишкомъ медленно, приказываетъ задушить его въ ваннѣ, и это совершаетъ ея наперсникъ Михаилъ, котораго она и провозглашаетъ императоромъ подъ именемъ Михаила IV [1]. По смерти Махаила IV Зоя провозгласила императоромъ его племянника, тоже Михаила, объявивъ его своимъ пріемнымъ сыномъ; но этотъ выборъ не былъ счастливъ для Зои; новый императоръ сослалъ ее на островъ, гдѣ и приказано было постричь ее въ монахини. Зоѣ впрочемъ удалось низвергнуть неблагодарнаго пріемыша, въ возмездіе которому она выколола глаза, разогнавъ всѣхъ его родственниковъ. [2]. Позднѣе императоръ Михаилъ VII отнимаетъ управленіе властію у своей матери Евдокіи, а Евдокію заключаетъ въ Пиперскій монастырь, который построенъ былъ этою императрицею [3].

Революціи и заговоры вредно дѣйствовали на общественную нравственность. Они развивали въ правительствѣ неслыханную жестокость. Для заговорщиковъ изобрѣтались самыя ужасныя казни. Какъ будто-бы одно правленіе желало превзойти другое въ варварствѣ въ данномъ случаѣ. Для того, чтобы отнять смѣлость у новыхъ искателей престола, думали прибѣгать къ самымъ жестокимъ мѣрамъ. Виновнаго сначала подвергали пыткѣ, чтобы узнать отъ него объ его сообщникахъ, потомъ отрубали ему руки или ноги, носъ или уши, сѣкли бичами съ свинцовыми наконечниками, вырывали глаза, возили на ослѣ по цирку или по улицамъ города. Иногда узурпаторъ былъ обезглавленъ послѣ того, какъ потерпѣлъ тѣлесное наказаніе; иногда виновнаго сжи-

[1]) Cedrenus. ibid. p. 504—505.

[2]) Cedrenus. ibid. p. 534. 536. 539—540.

[3]) Michael Attaliota. Historia. p. 169. Bonnae.

гали живаго, сажали на колъ. Иногда впрочемъ по какому нибудь снисхожденію довольствовались тѣмъ, что обрѣзали ему волосы или сжигали ихъ на головѣ, также заключали въ монастырь. Чаще всего бывало, что заговорщикъ подвергался оскопленію. Всѣ эти наказанія почти всегда сопровождались ссылкою и конфискаціей имѣнія; почти всегда вся фамилія виновнаго находилась подъ государственною опалою: жена обыкновенно постригалась и заключалась, а дѣти мужскаго пола оскоплялись [1]). Приведемъ нѣкоторые отдѣльные примѣры въ этомъ родѣ изъ нашей эпохи. При императорѣ Михаилѣ III заговорщики были лишены зрѣнія и правой руки, затѣмъ ихъ привели на публичное мѣсто, причемъ дали имъ въ руки глинянныя кадильницы, въ которыхъ вмѣсто ладона горѣла сѣра; изъ этихъ-то кадильницъ несчастные должны были кадить взаимно другъ друга. Потомъ ихъ ослѣпленныхъ и лишенныхъ одной руки заставляли въ продолженіи трехъ дней просить милостыню по городу, простирая къ проходящимъ свою единственную руку [2]). Императоръ Василій Македонянинъ жестоко наказываетъ заговорщиковъ, которые хотѣли было поднять бунтъ, но въ дѣйствительности еще ничего не сдѣлали. Императоръ самъ производилъ судъ надъ участниками заговора въ ипподромѣ. Многіе изъ нихъ на другой день рано по утру нагіе и скованные приведены были на форумъ, наказаны бичами, обстрижены и, по лишеніи имуществъ, сосланы въ ссылку; главный же изъ заговорщиковъ ослѣпленъ [3]). Жестокостью къ заговорщикамъ отличается и Константинъ Порфирогенетъ. Онъ считается кроткимъ и любящимъ добродѣтель государемъ, и однакожъ, по свидѣтельству Кедрина, Зонары, онъ былъ жестокъ въ преслѣдованіи, неумолимъ въ случаѣ мести. Нельзя указать ни одного заговорщика при немъ (за

[1]) Rambaud. Ibid. p. 28. 29.
[2]) Symeon Magister. ib. p. 680—681.
[3]) Theoph. Contin. ib. p. 277. Georg. Mon. ibid. p. 847—8.

исключеніемъ Θеофана), который бы не былъ подверженъ жестокимъ пыткамъ, не былъ бы публично бичуемъ, или не лишился бы носа или ушей [1]). При императорѣ Михаилѣ VII захваченъ былъ узурпаторъ Руссель, приведенъ въ Константинополь, подвергся бичеванію и какъ дикій звѣрь брошенъ въ мрачную тюрьму [2]).

Частые заговоры, нарушавшіе покой общественный, поощряя правительство къ мѣрамъ жестокости, въ то же время развивали въ немъ крайнюю, болѣзненную подозрительность. Подозрительность эта простиралась на всѣхъ, начиная отъ собственныхъ дѣтей. А это само собой развивало чудовищный деспотизмъ, какимъ и прославилась Византія. Императоры слишкомъ мало были увѣрены въ своей безопасности и потому всѣми мѣрами старались утвердить за собою тронъ. Къ такимъ мѣрамъ относится раннее коронованіе императоромъ своихъ дѣтей. Такъ императоръ Василій Македонянинъ одного за другимъ коронуетъ своихъ дѣтей: старшаго Константина, втораго—Льва и Александра почти тотчасъ по его рожденіи. Тоже дѣлаетъ Романъ [3]). Императоръ Алексѣй Комненъ возлагаетъ царственную корону на своего первенца Іоанна, при самомъ его крещеніи [4]). Но при этомъ подозрительность принимала весьма часто характеръ опасный для благосостоянія особъ аристократическаго происхожденія. Замѣчательнѣйшіе, богатые, происходящіе отъ славныхъ предковъ, высокоталантливые, любимые народомъ и войскомъ, мужи въ Византіи дѣлались, что называется, бѣльмомъ на глазу для подозрительныхъ и завистливыхъ императоровъ; въ особенности если эти лица были настолько не осторожны, что высказывали честолюбивыя стремленія, или недостаточно ясно выражали свое уваже-

1) Rambaud. ib. p. 42. Theoph. Contin. ib. p. 441.
2) M. Attaliota. ibid. p. 207.
3) Rambaud. p. 31.
4) Muralt. Essai de chronographie Bysantine. tome I, p. 61. Edition 1871.

ніе и преданность трону. Если подобныя лица имѣли при дворѣ враговъ, то ничего не было легче для нихъ, какъ вслѣдствіе клеветъ и ложныхъ обвиненій, потерять имущество, свободу, быть ослѣпленными, сосланными въ монастырь, вверженными въ тюрьму, изгнанными и даже убитыми [1]). И такіе подозрительные императоры были явленіемъ обыкновеннымъ. Императоры, при своей подозрительности, не могли быть увѣрены въ своихъ собственныхъ сыновьяхъ. Императоръ Василій Македонянинъ по самому пустому поводу теряетъ довѣріе къ своему сыну Льву, хочетъ лишить его зрѣнія, чтобы такимъ образомъ лишить его возможности наслѣдованія императорской власти. И только ходатайство патріарха и сената спасли Льва отъ ослѣпленія. Впрочемъ императоръ все таки подвергъ его строжайшему аресту [2]). Подозрительность императоровъ служила однимъ изъ самыхъ сильныхъ средствъ къ умноженію придворныхъ интригъ. И безъ того „тайная интрига нигдѣ въ свѣтѣ не имѣла такого развитія, какъ здѣсь", а подозрительность вѣнценосцевъ давала ей только новую пищу. Существованіе зависти, ненависти между высшими сановниками давало возможность менѣе разборчивымъ на средства изъ нихъ клеветать другъ на друга, возбуждая недовѣріе императора къ тому или другому враждебному лицу и интриги весьма часто удавались: подозрительность императоровъ дѣлала свое дѣло. Въ особенности придворная интрига достигала высшей силы, когда у трона императорскаго появлялся облеченный особеннымъ довѣріемъ какой-либо человѣкъ незнатнаго происхожденія, пробившій себѣ дорогу или особенною талантливостью, или знаніями, или практическою ловкостью, или наконецъ случайно попавшій въ милость къ императору. При появленіи такого лица родовитыя фамиліи приходили въ движеніе, начинались всяческія махинаціи, направленныя къ

[1]) Krause. Die Bysantiner des Mittelalters. s. 104—105. 242. Halle 1869.
[2]) Theoph. cont. ibid. p. 349—350.

погибели даннаго лица; при чемъ имъ или удавалось достигнуть цѣли, или нерѣдко приходилось самимъ дорого платиться за постыдныя интриги. Отсюда встрѣчается то замѣчательное явленіе, что въ византійской имперіи, начиная отъ временъ Константина В. и до паденія имперіи, болѣе чѣмъ гдѣ либо въ государствахъ стараго и новаго міра—и лучшіе государственные мужи и отличнѣйшіе полководцы потерпѣли несчастій или даже совсѣмъ погибли, благодаря придворнымъ махинаціямъ, проистекавшимъ отъ зависти и ненависти [1]).

Какое деморализирующее вліяніе на народъ должно было оказывать подобное положеніе самихъ правительственныхъ лицъ и двора, доступныхъ для всевозможныхъ заговоровъ и интригъ—это вполнѣ понятно. И дѣйствительно народъ, по крайней мѣрѣ въ столицѣ, представлялъ собою элементъ, годный ко всегдашнимъ бунтамъ и революціямъ. Каждый поводъ къ возмущенію въ Константинополѣ съ величайшею охотою и быстротою подхватывался народомъ; вокругъ заговорщика и возмутителя быстро собирались цѣлыя тысячи, часто не зная ни причины, ни цѣли движенія. Массы народа высыпали изъ своихъ жилищъ на улицы и принимали живѣйшее участіе въ бунтѣ. Само собой разумѣется, это возмущеніе могло быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше было или нерасположенія къ императору, или привязанности къ бунтовщику, и чѣмъ онъ былъ популярнѣе. Нельзя сказать, чтобы подобныя возмущенія вспыхивали только противъ лицъ правительственныхъ, свѣтскихъ; нѣтъ, они поднимались иногда противъ патріарха, если его образъ дѣйствованія почему либо возбуждалъ народныя страсти. Къ возбужденію народа въ подобныхъ случаяхъ служили нерѣдко монахи, разумѣется, сами недовольные патріархомъ. Патріархъ при такихъ случаяхъ подвергался опасности потерять жизнь и спасался бѣгствомъ. Если императоръ низвергался вслѣдствіе бунта на-

1) Krause. ibid. ss. 10. 242. 244.

роднаго, то дѣло не обходилось безъ разграбленія и опустошенія домовъ у богачей, высшихъ чиновниковъ, и особенно родственниковъ павшаго императора. Впрочемъ при этомъ яростная толпа грабила и дома лицъ совершенно неизвѣстныхъ, не приходившихъ ни въ какое соприкосновеніе съ интересами народными [1]).

Нравственность общества при такихъ условіяхъ не могла быть высока. Кромѣ недостатковъ, развившихся вслѣдствіе революціоннаго духа, обхватывавшаго общество, оно страдало и вообще отсутствіемъ нравственныхъ принциповъ. Посмотримъ, — чѣмъ были нѣкоторые изъ императоровъ и ихъ дворъ, — такъ какъ наблюдать за характеромъ нравственности собственно народа трудно въ нашу историческую эпоху. Трудно понять, какимъ образомъ могли воспитываться такія чудовища безнравственности, какимъ былъ напр. Михаилъ III. Для этого императора кажется не было ничего священнаго. Его бурныхъ порывовъ страстей не могли сдерживать ни религія, ни власть матери Ѳеодоры, ни даже стыдъ предъ общественнымъ мнѣніемъ. Едва выходитъ онъ изъ дѣтскихъ лѣтъ, какъ заявляетъ себя беззастѣнчивымъ сладострастіемъ. Оргіи составляли главное дѣло въ его жизни. Онъ окружилъ себя людьми самой худой нравственности, дворецъ превратился въ мѣсто распутства. Пиры, кончавшіеся пьянствомъ, скандальныя интриги, цирковыя игры, вотъ — серьозныя занятія этого императора. Самое постыдное кощунство ничего не значило для него. Онъ обращаетъ въ поруганіе самыя святѣйшія таинства. 12 изъ его сотоварищей по дебошамъ носили титла митрополитовъ, самъ онъ называлъ себя архіепископомъ колонійскимъ. Патріархомъ былъ у нихъ нѣкто Ѳеофилъ (Гриллъ). Кощунники облекались во свящ. одежды, пѣли безобразныя пѣсни на напѣвы церковныхъ пѣсней, позволяли себѣ комедійное дѣйствіе причащенія, при чемъ вмѣсто хлѣба и вина употреблялись уксусъ и горчица. Эта толпа

[1]) Krause. ibid. ss. 76—78.

товарищей Михаила иногда позволяла себѣ публичное посмѣяніе надъ религіей. Она, подъ руководствомъ Михаила, съ пѣніемъ неприличныхъ пѣсенъ и съ игрой на музыкальныхъ инструментахъ встрѣчала патріарха, когда тотъ шелъ въ какомъ либо крестномъ ходу; соблазнъ народа былъ страшный. День императоръ обыкновенно проводилъ въ циркѣ, гдѣ онъ принадлежалъ къ партіи „голубыхъ"; онъ самъ лично состязался въ наѣздничествѣ. Циркъ поглощалъ и все время у Михаила и бездну денегъ. Онъ былъ щедръ до невѣроятія на лошадей и на конюховъ. Онъ считалъ долгомъ быть крестнымъ отцемъ у всѣхъ своихъ конюховъ; при чемъ въ подарокъ счастливому отцу императоръ давалъ по крайней мѣрѣ 50 фунтовъ золота, а случалось и въ четверо. Такъ какъ вслѣдствіе такого мотовства государственная казна скоро истощилась, то императоръ дерзнулъ протянуть свою святотатственную руку и къ сокровищамъ церковнымъ. Въ избыткѣ своей привязанности къ лошадямъ, Михаилъ построилъ великолѣпную мраморную конюшню, въ надеждѣ, что этимъ онъ увѣковѣчитъ свою память въ потомствѣ. И когда одинъ изъ приближенныхъ заявилъ сомнѣніе на этотъ счетъ, то Михаилъ приказалъ жестоко наказать дерзкаго. Вообще въ подобныхъ, поражающихъ своею жестокостью, приказаніяхъ не было недостатка у Михаила, особенно въ пьяномъ видѣ [1]). Много непохвальнаго разсказываютъ историки и о другихъ царственныхъ особахъ нашей эпохи. Императоръ Романъ II исключительно преданъ былъ играмъ, охотѣ и разврату [2]). Императрица Зоя, супруга Романа III, представляетъ собою типъ женщины самаго постыднаго поведенія;

[1]) Symeon Magister. ibid. p. 6̕5; Georgius M n. ib. p. 816: Leo Grammaticus. ib. 1062.—Theoph. Cont. ibid. p. 172—3. 254. 199—200.—Theoph. Cont. p. 200—2; Glycas. Annales p. 542, edit. Bonn. Manasses, compendium chronicum. p. 217, edit. Bonn. — Georgius mon. p. 825; Sym mag. ibid. p. 666—667; 683—4.

[2]) Leo Diaconus. Historia. p. 30—31. Ed. Bonn. Cedrenus ib p. 339 Theophan. Cont. p. 472.

самыя преклонныя лѣта не могли положить предѣла ея сладострастію [1]). Императоръ Михаилъ V представляетъ собою типъ императора, для котораго царствовать—значило свободно совершать злодѣянія. Онъ былъ гордъ, несправедливъ, жестокъ и непостояненъ. Первымъ дѣломъ его по воцареніи было погубить свою собственную родню. Его дядя, которому онъ былъ обязанъ своимъ трономъ, заточенъ въ монастырь. Всѣ остальные члены его фамиліи мужескаго пола — мужья и отцы, даже старцы, были оскоплены. Народъ, привыкшій ко всякаго рода деспотизму, не могъ выносить Михаила и низвергнулъ его съ престола [2]). Нѣкоторые императоры въ видахъ пріобрѣтенія любви народной забавляютъ народъ любимыми ихъ зрѣлищами, конскими бѣгами, какъ это было въ древнемъ Римѣ [3]) и пр. и пр.

Особенную черту, характеризующую общество, составляло широко распространенное суевѣріе, явный остатокъ языческихъ нравовъ. Вѣра во всякія прорицанія составляла потребность членовъ общества тѣхъ временъ. Не смотря на строгіе законы, существовавшіе въ имперіи касательно оракуловъ, они были распространены на востокѣ. Византійцы, какъ и римляне, имѣли своего рода Сивиллины книги. Императоръ Левъ VI, не смотря на то, что опредѣлилъ смертную казнь за магію, пишетъ однакожъ самъ свои „oracula" [4]). Другой императоръ Никифоръ Фока придавалъ большое значеніе астрологіи и прорицанію, въ этихъ видахъ онъ обращался, какъ къ оракулу, къ апокрифической книгѣ „видѣніе Даніила" и другимъ различнымъ гадательнымъ книгамъ. Отсюда онъ узналъ о непремѣнно имѣющемъ при немъ же послѣдовать разрушеніи Сарацинскаго могущества, чего однакожъ не случилось [5]). Желавшіе узнать свое будущее узна-

1) Cedrenus. ibid. p. 504 5. 541—2.

2) Le—Beau. Histoire du Bas—empire, tome 14. Michelv. Paris. 1832.

3) Leo Diaconus. ibid. p. 50—51.

4) Rambaud. ibid. p. 26.

5) Luitprandi, Legatio ad Nicephorum Phocam. p. 359 — 360. При «Hisria»Leoto ins Diaconi, edit. Bonn.

вали его по звуку мѣдныхъ тазовъ, слушали прорицательные голоса въ лѣсахъ или скалахъ. Были увѣрены, что въ самомъ Константинополѣ находились колонны и пророчественныя статуи, на цоколь которыхъ былъ написанъ таинственный листъ будущихъ императоровъ Византіи, указано время разрушенія города и пр. Пророчества на иныхъ такъ сильно дѣйствовали, что они, особенно если дѣло касалось престола, осмѣливались поднимать возстаніе. Подобныя предсказанія для иныхъ пришли въ исполненіе, какъ это случилось съ императоромъ Никифоромъ Фокою и Цимисхіемъ. Пророчества находили себѣ охотный пріемъ. Можно сказать, не было въ византійской имперіи центуріона, который бы не носилъ въ сердцѣ своемъ какого либо лестнаго предсказанія относительно себя. То плѣнный сарацинъ разсматривалъ его руку и пообѣщалъ что либо въ будущемъ, то мать его видѣла сонъ, который объяснила добрая женщина изъ той же деревни, то монахъ за поданную милостыню въ видахъ благодарности сдѣлаетъ какое либо предреченіе, пообѣщаетъ даже императорскій тронъ [1]). Замѣчательно, что даже посторонніе вѣрили предсказанію касательно того или другаго лица, особенно если этому лицу предсказывалась корона. Мало того, вѣрили; подобному лицу старались оказывать всяческія услуги. Помогали напр. сдѣлаться ему императоромъ, прося объ одномъ только — вспомнить ихъ во дни его величія. Разсказываютъ, что нѣкто изъ простаго званія Левъ и конюхъ Василій въ самый же день прореченія объ ихъ возвеличеніи нашли себѣ вполнѣ вѣрующихъ въ исполненіе прореченія. За перваго одинъ генералъ выдалъ свою дочь, втораго усыновила себѣ одна богатая вдова [2]). Кромѣ вѣры искренней и полной во всякія предсказанія, современное общество предано было суевѣрному волшебству и вполнѣ довѣряло разсказамъ о дѣйствіи такого средства. Въ

1) Rambaud. ibid. p. 26—27.
2) Rambaud. ibid. p. 28.

особенности общество любило такимъ образомъ, т. е. волшебствомъ, объяснять для себя всѣ событія, какія казались непонятными, необъяснимыми для непроницательнаго взора народнаго. Напр. народъ не могъ понять, какимъ путемъ могло случиться, что патр. Фотій, низвергнутый импер. Василіемъ, этимъ же самымъ императоромъ снова возвращается къ почестямъ. И вотъ слагается сказка о волшебствѣ, которая записывается и довѣрчивыми современными историками. Народъ объяснялъ событіе такъ: причиной перемѣны Василія къ Фотію былъ одинъ дружественный съ Фотіемъ монахъ Өеодоръ; однажды онъ пришелъ къ Фотію и сказалъ ему: подкупи кого нибудь изъ придворныхъ, чтобы онъ изготовленными мною вспрыскиваньями окропилъ комнату императора, увидишь какъ царь послѣ того полюбитъ тебя, и затѣмъ устрой такъ, чтобы я когда нибудь увидѣлъ царя, тогда я сдѣлаю то, что онъ возвратитъ тебѣ прежній санъ. Когда же все это было исполнено, императоръ дѣйствительно въ раннее утро того же дня послалъ своихъ сыновей къ Фотію, возвратилъ его изъ ссылки, поселилъ въ Мангаврѣ (дворцѣ [1]). Мы привели только одинъ обращикъ изъ множества. Вѣра въ волшебство была сильно вкоренена въ обществѣ христіанъ данной эпохи. Къ суевѣріямъ отличавшимъ общество тѣхъ временъ нужно отнести и тѣ воззрѣнія, какихъ держались почти всѣ относительно такихъ естественныхъ явленій, какъ кометы, землетрясенія, затмѣнія солнца и луны. Землетрясенія непремѣнно разсматривали какъ Божіе наказаніе за какой нибудь грѣхъ или проступокъ, совершенный правительствомъ или народомъ [2]). Появилась комета въ царствованіе Константина VII и она принята была за предзнаменованіе смерти этого императора, случившейся мѣсяца два спустя [3]). Много тревоги производитъ комета

1) Symeon Magist. ibid. p. 693—4.

2) Наприм. землетрясеніе 861 года въ сентябрѣ, въ Константинополѣ.

3) Muralt. Essai de Chronogr. Bys. p. 530. Edit. 1855.

и въ царствованіе Іоанна Цимисхія, которая появлялась въ продолженіи 80 дней. Устрашенный императоръ обращается къ Логофету Симеону и Стефану епископу Никомидійскому съ вопросомъ: что бы значило небесное знаменіе; и они предсказываютъ ему побѣду [1]). Въ царствованіе Константина X также появилась комета, по заходѣ солнечномъ. Она была величиной съ полную луну, но уменьшалась по мѣрѣ возрастанія ея хвоста. Разно объясняли значеніе метеора; между другими объясненіями находилось и такое, что онъ знаменуетъ болѣзнь и смерть императора [2]). Затмѣніе луны предсказываетъ паденіе узурпатора Вріеннія [3]) и пр.

Изъ этого обзора состоянія общества даннаго времени видно, какія трудныя задачи предлагались эпохою церкви при выполненіи ея назначенія. Чтобы быть достойною своего призванія, церкви слѣдовало съ своими требованіями идти въ разрѣзъ съ обществомъ, бороться чуть не со всѣмъ строемъ общественной жизни, какъ она выражалась въ нашу эпоху.

I.

Церковь имѣетъ своею священнѣйшею обязанностію проносить идеи истины и добра, указанныя христіанствомъ, въ сознаніе и жизнь общества. Къ этой цѣли такъ или иначе и стремилась всегда церковь. Но насколько она достигала своей цѣли, это зависѣло не только отъ характера и ревности пастырей церкви, но и отъ того, въ какомъ положеніи стояла церковь, какъ опредѣленный институтъ, къ государству и государственной власти, какъ другому институту; цѣли и интересы этихъ институтовъ не всегда могутъ совпадать. Отсюда зависѣлъ успѣхъ или неуспѣхъ самой дѣя-

[1]) Ibidem p. 559.

[2]) Muralt. Essai de Chronogr. Bys. Tome I, p. 11. Edit. 1871.

[3]) Muralt. ibid. p. 36.

тельности церкви въ исполненіи ея христіанскихъ адп пре-чертаній. Государство содѣйствуетъ церкви, близко входитъ въ интересы церкви, не попираетъ ея законныхъ правъ— церковная дѣятельность процвѣтаетъ. Если иначе относится первое ко второй, иначе идетъ и дѣятельность церкви.

Теперь, насколько государственная власть и государство византійское IX, X и XI вѣка содѣйствовали или не содѣйствовали выполненію церковію ея священнѣйшихъ обязанностей?

Церковь твердо помнила свои права и заботилась объ ихъ охраненіи. Такъ по крайней мѣрѣ было въ теоріи. Это стремленіе церкви вполнѣ видно изъ ея каноническихъ постановленій этого времени. Такъ на соборѣ 869 года церковь между прочимъ опредѣлила, чтобы сообразно съ древними канонами избраніе епископовъ совершалось не чрезъ насиліе со стороны свѣтскихъ властей и не вслѣдствіе какой нибудь хитрости съ ихъ стороны; если встрѣтится въ практикѣ церковной что либо подобное, поставленный такимъ образомъ епископъ не долженъ считаться епископомъ и подлежитъ лишенію сана. Тоже самое правило, по опредѣленію собора, должно имѣть значеніе и при избраніи митрополитовъ и патріарховъ: должно быть запрещено всякое вмѣшательство въ избраніе, которое происходитъ на соборѣ епископовъ. Соборъ 869 г. простираетъ свои заботы о церковной независимости такъ далеко, что опредѣляетъ даже, чтобы запрещено было при избраніи подобныхъ лицъ самое присутствіе императоровъ или его уполномоченныхъ, если сами епископы не просятъ такого присутствія въ видахъ соблюденія порядка [1]). Патріархъ Фотій съ своей стороны, опредѣляя отношенія церкви къ государству, требуетъ отъ патріарха въ отношеніи къ императору слѣдующаго: „патріархъ обязанъ предостерегать императора и наставлять его на путь истинный въ случаѣ грѣха, потому что—замѣчаетъ

[1]) Labbei. Concilia. Tomus VIII. Cann. 12. 22. 21. p. 1133, 1140, 1141.

онъ—если ошибки царя и властей остаются неизобличенными, народъ легко приходитъ къ подражанію недолжному; на оборотъ, при надлежащемъ вразумленіи главъ государства, народъ, склонный къ преступлонію, удержится отъ подражанія злому [1])". Такое воззрѣніе церкви на свою самостоятельность и требованія ея подобной самостоятельности не были какимъ либо притязаніемъ со стороны церкви. Въ теоріи государство разсматриваемыхъ вѣковъ вполнѣ съ своей стороны подтверждало права церкви касательно ея независимости. Это прекрасно доказываетъ свѣтское законодательство того времени. Весьма замѣчательны правила, находящіяся въ уложеніяхъ императоровъ Василія I и Льва VI, правила касающіяся правъ и обязанностей патріарха Константинопольскаго и императора въ отношеніи къ церкви. Каждому изъ нихъ опредѣлены нормы, съ которыми они и должны сообразовать свою дѣятельность религіозную. Нужно замѣтить, правила эти очень высоко поставляютъ власть церковную въ сферѣ государственной. Взаимоотношеніе императора и патріарха здѣсь опредѣляется такъ: „государство, подобно организму человѣческому, состоитъ изъ частей и членовъ, и величайшіе и необходимые члены его суть императоръ и патріархъ. Поэтому миръ и счастіе подданныхъ какъ по тѣлу, такъ и по душѣ, достигается полнѣйшею гармоніею и согласіемъ этихъ обѣихъ властей—императорской и первосвященнической". Въ частности идеалъ патріарха въ его духовныхъ функціяхъ въ государствѣ изображается въ тѣхъ же уложеніяхъ въ такомъ родѣ: „патріархъ есть живой образъ Христа, отпечатлѣвающій истину въ дѣлахъ и словахъ. Цѣль патріарха состоитъ въ поддержаніи религіозности и нравственной жизни между порученными ему отъ Бога людьми, въ обращеніи къ церкви еретиковъ, къ вѣрѣ—невѣрующихъ. Назначеніе патріарха жить для Христа и

[1]) Phothii, Amphiloch. Q. 308 (Hergenröther, Phothius patr. von. Constantonp. B. II, s. 593. Reg

распяться для міра. Патріарху прежде всего принадлежитъ даръ учительства, потомъ онъ долженъ отличаться одинаковымъ отношеніемъ ко всѣмъ, высшимъ и низшимъ, отличаться кротостію ко всѣмъ, кто приходитъ съ нимъ въ соприкосновеніе, онъ долженъ быть строгимъ въ отношеніи къ упорнымъ, свободно и безбоязненно стоять предъ императорами за истину и за сохраненіе справедливости и религіи. Ему принадлежитъ право объяснять древніе каноны, опредѣленія отцевъ и соборовъ. Подобную же власть въ своей сферѣ имѣютъ митрополиты и епископы". Идеалъ императора въ отношеніи къ церкви въ томъ же законодательствѣ Василія и Льва изображается слѣдующими чертами: „Императоръ есть законное предстательство, благо всѣхъ подданныхъ, онъ наказываетъ и награждаетъ всѣхъ безъ пристрастія. Его задача—благодѣянія. При этомъ онъ обязанъ приводить въ исполненіе всѣ заповѣди св. Писанія, опредѣленія семи св. соборовъ. Въ православіи и религіозной ревности императоръ долженъ предъ всѣми отличаться. При изданіи законовъ долженъ утверждать существующіе обычаи, но противные канонамъ правы не должны быть терпимы" [1]). Отсюда съ ясностію открывается, сколь высоко законодательство свѣтское ставило власть церковную въ государствѣ. Ей указывался широкій кругъ дѣятельности; предѣлы этой власти, по уложеніямъ, вполнѣ соотвѣтствовали истинной ревности пастырей. Съ своей стороны и императоръ въ извѣстной законной мѣрѣ и степени призывался къ дѣятельности на пользу церкви. Въ разсматриваемомъ законодательствѣ власть императора и патріарха какъ бы взаимно уравниваются; ихъ области различны, но значеніе одного не ниже другаго. Въ практикѣ такое равнозначеніе патріарха и императора выражалось въ томъ, что они другъ друга при-

[1]) Zachariae, collectio libror. Jur. Gr. Rom. 1852. Lips. p. 65 66, 8. (Pichler, Geschicnti der Kirchl. Trennung. Band. I, н. 213 — 14. München. 1864).

нимали со взаимными почестями и обнимались, что называлось взаимнымъ «προσκύνησις» [1]).

Нѣкоторые изъ императоровъ византійскихъ открыто давали знать о своемъ уваженіи къ правамъ церкви, разсматривали самостоятельность церкви какъ лучшую гарантію въ успѣхѣ ея дѣятельности. Таковъ напр. былъ императоръ Василій Македонянинъ. Его рѣчи, съ которыми онъ обращался къ отцамъ соборовъ 869 и 879 г. замѣчательны, какъ выраженіе тѣхъ желаній, какими исполнены были въ отношеніи къ церкви лица, цѣнившія дѣятельность церковную, какъ высшее благо. Вотъ что говорилъ онъ на соборѣ 869 года. Обращаясь съ подобающими увѣщаніями къ епископамъ и духовенству, мірянамъ же онъ сказалъ: что они должны строго слѣдовать рѣшеніямъ церкви, воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла церкви, предоставляя ихъ епископамъ, которымъ поручена власть вязать и рѣшить;— далѣе, что міряне не должны забывать о своемъ положеніи въ церкви, такъ какъ ноги не могутъ предписывать законовъ глазамъ, не должны являться судьями своихъ пастырей, будучи сами скоры только на обличеніе, а медленны на исправленіе своихъ недостатковъ [2]). На другомъ соборѣ 879 года, въ своей рѣчи императоръ съ одной стороны высказываетъ удовольствіе присутствовать на соборѣ, но съ другой — высказываетъ опасеніе, какъ бы недовольные соборомъ не подумали, что соборъ не имѣлъ достаточно свободы, что императоръ принуждаетъ отцевъ собора принимать такое или другое рѣшеніе [3]). Изъ этихъ рѣчей императора Василія видно, что идея о высокихъ правахъ церкви, идея независимости церкви въ ея дѣятельности — идея эта была присуща лично нѣкоторымъ изъ императоровъ. Церковь въ теоріи становилась высоко. Но не всѣ императоры

[1]) Constantin Porph., de Cerem. aulae Rys. Lib. 1, cap. 9, p. 5, 6, 9.
[2]) Labbei, Concilia. Tom. VIII. p. 1154.
[3]) Hergenrother. Phothius. Band. II, S. 517.

стояли на такой точкѣ зрѣнія въ отношеніи къ пониманію задачи церкви. Нѣкоторые думали приписывать себѣ больше власти, чѣмъ сколько позволяла церковь имѣть имъ въ ея сферѣ. Такъ императоръ Левъ VI провозглашаетъ принципъ, что царь есть законъ неписанный — ἄγραφος νόμος, т. е. императору все дозволено. Но такая деспотическая въ отношеніи къ церкви теорія вызвала вполнѣ заслуженные укоры со стороны тогдашняго патріарха Николая [1]). Впрочемъ такіе случаи открытаго заявленія касательно непризнаванія за церковію ея узаконенныхъ правъ были рѣдки.

Вообще въ теоріи не только церковь, но и государство поставляло власть церковную на высотѣ, одинаковой съ властію императорской. Права церкви на самостоятельность, на широту практики не отрицались. Но такъ ли это было въ дѣйствительности, какъ было въ теоріи?

Какъ же было въ дѣйствительности? Въ дѣйствительности церковь не всегда могла свободно пользоваться принадлежащими ей правами; ея права попирались со стороны государства. Деспоты между византійскими императорами, случалось, свою порочную волю предпочитали волѣ и власти церкви. Миръ церкви такимъ образомъ нарушался, а вмѣстѣ съ тѣмъ колебался и порядокъ церковный. Чтобы видѣть, въ какихъ формахъ проявлялось иногда это незаконное вторженіе государства въ область церковныхъ дѣлъ,—мы имѣемъ въ виду разсказать о двухъ замѣчательнѣйшихъ столкновеніяхъ между государствомъ и церковію, какія случились одно въ IX, другое въ X вѣкѣ въ Константинополѣ.

Мы уже замѣтили выше, какимъ нецарственнымъ характеромъ отличалось поведеніе императора Михаила III (842—867 гг.). На его-то царствованіе и падаетъ первое изъ указанныхъ нами столкновеній церкви и государства. Мы гово-

[1]) Epistolae Patr. Constantinop. Nicolai. —Migne, Patrol. Cursus. Gr. Ser. Tom, CXI, ep. XXXII, p. 200.

римъ о незаконномъ низверженіи извѣстнаго патріарха константинопольскаго Игнатія (846—857, 867—877). Въ этомъ случаѣ не обинуясь можно сказать, что на сторонѣ церкви были права, а на сторонѣ государства неправда и беззаконіе. Игнатій взошелъ на патріаршую каѳедру въ 846 году и былъ чрезвычайно популяренъ, въ особенности между низшими классами народа. Онъ являлся для народа мученикомъ еще до его восшествія на престолъ. Онъ былъ сынъ злополучнаго императора Михаила Рангаве, въ отроческомъ возрастѣ насильственно былъ постриженъ въ монахи и оскопленъ. Трагическая судьба его была памятна народу и возвышала Игнатія въ глазахъ его. При этомъ, Игнатій пользовался славою человѣка благочестиваго и отличался ревностію въ борьбѣ съ еще не совсѣмъ погасшимъ тогда иконоборствомъ. Монашеская строгая жизнь его пріобрѣла ему славу и между многочисленными константинопольскими монахами. Справедливо, что быть можетъ Игнатію, какъ съ измлада проведшему свою жизнь среди замкнутой монастырской жизни, недоставало, когда онъ сдѣлался патріархомъ, административнаго таланта и искусства среди міра сего, но за то этотъ недостатокъ восполнялся его глубокимъ благочестіемъ и ревностію къ справедливости. Этого-то патріарха Игнатія еще разъ ожидала тяжелая злополучная судьба. Дворъ императора Михаила III былъ полонъ людьми, меньше всего достойными стоять у трона царскаго. Во главѣ этихъ лицъ былъ дядя его Варда, его воспитатель, сдѣлавшійся правою рукою Михаила въ управленіи государствомъ. Онъ былъ человѣкъ талантливый, покровительствовалъ просвѣщенію, но въ тоже время отличался постыдною безнравственностію, гармонировавшею съ общимъ духомъ двора Михаилова. Съ этимъ-то Вардою приходитъ въ столкновеніе патр. Игнатій и дорого платится за свою пастырскую ревность. Весь дворъ Михаила заслуживалъ самыхъ строгихъ пастырскихъ обличеній и прещеній, но Игнатій обращаетъ свое справедливое негодованіе противъ одного Варды, можетъ быть потому, что

онъ стоялъ тогда во главѣ придворныхъ. Варда питалъ преступную страсть къ своей невѣсткѣ, вдовѣ, оставшейся послѣ его сына; онъ оттолкнулъ отъ себя свою законную жену и жилъ съ указанною невѣсткою въ открытой любовной связи. Игнатій, многое покрывавшій своимъ снисхожденіемъ, не хотѣлъ больше молчать при видѣ этого соблазна. Онъ дѣлалъ сладострастному царедворцу пастырскія внушенія, но всѣ его увѣщанія оставались тщетными. Тогда Игнатій склонился на рѣшительный шагъ. Въ праздникъ Богоявленія, въ 857 году, Игнатій торжественно отказалъ сластолюбцу въ св. причастіи. Забывшійся царедворецъ схватился за мечъ и грозитъ пронзить суроваго патріарха. Но этотъ оставался неустрашимымъ и непреклоннымъ, давая замѣтить Вардѣ, что есть гнѣвъ Божій, и онъ можетъ обратить лезвіе его меча противъ него самого. Напрасно императоръ Михаилъ хотѣлъ склонить Игнатія къ уступчивости: патріархъ оставался при своемъ строгомъ прещеніи. Гнѣвъ Варды возгорѣлся и вскорѣ онъ находитъ случай излить свое негодованіе на патріарха. Въ томъ же году еще несовершенно-лѣтній Михаилъ, по желанію и просьбамъ Варды, провозглашаетъ себя императоромъ, въ рукахъ котораго должно теперь сосредоточиваться управленіе государствомъ. Управлявшая дотолѣ имперіей мать его Ѳеодора лишена власти. Но этого казалось мало Вардѣ. Онъ вытребовалъ у своего питомца Михаила, чтобы Ѳеодора и ея дочери были пострижены въ монахини и такимъ образомъ навсегда отстранены отъ государственной власти. Михаилъ повиновался волѣ своего дяди. Приказано было Игнатію постричь Ѳеодору и ея дочерей. Но патріархъ на такое требованіе отвѣчалъ отказомъ. Онъ находилъ, что Ѳеодора и ея дочери вовсе не имѣютъ никакого расположенія къ монашеской жизни и замѣчалъ: „какія преступленія совершили императрица и ея дочери, чтобы употреблено было надъ ними такое насиліе“? Игнатій объявилъ, что онъ не можетъ дѣлать того, что безчеститъ государя и противно его совѣсти. Импера-

торъ достигъ наконецъ своего: его мать и сестры были пострижены въ монахини, но не рукою Игнатія. Это сопротивленіе Игнатія окончательно рѣшило его судьбу [1]). Онъ былъ лишенъ константинопольской каѳедры, послѣ одиннадцатилѣтняго управленія паствою константинопольскою. Это случилось 23 ноября 857 года. Обвиненный въ государственномъ преступленіи, онъ безъ суда и слѣдствія сосланъ на островъ Теревинѳъ [2]). На мѣсто низверженнаго Игнатія избранъ былъ новый патріархъ. Это былъ знаменитый мужъ IX вѣка Фотій (857—867; 877—886). Мужъ высокоталантливый, глубокоученый, не принадлежавшій по учености не высокому, по своему просвѣщенію, IX вѣку, ревностный христіанинъ и притомъ строго православный,—но изъ свѣтскаго званія. Фотій не безъ затрудненій принялъ престолъ; онъ понималъ, какъ неловко, какъ неестественно его будетъ положеніе—править церковію, законный пастырь которой живъ, хотя подобные случаи и были нерѣдки въ Византіи [3]). Можно было бы сдѣлать упрекъ Фотію, какъ и дѣлаютъ, зачѣмъ было принимать санъ патріарха при живомъ еще пастырѣ константинопольскомъ — Игнатіѣ, зачѣмъ было уступать желанію и волѣ правителей, которые не могли похвалиться нравственными качествами? Хотя подобный упрекъ съ точки зрѣнія высшей нравственности и можно дѣлать Фотію, однакожъ нужно помнить, что низверженіе Игнатія было дѣломъ совершившимся,—и безъ надеждъ на поправленіе, когда Фотій принимаетъ на себя санъ патріарха: не онъ, такъ другой долженъ былъ быть патріархомъ; притомъ нужно помнить, что Фотій лично не принималъ никакого участія въ низверженіи Игнатія и безъ упрековъ совѣсти могъ

[1] Nicetas Paphl, Ignatii Patr. vita. Apud. Labbeum. Concilia, t. VIII, p. 1181 1194.

[2] Ibid. p. 1194.

[3]) Перечисленіе этихъ случаевъ см. Hergenröther, Phothius B. 1, 377.

взять на себя управленіе церковію. Да и нужно сознаться, дальнѣйшія обстоятельства показали, что только такое лице, какъ Фотій, могло съ торжествомъ выдти изъ той борьбы, какая выпала на это время церкви; мы говоримъ о борьбѣ константинопольской церкви съ притязаніями гордаго и искуснаго папы Николая. Въ Фотіѣ церковь нашла, чего требовало время. Ссылкою патріарха Игнатія на островъ Теревинѳъ и поставленіемъ на его мѣсто новаго патріарха, повидимому, кончились для правительства всѣ счеты съ Игнатіемъ и его патріаршимъ правленіемъ. Но на самомъ дѣлѣ оказалось не то: ссылка на Теревинѳъ былъ только началомъ болѣзней для Игнатія. Въ слѣдующемъ 858 году правительство начало противъ него и его приверженцевъ жестокія гоненія. Началось слѣдствіе касательно принадлежности Игнатія къ партіи заговорщиковъ, но слѣдствіе не пришло ни къ какимъ результатамъ. Тогда обратились къ мученіямъ Игнатія. Желали вынудить отъ него запоздалое отреченіе отъ своей каѳедры, чтобы такимъ образомъ придать видъ законности его низверженію. Игнатій переводится съ мѣста на мѣсто. Сначала привозятъ его на о. Гіерію, гдѣ онъ въ цѣпяхъ ввергнутъ въ козій хлѣвъ; затѣмъ онъ переводится въ одинъ пригородъ, гдѣ офицеръ всячески мучитъ его и между прочимъ вышибаетъ ему два зуба. Затѣмъ снова влачимый изъ одного мѣста въ другое, онъ терпитъ недостатокъ въ пищѣ и питьѣ. Но благодаря своему твердому сложенію, Игнатій остается живъ. Съ его приверженцами въ тоже время поступаютъ не лучше. Нѣкоторые изъ нихъ брошены въ темницы. Другіе изъ нихъ отсылаются въ заточеніе въ тѣ же мѣста, гдѣ томился и самъ Игнатій, заключаются въ сырыя тюрьмы: хотѣли подѣйствовать на Игнатія видомъ страданій его друзей и тѣмъ побудить къ отреченію отъ каѳедры. Иные изъ нихъ заключаемы были въ тюрьмы вмѣстѣ съ обыкновенными преступниками, лишаемы имуществъ, подвергаемы пыткѣ и обрекаемы на постыдныя рабскія работы. Нѣкоторымъ отрѣзали языкъ: такъ случилось съ свящ.

Власіемъ (по другимъ: Василіемъ), который открыто говорилъ о несправедливости, учиненной надъ Игнатіемъ [1]). Муки для Игнатія не прекратились и послѣ того, какъ на соборѣ 861 года, Фотій торжественно былъ утвержденъ въ патріаршемъ достоинствѣ, а Игнатій признанъ лишеннымъ каѳедры. Послѣ этого онъ отданъ былъ на руки тремъ лицамъ, извѣстнымъ своею звѣрскостью; эти достойные мужи истощили надъ Игнатіемъ все свое искусство. Они наконецъ бросили его въ склепъ при церкви въ гробницу Копронима, въ Константинополѣ, гдѣ онъ долженъ былъ терпѣть не только холодъ, но и страшные побои, такъ что жизнь его находилась въ опасности [2]). Говорятъ, въ этомъ положеніи у него вынудили подпись подъ заранѣе составленной грамотой отреченія его отъ каѳедры [3]); но едвали теперь деспотическое правительство много заботилось о такой формальности, въ сущности пустой, которою притомъ никого обмануть было нельзя. Впрочемъ вскорѣ гоненія на Игнатія прекратились. Это было по слѣдующему случаю. Въ Константинополѣ случилось землетрясеніе. Суевѣрный народъ, какъ мы уже сказали выше, глубоко чтившій Игнатія, принялъ это событіе за наказаніе Божіе за тѣ злодѣянія, какія позволяло себѣ правительство въ отношеніи къ низверженному патріарху. Поднялось возстаніе въ столицѣ. Императоръ и Варда должны были дать клятвенное обѣщаніе народу, что положеніе Игнатія улучшится. Въ это время Игнатій переодѣтый переходилъ изъ одного мѣста въ другое; узнавъ объ этомъ, Игнатій открылся патрицію Петронію, брату Варды, и въ знакъ безопасности получилъ отъ этого ладонку съ мощами, какую императоръ носилъ на

1) *Nicetas.* Ibid. p. 1203. Cedrenus, Historiarum compendium. Tom. II, edit Bonn. p. 172 Libellus episcop., in conc. 869 an. Labbei, concilia, T. VIII, p. 999—1005.

2) *Nicetas.* Jgnatii vita ibid. p. 1207. Cedrenus. Loc. cit. Mich. Glycas. Annales p. 511. Bonnae.

3) *Nicetas.* pag. 1210.

своей шеѣ [1]) Игнатій послѣ этого свободно возвратился въ свой монастырь.—Къ чести патріарха Фотія нужно сказать, что онъ употребляетъ всѣ мѣры увѣщаній въ отношеніи къ главному виновнику страданій Игнатія—Вардѣ, чтобы побудить его къ кротости не только къ самому Игнатію, но и его приверженцамъ. Патріархъ глубоко сокрушался, что его мольбы не имѣли успѣха предъ жестокимъ правителемъ. Вотъ, напр., что писалъ онъ въ одномъ письмѣ къ Вардѣ: „Еще не испытавъ, я чувствовалъ себя недостойнымъ сана и степени архіепископской и обязанности пастырской, и по этой-то причинѣ, влекомый и принуждаемый, столько сопротивлялся. О, если бы смерть постигла меня прежде, чѣмъ я былъ избранъ! Нынѣ научаетъ меня самый опытъ, обличая довольно мое недостоинство, и уже не страхъ, ожиданіе меня объемлетъ, но отчаяніе, но болѣзнь, нанесшая мнѣ смертельную язву, но вопли и воздыханія. Когда, видя всѣхъ іереевъ и каждаго страждущихъ, біемыхъ, окованныхъ, лишенныхъ языка, не долженъ ли я назвать умершихъ блаженными паче меня? Человѣкъ бѣдный и безъ покровительства (разумѣется, вышеупомянутый нами священникъ Власій) претерпѣлъ столько бѣдствій вмѣстѣ: онъ былъ преданъ, битъ, брошенъ въ тюрьму, лишенъ языка, но что всего ужаснѣе,—будучи пресвитеромъ. *Часто* за него я *ходатайствовалъ, часто молилъ тебя*, но слышалъ одни только тщетныя обѣщанія; это знаютъ всѣ видящіе; если они забыли, не забылъ Богъ. Сіе написалъ я кровавыми слезами. Отъ тебя зависитъ, чтобы это письмо было первымъ или послѣднимъ. Господомъ свидѣтельствую, что если ты принялъ намѣреніе и впредь обманывать насъ и презирать увѣщательныя ходатайства,

[1]) Анастасій библіотекарь упоминаетъ, что у Грековъ встрѣчались кресты, носимые на груди со вложеніемъ въ нихъ или древа креста Христова или частицъ мощей. Императоры посылали подобные кресты тому или другому лицу въ знакъ безопасности; такъ, императоръ Никифоръ ранѣе посылаетъ оный полководцу Варданію, Θеофилъ своему зятю Алексѣю. Hergenröther. B. I, s. 404.

не буду болѣе писать и безпокоить тебя; но, размышляя о самомъ себѣ и оплакивая собственную участь, умолкну [1]). Тщетно молилъ Варду достойный патріархъ: деспотизмъ византійскихъ правителей глухъ былъ къ воплямъ сердца и души.

Не навсегда, какъ извѣстно, патріархъ Игнатій остался въ отчужденіи отъ своей каѳедры. Лучъ свѣта возсіялъ надъ его мрачной судьбой. Но счастіе одного покупалось незаслуженнымъ несчастіемъ другаго. Новый византійскій императоръ Василій Македонянинъ (867—886) низвергъ съ патріаршей каѳедры Фотія и возвелъ на нее снова Игнатія. Повидимому, такой поступокъ новаго императора былъ выраженіемъ того, что онъ являлся защитникомъ попранной справедливости въ отношеніи къ Игнатію. Но если и считать дѣйствіе императора именно такимъ, во всякомъ случаѣ въ тоже время онъ носитъ на себѣ характеръ деспотическаго отношенія къ церкви. Пусть Игнатій низверженъ былъ несправедливо; но законно ли, похвально ли было возстановленіе попранной справедливости достигать путемъ новой несправедливости—цѣной низверженія лучшаго изъ патріарховъ, десять лѣтъ съ достоинствомъ управлявшаго церковію Константинопольскою—Фотія? При томъ же нужно замѣтить, какъ бы то ни было, низверженіе Игнатія и утвержденіе Фотія было авторизовано соборомъ Константинопольской церкви 861 года. А главное, дѣйствуя подобнымъ образомъ, Василій меньше всего думалъ о дѣйствительномъ благѣ церкви. Это былъ человѣкъ не такого закала, чтобы дѣйствовать по идеальнымъ исключительно побужденіямъ. Правильнѣе будетъ искать разъясненія событія въ нѣкоторыхъ постороннихъ дѣлу религіи побужденіяхъ, которыми и руководился Василій, приготовляя катастрофу для Фотія. Это были соображенія политическаго свойства. Василій взошелъ на престолъ убійствомъ,

[1]) Phothii patr. epistolae. Migne Patrologiae cursus. Sraeca series. Tomus CII, Lib. 1, p. 624—5.

своего предшественника Михаила; слѣдовало помирить съ этимъ фактомъ общественное мнѣніе. Возвращеніе изъ заточенія гонимаго въ прежнее управленіе Игнатія было для этого лучшимъ средствомъ. Притомъ массы народныя въ Константинополѣ собственно стояли за Игнатія (хотя и пассивно), потому что онъ былъ постановленъ на каѳедру императрицей Ѳеодорой, извѣстной возстановительницей иконопочитанія, и слава эта въ извѣстной степени переносилась въ сознаніи народа и на самого Игнатія; да къ тому же онъ рисовался въ глазахъ народа великимъ страдальцемъ за правду. Вслѣдствіе этого, для Василія было очень выгодно, возвративъ Игнатія, найдти опору для утвержденія на престолѣ—въ массахъ народныхъ. Его, Василія, положеніе было бы непрочнымъ безъ такой опоры: онъ былъ узурпаторъ. Правда, за Фотія стояло почти все высшее духовенство византійское, вся аристократія, но для Василія все же выгоднымъ было стать на сторонѣ многочисленнаго народа, чѣмъ на сторонѣ сравнительно немногочисленныхъ лицъ изъ духовенства и аристократіи. Наконецъ, извѣстно, что Василій находилъ для себя не безполезнымъ завязать связи съ западными государями, а этого удобнѣе всего было достигнуть, помирившись съ вліятельными на западѣ папами, къ чему личность Фотія и его извѣстныя отношенія къ Риму могли быть неодолимымъ препятствіемъ. Въ этомъ родѣ хочетъ объяснить причину событія и Неандеръ [1]. И вотъ Фотій низверженъ, а Игнатій снова патріархъ. Но при этомъ не приняты во вниманіе: ни рѣдкіе богословскіе и пастырскіе таланты Фотія, ни его заслуги для церкви, имъ уже оказанныя въ борьбѣ съ папствомъ, ни дальнѣйшія потребности церкви, удовлетворить которымъ лучше всего могъ Фотій,—такъ какъ не нужно было быть пророкомъ, чтобы видѣть

[1]) Neander. Allgemeine Geschichte der christl. religion u. Kirche. Band. II, S. 312. gotha. 1856.—См. объ этомъ подробнѣе въ «Чтен. общ. любит. дух. просвѣщенія», 1874 г. томъ 2, въ статьѣ «папы въ ихъ отношеніи къ церкви Византійской», стр. 759—762.

необходимость дальнѣйшей борьбы съ заносчивымъ папствомъ,— ни тѣ нестроенія, какія ожидали церковь, вслѣдствіе низверженія патріарха, съ величайшею честію проходившаго свои архипастырскія обязанности, ни то, наконецъ, что съ этимъ поступкомъ расшатывался самый авторитетъ церкви, утвердившій Фотія въ патріаршествѣ, къ немалой деморализаціи народной. Послѣ этого, какимъ другимъ именемъ можно назвать разсматриваемое дѣйствіе Василія, какъ не рѣшительнымъ деспотизмомъ. Но византійскій деспотизмъ не такого рода, чтобы удовольствоваться чѣмъ нибудь однимъ въ отношеніи къ гонимымъ. Василіеву правительству казалось мало лишить Фотія патріаршества; его, ни въ чемъ невиннаго, единственно по непонятному византійскому жестокосердію подвергаютъ такимъ стѣсненіямъ, относятся къ нему съ такою несправедливостію, что его положеніе едвали было лучше по низверженіи, чѣмъ самого Игнатія въ томъ же случаѣ. Первые три года изгнанія Фотія были для него въ высшей степени жестоки. Онъ заключенъ въ монастырь, лишенъ лучшаго утѣшенія своего, какое только возможно было для ученаго Фотія—книгъ. Объ этомъ горько и неоднократно жалуется онъ. Тяжело на него дѣйствовали: запрещеніе имѣть съ кѣмъ бы то ни было сношенія—съ друзьями, родственниками, слухъ объ изгнаніи и гоненіи его приверженцевъ, строгій надзоръ за каждымъ его шагомъ. Свое тяжелое положеніе, на которое обрекаетъ его Василій, Фотій съ горестью изображаетъ во многихъ своихъ письмахъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ писалъ: „вмѣсто родственниковъ, вмѣсто друзей, вмѣсто прислужниковъ, вмѣсто псалмопѣвцевъ, взамѣнъ всякаго человѣческаго утѣшенія, меня окружаютъ со всѣхъ сторонъ солдаты, стражи, трибуны, воинскія толпы. Какимъ образомъ подъ такими ударами душа не разлучается съ тѣломъ, не покидаетъ его—я этого и понять не могу“,—замѣчалъ Фотій [1]. Его положеніе было

[1]) Phothii epistolae. ibid. Lib. III, p. 947.

столь плачевно, что въ самой тяжкой болѣзни онъ не могъ прибѣгнуть къ помощи врача: и въ этомъ ему было отказано. Тридцать дней онъ лежитъ больной, нуждаясь въ помощи врача, и однакожъ ему отказано въ этомъ. „Самые варвары, замѣчаетъ по этому случаю Фотій, даже самые звѣри и тѣ имѣютъ болѣе состраданія къ несчастію“. Положеніе нѣкоторыхъ изъ его приверженцевъ—епископовъ было не только не лучше его, но даже хуже. Они должны были бороться съ крайней нуждой, терпѣть, по словамъ Фотія, и холодъ и зной, занимать деньги за самые большіе проценты, или же питаться подаяніями своихъ друзей; они не имѣли даже пристанища, а должны были бродить съ мѣста на мѣсто [1]. Извѣстно, что смерть Игнатія снова возвратили многострадальнаго патріарха Фотія къ его паствѣ и къ его обязанностямъ архипастыря Константинополя. Но деспотизмъ Византіи, которому мы можемъ только удивляться, не позволилъ ему до конца жизни блистать на константинопольской каѳедрѣ. Не задолго до своей кончины, уже престарѣлый Фотій еще разъ низводится съ своей каѳедры, которую онъ занималъ съ такимъ рѣдкимъ достоинствомъ, и умираетъ въ монастырской неизвѣстности. Низверженіе Фотія на этотъ разъ, по разсказамъ историковъ, происходитъ самымъ постыднымъ образомъ, постыднымъ для тѣхъ, кто совершилъ оное. Посылаются двое чиновниковъ въ храмъ св. Софіи, гдѣ находился въ эту минуту Фотій. Они входятъ на амвонъ, во всеуслышаніе народа читаютъ грамоту, въ которой излагались мнимыя преступленія Фотія, затѣмъ они насильственно низводятъ Фотія съ его патріаршаго престола. Фотій заключается въ монастырь [2]. По ка-

[1]) Photii epistolae. Ibid. Lib. III, Epist. 63 p. 982—3.

[2]) Theophanes Continuatus. Chronographia. p. 353—4. Bonnae. Cnf. Georgius Monachus. Vitae imperatorum recentiorum. p. 849. Edit. Bonn. Leo Grammaticus. Chronographia. Migne, Patrologiae cursus, series Graeca, tom. CVIII, p. 1095.

кому же это случаю и кѣмъ такъ безцеремонно низвергается Фотій? Новымъ императоромъ Львомъ VI, сыномъ Василія Македонянина, Львомъ, прозваннымъ Мудрымъ, такъ какъ онъ получилъ блестящее образованіе подъ руководствомъ самого Фотія и, вслѣдствіе такого образованія, не чуждъ былъ литературнаго таланта и отличался любовію къ просвѣщенію. Итакъ, онъ низвергается неблагодарнымъ своимъ собственнымъ ученикомъ! По какому же случаю? Безъ всякой вины со стороны Фотія, единственно по капризу и прихоти императора. Императоръ захотѣлъ сдѣлать патріархомъ—кого же? мальчика Стефана, своего брата, которому только что минуло 16 лѣтъ. Какъ назвать это иначе, какъ не капризомъ и прихотью повелителя Византіи. Правда, Стефанъ еще отцемъ своимъ Василіемъ предназначался въ патріархи и посвященъ былъ Фотіемъ въ діаконы, но разумѣется, при этомъ не имѣлось въ виду ни ставить его въ патріархи въ дѣтскомъ возрастѣ, ни низвергать ради него заслуженнѣйшаго изъ патріарховъ [1]). Очевидно Левъ поступилъ немудро, не хотѣлъ знать о канонахъ церковныхъ, запрещающихъ такое посвященіе чуть не дитяти въ патріархи! Слабый, болѣзненный Стефанъ не долго продолжалъ свое странное патріаршество. Онъ умеръ чрезъ 6 лѣтъ послѣ своего занятія патріаршей каѳедры [2]). Чтобы придать хоть какой нибудь видъ законности низверженію Фотія, императоръ Левъ нарядилъ судъ надъ нимъ, какъ надъ государственнымъ преступникомъ, хотѣвшимъ низвергнуть царствующаго императора—обыкновенное обвиненіе, когда не въ чемъ было болѣе обвинить; но этотъ судъ кончился полнѣйшимъ оправданіемъ Фотія и посрамленіемъ козней императора. Клевета ничуть

[1]) Василій Македонянинъ умирая: Sthephanum (filium) patriarchali sedi consecratum in futurum destinavit (Genesius, Liber IV regum. p. 113—114. Bonnae) Левъ же возводитъ Стефана тотчасъ по смерти Василія.
[2]) Leo Grammaticus. ibid. Loc. cit.

не подтвердилась [1]). Тѣмъ не менѣе Фотій все же лишенъ патріаршества.

Исторія отношеній правительства къ патріархамъ Игнатію и Фотію представляетъ разительный примѣръ случавшагося въ изучаемое нами время неуваженія государствомъ священнѣйшихъ правъ церкви. Другой замѣчательнѣйшій случай подобнаго же практическаго непризнанія и презрѣнія этихъ правъ церкви въ противоположность высокому теоретическому воззрѣнію государства на нихъ—находимъ въ X вѣкѣ при императорѣ Львѣ Мудромъ (886—912 гг.). Левъ, при всей своей серіозной образованности, не отличался твердостью нравственныхъ правилъ. Это довело его до рѣшительнаго презрѣнія законоположеній церковныхъ, вслѣдствіе чего между нимъ и церковнымъ авторитетомъ возникаетъ борьба, отразившаяся продолжительнымъ волненіемъ въ церкви. Левъ, какъ мы сказали, не отличался строгостью нравственныхъ правилъ. Еще при жизни своей первой супруги Ѳеофаніи, онъ вступилъ въ преступныя связи съ Зоею, дочерью одного сановника Стиліана. Чтобы раздѣлаться съ мужемъ этой Зои, который служилъ препятствіемъ для интимныхъ отношеній императора къ ней, мужъ ея былъ отравленъ. По смерти Ѳеофаніи, императоръ женился на Зоѣ, и она стала императрицею. Этотъ бракъ произвелъ соблазнъ въ церкви. Тогдашній патріархъ Антоній отказалъ императору въ церковномъ благословеніи на оный, и придворный священникъ, осмѣлившійся совершить неразрѣшенное патріархомъ, лишенъ сана соборомъ. Бездѣтная и скорая смерть Зои побуждаетъ императора вступить въ новый третій бракъ съ Евдокіею, но и эта супруга императора умерла во время родовъ. Женолюбивый императоръ однакожъ не хотѣлъ довольствоваться этими тремя браками. Но считая предлогомъ необходимость имѣть наслѣдника престола,

[1]) Cedrenus, compendium. Tom. II, p. 248—9. Bonnae. Theophan. Cont. ibid. p. 356.

онъ вступилъ въ связь съ новою Зоею Карвонопсиною (т. е. черноокою). Императоръ открыто жилъ съ нею во дворцѣ. Эта Зоя родила ему въ 905 году сына Константина, извѣстнаго съ именемъ Порфирогенета [1]). Императоръ, нужно думать, и прежде домогался церковнаго благословенія на свой незаконный бракъ съ Зоею. Теперь же, пользуясь случаемъ рожденія отъ нея дитяти, котораго онъ думалъ считать наслѣдникомъ своего престола, онъ началъ прямо и рѣшительно требовать, чтобы бракъ его былъ благословленъ церковію. Но такой бракъ являлся дѣломъ, которое могло произвести неслыханный соблазнъ въ церкви. Церковь не совсѣмъ одобрительно смотрѣла даже на 2 и 3 бракъ, подвергая вступающихъ въ нихъ церковной эпитеміи; что же касается до 4 брака, онъ былъ безусловно запрещенъ. Этого мало: требованіе Льва противорѣчило узаконеніямъ государственнымъ, именно, только что вошедшимъ въ практику, законамъ, изданнымъ его отцемъ Василіемъ, да и его, Льва, собственнымъ законамъ. Нужно замѣтить, ранѣе этого событія, въ строгой ревности о чистотѣ нравовъ христіанскихъ, императоръ Левъ преслѣдовалъ конкубинатъ и запрещалъ даже третій бракъ, какъ не соотвѣтствующій достоинству христіанина. Вотъ эти законы самого Льва. Левъ вооружался прежде противъ незаконнаго сожитія, въ которомъ теперь самъ находился; именно онъ съ энергичностью въ одной своей новеллѣ говорилъ, что заслуживаетъ порицанія конкубинатъ, такъ какъ лица виновныя въ немъ, вмѣсто того, чтобы пользоваться чистыми струями брака, валяются въ грязи. Въ другой своей новеллѣ тотъ же императоръ рѣшительно вооружался противъ третьяго брака, какъ незаконнаго. Въ этой новеллѣ говорилось: „даже животныя, по крайней мѣрѣ большая часть ихъ, когда теряютъ самку, остаются во вдовствѣ“, и за тѣмъ законодатель за-

1) Theophan. Contin. ibid. p. 357; 361; 364; 366; 370. Leo Grammat. ibid. p. 1103–1111.

мѣчаетъ: „эти люди, т. е. трехъ-брачные, и не воображаютъ себѣ, что подобная слабость есть срамъ; они безъ зазрѣнія совѣсти вступаютъ во второй бракъ, и не довольствуясь этимъ грѣхомъ, вступаютъ еще въ третій бракъ [1]), и узаконяетъ, чтобы приступающіе къ третьему браку подлежали наказанію, объявленному на нихъ святыми канонами. Такимъ образомъ Левъ, домогаясь получить благословеніе церкви на свой бракъ съ Зоею, желалъ противнаго церковнымъ постановленіямъ, дѣйствующимъ гражданскимъ узаконеніямъ, а наконецъ своимъ собственнымъ распоряженіямъ.

Въ защиту церкви и ея авторитета выступаетъ мужественный патріархъ Николай Мистикъ (послѣднее названіе указываетъ на свѣтскую должность, какую онъ проходилъ будучи міряниномъ). Патріархъ Николай (895—906, 912—925 гг.) рѣшительно отказался исполнить противозаконное желаніе императора — благословить его бракъ четвертый, соединенный притомъ съ прелюбодѣяніемъ. Императоръ повидимому скорбѣлъ, указывая въ особенности на то, что у него нѣтъ наслѣдника, котораго бы онъ могъ имѣть въ лицѣ новорожденнаго своего сына. Патріархъ тронутъ былъ этою скорбію императора; рѣшился сдѣлать нѣкоторую уступку императору. Онъ соглашался крестить ребенка съ царскими почестями, но съ однимъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Левъ навсегда разошелся съ матерію ребенка. Будь то совершенно искренно, будь то лицемѣрно,—императоръ принимаетъ условія патріарха, и въ исполненіи его даетъ клятвенное обѣщаніе. Патріархъ вѣритъ клятвѣ императора, торжественно, по царски креститъ ребенка въ церкви св. Софіи. И что же? не прошло и трехъ дней послѣ того, какъ крещенъ былъ сынъ императора Константинъ, Левъ торжественно вводитъ въ свой дворецъ свою метрессу Зою. Этого мало. Онъ захотѣлъ формальнаго брака съ нею, на-

1) Zachariae. Ius Graeco-Romanum. Pars III, p. 187, 186.

шелъ какого-то священника Ѳому, который и рѣшился обвѣнчать преступнаго императора. Этотъ священникъ былъ потомъ лишенъ патріархомъ своего сана. И этого мало было для Льва. Онъ собственноручно во время брака короновалъ Зою, возложивъ на нее царскую корону, и такимъ образомъ былъ при этомъ случаѣ, какъ выражается патріархъ, и женихомъ и архіереемъ [1]). Когда это событіе разгласилось, весь Константинополь пришелъ въ движеніе: не только духовенство, но и народъ смотрѣлъ на преступленіе императора, какъ на рѣшительное попраніе самой вѣры [2]). Въ самомъ дѣлѣ императоръ являлся не только клятвопреступникомъ и четверобрачникомъ, но и лицемъ, дозволившимъ себѣ такія функціи, какъ коронація, которая принадлежала исключительно архіерейской власти. Ревностный пастырь Николай употребляетъ всѣ средства убѣжденія и увѣщанія, чтобы образумить императора расторгнуть его союзъ съ Зоею. Въ своей заботливости о благѣ и мирѣ церковномъ патріархъ не считалъ для себя униженіемъ, при этихъ увѣщаніяхъ, обнимать колѣна императора и припадать къ его ногамъ [3]). Но все было тщетно. Императоръ, объятый своею страстію, объявилъ патріарху, что онъ и дня не можетъ прожить безъ Зои, которую онъ возвелъ въ императрицы и которую онъ не хочетъ лишать этой чести [4]). Опечаленный упорствомъ и непреклонностію императора, патріархъ предлагалъ было ему еще средство увѣриться въ своей виновности — это собрать соборъ изъ представителей римскаго первосвященника и патріарховъ восточныхъ. Императоръ не принялъ и этого совѣта патріаршаго, или если и принялъ, то не вполнѣ. Онъ

[1]) Nicolai patr. epistolae. Migne, Patrologiae cursus, Series Gr. t. CXI. Ep. XXXII, p. 196—197. Leo Gram. ibid. p. 1111. Theoph. Cont. ibid. p. 370.

[2]) Nicolai patr. Loc cit.

[3]) Nicolai patr Ibidem. p. 197—200.

[4]) Nicolai patr. Ibidem. p. 201.

обратился только къ римскому епископу [1]). Вѣроятно императоръ зналъ, что на западѣ не соблюдали такихъ строгихъ правилъ въ брачныхъ вопросахъ, какъ на востокѣ, и во всякомъ случаѣ надѣялся подкупить папу въ свою пользу такимъ лестнымъ для послѣдняго обращеніемъ къ нему въ спорномъ вопросѣ. Между тѣмъ патріархъ рѣшился на крутую мѣру въ отношеніи къ императору: онъ отлучилъ его отъ церкви [2]). Но чего не хотѣлъ сдѣлать для императора ревностный патріархъ, то сдѣлалъ для него неразборчивый въ средствахъ къ своему господствованію папа римскій [3]). Прибыли папскіе легаты и привезли императору папское благословеніе на четвертый бракъ. Патріархъ однакожъ твердымъ оставался въ своемъ рѣшеніи. Къ сожалѣнію, епископы и пастыри патріархата константинопольскаго не были проникнуты такою же ревностію, какъ самъ патріархъ. Многіе изъ нихъ склонились уступить императору, поддержали папское рѣшеніе, оправдывая свой поступокъ тѣмъ, что императоръ продолжительнымъ отлученіемъ загладилъ свой грѣхъ и заслуживаетъ прощенія [4]). Когда ряды пастырей, солидарныхъ съ патріархомъ, начали рѣдѣть, императоръ рѣшился сослать патріарха въ ссылку и тѣмъ окончательно развязать себѣ руки. Свое намѣреніе императоръ дѣйствительно не замедлилъ исполнить. Императоръ пригласилъ его во дворецъ въ праздникъ св. мученика Трифона, подъ видомъ желанія раздѣлить съ нимъ праздничную трапезу. И когда патріархъ, ничего не подозрѣвзя, пришелъ во дворецъ, онъ былъ схваченъ въ царской столовой, брошенъ въ небольшую лодку и отправленъ на островъ Гіерію, откуда пѣшкомъ отправленъ былъ до другаго мѣста, назначеннаго ему въ заточеніе. Не дано времени ему взять съ собою ни бѣлья, ни книгъ, ни человѣка, который бы могъ прислужи-

1) Nicolai patr. Ibidem.
2) Theophan. Cont. Ibidem. p. 370.
3) Nicolai patr. ibidem. Loc. cit.
4) Nicolai patr. Loc. cit. Николай патр. константинопольскій, стр. 178 («Прибавл. къ твор. св. отцевъ», т. XX).

вать ему; онъ отправленъ былъ съ двумя невѣжественными лицами, съ которыми нельзя было вести простаго разговора. Положеніе патріарха въ ссылкѣ было безутѣшно. Стража не оставляла его. „Меня окружали, говоритъ патріархъ, мечи, стрѣлы и щиты, какъ плѣннаго врага, а не какъ несчастнаго архіерея; не позволялось пользоваться свѣжимъ воздухомъ, не только видѣть человѣка. За недостаткомъ постели, я долженъ былъ лежать на соломѣ [1])". Не одинъ впрочемъ патріархъ наказанъ былъ ссылкою за ревностное защищеніе законовъ церкви, но и болѣе замѣчательные изъ его приверженцевъ. Такъ одной участи съ патріархомъ подвергались митрополиты: ефескій Григорій и ираклійскій Фотій [2]). На мѣсто низверженнаго незаконно патріарха избранъ былъ новый Евѳимій (906—912 гг.), который отвѣчалъ видамъ императора Льва. Евѳимій сначала былъ отшельникомъ на горѣ Олимпійской въ Мизіи, потомъ синкелломъ при патріархѣ, онъ отличался благочестіемъ и ученостію, пользовался популярностью въ народѣ и былъ духовникомъ императора [3]). Почему же такой мужъ, какъ Евѳимій, при всемъ своемъ благочестіи, рѣшился признать незаконный бракъ императора законнымъ? Полагаютъ, что вообще точка зрѣнія его была среднею между воззрѣніями двухъ тогдашнихъ партій въ церкви византійской, изъ которыхъ одна довольствовалась кратковременнымъ отлученіемъ императора отъ церкви, другая хотѣла продлить отлученіе на неопредѣленно долгое время; одна соглашалась уступить императору, видя его мольбы, другая рѣшительно не соглашалась ни на какія уступки. Императоръ выбралъ въ патріархи Евѳимія, какъ человѣка менѣе строгаго направленія въ данномъ вопросѣ: онъ хотя и считалъ четвертый и даже третій бракъ за непозволительные, однакожъ

1) Nicolai epistolae. ibidem. p. 204. Theoph. Contin. ibid. p. 371. Leo Grammat. ibid. p. 1111.

2) Николай патр. Константиноп. «Приб. къ твор. св. отцевъ» стр. 181.

3) Theoph. Contin. ibid. 371. Leo Gr. ibid. p. 1113.

не хотѣлъ отказать въ разрѣшеніи церковномъ Льву, какъ императору [1]). Но, какъ бы то ни было, поступокъ Евѳимія едвали можно оправдать.—Такъ патріархъ Николай Мистикъ долженъ былъ претерпѣть незаслуженную кару за свое ревностное охраненіе законовъ церкви. Позднѣе патріархъ Николай по желанію умирающаго императора Льва возвращенъ былъ на свою каѳедру [2]). Но это возвращеніе Николая сопровождалось въ свою очередь бѣдами для Евѳимія. По распоряженію новаго императора—Александра, Евѳимія били въ лице, выдергали ему бороду и заточили его въ монастырь. Имя его было вычеркнуто изъ церковныхъ диптиховъ [3]). Изъ приверженцевъ Евѳимія и Николая образовалось двѣ партіи въ Византіи, которыя долго нарушали своими раздорами миръ церковный. Итакъ вотъ какъ мало иногда государственная власть уважала священныя права церкви, вотъ къ какимъ печальнымъ слѣдствіямъ вело это! Императоръ нарушалъ твердо установленный законъ церкви и безпорядки церковные являлись печальными плодами такихъ отношеній: соблазнъ въ народѣ, вмѣшательство своекорыстнаго папства, потворство епископовъ и духовенства, низверженіе патріарха, посрамленіе власти патріаршей въ лицѣ Евѳимія, позорнымъ образомъ наказаннаго, развитіе враждебныхъ церковныхъ партій и пр. Все это зло возникаетъ, какъ скоро деспотизмъ власти хочетъ пригнуть церковь подъ свою волю.

Изъ исторіи патріарховъ Игнатія, Фотія и Николая Мистика открывается, какъ практика, ко вреду церкви, мало соотвѣчала тому идеалу церкви въ ея отношеніи къ государству, какой жилъ въ сознаніи самихъ же византійцевъ.

II.

Условія, при которыхъ церковь должна была выполнять свою миссію въ сферѣ гражданскаго общества, были не со-

[1]) Hergenrother. B. III, s. 661—2.
[3]) Nicolai patr. ibidem. p. 217.
[3]) Theophan. Cont. ibidem. p. 378. Seorg. Mcn. ibid. 871—2. Cedrenus, ibid. p. 335.

всѣмъ благопріятны для ея цѣлей. Ей нужно было бороться, и бороться неустанно съ тѣмъ зломъ всякаго рода, которое въ такомъ обиліи накопилось въ византійскомъ обществѣ, а при этомъ часто встрѣчать препятствія тамъ, откуда она должна была ожидать поддержки,—со стороны государственной власти; власть эта переходила въ деспотизмъ въ отношеніи къ самой церкви.

При всемъ томъ церковь употребляетъ должныя усилія къ исполненію своей задачи. Она ревностно охраняетъ права церкви и борется съ тѣми, кто наноситъ этимъ правамъ оскорбленіе и поруганіе; твердо стоитъ за справедливость и истину въ обществѣ гражданъ, обличаетъ правителей и руководителей народа, если они дѣйствуютъ вопреки христіанскимъ заповѣдямъ; ободряетъ и укрѣпляетъ ихъ, когда они идутъ по пути, обѣщающему благо и счастіе лицамъ, управляемымъ ими; указываетъ истинныя нормы христіанской гуманности и нормы воспитанія въ духѣ религіи и сообразно съ цѣлями общественнаго блага; употребляетъ должныя мѣры къ пресѣченію въ народѣ наиболѣе выдающихся недостоинствъ нравственныхъ и пр. Съ этимъ вмѣстѣ церковь не отказывается служить и пособлять государству въ его нуждахъ и опасностяхъ. Въ подобныхъ случаяхъ церковь быстро отзывается на голосъ страждущаго народа и общества и охотно идетъ къ нимъ на помощь; она въ лицѣ пастырей употребляетъ все свое вліяніе духовное, гдѣ оно нужно; открываетъ сокровищницы церковныя, если золото можетъ помочь бѣдѣ.

Но переходимъ отъ общихъ разсужденій къ самымъ фактамъ, доказывающимъ самымъ дѣломъ, въ чемъ, когда и какъ церковь въ разсматриваемую нами эпоху выражала благотворное вліяніе на общество и государство. Какіе успѣхи имѣла она на этомъ поприщѣ? Вѣрно ли она шла къ своей цѣли—облагороженію нравовъ и воспитанію въ духѣ христіанства—общества людей? Разумѣется, исторія не должна молчать, если встрѣчаются факты бездѣйствія церкви, гдѣ она должна была бы дѣйствовать,—факты умышленнаго или

неумышленнаго, но во всякомъ случаѣ неправильнаго, не въ духѣ евангелія, образа дѣйствованія пастырей, или факты злоупотребленія церкви своею властію. И о такихъ фактахъ должна сказать правдивая исторія.

Въ такомъ обществѣ, какимъ было общество византійское, всякаго рода правонарушенія были не рѣдкость. Церковь должна была ревностно стоять за нарушенную справедливость. Прежде всего она должна была защищать свои интересы священные и охранять свой авторитетъ отъ дѣйствій, могущихъ ронять ея достоинство и значеніе. Она не могла оставаться равнодушною, когда оказывали явное неуваженіе къ ней, презрѣніе. Она должна была требовать ей принадлежащее. Посмотримъ, какъ поступала она въ извѣстномъ уже намъ случаѣ, поступала съ императоромъ Михаиломъ III, который кощунственно относился къ священной іерархической власти и богослуженію, и съ другими служителями нечестія, окружавшими этого императора. Въ чемъ состояло это кощунственное отношеніе Михаила и его товарищей, мы уже говорили выше. Забывшій о долгѣ уваженія къ церкви, императоръ Михаилъ не оставался безъ должнаго вразумленія. Одинъ благочестивый епископъ Василій, сначала бывшій епископомъ на о—вѣ Критѣ, а потомъ въ Ѳессалоникѣ, мужественно предсталъ предъ императоромъ, обличалъ его за его кощунство и осмѣяніе священнѣйшихъ предметовъ. Онъ говорилъ не только отъ себя, но и отъ лица народа, видѣвшаго въ несчастіяхъ, постигшихъ Константинополь, (землетрясеніе) казнь Божію за нечестіе императора. Но безнравственный императоръ, выслушавъ Василія, въ гнѣвѣ дерзнулъ собственноручно избить престарѣлаго святителя, онъ разбилъ ему лице; жизнь святителя находилась въ опасности [1]). Удивительнымъ представляется, почему сами па-

[1]) Nicetas. Ignatii vita p. 1218. Ap. Labbeum. Concilia. t. VIII. Касательно времени событія ученые не соглашаются: Hergenröther (Photius patr. von Constantinop. B. I, s. 525) относитъ къ маю 862 года, а Muralt (Essai de chronogr. Bysantine, p. 441 Edit. 1855) относитъ къ маю 865 года, Мы принимаемъ дату перваго.

тріархи Константинопольскіе Игнатій и Фотій не брали на себя труда изобличать нечестиваго императора. Пособники и товарищи Михаила, принимавшіе участіе въ его кощунственныхъ оргіяхъ, также не оставлены безъ суда и наказанія со стороны церкви. Церковь произнесла свой судъ надъ ними на соборѣ Константинопольскомъ 869 года, по смерти уже Михаила. Въ это время глава этихъ оргій Гриллъ, игравшій въ кощунственныхъ служеніяхъ роль патріарха, уже умеръ. Вызваны были на соборъ трое другихъ главныхъ участниковъ Михаилова нечестія—Снаѳари Маринъ, Василій и Григорій. И на вопросъ, принимали ли они участіе въ взводимомъ на нихъ преступленіи, сознались, что они дѣйствительно виноваты, но старались оправдаться тѣмъ, что они дѣйствовали по приказу императора, что они, какъ люди зависимые и обязанные семействомъ, боялись лишиться своихъ мѣстъ. На это справедливо было замѣчено соборомъ: неужели они согласились бы по подобнымъ побужденіямъ и ради приказа императорскаго на самое идолопоклонство? Замѣчательно, что имъ предложенъ былъ между прочимъ вопросъ—дѣло происходило во время втораго патріаршества Игнатія—зналъ ли патр. Фотій о томъ, какъ безчинствовалъ Михаилъ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ они хотя и заявляли, что Фотій не могъ не знать объ этомъ, такъ какъ это было всѣмъ извѣстно, но не утверждали, чтобы Фотій видѣлъ Михаила, совершающимъ свои безчинства. Это отчасти можетъ оправдывать Фотія, если онъ не обличалъ Михаила; нельзя было, по крайней мѣрѣ съ успѣхомъ, обличать Михаила на основаніи однихъ слуховъ. Соборъ наложилъ на этихъ участниковъ Михаилова кощунства наказаніе; они подвергнуты были церковному покаянію въ продолженіи трехъ лѣтъ [1]).

Много пришлось церкви употреблять усилій въ борьбѣ съ вмѣшательствомъ государства во внутреннія дѣла церкви. Эти вмѣшательства происходили то изъ видовъ политическихъ, то просто по капризу и самоволію императоровъ. И

1) Labbei. Concilia. tom. VIII. p. 1118. 1136. 1365.

въ этомъ случаѣ церковь не безъ успѣха отстаивала свои интересы. Замѣчательнѣйшую борьбу пришлось вести церкви съ императорскою властію, во время царствованія Константина Мономаха (1042—1056) въ XI вѣкѣ. Константинъ Мономахъ изъ видовъ политическихъ вступаетъ въ сношенія съ папою Львомъ IX. Императоръ именно хотѣлъ при помощи папы заключить оборонительный союзъ съ западными государями противъ норманновъ, которые грозили отнять у византійскаго императора остальныя его владѣнія въ нижней Италіи. Въ тоже время случайно или намѣренно тогдашній патріархъ константинопольскій Михаилъ Керулларій (1043—1059 г.) затѣваетъ съ папою споръ касательно церковныхъ разностей, раздѣлявшихъ церковь западную отъ восточной [1]. Это послѣднее обстоятельство должно было дурно отозваться на планахъ императора войти чрезъ папу въ союзъ съ западными государями. Для прекращенія этихъ споровъ, въ Константинополь отослано было посольство со стороны папы. Къ сожалѣнію, во главѣ посольства стоялъ человѣкъ, мало способный служить умиротворенію церквей. Это былъ кардиналъ Гумбертъ, человѣкъ чрезвычайно страстный, охотникъ до споровъ, чистый папистъ [2]. Его гордый тонъ, съ которымъ онъ позволялъ обращаться съ константинопольскимъ патріархомъ Михаиломъ, возстановилъ этого послѣдняго противъ Гумберта и его дѣла [3]. Патріархъ избѣгаетъ всякихъ сношеній съ легатами папскими. Это было крайне непріятно императору; его намѣренію грозила опасность. Но вмѣсто того, чтобы повести дѣло примиренія враждующихъ благоразумно и осторожно, онъ позволилъ себѣ, къ униженію церкви константинопольской, открыто стать на сторонѣ папистовъ. Одинъ изъ константинопольскихъ монаховъ Никита Стифатъ, написавшій полемическое сочи-

[1]) Окружное посланіе М. Керулларія къ Іоанну Транійскому. Migne, Partalogiae Cursus. Ser. Lat. Tomus 143 p. 929—32.

[2]) Kurtz. Handbuch der allgem. Kirchengeschichte. Band I abtheil. 3, s. 48. 2 Ausg. 1858.

[3]) Neander, Allgem. Geschichte d. Religion und d. Kirche. Band. II, s. 321, Gotha. 1856.

неніе противъ папскихъ заблужденій, подвергается преслѣдованію со стороны императора; слабый Никита вынуждается императоромъ въ его присутствіи и легатовъ проклясть тѣ мнѣнія, какія тотъ изложилъ въ своемъ сочиненіи, и собственноручно бросить книгу въ огонь [4]). Но чѣмъ больше императоръ старался угодить папскимъ легатамъ въ видахъ миролюбія съ папою, тѣмъ рѣшительнѣе воспротивился императору Михаилъ Керулларій. Еще шагъ неблагоразумный со стороны легатовъ—и имъ оставалось только удалиться изъ Константинополя. Они позволили себѣ торжественно проклясть патріарха и его мнимыя заблужденія и, по совѣту императора, должны были поскорѣе покинуть Константинополь. Патріархъ рѣшительно объявилъ себя противъ легатовъ, потребовалъ ихъ на соборъ для объясненія ихъ поведенія. Народъ вполнѣ раздѣлялъ антипатіи патріарха къ дѣлу, затѣянному императоромъ. При такомъ положеніи дѣла императору ничего не оставалось дѣлать, какъ смириться и раскаяться въ своемъ поведеніи [1]). Боязнь явиться врагомъ греческой церкви въ глазахъ народа побуждаетъ его вполнѣ уступить волѣ патріарха. Патріархъ на соборѣ осудилъ притязательныхъ легатовъ, а императоръ прислалъ ему посланіе, въ которомъ высказалъ свою солидарность съ патріархомъ въ воззрѣніяхъ на дѣло легатовъ [2]). Такъ въ настоящемъ случаѣ церковь побѣдоносно вышла изъ борьбы съ императорскимъ произволомъ, который ради цѣлей политическихъ готовъ былъ жертвовать правами и интересами церкви.

Въ числѣ злоупотребленій въ отношеніи къ церкви, какія позволяли себѣ императоры Византійскіе, особеннымъ постоянствомъ отличалось злоупотребленіе, состоявшее въ произвольной и безосновательной отставкѣ іерарховъ высшаго ранга и замѣнѣ ихъ другими по своему вкусу. Часто это легко сходило имъ съ рукъ, но не всегда Иногда они встрѣ-

[4]) Humberti. Brevis commemoratio. p. 1001. Apud Migne, ibidem.
[1]) Humberti. Brevis commemoratio. p. 1001—2. Kurtz. Handbuch.., ibid. s. 49.
[2]) Neander. ibid. s. 321. Kurtz. ibid. s. 52.

чались съ лицами энергическими и должны были уступать, оставляя церковь неприкосновенною. Такъ случилось напр., когда придворная партія при императорѣ Михаилѣ IV (1034—1041) хотѣла низвести съ престола тогдашняго патріарха константинопольскаго Алексѣя Студита (1025—1043 г.). Братъ императора Михаила—Евнухъ Іоаннъ—хотѣлъ самъ занять патріаршій престолъ и интриговалъ противъ Алексѣя. Но ему не удалось достигнуть желаемаго. Патріархъ отстоялъ свою каѳедру. Онъ писалъ сенату и синоду: „Пусть я, по вашимъ словамъ, сдѣланъ патріархомъ незаконно, не по выбору, а по желанію императора Василія (это, замѣтить должно, было предлогомъ къ его низложенію), но въ такомъ случаѣ должны быть отставленными и всѣ митрополиты, которые посвящены мною впродолженіе моего 11 лѣтняго патріаршества, а коронованные мною императоры должны быть анаѳематствованы; тогда только я передамъ свой престолъ тому, кто желаетъ его“. Нужно сказать, что большая часть синода была посвящена рукою Алексѣя. Апологія патріарха имѣла полный успѣхъ. Церковь осталась при своемъ пастырѣ, какъ ни сильно желалось патріаршества евнуху Іоанну, въ рукахъ котораго сосредоточивалась тогда вся власть государственная [1]).

Равно и при другихъ случаяхъ нарушенія, власть имѣющими лицами церковныхъ законовъ не остаются въ разсматриваемое время безъ должнаго обличенія и вразумленія со стороны церкви. Вотъ какой случай былъ съ императоромъ Никифоромъ Фокою (963—969). Этотъ императоръ вступилъ во второй бракъ съ вдовою императрицею Ѳеофаніею; за второй бракъ по церковнымъ правиламъ полагалось церковное покаяніе; патріархъ Поліевктъ (946—970 г.) увѣщевалъ его выполнить требуемое церковными правилами и, когда императоръ не послушался, запретилъ ему входъ въ алтарь. Императоръ жестоко гнѣвался на патріарха, но безсильно.

[1]) Cedrenus. Compendium Historiarum. t. II, p. 517—518. Bonnae.

Притомъ же патріархъ узналъ, что Никифоръ находился съ супругою въ духовномъ родствѣ и, въ силу церковныхъ каноновъ, предложилъ ему на выборъ или развестись съ женою, или же быть отлученнымъ отъ церкви. Никифоръ выбралъ послѣднее. Но въ видахъ своего оправданія собралъ соборъ изъ находящихся въ Константинополѣ епископовъ. Епископы дѣйствительно нашли средство, хотя и призрачное, оправдать Никифора. Они объявили, что законъ о духовномъ родствѣ, какъ препятствіе къ вступленію въ бракъ, изданъ Константиномъ Копронимомъ, иконоборцемъ, а потому не заслуживаетъ вниманія церкви. Но патріархъ и теперь оставался непреклоннымъ, не допускалъ императора до церковнаго общенія. И только тогда уступилъ императору, когда протопресвитеръ Стиліонъ, состоявшій придворнымъ священникомъ, засвидѣтельствовалъ предъ синодомъ и сенатомъ, что онъ ничего не знаетъ о духовномъ родствѣ Никифора съ Ѳеофаніею, что Никифоръ никогда не былъ крестнымъ отцемъ у дѣтей Ѳеофаніи [1]). Подобный же случай позднѣе (въ XI в.) былъ съ императрицей Зоею. Эта императрица, не смотря на свои преклонныя лѣта, захотѣла вступить въ третій бракъ. Такой бракъ императрицы былъ позоромъ для императорскаго трона. Патріархъ Алексѣй Студитъ отказываетъ императрицѣ въ своемъ благословеніи, хотя и уступаетъ, когда бракъ былъ совершенъ другимъ лицемъ [2]). Другой патріархъ Поліевктъ, съ пастырскою ревностію котораго мы уже отчасти знакомы, при вступленіи на императорскій престолъ Іоанна Цимисхія, рѣшительно потребовалъ, чтобы императоръ взялъ назадъ указъ, изданный его предшественникомъ Никифоромъ Фокою и посягавшій на права самостоятельнаго положенія церкви въ государствѣ. Іоаннъ Цимисхій долженъ былъ исполнить волю архипастыря константинопольскаго [3]).

[1]) Cedrenus. ibidem. p. 352. 353. Leo diaconus. Historia. p. 50. Edit. Bonn.
[2]) Zonara. Annales. Tom. II, p. 217. Editio Paris. Cedrenus, ibidem. p. 542.
[3]) Leo diaconus, ibid. p. 98—9.

Въ такихъ-то фактахъ выражалась заботливость церкви объ охраненіи ея правъ и интересовъ. Церковь не должна была терпѣть и тѣни поруганія, хотя бы презритель церкви и облеченъ былъ высочайшею властію императора,—вотъ идея, которая одушевляла лучшихъ и по крайней мѣрѣ энергичныхъ изъ пастырей церкви.

Охранять интересы и права церкви пастыри должны, и такое охраненіе не есть какая либо заслуга съ ихъ стороны. Это былъ лишь непремѣннѣйшій долгъ ихъ, исполненіе котораго частію условливалось и личнымъ стремленіемъ пастырей къ своему благосостоянію и авторитетности. И если бы церковь запнулась въ этомъ кругѣ дѣйствій, этимъ она показала бы, что она хочетъ знать только саму себя и ничего помимо ея. Къ счастію, церковь не останавливалась на этомъ, но выступала съ своимъ словомъ обличенія, внушенія, наставленія и прощенія и тогда, когда страдали и могли страдать не ея только специальные интересы, но интересы общества, благосостояніе гражданъ, нравственность общественная. Общество также близко было къ сердцу церкви; и она не переставала въ лицѣ лучшихъ ея представителей работать ко благу общества и въ этой сферѣ.—Нарушеніе общественнаго благосостоянія совершалось въ такомъ государствѣ, какъ византійское, часто по винѣ самихъ правителей народныхъ, которымъ слѣдовало бы всячески по самому своему призванію избѣгать и препятствовать подобнымъ явленіямъ. Народныя и общественныя несчастія сопровождаютъ вступленіе на престолъ лучшаго изъ императоровъ византійскихъ Алексѣя Комнена (1081—1118). Войска и народная толпа надѣлали много бѣдъ особенно Константинополю. „Святилища и алтари, общественныя и частныя имущества всюду были расхищаемы; слухъ всѣхъ былъ оглушаемъ повсемѣстными криками и воплями, такъ что, по замѣчанію современнаго историка, казалось, что земля тряслась". Алексѣй, человѣкъ религіозный и способный сочувствовать горести другаго, смущался и печалился, считая себя виновникомъ зла. Императоръ обращается въ цѣляхъ успокоенія своей совѣсти къ

тогдашнему патріарху Козьмѣ, синоду и монахамъ съ вопросомъ, что ему сдѣлать, чтобы умирить свою совѣсть. На соборѣ, составившемся изъ духовенства, явился государь, какъ виновный, какъ подсудимый. Соборъ наложилъ на него, и не только на него, но и на его кровныхъ родственниковъ и на участниковъ зла, эпитемію, заповѣдавъ имъ постъ и долу лежаніе и прочіе обычные подвиги для умилостивленія Бога. Всѣ приняли эту эпитемію и исполнили ее. Самыя жены ихъ, по любви къ мужьямъ, добровольно согласились каяться такимъ же образомъ. Въ государевыхъ чертогахъ лились слезы и царило сокрушеніе. Императоръ, удвоивъ благочестіе, какое было у него, въ теченіи 40 дней и ночей на тѣлѣ своемъ носилъ власяницу подъ царскою порфирой, по ночамъ же лежалъ на землѣ, положивъ камень подъ голову. Въ продолженіи этихъ сорока дней императоръ не входилъ въ дѣла государственныя [1]). Трогательная картина! Она не могла не класть самаго сильнаго впечатлѣнія не только на императора, но и на все общество. Другой случай въ томъ же родѣ, но бывшій ранѣе. Іоаннъ Цимисхій (969—975 г.) возложилъ на себя императорскіе знаки и былъ провозглашенъ императоромъ. Онъ взошелъ на императорскій тронъ, благодаря заговору на жизнь императора Никифора Фоки,—заговору, во главѣ котораго стояла императрица Θеофанія, жена Никифора, желавшая царствовать во имя своихъ дѣтей. Новому императору І. Цимисхію слѣдовало короноваться. Но патріархъ Поліевктъ оказалъ сопротивленіе и объявилъ, чтобъ императоръ не переступалъ порога церковнаго, если напередъ не изгонитъ изъ дворца вдову императрицу, виновную въ смерти своего мужа, и если не будетъ найденъ и наказанъ убійца Никифора. Императоръ вынужденъ былъ согласиться на все: императрица Θеофанія была сослана на о. Прота, убійца Никифора Левъ Валаншинъ, нанесшій первый ударъ императору, былъ найденъ и наказанъ. Только

[1]) Anna Comnena. Alexiades. tom. I, p. 153—5. Edit. Bonn. Русс. переводъ, часть I, стр. 146—9. Петербургъ. 1859.

тогда патріархъ совершилъ обрядъ коронованія [1]). Не одни державныя лица обращаютъ на себя вниманіе церкви. И остальныя подлежали нравственному суду церкви. Пастыри внимательные и усердные къ своимъ обязанностямъ зорко смотрѣли за поведеніемъ всѣхъ лицъ, которыя, пользуясь своею большею или меньшею властію, могли вмѣсто добра приносить зло обществу. Достаточно остановиться на примѣрѣ доблестнаго патріарха Фотія, чтобы видѣть, какъ много захватывало, какъ широко простиралось вліяніе церкви на общество. Многочисленныя письма Фотія, писанныя имъ къ разнымъ государственнымъ чиновникамъ, хорошо знакомятъ насъ съ этимъ родомъ дѣятельности Фотія. Прежде всего Фотій старался направить на добрый путь корыстолюбивыхъ и тиранническихъ изъ чиновниковъ, отклонять ихъ отъ пороковъ, внушать имъ человѣческія, кроткія чувства. Многихъ онъ изобличаетъ въ подкупности, въ несправедливости; многимъ онъ грозитъ судомъ Божіимъ, противъ нихъ онъ говоритъ въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ. Протоспаѳарю Никитѣ, который тщеславился своимъ высокимъ родомъ, Фотій писалъ, что онъ лучше бы пріобрѣталъ славу тѣмъ, что чрезъ добродѣтели становился бы основаніемъ и главою рода великаго; первое можетъ имѣть и худой между всѣми, второе же только лучшій всѣхъ [2]). О квесторѣ Василіи Фотій узналъ, что онъ слишкомъ доступенъ подкупу и что между тѣмъ, какъ уста его говорятъ о справедливости, руки его простираются къ деньгамъ. Патріархъ въ письмѣ къ нему увѣряетъ его, что онъ не вѣритъ подобнымъ слухамъ и что съ письмомъ своимъ онъ посылаетъ бѣдняка, которому слѣдуетъ оказать помощь, чтобы открылось дѣйствительно ли слухи касательно Василія справедливы или ложны. „Есть много чиновниковъ, писалъ Фотій, которые въ началѣ своей дѣятельности имѣютъ въ виду дѣйствовать неподкупно, но толь-

[1]) Leo Diac.. Loc. cit. Cedrenus ibidem, p. 375—6; 380.

[2]) Phothii patriarchae epistolae. Lib. III. ep. 37 p. 952. Migne, Patrol. cursus, ser. Graeca, tom. CII.

ко для того, чтобы потомъ тѣмъ больше брать подарковъ и наживаться. И самъ Василій въ началѣ колебался между строгою справедливостію и корыстолюбіемъ; золото и справедливость, казалось, говоритъ патріархъ, спорили въ его душѣ"...[1]). Еще сильнѣе писалъ Фотій къ тому же Василію въ другомъ письмѣ: „Древніе говорятъ, что печенка Прометея съѣдена орломъ за то, что онъ похитилъ съ неба огонь изъ за котораго явилось у людей столько бѣдъ. Если бы поэты сдѣлали тебя предметомъ своего описанія, который взгромоздилъ пламенѣющую кучу золъ въ отечествѣ, то они заставили бы не орловъ растерзать твои внутренности, а пантеръ, львовъ и другихъ звѣрей заставили бы войдти въ твое лоно. Хотя теперь и нѣтъ поэтовъ, которые изобрѣтали бы что либо подобное, однакожъ строго христіанская истина говоритъ о еще болѣе страшныхъ наказаніяхъ, такъ какъ она грѣшникамъ грозитъ неугасаемымъ огнемъ, чрезвычайною тьмою, скрежетомъ зубовъ и бездной червей. Если же страхъ будущаго не въ состояніи тебя образумить, и удержать тебя отъ безумныхъ дѣяній, то пусть по крайней мѣрѣ страшная казнь Содома и Гоморры, великій потопъ, это общее кораблекрушеніе человѣческаго рода, такъ же какъ и ежедневныя проявленія провидѣнія—направятъ твою мысль къ осторожности и благоразумному образу поведенія"[2]). Въ другихъ своихъ письмахъ Фотій бичуетъ жестокость и сладострастіе, которыя были также распространены въ средѣ лицъ, властію облеченныхъ. Тотъ и другой порокъ Фотій строго порицаетъ въ лицѣ уже престарѣлаго протоспаѳаря Пантелеймона, которому онъ въ своемъ письмѣ ставитъ въ образецъ цѣломудріе Іосифа Египетскаго и котораго тѣмъ жестче порицаетъ, что онъ, будучи человѣкомъ преклонныхъ лѣтъ, показываетъ въ себѣ пылъ горячей юности и хуже

[1]) Phothii epistolae. ibidem. Lib. III, ep. 48, p. 957.
[2]) Phothii epistolae Lib. III, ep. 29. p. 946—7.

чѣмъ разбойникъ относится къ людямъ, такъ что кажется будто онъ и жить не можетъ иначе, какъ превосходя въ жестокости даже Діонисія и Фалариса. Угрожая этому сановнику, Фотій говоритъ: „еще не умерли законы, еще бодрствуетъ око справедливости, которое привлечетъ и его къ наказанію“ [1]). Примѣчательно также его письмо, съ которымъ онъ обращается къ префекту острова Кипра, Ставракію. „Между рыбами, писалъ патріархъ, есть великоголовка (cephalus). Эта рыба, по свидѣтельству мореплавателей, имѣетъ строгое владычество надъ чувствомъ голода и отличается большою умѣренностію. Она не нападаетъ на другихъ тварей, даже и на тѣхъ, съ которыми легко сладила бы; она отличается большимъ миролюбіемъ ко всѣмъ морскимъ обитателямъ. И въ случаѣ, если недостаетъ ей ея обыкновенной пищи, она терпѣливо переноситъ свой голодъ, не принимая пищи, предназначенной для другихъ морскихъ обитателей“. Сравнивая поведеніе этой рыбы съ поведеніемъ префекта, Фотій спрашиваетъ: „а ты, утопая въ удовольствіяхъ и не терпя никакой нужды, самымъ постыднымъ образомъ предъ лицемъ отечества съ хищностью поглощаешь и пожираешь живыхъ людей со всѣмъ ихъ имуществомъ, — рѣчь идетъ о тираннія, ты какое извиненіе принесешь на томъ свѣтѣ, такъ какъ уже въ этомъ мірѣ не можешь выдержать сравненія съ рыбой“? [2]) Тираннія и другаго сановника Комита Александра вызываетъ сильныя обличенія Фотія; этотъ Александръ жестоко поступалъ съ подчиненными ему. Патріархъ писалъ: „Александръ Македонскій такъ возвысившій свое царство не хочетъ считать себя царемъ въ тотъ день, когда не сдѣлалъ ничего добраго. Впрочемъ, это было у него рѣдкимъ случаемъ, потому что онъ всячески стремился дѣлать добро. И замѣть—онъ былъ язычникъ, человѣкъ преданный удо

[1]) Phothii epistolae. Lib III, ep. 51, p. 960. Ep. 7, p. 932.
[2]) Phothii epistolae L. III, ep. 66 p. 984—5.

вольствіямъ и пиршествамъ, упоенный своимъ счастіемъ. А ты христіанинъ и поставленъ надъ христіанами управлять по законамъ; ты въ святилищѣ и средѣ священниковъ. И что же? между твоими подданными нѣтъ ни одного, который бы не жаловался на тебя, или на то неслыханное наказаніе, какому подвергаешь ты того или другаго, или за тотъ вредъ, который ты причиняешь. Одинъ то, другой другое можетъ разсказать съ величайшимъ соболѣзнованіемъ изъ того, что есть дѣло рукъ твоихъ. Александръ, когда ему въ продолженіи дня не удавалось сдѣлать ничего добраго, говорилъ: я нынѣ не царь; а ты, кажется, не хочешь провесть и дня такъ, чтобы могъ сказать: я нынѣ не былъ тираномъ". Комитъ кажется оскорбился письмомомъ Фотія и отвѣчалъ ему сердито. На это письмо Фотій съ своей стороны отвѣчаетъ и въ утонченной формѣ грозитъ ему отлученіемъ отъ церкви [1]). Патріархъ Фотій принимаетъ подъ свою защиту слабыхъ, безпомощныхъ и невинно угнетенныхъ; за нихъ онъ ходатайствуетъ какъ предъ чиновниками, такъ и просто предъ притѣснителями. Такъ патріархъ писалъ патрицію и доместику Маріану: „вотъ прекрасный случай выразить и свою дружбу и выказать справедливость"; затѣмъ патріархъ рекомендуетъ ему одного „обиженнаго, который, хотя ему патріарху и не знакомъ, но дѣло котораго очевидно". Въ своемъ другомъ письмѣ къ тому же лицу патріархъ выражаетъ свою радость и благодарность, что этотъ чиновникъ дѣло такъ скоро и хорошо покончилъ [2]). При другомъ случаѣ патріархъ обращается съ письмомъ къ Канодохосу Доміану, который жестоко обидѣлъ одного человѣка, отнявъ у него единственный клочекъ земли, отъ котораго этотъ человѣкъ питался [3]). Фотій пишетъ свои увѣщательныя письма не тогда

1) Phothii epistolae. Lib. III, ep. 11, p. 936; ep. 49 p. 958—9.
2) Phothii epistolae. Lib. III, epp. 54. 55. p. 963.
3) Phothii epistolae. Lib. III, ep. 35. p. 951.

только, когда зло уже сдѣлало свое дѣло, но и тогда, когда зло возможно только; патріархъ беретъ на себя задачу предупреждать зло. Такъ сохранились до насъ его письма къ молодымъ чиновникамъ, которые только что вступили на общественную службу, и которыхъ онъ молитъ оставаться вѣрными долгу, чести и закону евангельскому; онъ также одобряетъ и ободряетъ добрыхъ чиновниковъ [1]). И другія стороны общественной жизни не ускользали отъ вниманія такихъ ревностныхъ пастырей, какъ Фотій. Его особенно занимала мысль о развитіи благотворительности. Нѣкоторыя его письма съ глубокимъ чувствомъ и великимъ сознаніемъ важности этой задачи—трактуютъ о благотворительности. Къ ней онъ призываетъ и во имя гуманности, и во имя Бога [2]). Самъ прекрасно образованный и хорошо воспитанный и въ письмахъ своихъ темой для бесѣды Фотій беретъ вопросъ о воспитаніи. Онъ указываетъ значеніе надлежащаго воспитанія, и даетъ прекрасные педагогическіе совѣты и предписанія [3]). Въ такихъ же отношеніяхъ къ обществу, тѣсныхъ и живыхъ, стоялъ и другой святитель нашей эпохи—патріархъ Николай Мистикъ. „Онъ былъ дѣятеленъ по всѣмъ сторонамъ жизни общественной; съ ревностію оберегалъ благосостояніе гражданъ, прекращалъ ихъ распри, подавалъ благовременный совѣтъ, чиновниковъ увѣщевалъ къ человѣколюбію и справедливости и для многихъ былъ истинною опорою“ [4]). Мы уже упоминали выше, что византійское общество, между множествомъ другихъ темныхъ сторонъ нравственности, въ особенности пятняло себя широкимъ распространеніемъ суевѣрныхъ языческихъ обрядовъ. Церковь вступаетъ и съ этимъ порокомъ въ борьбу. При патріархѣ Ни-

[1]) Phothii epistolae. Lib. III, epp. 46; 23; 42.

[2]) Phothii epistolae. ibid. Liber. I, ep. 8, p. 626 и д.; Lib. III, ep. 5. p. 930; lib. III, ep. 59, p. 967.

[3]) Phothii epistolae. L. III, ep. 36. p. 951; Lib. II, ep. 47. p. 863

[4]) Hergenröther. Phothius. Band. III, s. 702.

колаѣ былъ слѣдующій соблазнительный случай. Верховные военачальники столицы Константинополя не постыдились прибѣгнуть къ языческимъ кострамъ и жертвамъ, чтобы умилостивить духовъ злобы поднебесныхъ къ воинамъ исходящимъ на брань. Фактъ этотъ былъ поразителенъ. И патріархъ, обличивъ суевѣріе, налагаетъ эпитимію на допустившихъ такіе обряды. Къ чести виновныхъ нужно сказать, что они безпрекословно приняли на себя эту церковную эпитимію [1]). Изъ практики церковной временъ Фотія сохранилось каноническое посланіе, которое также направлялось противъ одного суевѣрнаго обряда, встрѣчавшагося въ низшихъ классахъ народа. Вотъ тотъ случай, который подалъ поводъ къ составленію каноническаго письма. Нѣсколько человѣкъ христіанъ вздумали отыскивать скрытыя будто сокровища во гробѣ или могилѣ какого-то язычника. Долго копали они, но напрасно. Тогда они пришли къ такой мысли: земля не хочетъ возвратить намъ скрытаго сокровища потому, что мы не убили собаки и не поѣли ея мяса. Сказано и сдѣлано. Но потомъ они поняли, что они поступили худо, пришли къ епископу и просили его о разрѣшеніи своего грѣха. Доведено было объ этомъ до свѣдѣнія Фотія. Патіархъ положилъ, сообразно съ канонами церковными, за ѣденіе нечистаго покаяніе въ продолженіи 40 дней, съ присоединеніемъ различныхъ молитвословій; но такъ какъ въ настоящемъ случаѣ къ этому преступленію примѣшалось и другое нечестіе, именно таковымъ ѣденіемъ собачьяго мяса хотѣли произвести заклятіе на землю, то за такое суевѣріе церковное наказаніе увеличивалось. Впрочемъ, вообще положено, что церковное наказаніе въ подобныхъ случаяхъ могло и увеличиваться и сокращаться, смотря по образу поведенія подвергаемыхъ эпитиміи [2]).

[1]) Nicolai Patriarchi epistolae. Epp. 66, 67 p. 266 -267. Migne, Patr. Cursus. ser. Graeca. t. CXI.

[2]) Phothii epistolae. ibid. Lib I, ep. 20. p. 787.

Доселѣ мы говорили, такъ сказать, объ идеальныхъ сторонахъ вліянія церкви на государство и общество. Церковь выражала себя какъ воспитательница и руководительница общества въ увѣщаніяхъ, внушеніяхъ, обличеніяхъ и прещеніяхъ. Но она не ограничивалась этими функціями своей власти. Слова ея оправдывались ея дѣлами. И въ повседневной практикѣ церковь заявляла о своемъ стремленіи служить благу общественному—осязательными фактами. Она не побуждала только къ благотворительности, какъ христіанскому долгу, но прямо благотворила неимущимъ, указывая въ себѣ образецъ для подражанія. Патріархъ Фотій, какъ всегда и вездѣ, и въ дѣлѣ благотворительности показываетъ свою неутомимую дѣятельность. Въ рукахъ его сосредоточены были всѣ благотворительныя заведенія. Но онъ не ограничивался тѣмъ, что уже было. Онъ старался объ основаніи и устроеніи новыхъ благотворительныхъ учрежденій, чѣмъ увѣковѣчиваетъ свою память. Средства для сего доставлялись отчасти частными лицами; онъ получаетъ право принимать духовныя завѣщанія ad pias causas, сдѣланныя въ цѣляхъ благотворительныхъ. Но онъ не считалъ незаконнымъ употреблять и церковныя деньги для той же цѣли. А насколько была богата патріаршая церковь, это видно изъ того, что Софійская церковь въ Константинополѣ обладала богатыми денежными средствами и имѣніями, которыми распоряжалось особенное лице духовное—великій экономъ. Широко развитая благотворительность во дни Фотія выставляла этого патріарха въ блестящемъ свѣтѣ и предъ народомъ и предъ клиромъ [1]). Церковь не вопила только о справедливости и состраданіи къ несчастнымъ и угнетеннымъ, но и давала фактическія подтвержденія, что подобныя заботы дѣйствительно близко лежали ея сердцу. Мы говоримъ о такъ называ-

[1]) Anastasii, praefatio in. Conc. 869 an. pag. 963. Apud Labbeum. Concilia Tom. VIII. Hergenröther. ibid. Band II, s. 583—4.

емомъ правѣ церковнаго убѣжища (jus asyli), которое церковь постоянно поддерживала, какъ учрежденіе священное и ей дорогое. Патріархъ Фотій твердо стоялъ за это право церкви. Въ свое первое патріаршество онъ дѣлаетъ прекрасное употребленіе изъ этого права. Онъ даетъ убѣжище въ церкви нѣкоему Христодулу, котораго гналъ временщикъ Варда. Въ качествѣ служителя алтаря онъ ходатайствуетъ предъ грознымъ властителемъ за Христодула, нашедшаго защиту въ церкви. Это учрежденіе, весьма благодѣтельное въ безправномъ византійскомъ царствѣ, позднѣе защищаетъ патріархъ Николай Мистикъ. И само позднѣйшее гражданское законодательство, хотя и стремилось ограничить его, въ принципѣ однакожъ признавало его [1]). Церковь не проповѣдывала только о важности и значеніи образованія, но и принимала на себя дѣйствительныя попеченія о воспитаніи юношества. Лишь только облегчилось тяжелое положеніе Фотія, низверженнаго съ каѳедры при импер. Василіи, какъ онъ открываетъ школу въ Магнаврскомъ дворцѣ. Множество юношей стекается къ учителю патріарху, чтобы удовлетворить своей жаждѣ къ знанію. Онъ становится воспитателемъ дѣтей императора Константина, Льва, Стефана, Александра. Изъ нихъ Левъ, подъ руководствомъ Фотія, пріобрѣлъ познаніе въ наукахъ реторическихъ, философскихъ, богословскихъ, математическихъ и др., и сдѣлался извѣстенъ какъ ученый и писатель [2]).

Важнѣйшую сторону взаимноотношенія церкви къ государству составляютъ ея заботы о нуждахъ государства, ея споспѣшествованіе крѣпости и цѣлостности государственной организаціи. Словомъ, мы хотимъ сказать объ отношеніяхъ церкви къ государству, которыя можно характеризовать такъ: *церковь на службѣ государству*.

[1]) Phothii epistolae. ibid. Lib I, ep. 5, p. 624. Hergenröther B. II, s. 592.

[2]) Theophanes Continuatus. ibid p. 389. Chronographia. p 276–277. Ed. Bonn. Hergenröther. B. II, s. 266. 669.

Церковь не считала себя на столько замкнутою въ своихъ интересахъ, чтобы не подавать руки помощи государству, гдѣ это было нужно, полезно, необходимо. Мы встрѣчаемъ иногда патріарховъ во главѣ государственнаго управленія. Патріархъ Николай Мистикъ по духовному завѣщанію императора Александра дѣлается оффиціальнымъ регентомъ византійскаго государства въ малолѣтство племянника Александрова Константина Порфирогенета. Хотя патріархъ и раздѣлялъ власть съ другими опекунами малолѣтняго принца, однакожъ въ сущности все управленіе государствомъ сосредоточивалось въ его рукахъ. И нужно замѣтить, не смотря на затруднительное положеніе государства, онъ правилъ съ мудростію [1]). Даже когда Константинъ Порфирогенетъ провозгласилъ себя принявшимъ въ свои руки дѣла государственныя, патріархъ еще разъ призывается императоромъ въ помощники себѣ по управленію царствомъ, хотя и не надолго [2]). Управленіе государствомъ патр. Николая заслуживаетъ лестнаго отзыва со стороны современныхъ намъ историковъ [3]). Позднѣе въ XI вѣкѣ мы встрѣчаемъ близко стоящими къ управленію государствомъ нѣкоторыхъ митрополитовъ и монаховъ [4]). Важную услугу церковь оказывала государству, когда выступала со всею энергіею противъ возмутителей имперіи, узурпаторовъ, искателей престола. Патр. Николай Мистикъ, не смотря на свои связи съ Константиномъ Дука, когда этотъ послѣдній вздумалъ было занять престолъ константинопольскій въ малолѣтство Константина Порфирогенета, оказалъ ему рѣшительное сопротивленіе и въ качествѣ регента имперіи строго наказалъ сообщниковъ Дуки [5]). Подобный же примѣръ встрѣчаемъ въ жизни патрі-

1) Theophanes Contin. ibidem. p. 380. Symeon Magister. Annales 717. p. Bonnae. Cedrenus, ibidem. p. 278.

2) Symeon Mag. ibid. p. 726.

3) Herg nröther. ibid. B. III, s. 702.

4) Zonara. ibid. p. 286. Michael Attaliota. Historia. p. 296. Edit. Bonn.

5) Theophanes Cont. ibidem. p. 382—4.

арха Михаила Керулларія. Нѣкто Θеодосій, двоюродный братъ Константина Мономаха, вздумалъ было свергнуть съ престола недѣятельнаго и неискуснаго императора Михаила Стратіотика. Этотъ Θеодосій однажды въ вечернее время устремился съ своими сообщниками къ царскому дворцу, съ намѣреніемъ убить Стратіотика и объявить себя императоромъ, а когда не удалось ему исполнить этого намѣренія, то прибылъ къ Софійскому храму, надѣясь, что патріархъ приметъ его сторону. Но надежда обманула его; патріархъ узнавши о возмущеніи дѣйствительно тотчасъ отправился въ Софійскій храмъ, но вмѣсто того, чтобы принять сторону Θеодосія, какъ думалъ узурпаторъ, велѣлъ затворить двери храма и не впускать никого изъ возмутителей. Между тѣмъ Θеодосій былъ усмиренъ. Позднѣе, впрочемъ, Михаилъ Керулларій убѣдилъ неспособнаго императора отказаться отъ престола, и помогъ занять оный болѣе достойному мужу Исааку Комнену [1]). Еще случай: въ царствованіе Василія II (975—1025) одинъ изъ его военачальниковъ Варда Склиръ возмутился противъ императора. Государству грозила опасность. Тогда одинъ изъ епископовъ Стефанъ Никомидійскій отправляется къ Вардѣ, чтобы уговорить его—прекратить междоусобіе. На этотъ разъ впрочемъ предстательство святительское не имѣло успѣха. Узурпаторъ отвѣчалъ святителю на его увѣщанія, указывая на свою правую ногу, обутую въ багряную обувь царскую: „человѣче! невозможно обутому такимъ образомъ разуться въ виду столь многихъ, и такъ скажи пославшимъ тебя, чтобы они добровольно признали меня царемъ, а не то я противъ воли добуду себѣ царство" [2]). Но въ дѣйствительности онъ не добылъ его. Наконецъ извѣстно, что патріархъ Алексѣй Студитъ издавалъ многія соборныя опредѣленія противъ возмутителей царства; въ нихъ за участіе въ возмущеніи и бунтахъ угрожалось анаθемой [3]). Церковь въ

[1]) Cedrenus. ibid. p. 612. 613.
[2]) Cedrenus. ibidem. p. 420—422.
[3]) Hergenröther. ibid. Bond. III, s. 731.

случаѣ крайней нужды государственной не отказывалась пособлять государству и своими матеріальными средствами. Такъ при патріархѣ Николаѣ Мистикѣ миръ съ болгарами былъ купленъ дорогою цѣною со стороны государства: патріархъ не отказался въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ помочь государству деньгами церковными, какъ это нерѣдко случалось. Патріархъ разсылаетъ къ подвѣдомственнымъ ему митрополитамъ окружное посланіе, которымъ, указывая на варварское болгарское нашествіе и на общую нужду государственную, требовалъ отъ нихъ сколько возможно большей доставки золота изъ ихъ церквей и монастырей провинціальныхъ; эти приношенія должны были представлять или лично сами митрополиты или чрезъ довѣренныхъ людей въ Константинополѣ. Если же кто изъ митрополитовъ воспротивится этому распоряженію, такимъ онъ грозилъ отлученіемъ; если же кто доставитъ слишкомъ мало, церкви таковыхъ чрезъ чиновниковъ будутъ изслѣдованы [1]). Извѣстно, что въ изучаемый нами періодъ государство византійское сильно страдало отъ нападеній безчисленныхъ дикихъ или полудикихъ сосѣднихъ народовъ. Это было однимъ изъ постоянныхъ несчастій государства. Церковь не оставляла государство и здѣсь безъ помощи, насколько это возможно было. Церковь обращалась къ предводителямъ этихъ народовъ съ сильнымъ словомъ увѣщанія и убѣжденія. Представляемъ поучительный примѣръ. Симеонъ, царь болгарскій пользуясь малолѣтствомъ Константина Порфирогенета (913—20), не разъ нападаетъ на имперію, изъявляя притязанія на самый престолъ византійскій. Тогдашній патріархъ Николай Мистикъ обращается къ властолюбивому Симеону съ цѣлымъ рядомъ писемъ, которыми старается отвратить грозу, собиравшуюся надъ государствомъ. Вотъ содержаніе перваго письма, съ которымъ обращается патріархъ къ царю болгар-

[1]) Nicolai patr. epistolae, ibid. ep. 92, p. 298; Epistola 94, p. 300 301.

скому. „Не чернилами, а слезами“, по собственному выраженію его, писалъ онъ Симеону. Онъ убѣждалъ Симеона подумать, какъ это преступно въ очахъ Бога и людей, указывалъ на общаго Отца сиротъ (императоръ былъ сирота и малолѣтенъ), который съ негодованіемъ видитъ и не оставляетъ безъ наказанія обиды противъ каждаго сироты, а тѣмъ болѣе противъ сироты—царя, напоминалъ общіе мирные договоры, постановленные со времени крещенія болгаръ (въ IX в.) и потомъ возобновленные и утвержденные собственными его клятвами. „Что это сынъ мой—писалъ патріархъ—какой лукавый демонъ позавидовалъ твоей славѣ, побудилъ тебя къ тому, чтобы наслѣдовать имя тиранна? Сколько лучше именоваться княземъ по милости Божіей, чѣмъ тиранномъ“. Что бы выставить поразительнѣе все неблагородство покушенія Симеона противъ малолѣтняго государя, патріархъ приводитъ изъ прежнихъ временъ примѣръ Персидскаго царя Хозроя, который среди жестокой войны съ императоромъ Аркадіемъ, узнавъ о его смерти и вступленіи на престолъ шестилѣтняго сына его Ѳеодосія, не только прекратилъ войну, но и отправилъ къ сенату своихъ пословъ, съ объявленіемъ, что будетъ попечителемъ о царѣ младенцѣ, и для защиты его въ случаѣ насилія двинетъ всѣ свои войска противъ города Константинополя и, разрушивъ самыя основанія, сброситъ его въ море. „Слышишь ли, спрашиваетъ патріархъ, слышишь ли о человѣколюбіи царя варвара и нечестивца? Что же скажешь? Или почтешь для себя лучшимъ, чтобы ты, христіанинъ, чающій наслѣдія славы вѣчной, за свое властолюбіе содѣлался хуже варвара, огнепоклонника“. Въ заключеніе патріархъ прибѣгаетъ къ своей власти—вязать и рѣшить и, угрожая наложить на Симеона узы духовныя, требовалъ, чтобы онъ оставилъ свои непріязненныя намѣренія противъ имперіи [1]). Долго въ письмахъ патріархъ

[1]) Nicolai epistolae. Ep. 5, p. 46—55.

Николай препирался съ царемъ болгарскимъ, наконецъ таки патріарху удалось склонить Симеона къ миру. Симеонъ, стоя подъ стѣнами Константинополя, пожелалъ имѣть свиданіе съ патріархомъ и вельможами для переговоровъ о мирѣ. Патріархъ, нисколько не боясь какихъ либо коварствъ со стороны Симеона, отправился къ нему. Но на этотъ разъ еще дѣло не пришло къ желанному концу: Симеонъ захотѣлъ видѣть кромѣ патріарха и императора (Романа). Императоръ, послѣ сильнаго колебанія, однакожъ принялъ это предложеніе Симеона. Онъ рѣшился отправиться къ царю болгарскому вмѣстѣ съ патріархомъ. Оба они молили, что бы Богъ смягчилъ сердце Симеона. Для большей безопасности, императоръ взялъ съ собой изъ Влахернскаго храма хранящуюся въ ковчегѣ ризу (омофоръ) Богоматери и былъ сопровождаемъ отрядомъ солдатъ. На этомъ свиданіи съ Симеономъ патріарху пришлось выслушать со стороны царя болгарскаго грубыя шутки. Напр. Симеонъ говорилъ патріарху: „твоими молитвами убитъ мой конь". Но патріархъ ради блага государственнаго перенесъ все. Симеонъ увѣрялъ императора и патріарха, что онъ рѣшительно желаетъ мира съ имперіею [1]). И дѣйствительно на слѣдующій годъ миръ былъ окончательно заключенъ между болгарами и греками.

Вотъ тѣ факты, въ какихъ выразилось стремленіе церкви служить нуждамъ, пользамъ и благу государственному. Изъ нихъ видно, что церковь не стояла особнякомъ отъ государства и не смотрѣла равнодушно на его несчастія. По силамъ она помогала государству.

Говоря о вліяніи церкви на общество и о стремленіяхъ ея вліять на оное, мы не должны умалчивать, что нѣкоторые пастыри церкви не были настолько ревностны въ исполненіи своего пастырскаго долга, насколько этого можно было желать отъ нихъ. Опредѣленныхъ фактовъ въ этомъ родѣ,

[1]) Theoph. Continuatus. ibid. p. 405—7. Nicolai epistolae. ibid. ep. 31, p. 189.

къ счастію, впрочемъ немного. Можно указать на то, что напр. патріархъ Поліевктъ безпрепятственно помазываетъ на царство Іоанна Цимисхія, хотя ему было хорошо извѣстно, что Іоаннъ былъ участникомъ въ убійствѣ предшествующаго императора. Онъ не напоминаетъ Іоанну объ этомъ фактѣ и не осмѣливается наложить на него какого-либо церковнаго наказанія. Общество византійское, какъ кажется, однакожъ не совсѣмъ благосклонно смотрѣло на потворство патріарха, и онъ долженъ былъ оправдываться. Но какъ онъ оправдывается? Такъ, что его оправданіе кладетъ новую тѣнь на его нравственныя понятія. Патріархъ разсуждалъ: „поелику помазаніе при св. крещеніи очищаетъ всѣ грѣхи, совершенные дотолѣ, какъ бы ни были они велики, такъ и помазаніе на царство уничтожило всѣ грѣхи, сдѣланные Цимисхіемъ до коронованія, и въ особенности смертоубійство [1]). Кто не скажетъ—теорія очень оригинальная. Патріархъ таинство миропомазанія уравниваетъ съ обрядомъ помазанія царей на царство, въ ихъ послѣдствіяхъ! Не должно ли было подобное ученіе быть благопріятнымъ для всѣхъ цареубійцъ и узурпаторовъ, какъ скоро они достигли трона? Другой патріархъ Алексѣй Студитъ запятналъ себя еще большимъ преступленіемъ: разсказъ объ этомъ преступленіи кажется едва вѣроятнымъ. Императрица Зоя, отличавшаяся сластолюбіемъ, влюбилась въ нѣкоего Михаила Пафлагонянина, задушила въ ваннѣ своего мужа Романа III и захотѣла тотчасъ выдти въ замужъ за Михаила. Это было въ ночь на великую пятницу 1034 года. Она возсѣла на императорскій тронъ, объявляя такимъ образомъ себя правительницею государства; призвала къ себѣ патріарха Алексѣя Студита и требовала, чтобы онъ тотчасъ же обвѣнчалъ ее съ ея возлюбленнымъ Михаиломъ Пафлагоняниномъ. Патріархъ колебался; была ночь на великую пятницу, однакожъ под-

[1]) Leo Diaconus. ibid. p. 98—99. Cedrenus. ibid. p. 379—381. Валсамона толкованіе на 12 пр. Анкирскаго соб ра. Bever gii, Pandectae canonum Apostolorum et conciliorum, Tomus I, p. 385.

рокъ въ 50 фунтовъ золота патріарху и такой же подарокъ для клира вывелъ патріарха изъ колеблющагося состоянія. Въ ту же ночь онъ обвѣнчалъ Зою и Михаила, а на другой день похоронилъ убитаго императора Романа [1]). Иногда патріархи константинопольскіе, пользуясь своимъ высокимъ положеніемъ, доходили до гордости и высокомѣрія въ отношеніи къ императорамъ, какія конечно не могли рекомендовать ихъ. Въ этомъ отношеніи особенно извѣстенъ Михаилъ Керулларій. Этотъ патріархъ содѣйствовалъ императору Исааку Комнену войти на тронъ. Императоръ за это высоко чтилъ патріарха и дѣлалъ ему много угоднаго. Но патріархъ впослѣдствіи зазнается; онъ осмѣлился въ лице сказать императору, что онъ своею рукою даровалъ ему корону и можетъ опять лишить оной. Императора это не могло не оскорбить. Но этого мало. Онъ началъ присвоять себѣ императорскіе знаки отличія. Возложилъ на себя царскія регаліи и началъ носить пурпуровую обувь. Патріархъ былъ схваченъ по приказанію императора и заключенъ въ монастырь, гдѣ и умеръ [2]). Разумѣется, патріархъ вполнѣ заслуживалъ этого. Иные изъ патріарховъ достигали своего высокаго сана не иначе, какъ путемъ уступокъ императорамъ, къ ущербу для интересовъ церкви. Такъ Константинъ Лихудъ, бывшій министръ Константина Мономаха, а теперь экономъ богатаго монастыря Мангинскаго, достигаетъ утвержденія императоромъ въ патріаршествѣ подъ условіемъ уничтоженія особенныхъ привиллегій, какими пользовался монастырь Мангинскій и передать его вѣдѣнію императора [3]). И такимъ образомъ честолюбіе ставилось выше интересовъ церкви.

III.

Мы видѣли, такимъ образомъ, въ чемъ проявлялась дѣятельность церкви въ ея отношеніи къ государству и обще-

[1]) Mich. Glycas. Annales. p. 585. Edit. Bonn. Cedrenus. ibidem. p. 505.

[2]) Ioannes Scylitza. Excerpta ex breviario historico. p. 641—644. Bonnae. Zonara. ibid. p. 269.

[3]) Zonara. ibidem. p. 270.

ству. Церковь дѣлала, что могла, хотя она далеко еще въ своей дѣятельности не приближалась къ тому идеалу, какой начертанъ для нея въ Евангеліи съ его требованіемъ вполнѣ проникнуть общество идеями святости и добра. Чтоже съ своей стороны дѣлало государство для церкви? Намъ не нужно входить въ какія либо сложныя разсужденія о томъ, должно ли, обязано ли было что либо государство дѣлать для церкви съ своей стороны. Вопросъ этотъ рѣшается для насъ просто: если государство искало и желало вліянія церкви на общество, если оно принимало ея услуги въ этомъ отношеніи, то естественно оно должно было чѣмъ либо платить за эти услуги съ своей стороны. Оно должно было споспѣшествовать ея цѣлямъ и по крайней мѣрѣ не препятствовать ея священной задачѣ. Государство только при этомъ должно было помнить, гдѣ оканчиваются предѣлы его власти по отношенію къ церкви, гдѣ начинается собственная сфера церкви, неприкосновенная ни для кого, священная и для самихъ государей.

Въ такую эпоху, какъ эпоха, какую мы описываемъ, эпоху общей религіозности, составлявшей душу общества, хотя эта религіозность и не была глубока и серіозна, можно ожидать, что государство много дѣлало для церкви, содѣйствуя ея цѣлямъ. И мы дѣйствительно не обманываемся въ этомъ случаѣ.

Прежде всего государство съ охотою и ревностію жертвовало своими матеріальными средствами на пользу церкви. И замѣчательно, не только лучшіе государи, но и худшіе между ними не отказывались помогать церкви въ матеріальномъ отношеніи. Трудно перечислить тѣ многочисленныя постройки тамъ и здѣсь храмовъ, которыя совершены по волѣ государей. Императоръ Василій Македонянинъ настроилъ и возобновилъ множество церквей въ Константинополѣ и другихъ мѣстахъ. Онъ исправилъ и украсилъ храмъ Софійскій, построилъ церковь въ честь архангела Михаила въ Аркадіанѣ; онъ же построилъ другую церковь въ честь св.

Иліи въ восточной части императорскаго дворца съ двумя придѣлами въ честь св. Климента и Спасителя, а на западной сторонѣ того же дворца построилъ церковь въ честь Петра и Павла. Онъ основалъ церковь въ честь Божіей Матери на форумѣ Константинополя и пр. пр. Кромѣ того, онъ не отказывался, напротивъ охотно устроивалъ и монастыри. Онъ устроилъ монастырь въ честь св. Діомида. Онъ возобновилъ церковь св. Фоки въ Стеносѣ, которую онъ соединилъ съ мужскимъ монастыремъ и сдѣлалъ въ нее богатые вклады [1]). Что дѣлалъ императоръ Василій по части построекъ церквей и монастырей, тоже дѣлали и другіе. Императоръ Никифоръ Фока даетъ деньги на устроеніе церкви на горѣ Аѳонской [2]). Его преемникъ Іоаннъ Цимисхій построилъ церковь во имя Спасителя надъ воротами Халкійскими [3]). Императоръ Романъ III покупаетъ одинъ домъ, чтобы обратить его въ монастырь Пресв. Дѣвы, заботливо отдѣлавъ его [4]). Императоръ Алексѣй Комненъ даетъ цѣлый о. Патмосъ одному монаху Христодулу для устройства здѣсь монастыря и объявляетъ его изъятымъ отъ всякаго рода налоговъ [5]). Какъ построеніе церквей и монастырей было предметомъ постоянныхъ заботъ царственной власти, такъ точно таже власть не отказывалась дѣлать въ пользу ихъ болѣе или менѣе значительные матеріальные вклады и приношенія. Императоръ Василій Македонянинъ значительно увеличилъ доходы Константинопольскаго храма св. Софіи [6]). Императоръ Константинъ Мономахъ взялъ громадную сумму денегъ съ своихъ союзниковъ грузинъ, вмѣсто 50,000 войска, какое они должны были выставить для защиты границъ; часть

[1]) Hergenröther. Photius patr. von Constantinop. Band II, s. 680 — 1. Theophan. Continuatus, Chronographia, p. 321, Bonnae: „Basilius plerasque sacrosanctas et divinas aedes errexit“.

[2]) Порфирія, еп. Чигиринскаго «Исторія Аѳона». «Труды Кіевской Дух. Академіи». 1871, Часть 4. Стр. 241.

[3]) Cedrenus. Historiarum Compendium. Tom. II, p. 413. Bonnae: „templum aedificavit nulli sumptui parcens, dum id quam ornatissimum faceret“.

[4]) Cedrenus, ibidem. p. 497: „nullis parcens sumptibus“.

[5]) Zachariae. Jus Graecoromanum. Pars III, Novella XXX p. 370.

[6]) Theoplanus Contin. ibidem. p. 322.

этихъ денегъ раздалъ церквамъ въ своей столицѣ, начиная съ св. Софіи, и большую часть ихъ употребилъ на постройку Манганскаго монастыря. Между тѣмъ какъ императоръ употреблялъ деньги на храмы и монастыри, на Грузію напали варвары и разграбили ее [1]). Не оставляетъ церкви безъ матеріальной поддержки и императоръ Константинъ X [2]). Особенно охотно императоры одаряли деньгами монастыри Аѳонскіе. Императоръ Романъ I назначилъ по одной монетѣ на монаха Аѳонскаго. Императоръ Никифоръ Фока назначилъ въ пользу лавры св. Аѳанасія на Аѳонѣ 244 златницы изъ доходовъ о. Лемноса. Императоръ Михаилъ Стратіотикъ прибавилъ для той же лавры три литра (фунта) къ прежнимъ 20 литрамъ и 8 монетамъ, кои она получала по милости прежнихъ царей, и прочимъ лаврамъ на горѣ пожаловалъ еще 10 литръ въ добавокъ къ 170 литрамъ, отпускаемымъ для нихъ изъ царской казны. Тоже дѣлали въ отношеніи къ Аѳону и другіе императоры [3]). И другими способами императоры византійскіе выражали свою заботу о внѣшнемъ благосостояніи церкви. Такъ, многіе императоры своими хрисовулами (указами) старались вообще обезпечить благоденствіе и спокойную жизнь монаховъ Аѳонскихъ. Или же они запрещали посягать на имущества, которыми уже владѣла церковь. Императоръ Алексѣй Комненъ хрисовуломъ запрещаетъ своимъ преемникамъ пользоваться церковными имуществами въ случаѣ нуждъ государственныхъ [4]). Тотъ же императоръ другимъ указомъ опредѣлялъ слѣдующее въ пользу духовенства: чтобы ни въ какомъ случаѣ, даже въ самыхъ тѣсныхъ обстоятельствахъ времени, духовныя лица церкви восточной не были лишаемы ихъ доходовъ [5]).

Иногда императоры въ пользу церкви дѣлали чрезвычай-

[1]) Cedrenus ibidem. p. 608—609. Muralt. Essai de Bysantine Chronographie. p. 629. Edition 1855.
[2]) Muralt. Essai de chronog. Bysant. t. I, p. 6. Edition. 1871.
[3]) Порфирія еп. Чигиринскаго, ibid. 1871 г., часть 4, стр. 2 6—243; 1873 г., ч. I, стр. 35. 50.
[4]) Zachariae, ibid. Novella XXII, p. 355.
[5]) Zachariae, ibid. Nov. XXXIII p. 384.

ныя приношенія, свидѣтельствовавшія объ ихъ религіозности. Императоръ Іоаннъ Цимисхій изъ своего похода въ Сирію и Палестину возвращается въ Константинополь со многими реликвіями. Между этими реликвіями особенно замѣчательны: сандаліи Спасителя и волоса Іоанна Крестителя еще мокрые, какъ бы сейчасъ окровавленные; первая драгоцѣнность пожертвована императоромъ въ церковь Богородицы во дворцѣ, вторая—въ храмъ Спасителя, построенный самимъ Цимисхіемъ. Въ числѣ военной добычи привезенъ былъ въ Константинополь также и чудотворный образъ распятія Спасителя [1]. Но самымъ знаменитымъ приношеніемъ, какое когда либо получала церковь Константинопольская, благодаря усердію императоровъ—это было приношеніе Едесскаго образа. Императоръ Романъ I (920—44) принесъ его изъ похода на Арабовъ. Извѣстно происхожденіе этого образа [2]. Слава этого образа ничуть не померкла и въ то время, о которомъ мы говоримъ. Изъ исторіи этого образа распространены были дивные разсказы. Напр. разсказывали, что благочестивымъ царемъ Авгаремъ образъ этотъ былъ поставленъ на воротахъ города для чествованія всѣми, кто входилъ и выходилъ изъ города. Но сынъ Авгаря былъ человѣкомъ неблагочестивымъ, т. е. язычникомъ, и потому христіане, чтобы предохранить образъ отъ поруганія, замуравили его въ стѣну, поставивъ предъ нимъ лампадку. Прошли вѣка. Однажды было кому то откровеніе о томъ, гдѣ скрытъ образъ. Разломали стѣну, гдѣ указано было, нашли образъ и предъ нимъ еще непогасшую лампаду. Чудеса отъ этого образа были безчисленны. Отцы одного собора, чтобы доказать императору Өеофилу, иконоборцу, законность почитанія образовъ, ссылались на чудеса Едесскаго образа. Существовало много копій съ этого образа. Образъ имѣлъ необыкновенный даръ самъ себя воспроизводить: стоило только прило-

[1] Leo Diaconus. Historia p. 165—166. Edit. Bonn. Cedrenus, ibid. p. 364.
[2] См. объ этомъ предметѣ статью въ «Хр. Чтеніи» за 1874 годъ.

жить полотно или каменную плиту къ образу, какъ черты его неизгладимо отпечатлѣвались на этихъ предметахъ. Случалось, и обыкновеннымъ образомъ снимали съ изображенія копію. И что же? И эти чудесныя и нечудесныя копіи оказывались чудодѣйственными, только въ меньшей степени: Послѣ этого нельзя удивляться, если императоры Византіи всегда домогались, какъ бы перенести этотъ образъ въ свою столицу. Но этотъ образъ долго не попадалъ въ ихъ руки. дѣло въ томъ, что Едесса рано занята была Арабами, и Арабы съ уваженіемъ смотрѣли на святыню, которою владѣли ихъ подданные, жители Едессы. Наконецъ часъ обладанія этою безцѣнною драгоцѣнностію пробилъ таки для императоровъ Византіи. Это было при императорѣ Романѣ I, въ 944 году. Романъ велъ войну съ Арабами и съ успѣхомъ. Желая обладать святынею, онъ предлагалъ эмиру за обладаніе ею 200 плѣнныхъ Арабовъ и 12 тысячъ серебряныхъ монетъ. Эмиръ сначала не соглашался на подобную сдѣлку, боясь бунта народнаго. Но вотъ войска императора Романа довели эмира Едесскаго до крайности, онъ долженъ былъ просить мира. Императоръ первымъ условіемъ мира поставилъ выдачу образа Едесскаго. Въ прибавку къ миру императоръ обѣщалъ еще 200 плѣнныхъ и 12,000 денегъ. Жители Едессы должны были лишиться драгоцѣннѣйшаго для нихъ предмета. Они было подняли бунтъ; но тщетно. Тогда они рѣшились на хитрость: вздумали выдать одну изъ копій съ образа вмѣсто образа. Но и тутъ неудача. Въ городъ присланъ былъ епископъ Самотскій, который отлично зналъ оригиналъ. Притомъ же, въ видахъ безопасности отъ обмана, рѣшено было отобрать у Едессянъ и всѣ копіи съ образа. Наступила минута отправленія образа изъ Едессы. Поднялась буря, явилось знаменіе на небѣ; жители одушевились, поднялось возстаніе, но опять тщетно. Среди потоковъ крови христіанской драгоцѣнная святыня вынесена изъ города. Путь, по которому несенъ былъ образъ въ Константинополь, представлялъ зрѣлище необычайное. Всѣ сосѣднія мѣстности

въ Азіи приведены были въ движеніе; каждому хотѣлось почтить образъ. Во весь путь чудеса отъ образа не переставали. Самыя первыя лица въ имперіи съ войсками выходили встрѣчать образъ и отдавали ему царскія почести. Изъ всѣхъ городовъ выходили ему навстрѣчу епископы, клиръ и вѣрующіе въ торжественныхъ процессіяхъ. Но ничто не можетъ сравняться съ тѣми празднествами, какія происходили въ честь событія въ Константинополѣ. Образъ, какъ скоро внесенъ былъ въ Константинополь, останавливался въ различныхъ церквахъ столицы и въ различныхъ дворцахъ императоровъ; въ процессіи по городу шли пѣшкомъ императоръ со всѣмъ сенатомъ; несъ образъ патріархъ; весь безчисленный клиръ Константинопольскій, толпы епископовъ, собравшихся со всей имперіи, вся масса народа съ босыми ногами, какъ волны наполняли улицы, усыпанныя цвѣтами. Торжества длились немалое время, такъ что ихъ хватило и на начало царствованія Константина Порфирогенета, который вступилъ на престолъ мѣсяца чрезъ три послѣ событія [1].

Къ такимъ же чрезвычайнымъ фактамъ, служившимъ выраженіемъ ревности императоровъ о славѣ церкви, мы должны отнести и еще очень замѣчательный фактъ: императоръ Константинъ X (1059—1067), желая сохранить за собою часть свящ. Іерусалима, купилъ у Дагера калифа египетскаго четвертую часть Іерусалима [2].

Изъ этихъ приведенныхъ нами фактовъ, думаемъ, достаточно видно, насколько византійскіе императоры заботливы были о внѣшней славѣ церкви Христовой.

Но вотъ замѣчательно, тѣже самые императоры византійскіе готовы были и притѣснять церковь, да и пользоваться ея богатствами. И это тѣмъ замѣчательнѣе, что иногда тѣ

[1]) Theophanes Contin. ibid. p. 432. Symeon Magister. Annales. p. 748—749. Edit. Bonn. Georgius monachus, Vitae imp ratorum recentiorum. p. 918—919. Bonnae. Leo Grammaticus. Chronographia. p. 1159. Apud Migne, Cursus Patrologiae, ser. Graeca, tom. CVIII.—A. Rambaud. L'empire Grec, au 10 siècle (Constantin Porphyrogénète) p. 107—110. Paris. 1870

[2]) Muralt. Essai de Chron. Bys. t. I p. 8. Edition 1 71.

именно императоры, которые оказывали себя особенно попечительными объ ея внѣшнемъ благосостояніи, становились и ея обидчиками. Отъ ихъ притѣсненій страдалъ нерѣдко клиръ, а за клиромъ и монахи. Подобныхъ примѣровъ достаточно. Не мало духовенство и церковь потерпѣли, когда, въ малолѣтство Константина Порфирогенета, управляли государствомъ разные временщики. Въ это время встрѣчаемъ незаконныя притязанія областныхъ правителей, которые обременяли налогами людей патріаршихъ и расхищали имущество великой церкви константинопольской [1]). Притѣсняя клиръ, отнимали у него пособіе къ содержанію (ῥῶγα), которое искони, съ самаго начала церкви константинопольской, выдавалось изъ царской казны [2]). Притѣсненія клира доходили до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ священно-служители наравнѣ съ мірянами вынуждались нести военную службу. Объ этомъ печальномъ времени патріархъ Николай Мистикъ горько жалуется въ своихъ, исполненныхъ глубокой скорби, письмахъ. Въ письмѣ къ одному митрополиту Василію читаемъ: „сколько можно было доставить вамъ помощи отъ людей, мы не пренебрегли объ этомъ позаботиться, но просили написать стратегу, чтобы посвящаемыхъ церквамъ Божіимъ онъ освободилъ отъ налога"; патріархъ упоминаетъ „объ убитыхъ епископахъ и священникахъ". Особенно тяжелъ былъ для этого патріарха слухъ о томъ, что въ митрополіи никейской священники и діаконы назначаются въ военную службу. Изливая свою скорбь въ письмѣ къ патрицію Филоѳею, онъ говоритъ: „пощади Господи св. жертвенникъ Твой, еслибы то были и не изъ числа окружающихъ св. жертвенникъ (причетники), то и это было бы тяжко. Посвященное Богу не должно употреблять на мірское дѣло" [3]). Съ ревностію патріархъ заботился также и о возвращеніи

1) Nicolai patr. epistolae. Ep. 15', p. 379; ep 35, p. 222—223. Ap. Migne, Cursus patrol. Ser. Graeca Tom. CXI.
2) Nicolai epistolae. Ibidem. Ep. 72. p. 271.
3) Nicolai epistolae. Ep. 128. p. 346—7. Ep. 150, p. 376 377.

клиру отнятой руги. Не лучше было положеніе клира церкви восточной и въ царствованіе императора Никифора Фоки. Онъ сурово относился къ духовенству и монашеству. Напримѣръ онъ приказалъ епископу левкатскому, чтобы одна его церковь ежегодно вносила въ пользу государственной казны сто золотыхъ монетъ. Но это еще не все. Онъ и вообще старался уменьшить приношенія въ пользу церкви. Особеннымъ закономъ онъ хотѣлъ воспретить передачу имѣнія, въ особенности недвижимаго — монастырямъ и духовнымъ учрежденіямъ. Онъ непріязненно смотрѣлъ на монастыри, существовавшіе въ мѣстностяхъ населенныхъ, и позволялъ строить ихъ только въ безплодныхъ пустыняхъ, въ уединенныхъ горахъ и между скалами [1]). Конечно, можетъ быть, въ послѣднемъ случаѣ Фока былъ правъ, но все же нельзя не видѣть въ этихъ распоряженіяхъ стѣсненія церкви. Впрочемъ законы Никифора Фоки не долго удержались на практикѣ; они не соотвѣтствовали духу времени. Ихъ уничтожили: частію его преемникъ Іоаннъ Цимисхій, частію императоръ Василій II [2]). Но тотъ же императоръ Василій II дѣлаетъ вмѣсто отмѣненныхъ новыя притѣсненія духовенству. Онъ издалъ очень суровый законъ, чтобы и самые нищіе вносили подать. Но такъ какъ они не въ состояніи это дѣлать, то за нихъ должны вносить болѣе состоятельные и прежде всего высшее духовенство. Эта подать называлась аллелеггіонъ (ἀλληλέγγυον). Напрасно патріархъ просилъ императора объ уничтоженіи такого несправедливаго распоряженія; онъ стоялъ на своемъ. Правда, отправляясь на войну противъ болгаръ, онъ далъ обѣщаніе, въ случаѣ благопріятнаго исхода войны, уничтожить эту подать, однакожъ когда, по окончаніи войны, патріархъ напомнилъ царю объ его обѣщаніи, онъ отказался исполнить оное [3]). Особеннымъ

1) Nicephori Phocae novella I, p. 309—317. Edit. Bonn. При „Historia“ Leonis Diaconi. Cedrenus. Ibidem. p. 368. Hergenröther. Ibid. B. III, s. 716. Krause. Die Bysantiner des Mittelacters. s. 332. Halle. 1869.

2) Muralt. Ibidem. Edition. 1855, p. 549 579.

3) Glycas. Annales. p. 576—7. 579. Cedrenus. ibid. p. 456. 475.

самоволіемъ въ пользованіи церковными имуществами и въ распоряженіи ими ознаменовали себя два императора XI в., изъ славной фамиліи Комненовъ. Такъ Исаакъ Комненъ отнялъ у богатыхъ монастырей ихъ помѣстья и часть ихъ роздалъ бѣднымъ церквамъ и недостаточнымъ монастырямъ, но только часть [1]. Интересную страницу въ церковной исторіи составляетъ борьба церкви съ императоромъ Алексѣемъ Комненомъ, когда онъ осмѣлился обобрать церкви Константинополя. Нужно сказать, что императоръ дѣйствительно находился въ большой крайности. Онъ велъ ожесточенную войну съ норманнами. Средства государственныя были истощены. Онъ сначала обратился за помощію къ своей собственной фамиліи Комненовъ. Его мать, женщина умная, показала первая примѣръ пожертвованія на нужды государства; она отдала для передѣлки въ монеты все, что только было у ней золота и серебра. Императрица, его жена, принцъ братъ, всѣ Комнены, всѣ друзья—каждый удѣлилъ на общее дѣло, что кто могъ. Но это была капля въ морѣ. Всѣхъ этихъ богатствъ едва достало для того, чтобы заплатить долги войскамъ. Нужно было открыть новые источники денежные. Послѣ долгихъ размышленій Алексѣй рѣшился наконецъ воспользоваться сокровищами церковными; рѣшился обратить въ монету золотыя и серебряныя вещи изъ тѣхъ церквей, которыя наименѣе посѣщались публикой, подъ тѣмъ предлогомъ, что богатство служитъ не необходимости, а излишней роскоши. Впрочемъ придуманъ былъ резонъ и позаконнѣе. Именно, церкви считали правиломъ употреблять, въ случаѣ надобности, для выкупа плѣнныхъ даже самые св. сосуды. Для переговора съ духовенствомъ по этому щекотливому вопросу братъ императора прибылъ въ Софійскій храмъ и приказалъ собраться клиру, патріарху и епископамъ, какіе были тогда въ столицѣ. Когда эти собрались, онъ вы-

[1]) Ioannes Scylitza. Excerpta ex breviario historico. p. 642. Edit. Bonn., при „Compendium“ Cedreni.

сказалъ имъ о рѣшеніи императора, доказывая, что лучше въ случаѣ надобности государственной пожертвовать нѣкоторыми излишними украшеніями церковными, чѣмъ, не сдѣлавъ этого, допустить врага въ столицу и лишиться всего. Согласія на слова принца не послѣдовало. Тогда онъ перешелъ къ болѣе энергической рѣчи и сказалъ: „императоръ въ такомъ случаѣ находитъ себя вынужденнымъ употребить противъ васъ насиліе,—васъ, противъ которыхъ онъ не хотѣлъ бы употреблять насилія". Послѣ этой сильной рѣчи большинство выразило согласіе, не смотря на протестъ меньшинства, защищавшаго свободу церковную. Это дѣйствіе надолго сдѣлало ненавистною въ народѣ фамилію Комненовъ. Но это только первая часть драмы. Самымъ ревностнымъ противникомъ воли императорской былъ Левъ, епископъ халкидонскій, человѣкъ добродѣтельный, но суровый. Узнавъ, что двери церковныя ободраны, лишены своихъ украшеній, онъ прибылъ на мѣсто дѣйствія, растолкалъ толпу народа, прогналъ работниковъ и сталъ при входѣ въ церковь, объявляя, что онъ не потерпитъ подобнаго нечестія. Съ тѣхъ поръ при каждой встрѣчѣ съ императоромъ Левъ порицалъ его открыто за это нечестіе. Вскорѣ открылась новая нужда государственная. Напалъ снова врагъ (Скиѳы) на имперію. Императоръ захотѣлъ повторить свой прежній опытъ надъ церковными сокровищами. И удачно воспротивился одинъ Левъ. Замѣчателенъ аргументъ, какой приводилъ въ свою защиту ревностный епископъ. Онъ говорилъ, что иконы священны и по самому веществу, изъ котораго онѣ сдѣланы. Его ревность удвоилась. Надъ епископомъ Львомъ назначенъ былъ церковный судъ. Соборъ низложилъ его за упорство. Но это только увеличило число его партизановъ. Затѣмъ онъ сосланъ былъ въ Созополь, въ Понтѣ [1]. Теперь мы передадимъ третью часть драмы. Императоръ Алексѣй воз-

[1]) Anna Comnena. Alexiades. Tom. I, p. 226—231. Edit. Bon. Слич. рус. переводъ, томъ I, стр. 215—221. Петербургъ. 1859.

вратился изъ похода, счастливо окончивъ его. Ждетъ почести, радости, тріумфа въ Константинополѣ. Но не тутъ-то было. Вмѣсто привѣтствій, его встрѣчаетъ ропотъ. Императоръ понялъ, что народъ проклипалъ его, какъ тирана, за то, что онъ ограбилъ церкви, являясь новымъ Валтасаромъ. Дѣло въ томъ, что ревнители церкви воспользовались его отсутствіемъ, чтобы возстановить народъ противъ императора; подъ вліяніемъ духовенства народъ сталъ считать его ограбителемъ церкви, святотатцемъ; ненависть противъ Алексѣя воспылала. Напрасно императоръ сначала старался поставить дѣло такъ, чтобы вполнѣ оправдать себя, прибѣгая въ этомъ случаѣ даже къ коварству. Увѣрившись въ народномъ нерасположеніи къ себѣ, Алексѣй собралъ чрезвычайное собраніе въ дворцѣ Влахернскомъ. Здѣсь присутствовало все высшее духовенство, сенатъ и почетное воинство. На этомъ собраніи императоръ смѣло заявилъ, что онъ такъ мало взялъ у церквей, что объ этомъ и говорить нечего. Онъ утверждалъ, что онъ главнымъ образомъ воспользовался тѣмъ золотомъ и серебромъ, какое Мономахомъ положено на гробницѣ императрицы Зои, а помимо этого только немногими и притомъ вовсе ненужными церковными сосудами. Такое искусное представленіе своего поступка со стороны императора однакожъ не произвело никакого впечатлѣнія на собраніе. Соборъ молчалъ. Тогда императоръ думалъ было оправдать себя другимъ маперомъ. Онъ произноситъ трогательную рѣчь. Указываетъ на то, что и Давидъ въ необходимости ѣлъ самъ и его войско священные хлѣбы предложенія, и что онъ, императоръ, сдѣлалъ нѣчто подобное, но болѣе извинительное, потому что церковь допускаетъ выкупъ плѣнныхъ цѣной св. сосудовъ. Затѣмъ императоръ говорилъ: „нужда государственная была самая гнетущая. Нужно было освободить не нѣсколькихъ только несчастныхъ. Такими несчастными были цѣлыя провинціи, великіе города. Самому Константинополю, цѣлому христіанскому народу, грозило рабство“. Напрасно однакожъ

императоръ тратилъ свое краснорѣчіе. Во взорахъ всѣхъ онъ могъ читать одно неудовольствіе. Тогда онъ перемѣнилъ тонъ. Объявилъ себя глубоко виновнымъ, осуждая самого себя, и далъ обѣщаніе возвратить цѣну похищеннаго. Онъ тотчасъ же положилъ платить ежегодно извѣстную сумму, пока не покроетъ весь государственный долгъ церкви. Чтобы разогнать послѣднее облако неудовольствія народнаго, онъ публиковалъ указъ, которымъ воспрещалось на будущее время касаться церковныхъ имуществъ [1]. Церковь вышла торжествующею такимъ образомъ изъ этой борьбы своей съ царскою властью, присвоившею себѣ права распоряжаться по своему усмотрѣнію церковнымъ имуществомъ. Протестъ и страданія епископа халкидонскаго Льва не остались напрасными.

Таково было отношеніе государственной власти къ церкви, когда дѣло касалось внѣшняго благоденствія церкви, — это отношеніе было благопріятнымъ для церкви, но оно страдало непослѣдовательностію, уничтожавшею добрые плоды, которыхъ можно было ожидать отсюда.

Теперь посмотримъ на отношеніе власти государственной къ важнѣйшимъ, существеннѣйшимъ функціямъ власти церковной. Была ли церковь свободна въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ носительница священнѣйшей власти учить, управлять и издавать законы въ церкви? Къ сожалѣнію, мы должны сказать и въ подобныхъ функціяхъ церковь не была свободна отъ гнета государственнаго.

Чтобы понять, отъ чего это происходило, нужно взять во вниманіе то особенное оригинальное воззрѣніе на императора византійскаго, какое сложилось въ обществѣ того времени, какъ на лице священное въ церкви. Императоры могли забываться, при существованіи такого воззрѣнія, и дѣйствовать самовластно въ дѣлахъ религіозныхъ.

Какимъ особымъ религіознымъ сіяніемъ окруженъ былъ

[1]) Anna Comnena. Ibid. p. 275—278. С пт. рус. переводъ. Тамъ же, стр. 26? - 26?. Zachariae. Ibid. Novella XXII, p. 355.

Византійскій императоръ нашего времени, это хорошо видно изъ тѣхъ процессій, какія совершали императоры по великимъ праздникамъ, и какія назывались царскими выходами въ храмъ Софіи. Въ этихъ процессіяхъ выступаетъ предъ нами не царь міряninъ, а царь первосвященникъ. Посмотрите на его одежды, какія употреблялись при этихъ процессіяхъ Голова его украшена митрой, которая подходитъ близко къ митрѣ патріаршей. Сверху она украшалась крестомъ и драгоцѣнными камнями. На туловищѣ его надѣта одежда—саккосъ, которая имѣла круговидную форму, была длинна почти до земли и покрыта драгоцѣнными камнями. По формѣ своей саккосъ ничѣмъ не отличался отъ патріаршаго саккоса и только превосходилъ его своимъ внѣшнимъ блескомъ. Шея и плечи императора украшены были особенною повязью, великолѣпно изукрашенною и испещренною по золотому полю драгоцѣнными камнями: она называлалась діадемою. Эта повязь располагалась на шеѣ и плечахъ императора точно также, какъ и у патріарха его омофоръ. Императоръ одѣвалъ еще хламиду-мантію, которая по своей формѣ близко подходила къ фелони. Его свита въ этихъ процессіяхъ тоже одѣта была въ одежды, близкія къ церковнымъ. Начальники кубикуляріевъ (кабинетовъ) и патриціи шествовали въ скуфьяхъ и камилавкахъ на головѣ и въ мантіяхъ; такъ называемые магистры (управители надъ царской прислугой) шли въ бѣлыхъ одеждахъ (стихаряхъ), обшитыхъ золотомъ и пр. Во время этихъ процессій императоръ благословлялъ народъ: сначала средину, потомъ правую сторону, наконецъ—лѣвую. Неизвѣстно, было ли это благословеніе императорское сопровождаемо словами, или было безъ словъ. И нужно замѣтить, императоры преподавали свое благословеніе не при этой только религіозной процессіи, но и вообще въ торжественныхъ случаяхъ—всякій разъ при своемъ появленіи въ общественное собраніе. „Какъ намѣстникъ Бога на землѣ, онъ благословляетъ сановниковъ двора и толпу, съ высоты сѣдалища, сверху террасы“, говорится у

Константина Порфирогенета. Торжественныя процессіи въ храмъ Софіи императоровъ сопровождались пѣніемъ религіозныхъ пѣсенъ. Такъ пѣвцы пѣли такъ называемыя октологіи; т. е. возглашали особаго рода духовныя привѣтствія императору. Народъ или выборные изъ народа, отвѣчали на эти привѣтствія особыми кликами тоже религіознаго характера. Распорядитель этихъ религіозныхъ привѣтовъ (димократъ) запечатлѣвалъ эти торжественные клики народные троекратнымъ крестнымъ знаменіемъ. Приведемъ образцы тѣхъ духовныхъ привѣтствій, съ какими пѣвцы обращались къ императору въ этихъ процессіяхъ. Напр. пѣвцы провозглашаютъ въ день Рождества Христова припѣвъ третьимъ гласомъ: „звѣзда возвѣщаетъ солнце Христа, восходящаго изъ Дѣвы въ Виѳлеемѣ“ и прибавляли: „многая вамъ времена—*божественное величество*“ или „многая вамъ времена, служители Господа“. Народъ съ своей стороны отвѣчалъ: „многая вамъ времена“ и пр. Вообще эти возглашенія даютъ знать, что на императоровъ смотрѣли, какъ на лицъ священныхъ въ буквальномъ смыслѣ, что ясно выражалось въ тѣхъ эпитетахъ и синонимахъ, какіе прилагались къ слову: ваше величество. Замѣчательно, во время этихъ процессій иногда происходилъ обрядъ посвященія какого либо лица въ гражданскую должность магистра. Посвящающимъ былъ императоръ. Посвящаемый получалъ изъ рукъ императора стихарь и поясъ. Обрядъ этотъ представляетъ точнѣйшую параллель съ нашимъ обрядомъ посвященія въ стихарь. Когда императоръ, совершивъ свое шествіе изъ дворца, приходитъ въ храмъ Софіи, то и здѣсь, во время самаго богослуженія, онъ не остается бездѣятельнымъ. Онъ прикладывается къ образамъ предъ началомъ литургіи, вмѣстѣ съ патріархомъ, причемъ императоръ имѣетъ въ рукахъ киріи, т. е. свѣтильники. Потомъ онъ входитъ въ святилище и возлагаетъ на св. престолъ два покрова. Во время великаго выхода съ дарами императоръ также принимаетъ нѣкоторое участіе въ богослуженіи; онъ идетъ впереди св. даровъ со свѣтильни-

ками; лобзается съ патріархомъ и со всѣми служащими епископами и священно-служителями. Когда наступаетъ время пріобщенія св. даровъ священно-служителями, онъ подходитъ къ патріарху, получаетъ въ свои руки честные дары; затѣмъ онъ подобно священникамъ причащается прямо изъ потира крови Господней [1])

Изъ этихъ описаній процессій, какія совершались императорами, видно, что византійскіе императоры въ сознаніи тогдашняго общества являлись какими то первосвященниками въ своемъ родѣ. Не удивительно, если при таковой обстановкѣ своего положенія, императоры въ самомъ дѣлѣ разсматривали себя какъ лицъ, которымъ должны быть близки дѣла религіозныя, даже самыхъ высшихъ разрядовъ. Одинъ изъ историковъ византійскихъ свидѣтельствуетъ, что императоры вотъ какъ смотрѣли на себя: для византійскихъ царей рѣшительно невыносимо только повелѣвать, ходить въ золотѣ... Они считаютъ для себя крайней обидой, если ихъ не признаютъ людьми, подобными богамъ, богомудрыми, боговдохновенными руководителями, вѣрнѣйшимъ правиломъ изъ правилъ, однимъ словомъ, непогрѣшимыми судьями дѣлъ божескихъ и человѣческихъ [2]).

И вотъ эти „судьи дѣлъ божескихъ и человѣческихъ" хотѣли властвовать и въ церкви, какъ властвовали въ государствѣ. Императоръ Никифоръ Фока обратился къ епископамъ съ декретомъ, которымъ опредѣлялось: всѣ церковныя дѣла подлежатъ императорскому одобренію или неодобренію [3]); этимъ очевидно вся область религіи подчинялась император-

[1]) Каневскаго. Выходы Византійскихъ императоровъ въ церковь св. Софіи. «Труды Кіевской Дух. Академіи 1872 г., августъ.—Такъ какъ извѣстно, что не императоры заимствовали свою помпу отъ церкви, а церковь — свое благолѣпіе отъ трона императорскаго, то данныя (одежда, церемоніалъ), указанныя авторомъ въ пользу первосвященническаго характера Византійскихъ императоровъ, слѣдуетъ, кажется принимать съ большими ограниченіями.

[2]) Nicetas Acominatus. Historia. De Manuele Comn. Lib. VII, Cap. 5. «κανόνες τῶν κανόνων εὐθέστεροι καὶ ἁπλῶς θείων καὶ ἀνθρωπίνων πραγμάτων ἀπροσφαλεῖς γνώμονες».

[3]) Leo Diaconus. ibidem. p. 98—99. Cedrenus. ib. p. 368.

ской волѣ. Нужно сказать, что и сама церковь подчасъ своими неумѣстными обращеніями за помощью къ императорамъ поощряла подобныя вмѣшательства государства въ ея дѣла. Такъ монахи аѳонскіе, находя при одномъ случаѣ, что „всѣ на Аѳонѣ ниспровергаютъ законы и дерзаютъ совершать преступныя дѣла“, обращаются къ императору Константину Мономаху съ просьбою „прекратить пагубное теченіе такихъ дѣлъ на горѣ“. И императоръ беретъ на себя „возстановить прежнее иноческое житіе на Аѳонѣ“ [1]). Подобныя обращенія къ императорамъ могли невольно заставлять ихъ вмѣшиваться въ дѣла, не принадлежащія къ сферѣ ихъ власти.

Но обращаемся къ частнымъ фактамъ, которые покажутъ намъ степень и характеръ вмѣшательства власти государственной во внутреннія области церковныхъ дѣлъ. Церковь, по идеѣ своей, должна пользоваться самоуправленіемъ; но это самоуправленіе много страдало отъ гнета императорскаго. Іерархія была связана по рукамъ и по ногамъ въ своемъ самоуправленіи. Выборъ высшихъ сановниковъ церкви народомъ и клиромъ давно уже вышелъ изъ практики; и въ этомъ винить общество и государство разсматриваемаго нами времени нельзя. Если теперь сдѣлалось правиломъ, что императоры сами выбираютъ по крайней мѣрѣ патріарховъ константинопольскихъ, то это было обычаемъ, наслѣдованнымъ отъ временъ прежнихъ. Но вотъ вопросъ: пользовались ли императоры этимъ своимъ правомъ ко благу церкви? Этого нельзя сказать. Выборъ патріарховъ императорами происходитъ не сообразно съ нуждами церкви, а лишь сообразно со вкусомъ и наклонностями самого выбирающаго. Если при императорѣ Михаилѣ III Фотій выбирается въ патріархи ради учености, то напротивъ при императорѣ Михаилѣ VII патріархъ Козьма, чуждый всякой учености, выбирается исключительно ради добродѣтельной жизни [2]). Но

[1]) Порфирія, еп. Чигиринскаго, «Исторія Аѳона». ibidem. стр. 16. 17. 1873 г., ч. I.

[2]) Zonara. Annales. t. II, p. 290. Parisiae.

это еще не заключаетъ въ себѣ ничего особенно предосудительнаго. Худо было то, что нѣкоторые императоры, въ видахъ большей свободы въ своей дѣятельности и поступкахъ, умышленно выбирали такихъ патріарховъ, которые по своей характерности и неспособности должны были безропотно подчиняться волѣ царской. Встрѣчая сопротивленіе своему деспотизму со стороны патріарховъ, императоры дурнымъ выборомъ хотѣли парализовать эту духовную силу. И вотъ послѣ временъ энергическаго Михаила Керулларія, съ средины XI вѣка, сдѣлалось обыкновеніемъ, что императоры выбирали въ патріархи лицъ, неспособныхъ къ такой важной должности. „Императоры, говоритъ одинъ историкъ Византійскій, выбирали такихъ субъектовъ, которые ни въ чемъ имъ не могли сопротивляться и были рабами, готовыми служить императору“ [1]). Понятно, какъ церковь мало могла выиграть отъ такихъ выборовъ. Случалось, выборъ императорскій падалъ на такихъ лицъ, которыя положительно позорили и церковь константинопольскую и каѳедру этой церкви. Таковъ былъ въ X вѣкѣ патріархъ Ѳеофилактъ (933—946). Обстоятельства избранія этого патріарха и его жизни составляютъ цѣлую эпопею самаго скандалезнаго свойства. Ѳеофилактъ былъ младшій сынъ императора Романа I; онъ еще съ самыхъ младенческихъ лѣтъ предназначенъ былъ отцемъ въ патріархи [2]). Лѣтъ 8-ми онъ уже былъ посвященъ въ иподіаконы и потомъ числился синкелломъ при патріархѣ. Когда умеръ патріархъ Стефанъ, нашему кандидату въ патріархи было 11—12 лѣтъ; отецъ его Романъ было думалъ возвести Ѳеофилакта въ патріархи, не смотря на такой дѣтскій возрастъ его, но колебался сдѣлать такой антиканоническій шагъ. Цѣлые полгода каѳедра константинопольская оставалась безъ патріарха. На этотъ разъ императоръ впрочемъ не исполнилъ своего намѣренія. Въ патріархи вы-

[1]) Nicephorus Gregoras. Historia. Vol. I, p. 292. ed. Bonn.
[2]) Theoph. Cont. ibid. p. 409; Symeon magister. ibid. p. 739; Leo Gram. ibid. p. 1 47.

бранъ былъ отличавшійся благочестіемъ монахъ Трифонъ, но онъ назначенъ былъ только *на время*, до возмужанія Θеофилакта. Но вотъ проходитъ три года со времени патріаршества Трифона, императоръ опять думаетъ привести въ исполненіе свое желаніе о посвященіи въ патріархи своего сына малолѣтка. Но тутъ встрѣтилось неожиданное препятствіе. Трифонъ не думалъ отказываться отъ каѳедры. Извѣстный въ то время несвойственною сану безчестностію, митрополитъ кесарійскій Θеофанъ долженъ былъ по волѣ императора выискать и изобрѣсть какое либо обвиненіе на Трифона, чтобы его низложить. Но Θеофанъ, послѣ тщетныхъ стараній въ подобномъ родѣ, долженъ былъ наконецъ сознаться, что его старанія обвинить въ чемъ нибудь патріарха безсильны, потому что святость его жизни дѣлаетъ невозможнымъ всякое напрасное обвиненіе на него. Тогда придумана была слѣдующая хитрость: ему объявили, что его обвиняютъ въ томъ, что онъ настолько невѣжественъ, что не умѣетъ даже писать, и предложили ему, чтобы опровергнуть клевету, написать свое имя на чистомъ листѣ бумаги. Когда добились отъ патріарха подобной подписи, воспользовались этимъ листомъ къ погибели патріарха. На этомъ листѣ написали актъ отреченія патріарха отъ престола, хитростію вынужденная подпись патріарха должна была утвердить этотъ актъ. Патріархъ былъ отставленъ дѣйствительно и заключенъ въ монастырь, гдѣ скоро и умеръ [1]). Впрочемъ Θеофилактъ еще полтора года оставался непосвященнымъ въ патріархи: ждали, когда ему исполнится 16 лѣтъ. Наконецъ въ этомъ возрастѣ онъ сдѣланъ былъ патріархомъ; это было въ февралѣ 933 года. Довольно продолжительное патріаршество Θеофилакта покрыло стыдомъ патріаршую каѳедру константинопольскую. Онъ запятналъ себя самою безсовѣстною симоніею; за всѣ епископскія и священническія мѣста назначена была такса; продажа происходила открыто.

[1]) Theoph. Cont. ibid. p. 417; Symeon magister. ibidem. 742—743. Leo Gramm. ibid. p. 1151, Glycas. ibid. p. 559—560.

Самое богослуженіе при немъ было осквернено. Историки говорятъ, что безъ краски въ лицѣ и разсказывать нельзя, что позволялъ себѣ дѣлать, не краснѣя, это чудовище патріархъ. По подобію праздниковъ, введенныхъ въ западной церкви, именно—шутовскихъ праздниковъ—праздника глупцевъ и праздника ослинаго—онъ позволялъ вводить въ свою церковь при какихъ то религіозно-общественныхъ празднествахъ танцы, безсмысленные крики, свѣтскія пѣсни, неприличныя пѣснопѣнія, смѣшивавшіяся съ пѣніемъ св. гимновъ. Господствующею страстію патріарха были лошади. Ихъ у него было 2000. Ихъ конюшни были предметомъ всегдашнихъ заботъ патріарха. Безчувственный къ бѣднымъ и несчастнымъ, онъ питалъ своихъ нѣжно любимыхъ лошадей изысканными плодами—миндалемъ, фигами и пр., поилъ ихъ тончайшими винами, вспрыскивалъ драгоцѣнными духами. О немъ разсказываютъ слѣдующій анекдотъ. Однажды въ страстной четвертокъ патріархъ совершалъ обѣдню; въ это время ему пришли доложить, что любимѣйшая его кобыла начинаетъ жеребиться. При такомъ интересномъ извѣстіи, сгорая нетерпѣніемъ видѣть новорожденнаго жеребенка, онъ прерываетъ богослуженіе, бросаетъ свои первосвященническія одежды и спѣшитъ въ конюшню. Насладившись зрѣніемъ новорожденнаго, патріархъ снова возвращается къ прерванной службѣ въ храмъ св. Софіи и доканчиваетъ обѣдню. Этотъ патріархъ умеръ жертвою своей страсти къ лошадямъ. Однажды, проѣзжаясь на лошади, онъ упалъ и это паденіе сдѣлалось причиной его смерти [1]). Замѣчательно, что въ это же самое время первосвященническій престолъ Рима позорили такія лица, какъ папы Іоаннъ XI и Іоаннъ XII. Итакъ, вотъ какихъ патріарховъ доставлялъ константинопольской церкви безконтрольный выборъ императорскій!

1) Theophan. Contin. ibidem. p. 444. 449. Glycas. ibidem. p. 562—63. Cedrenus. ibid. p. 332—3.

Какъ назначеніе патріарховъ стало исключительною прерогативою императоровъ, такъ точно, идя все далѣе и далѣе по пути присвоенія не принадлежащаго имъ, нѣкоторые императоры думали даже брать на себя право суда надъ патріархами. Мы уже не говоримъ о низведеніи патріарховъ съ каѳедръ—это позволяли себѣ императоры почти постоянно. Вотъ примѣръ желанія императоровъ присвоить себѣ даже право суда надъ патріархами. По смерти патріарха Поліевкта собранъ былъ соборъ для выбора новаго патріарха; на соборѣ присутствовалъ и императоръ Іоаннъ Цимисхій; при чемъ онъ сказалъ даже прекрасную рѣчь, въ которой высказалъ свой взглядъ на различіе двухъ властей, духовной и свѣтской, патріаршей и императорской. И чтоже однакожъ? Въ патріархи выбранъ былъ по указанію самого императора пустынножитель горы Олимпійской Василій, человѣкъ строгой жизни. Онъ почти постоянно постился, лѣтомъ и зимой ходилъ въ одной и той же одеждѣ и снималъ ее только тогда, когда она дѣлалась болѣе неудобною къ употребленію. Онъ пилъ только воду, спалъ на голой землѣ, вообще во всемъ проявлялъ подвигъ самоумерщвленія. Одно ставили ему въ упрекъ, что онъ былъ слишкомъ любопытенъ, любилъ разспрашивать и разузнавать обо всемъ. Нѣкоторые недовольные и завидующіе ему епископы обвинили его предъ императоромъ въ томъ, что онъ будто замышляетъ заговоръ. Императоръ требуетъ его на судъ къ себѣ лично. И когда патріархъ отказался исполнить волю императора, объявивъ, что его можетъ судить только вселенскій соборъ, императоръ самовольно низвергаетъ его и ссылаетъ въ монастырь [1]).

Разсматривая отношеніе власти императорской къ самоуправленію церковному іерархіею, мы встрѣчаемся иногда съ такими фактами, что власть императорская вытѣсняетъ собою и власть патріаршую и власть епископскую. Это въ особенности нужно сказать объ отношеніи императоровъ къ

1) Leo Diaconus ibid. p. 101—2, 163—164.

Аѳону. Аѳонъ любили императоры. И потому сдѣлавшись его непосредственными попечителями, они своею властію изъяли его изъ подчиненія патріарху. Одинъ глубокій спеціалистъ въ вопросѣ говоритъ: „монашество аѳонское ввѣрило себя покровительству царской власти. Попечителемъ Аѳона сталъ царь, а не патріархъ“ [1]). Въ самомъ дѣлѣ императоры изъ своихъ отношеній къ Аѳону создали нѣчто въ родѣ извѣстной на западѣ инвеституры. Императоръ Василій II, какъ и его предшественники и преемники, назначалъ и утверждалъ аѳонскихъ протовъ (главныхъ начальниковъ горы), помимо вселенскаго патріарха, вручалъ имъ жезлъ и мантію [2]). Въ послѣдствіи императоръ Алексѣй Комненъ своею волею изъемлетъ Аѳонъ изъ подвѣдѣнія митрополита и епископа. Это видно изъ слѣдующей его грамоты: „необходимо, чтобы свобода горы была сохраняема, и чтобы она никогда не считалась въ предѣлѣ митрополита и епископа. Необходимо только, чтобы одинъ епископъ рукополагалъ тамъ іереевъ и діаконовъ“. Для сего онъ долженъ приходить на Аѳонъ. „Но отнюдь, замѣчаетъ грамота, не въ правѣ онъ присвоять себѣ, по этому поводу, власть епархіальную или предпринимать на горѣ что либо другое, даже благословное. Ибо только одна литургія позволяется ему на всей горѣ. Быть по сему отъ нынѣ и до вѣка“ [3]). Но такъ было не „до вѣка“, а только до 14 вѣка. И при другихъ случаяхъ императоръ присвоивалъ себѣ права, которыя препятствовали церкви быть самостоятельною, свободною въ своемъ самоуправленіи. Императоръ Алексѣй Комненъ, хотя и съ ограниченіями, опредѣляетъ своею властію, что права древнихъ митрополитовъ не должны препятствовать и другимъ новымъ епископамъ получать высокое титло митрополитовъ [4]). Вопросъ чисто церковный [5]).

1) Порфирій еп. Чигиринскій. Ibid. 1871 г., ч 4, стр 292.
2) Порфирій еп. Чигиринскій. Ibid. 1872 г., іюнь, стр. 393.
3) Порфирія еп. Чигиринскаго. Ibid. 1873 г., февраль, стр. 179.
4) Zachariae, ibid. novella XXIX, p. 368. Muralt. ibid. p. 61. Edit. 1871.
5) Не всѣ, разумѣется, императоры съ такимъ самомнѣніемъ отно-

Переходимъ къ разсмотрѣнію отношенія государственной власти къ частнѣйшимъ функціямъ духовной власти. Одно изъ важнѣйшихъ правъ, составляющихъ силу церкви—это ея законодательство, свободное и условливаемое ея потребностями и интересами. И однакожъ государство разсматриваемаго нами времени сохраняло ли неприкосновенною эту область церковной дѣятельности? Не всегда. Примѣръ—императоръ Левъ VI. Этотъ императоръ, будучи дѣятельнымъ законодателемъ гражданскимъ, съ полнымъ самовластіемъ издавалъ и законы чисто церковные. Въ этомъ случаѣ императоръ пользовался несовершеннолѣтіемъ, неопытностію и неспособностію къ дѣламъ брата своего патріарха Стефана. Императоръ законодатель, кажется, совсѣмъ забылъ о существованіи какихъ либо границъ, раздѣляющихъ законодательство церковное и гражданское. Напр. онъ издаетъ такой законъ: если касательно какого либо церковнаго вопроса существуетъ два узаконенія, церковное и гражданское, то отдавать предпочтеніе тому, которое полезнѣе; если полезнѣе церковное, отдавать предпочтеніе ему, если—гражданское, отдавать предпочтеніе ему предъ церковнымъ. Спрашивается: гдѣ здѣсь граница между церковнымъ и свѣтскимъ законодательствомъ? Или онъ издаетъ еще вотъ какой законъ: запретивъ обрученія раньше семилѣтняго возраста, а браки раньше 14 лѣтняго для юношей, а для дѣвушки раньше 13 лѣтняго, законодатель прибавляетъ: если же императоръ сочтетъ нужнымъ допустить какое либо исключеніе изъ этого правила, то этимъ не дѣлается никакого ущерба закону, потому что кому поручено отъ Бога править міромъ, тѣ стоятъ выше законовъ своихъ подданныхъ. Понятно, императоръ, провозглашающій принципъ, что онъ стоитъ выше законовъ своихъ подданныхъ, могъ съ спокойною совѣстію

сились къ самоуправленію церковному. Другіе старались оберегать status quo церкви. Императоръ Константинъ X особою новеллою запрещаетъ измѣнять порядокъ (рангъ) епископскихъ каѳедръ. Zachariae, ibid. Novella II, p. 323.

позволять себѣ все, что угодно. И дѣйствительно, императоръ мало стѣсняется въ отношеніи къ самой церкви. Онъ издаетъ законъ за закономъ, чисто церковнаго свойства, и ни чуть не думаетъ, что онъ выходитъ изъ своей сферы. Если соборъ Трулльскій положилъ правиломъ, чтобы никакой вдовый священникъ, если онъ имѣетъ дѣтей, не былъ возводимъ въ епископы, то Левъ особымъ закономъ уничтожаетъ это правило церковное. Въ церкви существовалъ законъ, чтобы высшіе клирики въ случаѣ женитьбы лишались званія клириковъ и переходили въ классъ мірянъ. Левъ находитъ этотъ законъ слишкомъ жестокимъ и отмѣняетъ его. И вмѣсто того опредѣляетъ, чтобы низшіе клирики въ подобномъ случаѣ лишались права на повышеніе, а высшіе клирики, т. е. священники, хотя и лишаются священства, однакожъ могутъ оставаться клириками [1]). Левъ издалъ подобныхъ законовъ много [2]). Церкви предоставлялось только исполнять уже готовые законы.

Къ утѣшенію церкви, многіе императоры, въ противоположность соблазнительному примѣру, поданному императоромъ Львомъ, старались придавать твердость и устойчивость законамъ церковнымъ. Они своими гражданскими законами подтверждали силу и обязательность законовъ церковныхъ. Императоръ Никифоръ III (1078—1081 гг.) новеллою утверждаетъ соборныя опредѣленія касательно браковъ, заключенныхъ въ кровномъ родствѣ [3]). Императоръ Алексѣй Комнинъ, выходя изъ принципа раздѣленія власти духовной и свѣтской, закономъ 1086 года объявлялъ, что всѣ духовныя дѣла, и прежде всего вопросы брачные принадлежатъ рѣшенію власти епископской [4]). Если же подобные, благо-

[1]) Zachariae. ibidem. Novell. VII, p. 78—79; novel. CIX, p. 211; novella II, p. 69—70; novel. LXXIX, p. 175.

[2]) Перечень ихъ: Hergenröther. B. II, s. 688—9. Ceillier. Histoire des auteurs sacrés et ecclesiastiques. Tome XIX p. 521. Paris. 1754.

[3]) Zachariae. ibid. Nov. XIII, p. 338—340.

[4]) Zachariae. ibidem. Nov. XXVII, p. 366 367.

расположенные охранять самоуправленіе церковное и ея законодательство, императоры иногда и издавали новые законы, касающіеся церковной сферы, то ихъ содержаніе не носитъ печати пренебреженія къ церкви; они направляются къ ея же пользамъ. Что можно сказать противъ новеллы императора Алексѣя Комнена касательно лицъ, какихъ должно возводить въ церковныя должности? Новелла эта опредѣляла: чтобы стать митрополитомъ, епископомъ для этого требуется не только образцовое поведеніе, но и довольно основательное образованіе, чтобы быть учительными. Лица подобныхъ качествъ должны быть предпочитаемы другимъ, не смотря на то, будутъ ли имѣть какой церковный санъ, или будутъ только числиться просто клириками. Прочіе должны стараться сдѣлаться достойными подобнаго отличія. Онъ приказалъ сдѣлать общій каталогъ всѣхъ клириковъ и обозначить, какъ лицъ достойныхъ чести, тѣхъ, кто съ нравственностію соединяетъ знаніе, чтобы такимъ образомъ поощрять прочихъ [1]). Думаемъ, государство въ видахъ пользы подданныхъ всегда можетъ съ такими и подобными требованіями обращаться къ церкви, не нарушая ея правъ.

Представимъ другіе болѣе важные образцы безцеремоннаго, беззастѣнчиваго отношенія государства къ столь же важнымъ функціямъ церковнымъ, какъ и законодательство церковное.

Кому можетъ придти на мысль, чтобы государство брало на себя инициативу столь священной вещи, какъ канонизація святыхъ. И однакожъ государственная власть брала на себя въ разсматриваемое время и подобную задачу. И это тѣмъ замѣчательнѣе, что лица, канонизаціи которыхъ добивались, не имѣли особенныхъ заслугъ церковныхъ; такой канонизаціи просто желалось тому или другому государю, по чисто личнымъ интересамъ. Старшій сынъ Василія Македо-

[1]) Mortreuil. Histoire du droit. Bysantin. t. 3, p. 71. Paris. 1846.

нянина Константинъ былъ мальчикъ умный, съ раннихъ лѣтъ проявлялъ задатки хорошаго императора, а потому сдѣлался любимцемъ своего отца. Василій сталъ брать его съ собою въ военные походы, но нѣжный возрастъ сына не вынесъ тяжести походнаго времени. Вскорѣ мальчикъ захирѣлъ и къ величайшему прискорбію отца умеръ. Печаль отца была безутѣшною. Подъ вліяніемъ своей скорби, онъ приходитъ къ мысли причислить своего сына, первенца, къ лику святыхъ. Очень прискорбно, что церковь безпрекословно и, кажется, охотно приняла подобную, ничѣмъ не мотивированную канонизацію принца [1]). Вскорѣ между государями нашлись подражатели подобной легкой канонизаціи. Императоръ Левъ VI самовластно канонизуетъ двухъ своихъ умершихъ женъ Θеофанію и Зою; онъ строитъ въ честь и во имя ихъ церкви. То правда, что Θеофанія была подлинно святою женщиною. Она безропотно терпѣла невѣрность своего мужа; среди развратнаго византійскаго двора, она блистала своею скромностію, смиреніемъ, благочестіемъ; милостыня и молитвы были ея постояннымъ занятіемъ. Но нельзя того же сказать о Зоѣ, и даже наоборотъ [2]). Кажется, впрочемъ, эта канонизація двухъ женъ Львомъ встрѣтила оппозицію въ церкви; въ житіи Θеофаніи повѣствуется, что церковь, посвященная ея имени Львомъ, потомъ посвящена была вообще въ честь всѣхъ святыхъ. Впрочемъ канонизація Θеофаніи удержалась въ церкви, но канонизація Зои нѣтъ [3]). Еще смѣлѣе хотѣлъ сдѣлать шагъ въ этомъ же родѣ императоръ Никифоръ Фо-

[1]) Leo Gram. ibid 1090—1. Symeon Magister. ib. p. 692—93. Georg. Mon. ib. p. 845—6. Изъ свидѣтельствъ видно только то, что Василій построилъ церковь въ честь Константина (какого?), тѣмъ не менѣе это извѣстному и торику Гергенрёгеру даетъ право говорить о канонизаціи Константина со стороны Василія (Hergenröther, Band. II, s. 316—317.

[2]) Symeon Magister. ibidem. p. 702—703 Theophanes Contin. ibidem p. 361. 364. Georgius Mon. Ibidem p. 856. 860.

[3]) Hergenröt. her. Ibid. Band. II, s. 317.

ка. Чтобы придать своему войску большую храбрость, онъ потребовалъ-было вписать въ число мучениковъ всѣхъ воиновъ, павшихъ на войнѣ. Церковь заволновалась. Патріархъ и епископы съ рѣшительностію стали противъ подобной канонизаціи, и на силу могли убѣдить императора отказаться отъ затѣи тѣмъ аргументомъ, что Василій В. постановилъ правило, чтобы подвергались трехлѣтнему церковному отлученію тѣ, кто убивалъ на войнѣ враговъ [1]). Но для насъ остается примѣчательною по крайней мѣрѣ самая попытка.

Церковной власти вязать и рѣшить также нѣкоторые императоры не считали себя чуждыми. Византійскій цезарепапизмъ уполномочивалъ и на это. Объ одномъ изъ императоровъ, именно Романѣ I, извѣстно, что онъ отъ своего лица дерзнулъ провозгласить слѣдующіе анаѳематизмы: „каждому, кто осмѣлится затѣвать заговоръ или бунтъ,—провозглашаю анаѳема. Всякому, кто будетъ ихъ помощниками и соучастниками въ ихъ отступничествѣ (sic)—анаѳема. Всѣмъ, кто будетъ ихъ совѣтникомъ и возбудителемъ—анаѳема. Всѣмъ кто будетъ идти подъ ихъ знаменами—анаѳема. Священникамъ (sic), если они примутъ кого либо изъ такихъ на исповѣдь, не заставивъ ихъ покаяться и отказаться отъ ихъ отступничества, тоже анаѳема“ [2]). И такимъ образомъ, что можетъ дѣлать соборъ, патріархъ и епископы, то, въ византійскомъ царствѣ, не обинуясь, брали на себя императоры!

Особенно властною рукою императоры распоряжались въ вопросахъ брачныхъ. Въ то время бракъ считался исключительно учрежденіемъ религіознымъ. Касательно его существовала цѣлая система церковныхъ законовъ. Императоры мало стѣснялись этими правилами и разрѣшали то, чего не разрѣшала церковь. Такъ Алексѣй Комненъ декретомъ раз-

[1]) Cedrenus. Ibidem. p. 369.

[2]) Zachariae. Ibidem. Nov. XXXI, p. 320—1. Ученые не согласны во мнѣніи о томъ: кто изъ императоровъ издалъ эту новеллу. Роману I приписываетъ ее Rambaud, L'Empire Grec, ibid. p. 16, 17.

рѣшаетъ бракъ одному своему любимцу, не смотря на то, что бракъ противорѣчитъ правиламъ церковныхъ: брачущіеся состояли въ 6-й степени свойства [1]). Тотъ же императоръ отдаетъ свою вторую дочь Марію замужъ за сына герцога Трабизонскаго, хотя невѣстѣ было только 6 лѣтъ [2]).

Еще два, три слова о вмѣшательствѣ государственной власти въ дѣла церкви. Еще со временъ Константина великаго, императоры, считая себя охранителями вѣры, принимали на себя задачу обращенія къ церкви иновѣрцевъ и еретиковъ. Но эти стремленія императоровъ никогда не достигали цѣли, потому что обращенія эти совершались путемъ внѣшняго насилія, мечемъ. Тоже встрѣчаемъ и въ разсматриваемое нами время. Императоръ Василій Македонянинъ, ревнуя о церкви, насильственнымъ образомъ привлекаетъ іудеевъ къ крещенію, причемъ воспріемниками были вельможи царства. Но этотъ несвойственный церкви опытъ повелъ только къ тому, что по смерти Василія большая часть обращенныхъ снова перешла въ іудейство [3]). Еще энергичнѣе были стремленія государей нашего времени въ томъ же родѣ по отношенію къ павликіанамъ, этой гностико-дуалистической сектѣ христіанскаго характера. Но опять неудачно, и притомъ со вредомъ для самаго государства. Императрица Θеодора, въ малолѣтство Михаила III, хотѣла жестокими преслѣдованіями возвратить этихъ сектантовъ къ церкви. Посланы были войска въ страны Арменіи, гдѣ много было павликіанъ; многіе изъ нихъ были казнены, обезглавлены, потоплены. Разсказываютъ, что жертвой неразумной ревности сдѣлались до 100,000 павликіанъ. Къ чему же это привело? А вотъ къ чему. Одинъ изъ греческихъ военачальниковъ Карвеасъ, будучи павликіаниномъ и боясь за свою жизнь, собралъ 5000 па-

1) Zachariae, Ibidem. Nov XL, p. 412.

2) Anna Comnena. Ibidem. p. 418. Muralt Ibidem. t. I, p. 68. Edition 1871.

3) Simeon Mag. ibid. p. 691. Georgius Mon. Ibidem. p. 842. Theophan. Contin. ibid. p. 341—2.

вликіанъ и бѣжалъ съ ними въ тѣ части Арменіи, которыя подчинены были сарацинамъ. Въ соединеніи съ сарацинами эти выходцы дѣлали страшный вредъ имперіи своими войнами. Другой императоръ Іоаннъ Цимисхій въ видахъ очищенія отъ этихъ сектантовъ восточныхъ частей своего царства, переселилъ большую часть ихъ на сѣверныя границы царства во Өракію, въ качествѣ охранной стражи; но этотъ маневръ послужилъ только къ тому, что павликіанство распространилось въ Болгаріи и другихъ странахъ Европы [1]).

Хотя вмѣшательство государства во внутреннѣйшія области христіанской церкви было зломъ и зломъ великимъ, тѣмъ не менѣе было бы несправедливо утверждать, что государство ни въ чемъ не содѣйствовало церкви при выполненіи ея религіозно-нравственныхъ задачъ. Оно мощно служило интересамъ церкви, когда вообще принимало мѣры въ видахъ поднятія общественной нравственности, въ видахъ улучшенія положенія бѣдныхъ и несчастныхъ и пр. Это было косвеннымъ содѣйствіемъ, но оно было важно и полезно. Въ фактахъ, доказывающихъ, что государство не ослабѣвало въ стремленіяхъ подобнаго рода—недостатка нѣтъ. Для церкви было полезно, если напр. императоръ Алексѣй Комненъ издаетъ законъ, которымъ предписывалось, чтобы рабы свободно могли вступать въ законный церковный бракъ, благословляемый священниками, а не жили въ конкубинатѣ [2]). Государство дѣлало благое дѣло, благопріятное интересамъ церкви, когда оно возобновляло древній законъ, обязанный своимъ происхожденіемъ церкви, чтобы между днемъ осужденія и днемъ казни бунтовщика проходило 30 дней. Срокъ этотъ могъ смягчить правителя и дать прощеніе преступнику. Этотъ законъ возобновленъ императоромъ Никифоромъ III [3]). Бла-

[1]) Neander Ibid. Band II, s. 3`2—3 Алексѣй Комненъ въ борьбѣ съ павликіанами: Muralt, ibidem. t. I, p. 53. Ed. 1871.

[2]) Zachariae. Ibidem. Nov. XXXV, p. 403—4.

[3]) Zachariae. Ibid. Nov. XII, p. 331.

готворительность, которую поддерживали и поощряли многіе изъ императоровъ была также явленіемъ, въ которомъ государство шло на встрѣчу церкви. Императоръ Василій Македонянинъ устроивалъ дома призрѣнія для бѣдныхъ и другія благотворительныя заведенія [1]). Романъ I также отличался любовію къ благотвореніямъ. Въ 932 году случилась жестокая зима; земля покрыта была снѣгомъ въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ. Появились голодъ и язва; къ этимъ несчастіямъ присоединился страшный пожаръ въ Константинополѣ, испепелившій часть столицы. Романъ сдѣлалъ все, что можно было сдѣлать для несчастныхъ; тратилъ ежемѣсячно крупную сумму для нихъ; открылъ портики для больныхъ, гдѣ они и помѣщались. И вообще давать убѣжище нищетѣ, старости, болѣзни—было истинною задачею Романа. Но этимъ онъ не ограничивался. Онъ не терялъ изъ виду и ссыльныхъ; онъ освѣдомлялся объ ихъ положеніи, помогалъ имъ деньгами, возвращалъ ихъ въ отечество и, говорятъ, когда онъ былъ низвергнутъ съ трона, не было ни одного ссыльнаго [2]). Многіе другіе императоры шли по стопамъ Романа. Константинъ Порфирогенетъ близъ Софійской церкви устраиваетъ богадѣльню для престарѣлыхъ [3]). Императоръ Романъ III (1028—34) уничтожилъ стѣснительную подать на бѣдныхъ, наложенную Василіемъ II, такъ называемую аллеленгіонъ, простилъ недоимки, выпустилъ изъ темницы заключенныхъ сюда за неплатежъ податей, платилъ долги тѣхъ изъ заключенныхъ, которые посажены были частными кредиторами, выкупалъ плѣнниковъ. Тотъ же императоръ устроивалъ дома призрѣнія для бѣдныхъ и сиротъ [4]). Сюда же, т. е. къ мѣрамъ государственнымъ, вполнѣ совпадающимъ съ интересами церковными, относятся и распоряженія государствен-

См. стр. 94

1) Genesius. Regum Liber IV, p. 128 Bonnae
2) Le-Beau. Histoire de Bas-Empire. Tome XIII, p. 452—3. Paris 1832.
3) Muralt. ibid. p. 526 Edit. 1855.
4) Muralt. ibid. p 603. 610. Edit. 1855.

ствомъ свидѣтелей или фактовъ могъ доказать касательно кого либо, что этотъ занятъ запрещенными гаданіями, виновный подвергался сильнымъ наказаніямъ [1]). Прекрасны мѣры, которыя употребляетъ императоръ Алексѣй Комненъ въ борьбѣ съ двумя знаменитыми астрологами его времени: императоръ, какъ просвѣщенный человѣкъ, ни мало не вѣрилъ подобнымъ шарлатанамъ и смотрѣлъ на нихъ какъ на лицъ вредныхъ для государственнаго спокойствія. Одного изъ этихъ астрологовъ, какъ болѣе искуснаго, ловко проводившаго невѣжественное общество, онъ сослалъ въ ссылку. Другой изъ астрологовъ отличался меньшею ловкостію въ своемъ искусствѣ, и императоръ оставилъ его спокойно оставаться въ столицѣ; это императоръ сдѣлалъ съ тою цѣлію, чтобы публика, смотря на промахи этого астролога, сама собой приходила къ убѣжденію, какъ нелѣпа астрологія, какъ мало можно довѣрять лицамъ, избирающимъ ее своею профессіею [2]).

[1]) Krause. Die Bysantiner des Mittelalters. s. 397.

[2]) Anna Com. ena ibid. p. 290—293. Слич. Рус. переводъ часть I, стр. 279—281.

Смуты въ іерархіи и общее ея состояніе.

Состояніе церковной іерархіи въ восточной церкви въ IX, X и XI вѣкѣ представляетъ съ перваго взгляда интересъ очень небольшой. Большая часть важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся іерархіи, разрѣшены церковію въ эпоху предшествующую. Теперь іерархія стоитъ предъ нами, какъ органическое цѣлое, утвердившееся, обосновавшееся, канонически опредѣлившееся. Ни одного жгучаго вопроса касательно системы іерархической теперь не поднимается, да и не можетъ подниматься на Востокѣ, послѣ того какъ іерархія съ ея разчлененіями и важнѣйшими рангами пришла къ опредѣленной церковной нормѣ. Съ этой стороны состояніе іерархіи дѣйствительно представляетъ незначительный интересъ научный. Но это не значитъ, чтобы состояніе іерархіи этого времени совсѣмъ не представляло интереса. Напротивъ, быть можетъ, еще никогда внутри іерархіи не происходило такихъ сильныхъ движеній, какъ въ эти вѣка. Мотивы этихъ движеній не были пусты и ничтожны, но исполнены глубокаго смысла и значенія. Словомъ, если теперь и нѣтъ вопросовъ важныхъ, касающихся организаціи іерархіи и заслуживающихъ научнаго вниманія, тѣмъ не менѣе *жизнь* іерархіи не можетъ не привлекать вниманія историка.

Въ эту эпоху происходятъ сильныя внутреннія движенія въ положеніи іерархіи. Какія это? Движенія фотіанъ и игныя противъ суевѣрій, противъ астрологіи. Хотя нѣкоторые императоры сами поощряли своими примѣрами подобные роды суевѣрій, тѣмъ не менѣе это суевѣріе строго запрещено было законами государственными. Если доносчикъ посред-

натіанъ, этихъ двухъ чисто церковно-іерархическихъ партій, наполняютъ собою весь IX вѣкъ. Не слабѣе, хотя и бѣднѣе событіями, были движенія николаитовъ и евфимитовъ, двухъ тоже чисто церковныхъ партій; эти движенія проходятъ чрезъ цѣлый десятый вѣкъ.

Изучимъ характеръ этихъ іерархическихъ движеній нашей эпохи.

I.

Шумна и бурна была борьба игнатіанъ съ фотіанами; борьба эта исполнена трагизма, потому что счастіе партій было перемѣнчиво. Приходилось страдать для того, чтобы торжествовать и торжествовать для того, чтобы страдать.

Корень, откуда рождаются эти двѣ партіи фотіанъ и игнатіанъ, было бы легкомысленно отыскивать въ личныхъ отношеніяхъ двухъ представителей этихъ партій Игнатія и Фотія, патріарховъ константинопольскихъ. Этотъ корень нужно искать глубже, т. е. еще въ предшествующихъ церковно-историческихъ обстоятельствахъ. Но чтобы не слишкомъ отдаляться отъ нашей эпохи, всмотримся по крайней мѣрѣ въ обстоятельства жизни и церковныя событія въ правленіе предшественника Игнатіева, патріарха Меѳодія († 846 г.). Внимательное изученіе жизни, дѣятельности патріарха Меѳодія и церковныхъ явленій его времени, должно пролить свѣтъ на то, при какихъ условіяхъ слагаются эти двѣ партіи игнатіанъ и фотіанъ. Уже при жизни Меѳодія въ церкви въ средѣ іерархіи ясно обозначаются двѣ партіи, изъ которыхъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ могли образоваться такія партіи сильныя, какъ игнатіане и фотіане.

Меѳодій былъ мужъ высокообразованный, ревнующій о церковныхъ дѣлахъ, съ высокими нравственными качествами [1]). И однакожъ всѣ его церковныя мѣры, какія онъ не принималъ по нуждамъ времени, находя себѣ одобреніе, находили въ тоже время противниковъ и порицателей въ средѣ клира. Знакъ, что духовное настроеніе духовенства не

[1]) Nicetas Paphlag. Vita s. Ignatii. p. 500. (Migne, cur. patr. Graeca ser tom. 105).

было одинаково. Меѳодій, ведя борьбу съ остатками иконоборчества, достаточно строго относился къ тѣмъ изъ духовенства, кто продолжалъ упорно держаться идей иконоборческихъ: такіе упорные лишались своихъ каѳедръ, на которыя вмѣсто нихъ возводились лица православнаго образа воззрѣній [1]). Но эта строгость не переходила должныхъ границъ; если кто либо изъ духовенства хотя и виновенъ былъ въ присоединеніи къ партіи иконоборческой, однакожъ въ настоящее время исповѣдывалъ себя православнымъ, таковаго онъ наставлялъ на путь истинный и не лишалъ занимаемаго имъ мѣста [2]). Мѣры патріарха были вполнѣ благоразумны, но не всѣ въ средѣ духовенства смотрѣли на нихъ одобрительно. Антагонизмъ въ отношеніи къ иконоборчеству у нѣкоторыхъ былъ слишкомъ силенъ, и потому кроткія мѣры патріарха касательно лицъ духовныхъ, раскаивавшихся въ своемъ заблужденіи иконоборческомъ, казались нѣкоторымъ ревнителямъ изъ духовенства излишнею снисходительностію, достойною порицанія. Другіе, напротивъ, въ средѣ духовенства совершенно соглашались съ распоряженіями патріарха и одобряли ихъ. Съ такимъ же одобреніемъ или порицаніемъ принимались и другія мѣры патріарха Меѳодія. Желая сдѣлать торжество православныхъ наиболѣе обезпеченнымъ, патріархъ старался замѣщать вакантныя каѳедры и мѣста священническія и архимандричьи людьми строгаго православія, причемъ патріархъ не всегда могъ отвѣчать ни за степень ихъ образованности, ни за степень ихъ умѣнья править порученнымъ имъ дѣломъ. Такъ какъ такихъ новопоставленныхъ лицъ было много, то естественно между ними встрѣчались субъекты не совсѣмъ высокихъ достоинствъ. Этотъ образъ дѣятельности патріарха снова находитъ себѣ сильныхъ противниковъ и порицателей въ духовенствѣ. По словамъ біографа Меѳодіева, отсюда возникло великое движеніе. Защитники и порицатели Меѳодія одушевлены были ревностію къ церкви, но эта ревность не была одинаковаго свойства. По словамъ того же біографа Меѳодіева, между ними возникло такое раздѣленіе мнѣній,

[1]) Ibidem.
[2]) Ibidem. p. 500, 501.

какъ между апостолами Петромъ и Павломъ, Павломъ и Варнавою. Патріархъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ сильнымъ мѣрамъ: епископовъ и архимандритовъ ему противившихся онъ отставилъ отъ должностей [1]); но это только увеличило озлобленіе партій. Патріархъ Меѳодій нашелъ себѣ противниковъ также и между монахами, именно знаменитаго въ иконоборческихъ спорахъ Студійскаго монастыря. Вотъ это было по какому случаю. Патріархъ съ торжественностію перенесъ мощи св. Ѳеодора Студита († 826 г.) и св. патріарха Никифора († 815 г.); перваго въ его монастырь, втораго въ церковь св. апостоловъ [2]). Студиты были очень довольны подобнымъ уваженіемъ патріарха къ такому знаменитому мужу, вышедшему изъ ихъ среды, какъ Ѳеодоръ Студитъ. Но они въ то же время остались недовольны патріархомъ за прославленіе мощей св. Никифора. Они порицали Никифора какъ за то, что онъ былъ возведенъ изъ мірянъ въ епископы, такъ и за то, что онъ снялъ церковное отлученіе съ пресвитера Іосифа, благословившаго новый бракъ императора Константина VI, разведшагося безъ достаточной причины съ своею первою женою. Особенно патріархъ возстановилъ противъ себя студитовъ, когда потребовалъ, чтобы все написанное противъ Никифора было анаѳематствовано. Студиты не хотѣли подчиниться этому требованію, потому что дѣло касалось сочиненій и писемъ Ѳеодора Студита, направленныхъ противъ Никифора. Напрасно патріархъ доказывалъ упорнымъ монахамъ, что онъ требуетъ осужденія не лица Ѳеодора Студита, а только тѣхъ его сочиненій противъ Никифора, отъ которыхъ онъ (Ѳеодоръ) самъ отказался, примирившись съ Никифоромъ. Монахи оставались при своемъ. Патріархъ вынужденъ былъ грозить даже супротивникамъ анаѳемой, въ случаѣ неисполненія его требованій. Неизвѣстно чѣмъ кончился споръ Меѳодія со студитами. Но то несомнѣнно, что они, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, были и оставались противниками Меѳодія и его приверженцевъ. Меѳодій ни въ чемъ

[1]) Hergenröther. Photius patr. von Konstantinopel. s. 352—3. Band. 1.

[2]) Это была усыпальница императоровъ и патріарховъ.

Bayerische Staatsbibliothek München

не хотѣлъ потакать монахамъ, пріобрѣтшимъ во время иконоборческихъ смутъ большое вліяніе въ церкви [1]).

Изъ исторіи жизни и церковной дѣятельности Меѳодія видно, что въ церкви существовали двѣ партіи, изъ которыхъ одна многочисленнѣйшая принимала одобрительно всѣ его распоряженія; другая, напротивъ, вездѣ и всегда противилась ему. Теперь всякій послѣдующій патріархъ, какъ скоро онъ становился почитателемъ Меѳодія и хотѣлъ руководствоваться его практикой, тѣмъ самымъ становился на сторону многочисленнѣйшей партіи приверженцевъ кроткой, разсудительной церковной политики Меѳодіевой; если же онъ не признавалъ за Меѳодіемъ заслугъ, порицалъ его церковную дѣятельность, тѣмъ самымъ становился на сторонѣ партіи, сложившейся изъ противниковъ Меѳодіевой церковной политики. Требовалось искусство слить и помирить эти двѣ партіи, но на первыхъ порахъ такого искусства мы не видимъ.

Преемникомъ патріарха Меѳодія былъ Игнатій. Его молодость прошла печально. Онъ былъ сынъ несчастнаго императора Михаила Рангаве, низвергнутаго съ престола Львомъ Армяниномъ. Низвергнутый императоръ Михаилъ съ своимъ семействомъ былъ заключенъ въ монастырь. Сынъ его Никита (въ монашествѣ Игнатій) былъ оскопленъ. 14 лѣтъ Никита сдѣлался монахомъ. Цѣлыхъ тридцать три года остается въ монастырскомъ уединеніи Игнатій. Его подвиги благочестія доставляютъ ему высокое уваженіе въ народѣ. Его монастырь, гдѣ онъ сдѣлался потомъ игуменомъ, былъ мѣстомъ убѣжища для православныхъ, гонимыхъ иконоборцами. Это еще болѣе придало славы его имени. Онъ былъ монахомъ и ревностнымъ почитателемъ монаховъ. Въ 846 году вдругъ Игнатій по волѣ императрицы Ѳеодоры призывается къ высокому служенію патріаршему [2]). Не легкое и можетъ быть непосильное бремя бралъ на себя Игнатій, не знавшій свѣта, людей, жизни. Чѣмъ выше тогда было положеніе патріарха въ Византіи, тѣмъ менѣе согласовалось оно съ воспитаніемъ и навыками Игнатія. Игнатій не могъ

[1]) Hergenröther, ibidem s. 253—4.
[2]) Nicetas Paphl. p. 489—500.

Bayerische Staatsbibliothek München

удовлетворять всѣмъ требованіямъ своего положенія. Качества и преимущества, приписываемыя ему біографомъ Никитою Пафлагоняниномъ, характеризуютъ его какъ отличнѣйшаго инока, но не отличнѣйшаго патріарха. Къ тому же суровость его характера доходила иногда до неумѣренной рѣзкости и даже надмѣнности, что признаетъ отчасти и его біографъ, какъ ни ревниво онъ оберегаетъ память Игнатія [1]). Игнатій не могъ цѣнить достойно такую вещь, какъ образованность; его монашескія тенденціи располагали его не придавать значенія мудрости міра сего. И въ самомъ дѣлѣ даже его сторонники говорятъ, что онъ преслѣдовалъ образованіе, хотя по побужденіямъ благочестивымъ и похвальнымъ [2]). Вотъ въ какихъ чертахъ рисуется представитель знаменитой въ исторіи нашего времени партіи игнатіанъ. Замѣчательно, что эти черты болѣе или менѣе характеризуютъ и всѣхъ тѣхъ, кто въ послѣдствіи составилъ изъ себя твердое зерно его приверженцевъ. По самому своему характеру и по самой средѣ воспитавшей его, Игнатій не могъ сочувственно относиться къ широкимъ и гуманнымъ мѣрамъ церковнымъ патріарха Меѳодія; его характеръ и образъ воззрѣній болѣе соотвѣтствовалъ строгому и требовательному настроенію противниковъ Меѳодія. Строгій монахъ и почитатель монаховъ, Игнатій не могъ сочувствовать Меѳодію, который такъ беззастѣнчиво относился къ знаменитымъ студитамъ. Не безъ основанія Игнатію приписываютъ честь примиренія студитовъ съ церковію, отдѣлившихся отъ повиновенія патріарху Меѳодію [3]). Но есть и болѣе точныя свѣдѣнія, что Игнатій принадлежалъ къ партіи противниковъ церковной политики Меѳодія. Фотіане ставили ему впослѣдствіи въ упрекъ, что онъ былъ „порицателемъ“ Меѳодія и такимъ образомъ сдѣлался „отцеубійцей“ [4]). Можетъ быть, онъ именно принадлежалъ къ

[1]) О. Герасима (Яреда). Отзывы о патріархѣ Фотіи. См. Христ. Чтеніе 1872 г. Августъ, стр. 548.

[2]) О. Герасимъ. Ibidem. стр. 552.

[3]) Какъ это дѣлаетъ Hergenröther, ibidem. s. 354.

[4]) О семъ свидѣтельствуетъ Анастасій библіотекарь. Labbei, concilia, tom. VIII, p. 963.

числу тѣхъ лицъ при Меѳодіи, которыя не были довольны патріархомъ за его снисходительность къ духовнымъ, державшимся иконоборческихъ идей,—или къ тѣмъ, которые порицали его строгое отношеніе къ монахамъ студитамъ [1]). Во всякомъ случаѣ собственная церковная дѣятельность Игнатія не сообразовалась съ тѣми правилами, какія выражены въ дѣятельности Меѳодія. Свое фактическое нерасположеніе къ приверженцамъ Меѳодія пылкій и не совсѣмъ благоразумный Игнатій выразилъ тотчасъ же, какъ онъ призванъ былъ занять каѳедру Констаинтинопольскую. Вотъ какой былъ случай при посвященіи Игнатія. Между лицами, имѣвшими преподать посвященіе Игнатію, былъ епископъ Сиракузскій Григорій Асвеста. Неизвѣстно, почему этотъ Григорій, Сиракузскій епископъ, проживалъ въ Константинополѣ—потому ли, что его каѳедральному городу грозило арабское завоеваніе, или потому, что его вызвалъ по какой либо причинѣ патріархъ Меѳодій, или наконецъ потому ли, что онъ заподозрѣнъ былъ въ политическомъ отношеніи (Сиракузы принадлежали Византіи). Какъ бы то ни было, какъ мы сказали, онъ долженъ былъ принять участіе въ посвященіи Игнатія. И что же? Какъ скоро Игнатій увидѣлъ Григорія Асвесту, готоваго принять участіе въ его посвященіи, онъ приказалъ ему удалиться. Григорій, разгнѣванный такимъ приказаніемъ Игнатія, бросилъ на землю свѣчу, которую онъ держалъ въ рукахъ и въ слухъ всѣхъ назвалъ новаго патріарха волкомъ, противозаконно вторгающимся въ церковь. Затѣмъ Григорій, а вмѣстѣ съ нимъ епископы—Петръ Сардикійскій и Евлампій Апамейскій и другіе нѣкоторые клирики покинули церковь [2]). Раждается вопросъ: почему Игнатій такъ сурово поступилъ съ Григоріемъ Асвестою, чѣмъ провинился предъ Игнатіемъ онъ? Опредѣленныхъ свѣдѣній о какомъ-либо преступленіи Григорія, которое бы давало право Игнатію такъ относиться къ нему—исторія не знаетъ. Если существуетъ сказаніе древняго писателя (Симеона магистра), что будто Григорій

[1]) Hergenröther, ibidem. s. 358—365.
[2]) Nicetas Paphl. ibidem. p. 512.

обвинялся въ незаконномъ посвященіи одного пресвитера въ епископы въ правленіе Мефодія, то однакожъ это свидѣтельство послѣ основательнаго разбора его въ статьѣ: „Отзывы о патріархѣ Фотіи“, не заслуживаетъ довѣрія [1]). Предполагаютъ и довольно основательно, что въ лицѣ Григорія Игнатій выразилъ свое осужденіе и нерасположеніе ко всей партіи сторонниковъ Мефодія. Нужно знать, что этотъ Григорій Асвеста съ Мефодіемъ были земляками, оба они по происхожденію сиракузцы; Григорій былъ поставленъ въ архіепископа Сиракузъ, именно опять Мефодіемъ; и быть можетъ Игнатій и его, Григорія, считалъ въ числѣ тѣхъ епископовъ, поставленныхъ Мефодіемъ, которыми была недовольна партія оппозиціонная, какъ недостаточно будто бы испытанными въ познаніяхъ и жизни. О тѣсной связи Григорія съ Мефодіемъ говоритъ наконецъ то обстоятельство, что Григорій писалъ панегирикъ Мефодію, въ которомъ онъ является почитателемъ этого патріарха [2]). Поступивъ не совсѣмъ благоразумно съ Григоріемъ при посвященіи своемъ, а слѣдовательно высказавъ свое нерасположеніе и вообще къ церковной партіи Мефодія, Игнатій на самыхъ же первыхъ порахъ создаетъ враждебную себѣ партію изъ епископовъ; во главѣ этой партіи стали Григорій и, можетъ быть, другіе два епископа, вышедшіе съ нимъ изъ церкви при извѣстномъ случаѣ [3]). Около этихъ послѣднихъ лицъ вѣроятно и группировалась вся партія почитателей Мефодія, партія многочисленная. Впрочемъ Игнатій былъ настолько остороженъ, что не задѣвалъ этой партіи, а напротивъ, желая хоть повидимому сблизить ее съ собой, онъ праздновалъ ежегодно день памяти Мефодія [4]). Къ сожалѣнію, изъ одиннадцатилѣтней его дѣятельности мало извѣстно. Во всякомъ случаѣ у него недоставало искусства возсоединить недовольную имъ партію всецѣло. Напротивъ, такой фактъ, какъ осужденіе и низложеніе Григорія Асвесты на соборѣ,

[1]) Ibidem. стр. 550—551.

[2]) Hergenröther. B. 1, s. 358. „Отзывы о патр. Фотіи“—ibid. стр. 551.

[3]) Hergenr. ibidem. s 357. 360.

[4]) Свидѣтельствуетъ Анастасій библіотекарь. Labbei, concilia, tom. VIII, p. 963.

что случилось незадолго до паденія Игнатія, даетъ понять, что не было въ его правленіе недостатка въ событіяхъ, которыя бы даже еще болѣе раздражали противъ него почитателей Меѳодія [1]).

Во все время правленія церковію Игнатіемъ, партія Меѳодія оставалась какъ бы въ забытьи; но вотъ наступаетъ пора торжества и для нея. Это было съ восшествіемъ на каѳедру Константинопольскую патріарха Фотія. Партія Меѳодія сочувственно принимаетъ поставленіе новаго патріарха и группируется около него. Пассивную роль приходится играть теперь игнатіанамъ, или, что тоже, партіи противниковъ Меѳодія. Извѣстно, при какихъ обстоятельствахъ Фотій въ патріаршествѣ смѣнилъ Игнатія и распространяться по этому вопросу было бы излишне [2]).

Важнѣе и необходимѣе разсмотрѣть вопросъ, почему партія Меѳодія съ любовію и сочувствіемъ принимаетъ новаго патріарха, какія были причины тому? Фотій по своимъ убѣжденіямъ и по плану своей дѣятельности, каковый онъ предначерталъ себѣ съ самаго начала, во многомъ напоминалъ собою Меѳодія съ его убѣжденіями и церковной политикой. Подобно Меѳодію онъ начинаетъ свою дѣятельность съ того, что, насколько возможно, обновляетъ составъ епископата Византійскаго, назначая на каѳедры епископовъ сколько благочестивыхъ, столько же и ученыхъ, которые бы могли поднять уровень религіознаго образованія и нравственности. Меѳодій снисходительно и кротко относился къ еретикамъ, какъ это видно изъ отношеній его къ нѣкоторымъ епископамъ и пресвитерамъ иконоборцамъ; тоже самое встрѣчаемъ и въ дѣятельности Фотія: противъ еретиковъ и иновѣрцевъ онъ дѣйствуетъ убѣжденіемъ, кротостію, а ничуть не мѣрами насилія, противными его духу. Меѳодій почти все время своего патріаршества проводитъ въ борьбѣ съ монахами, именно—студитами, которые своимъ противленіемъ и самоволіемъ едва ли не навлекли на себя отлученіе цер-

1) Stiliani epistola ad Stephanum Papam. p. 1400 (Labbei, concilia, tom. VIII).

2) „Чт. въ общ. люб. дух. просвѣщ." 1873 г. Ноябрь. „Римскіе папы въ ихъ отношеніи къ церкви Византійской въ IX, X, XI вѣкахъ".

ковное со стороны патріарха. Также и Фотій старался ограничить непомѣрное вліяніе монашества, очистить это сословіе отъ злоупотребленій, вкравшихся въ него, вообще дѣйствовалъ въ отношеніи къ монашеству, какъ строгій духовный судья, а не какъ слѣпой другъ монаховъ. Наконецъ Меѳодій и Фотій —оба были равно просвѣщеннѣйшими, образованнѣйшими пастырями Константинопольскими; Фотій принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя горячо стоятъ за просвѣщеніе и свободу убѣжденій; по образованности онъ былъ славою и украшеніемъ своего времени [1]. Этого всего мало. Фотій былъ положительнымъ и глубокимъ почитателемъ Меѳодія, какъ это видно частію изъ того, что Фотій объявлялъ себя такимъ почитателемъ, показывая въ этомъ свое отличіе отъ Игнатія, по его свидѣтельству, недостаточно ублажавшаго память Меѳодія [2], частію изъ того, что Фотій былъ и оставался другомъ, и притомъ другомъ искреннимъ Григорія Асвесты, этого лица, такъ не мало потерпѣвшаго изъ-за своей ревности къ почитанію Меѳодія. Итакъ съ восшествіемъ на каѳедру Константинопольскую Фотія, партія Меѳодія должна была получить и дѣйствительно получаетъ перевѣсъ надъ партіею противоположною.

Партія Меѳодія съ необыкновеннымъ единодушіемъ поддержала кандидатуру Фотія, поставленную тогдашнимъ правительствомъ. Для партіи этой не составляло соблазна то обстоятельство, что Фотій возводился въ патріарха непосредственно изъ мірянъ; она глубоко чтила память двухъ патріарховъ Тарасія и Никифора, избранныхъ въ томъ же родѣ какъ и Фотій. Но это обстоятельство (избраніе Фотія изъ мірянъ) составляло камень соблазна для партіи игнатіанъ, питавшей изъ-за этого нерасположеніе напр. къ св. Никифору. Григорій Асвеста, осужденный Игнатіемъ въ интересахъ своей партіи, былъ во главѣ партіи Меѳодія, такъ сочувственно принявшей Фотія. Григорій Асвеста собственноручно посвящаетъ Фотія въ патріарха [3]. Но чѣмъ силь-

[1]) Отзывы о патріархѣ Фотіи, ibidem. стр. 568—9.

[2]) Hergenrother, ibid. стр. 365.

[3]) Вопросъ: Григорій осужденъ и однакожъ посвящаетъ: законно ли посвященіе Фотія? Но изъ того, что Фотій посвящается Асвестою нужно заключать,

нѣе и рѣшительнѣе кандидатуру Фотія поддержала партія Меѳодія, тѣмъ не сочувственнѣе приняла ее партія игнатіанъ. Изъ нихъ съ особенною рѣшительностію съ первыхъ самыхъ поръ противъ Фотія заявили себя пять епископовъ и между ними—Митрофанъ Смирнскій и Стиліанъ Неокессарійскій [1]). Само собой разумѣется, Фотія враждебно встрѣтили и студиты, монахи Студійскаго монастыря. Почему—это понятно. Въ это время архимандритомъ Студійскаго монастыря былъ Николай, мужъ строгой жизни. Онъ рѣшительно отказался вступить въ общеніе съ Фотіемъ, онъ смотрѣлъ на него, какъ на татя и презрителя церковныхъ законовъ; частію онъ не могъ примириться съ мыслію, что патріаршую каѳедру покидаетъ Игнатій, между которымъ и студитами было духовное сродство; частію ему казалось соблазнительнымъ, что Фотій повторяетъ въ своемъ лицѣ примѣръ Тарасія и Никифора, посвященныхъ прямо изъ міранъ, а это и прежде, а теперь въ особенности, питало враждебное чувство студитовъ. Николай не стѣсняется открыто заявлять о своемъ непризнаніи патріарха и, наконецъ, покидаетъ столицу. Между архимандритами монастырей, вслѣдъ за Николаемъ, нашлись и другіе противники Фотію: Ѳеогностъ, Іосифъ, Евѳимій, Никита и Досиѳей [2]). Особенно между ними замѣчателенъ Ѳеогностъ, который позднѣе оказалъ такія услуги игнатіанамъ сношеніями съ папскимъ престоломъ. Благодаря ему, игнатіанская партія на Востокѣ вообще получаетъ характеръ папистическій. Ѳеогностъ, а въ слѣдъ за нимъ и Игнатій, смотрятъ на папу, какъ на единственнаго избавителя, который могъ бы доставить партіи игнатіанъ значеніе, которое она потеряла въ церкви. Печальное обстоятельство!

Послѣ разсмотрѣнія историческаго происхожденія партіи фотіанъ и игнатіанъ открывается, что вотъ основныя черты, характеризующія ту и другую партію. Партія Фотія от-

что хотя онъ и осужденъ Игнатіемъ, но церковь не раздѣляла убѣжденій Игнатія и разсматривала это дѣйствіе Игнатія какъ напраслину. Невозможно представить, чтобы Фотій былъ настолько неблагоразуменъ, чтобы поручилъ свое посвященіе человѣку, отлученному отъ церкви.

[1]) Hergenröther, ibid. s. 381. Отзывы о патр. Фотіи, ibid. стр. 565.

[2]) Hergenröther, ibid. s. 394—396.

личается возвышенностію и широтою взгляда, когда дѣло касалось пониманія задачи церкви; она хочетъ идти въ уровень съ потребностями времени и духомъ его, не отступая ни на шагъ отъ коренныхъ основаній вѣры; она хочетъ править церковію въ духѣ благоразумія и снисходительности. Она далека отъ того, чтобы безусловно преклоняться предъ авторитетомъ монашества; она хочетъ дисциплинировать его, а не потворствовать его крайнимъ убѣжденіямъ. Она любитъ науку, просвѣщеніе, и хочетъ этотъ элементъ утвердить и развить въ церкви. Она ищетъ силы въ самой себѣ, въ своихъ наличныхъ средствахъ, потому что она хочетъ быть самостоятельною, а не ищетъ себѣ помощи гдѣ-либо у „заморскаго епископа", т. е. папы. Иначе характеризуется партія игнатіанъ. Въ церковной дѣятельности она любитъ придерживаться традиціи; духъ времени и потребности его—для нея дѣло второстепенное; твердость церкви она полагаетъ въ непризнаніи за духомъ времени никакого значенія. Она строга до суровости, настойчива до упорства. Она беззавѣтно предана монашеству, помнитъ лишь его заслуги и закрываетъ глаза на его вопіющіе недостатки. Науку и образованность она не цѣнила. „Сословіе ученыхъ пользовалось недовѣріемъ" съ ея стороны; въ образованіи она видѣла пагубу церковной вѣры [1]). Наконецъ, не имѣя достаточно въ себѣ силы, чтобы доставить торжество своимъ приверженцамъ въ церкви, она измѣняетъ исконной политикѣ Византійской церкви, ищетъ въ папѣ опоры для себя.

Со времени вступленія патріарха Фотія на престолъ между фотіанами и игнатіанами начинается открытая вражда, которая проходитъ до самаго конца IX вѣка.

Недолго партія игнатіанъ оставалась спокойною при видѣ торжества партіи противниковъ. Она начала свою оппозицію противъ фотіанъ. Прошло 40 дней со времени посвященія Фотія и игнатіане, рѣшительнѣе убѣдившись, какихъ воззрѣній и правилъ держался Фотій, на сколько эти воззрѣнія мало гармонируютъ съ ихъ воззрѣніями, собравшись въ церкви св. Ирины, произнесли анаѳему на Фотія и его привер-

[1]) Правда вселенской церкви, изд. 1841 г., стр. 256—7.

женцевъ. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ на этомъ игнатіанскомъ соборѣ епископовъ дошли до такого фанатизма, что объявили, что они сами себя анаѳематствуютъ, буде они когда либо признаютъ Фотія патріархомъ [1]). Къ чести фотіанъ нужно сказать, что, какъ мы видимъ, первый шагъ къ непріязненнымъ отношеніямъ въ борьбѣ двухъ партій дѣлаютъ игнатіане. Фотіане при видѣ такого шага игнатіанъ, съ своей стороны не молчали, да и не могли молчать, соблюдая свое достоинство. Фотій и его сторонники также собрали соборъ въ церкви Св. Апостоловъ. На немъ въ свою очередь Игнатій былъ анаѳематствованъ [2]) и его приверженцы—епископы объявлены лишенными сана.

Затѣмъ партія фотіанъ принимаетъ цѣлый рядъ мѣръ, въ видахъ утвержденія своего церковнаго авторитета и достиженія полнаго и рѣшительнаго торжества надъ партіею противниковъ. Важнѣйшею мѣрою со стороны первыхъ былъ большой соборъ — 861 года, на которомъ присутствовали папскіе легаты и 380 епископовъ Константинопольскаго округа. Указанное число епископовъ даетъ знать, съ какимъ одушевленіемъ церковь Константинопольская принимала дѣло Фотія, какъ охотно хотѣла она служить этому дѣлу. Соборъ этотъ въ сущности есть ничто иное, какъ судъ надъ Игнатіемъ и его партіею. Обстоятельства собора представляются жестокими въ отношеніи къ Игнатію, соборъ является какимъ-то бичемъ въ отношеніи этого патріарха. Въ объясненіе этого явленія мы должны сказать слѣдующее: во 1-хъ извѣстія объ этомъ соборѣ сохранились только у враговъ Фотія: не удивительно если они придавали описанію этого собора краски, не соотвѣтствующія его характеру дѣйствительному; во 2-хъ Игнатій былъ низверженъ правительствомъ: правительство заинтересовано было и осужденіемъ Игнатія, и потому положило на соборѣ печать своихъ внѣшнихъ средствъ, которыя были въ распоряженіи правительства въ борьбѣ съ игнатіанами; въ 3-хъ самъ Игнатій былъ не всегда правъ и заслуживалъ строгаго приговора, строгаго порицанія своего поведенія, строгихъ мѣръ. Анастасій

1) Hergenrother, ibidem s. 382.

2) Styliani Epistola ad Steph. pap. ibidem стр. 1400.

библіотекарь сообщаетъ, что Игнатій, будучи изгоняемъ, связалъ церковь, чтобы никто не дерзалъ безъ него совершать въ ней священнодѣйствія. „Такой поступокъ не соотвѣтствовалъ ни пастырскому смиренію, ни попеченію о духовныхъ потребностяхъ паствы, особенно если вспомнить примѣръ св. Іоанна Златоуста, который, будучи изгоняемъ, напротивъ того убѣждалъ своихъ епископовъ сообщаться съ тѣмъ, кого изберутъ на его мѣсто, чтобы не разстроить церкви; потому что не имъ, говоритъ онъ, началась церковь, не имъ и окончится“ [1]). Игнатій своимъ упорствомъ не мало содѣйствовалъ развитію духа партій и утвержденію смятеній въ церкви Константинопольской.

Собрался соборъ; потребовали Игнатія на судъ. Сначала отставленный патріархъ явиться на соборъ отказывается; потому что высказывалъ желаніе, чтобы его судилъ папа Римскій [2]). Снова потребованный предъ лице собора, Игнатій уже не отказывается явиться на оный, но только спрашиваетъ предварительно, въ какомъ родѣ онъ долженъ явиться на соборъ: въ епископской одеждѣ или въ простой одеждѣ монашеской, т. е. какъ лице имѣющее судить, или какъ подсудимое. Ему отвѣчено было: онъ можетъ придти въ такой одеждѣ, въ какой найдетъ онъ наиболѣе приличнымъ. Игнатій счелъ за лучшее явиться на соборъ въ качествѣ епископа. Онъ облекся въ епископскія одежды и въ сопровожденіи свиты изъ епископовъ и священниковъ пошелъ на соборъ. Но на дорогѣ его встрѣтилъ одинъ императорскій чиновникъ и отъ имени императора Михаила III объявилъ Игнатію, что онъ долженъ явиться на соборъ въ одеждѣ монаха [3]). Въ дверяхъ собранія нѣкоторые клирики и одинъ мірянинъ подвергли его укорамъ за то, что онъ, отлученный и отставленный, осмѣлился облечься въ епископскія одежды. Какъ скоро онъ вошелъ въ залу, гдѣ засѣдалъ соборъ, императоръ самъ подвергаетъ его новымъ поруганіямъ [4]).

[1]) Правда вселенской церкви, стр. 205—6.

[2]) Это согласно съ послѣдующимъ образомъ дѣйствованія Игнатія. Libellus Ignatii p. 1265. см. Labbei. tom VIII.

[3]) Nicetas Paphl. ibidem. p. 517.

[4]) Поступокъ сообразный съ характеромъ Михаила.

Игнатій отвѣчаетъ императору съ достоинствомъ. Затѣмъ онъ объявляетъ, что онъ признаетъ судьею своимъ только папу, требовалъ, чтобы изъ среды собора удаленъ былъ узурпаторъ Фотій, и громко заявлялъ о своихъ правахъ на каѳедру столицы. Послѣ этого онъ обращается къ папскимъ легатамъ съ вопросомъ: зачѣмъ они прибыли въ Константинополь и имѣютъ ли отъ папы письмо на его имя? Получивъ въ отвѣтъ, что они не къ нему посланы, и что они смотрятъ на него какъ на епископа, лишеннаго своего достоинства, Игнатій сказалъ: „изгоните прежде всего прелюбодѣя [1]), т. е. Фотія, который такъ названъ потому, что онъ при живомъ патріархѣ завладѣлъ невѣстою Христовою—церковію столицы. Не всѣ впрочемъ собравшіеся епископы оказались не расположенными къ Игнатію. Нѣкоторые митрополиты выступили съ требованіемъ, чтобы Игнатій былъ возвращенъ на свою каѳедру. Но эти немногіе смѣльчаки заслужили порицаніе; на нихъ посыпалось множество укоризнъ. Кажется, потомъ они должны были оставить залу засѣданія [2]). Этимъ кончился первый день соборныхъ дѣяній. Спустя нѣкоторое время, Игнатій снова приглашается на соборъ, но онъ отказывается идти сюда. Онъ находитъ, что судьи поступаютъ не по церковнымъ законамъ; легаты должны бы прервать всякое сношеніе съ узурпаторомъ Фотіемъ, они между тѣмъ вошли въ близкія связи съ нимъ, пили и ѣли съ нимъ и получили отъ него подарки [3]). При новомъ приглашеніи Игнатія на соборъ, ему заявлено, что онъ долженъ явиться, потому что на соборъ предстали свидѣтели, которые утверждаютъ, что онъ незаконнымъ образомъ избранъ и посвященъ. Кто эти свидѣтели — спрашивалъ Игнатій? Кто повѣритъ имъ? Какой канонъ утвердилъ, чтобы императоръ создавалъ свидѣтелей? Если я не епископъ, то и Михаилъ не императоръ (онъ коронованъ былъ Игнатіемъ), да и епископы, здѣсь собравшіеся, тогда не суть епископы (опять какъ посвященные Игнатіемъ, впрочемъ далеко не всѣ), да и самъ Фотій какой же епископъ послѣ

[1]) Libellus Ignatii. ibidem. p. 1265.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem.

этого? (Возраженіе невѣрное: Фотій, какъ посвященный Григоріемъ Асвестою, велъ свое посвященіе отъ Меѳодія). Притомъ же, говорилъ еще Игнатій, Фотій принадлежитъ къ отлученнымъ и осужденнымъ, которые оставались противниками приговору церковному — (совершенная ложь); далѣе, онъ возведенъ въ епископы прямо изъ мірянъ [1]), наконецъ онъ посвященъ отставленнымъ и анаѳематствованнымъ епископомъ [2]). Очень можетъ быть, что всѣ эти доводы приводимы были на соборѣ Игнатіемъ. Послѣдній актъ собора составляетъ допросъ свидѣтелей противъ Игнатія и растриженіе его. Игнатій опять привлеченъ былъ на соборъ. Противъ него явилось 72 свидѣтеля. Это были люди изъ всѣхъ сословій, — частію изъ низшаго класса: рыболовы, ремесленники, частію сенаторы и придворные чиновники. Во главѣ ихъ сталъ патрицій Левъ Кретикъ и Ѳеодотакій. Свидѣтели на соборѣ утверждали, что Игнатій поставленъ на каѳедру не каноническимъ образомъ. На основаніи показаній этихъ свидѣтелей къ Игнатію и его дѣлу приложено было соборомъ 30 правило апостольское, по которому епископъ, свѣтскою властію введенный въ обладаніе церковію, отставляется и отлучается [3]). Другимъ обвиненіемъ противъ Игнатія было то, что онъ неуважительно относился къ памяти патріарха Меѳодія [4]). Послѣ этого соборъ осудилъ Игнатія. На самомъ же соборѣ совершено и дѣйствіе его растриженія. На него надѣты были изодранныя и испачканныя священныя одежды и омофоръ. Затѣмъ одинъ иподіаконъ Прокопій, снявъ съ Игнатія эти одежды, возгласилъ: ἀνάξιος. Соборъ въ полномъ составѣ повторилъ эти слова [5]). Итакъ Игнатій осужденъ и анаѳематствованъ, а Фотій признанъ законнымъ патріархомъ.

Соборъ этотъ, хотя, быть можетъ, онъ происходилъ и не

[1]) Но тоже и св. Тарасій и Никифоръ.

[2]) Ibidem. p. 1268. При этомъ нужно замѣтить, что посвящалъ Фотія вѣроятно не **одинъ** епископъ, иначе на это, какъ на дѣло противоканоническое, указали бы игнатіане.

[3]) Nicetas Paphl. ibid. p. 517—519.

[4]) Hergenröther, ibidem. s. 427.

[5]) Nicetas—ibidem. p. 519—20.

такъ, какъ разсказываютъ дѣянія его враги Фотія [1]), былъ во всякомъ случаѣ великимъ торжествомъ партіи фотіанъ надъ игнатіанами. Съ другой стороны этимъ соборомъ положена новая преграда для слиянія партій. Игнатіане должны были озлобиться.

Разсмотримъ теперь другія болѣе второстепенныя мѣры, какія принимались партіею фотіанъ въ борьбѣ съ игнатіанами и частію въ видахъ примиренія и возсоединенія ея съ церковію.

Первою мѣрою въ этомъ отношеніи нужно считать замѣщеніе патріархомъ Фотіемъ вакантныхъ каѳедръ своими учениками, получившими образованіе подъ его руководствомъ. Не видно, чтобы Фотій производилъ это обновленіе епископата съ какимъ нибудь насиліемъ въ отношеніи къ епископамъ прежняго посвященія. Во всѣхъ этихъ замѣщеніяхъ вакантныхъ каѳедръ Фотій, очевидно, заботился о томъ, чтобы эти каѳедры были замѣщены людьми достойными своего призванія, хорошо образованными. Каѳедру въ городѣ Кизикѣ получилъ Амфилохій, знаменитый своею ученою корреспонденціею съ Фотіемъ. Долго и терпѣливо переносилъ нашъ патріархъ непозволительныя насмѣшки надъ собой и ругательныя письма, которыми досаждалъ Фотію одинъ игнатіанинъ, митрополитъ Никомидійскій Іоаннъ; наконецъ онъ былъ отставленъ; его мѣсто занимаетъ хартофилаксъ Георгій, который принадлежалъ къ ученымъ и отличался даромъ проповѣдничества. Патріархъ получилъ, ради этого посвященія, благодарность и похвалы со стороны жителей Виѳиніи. Извѣстный Григорій Асвеста, мужъ ученый, получаетъ снова свою Сиракузскую каѳедру. Захарій, отличавшійся краснорѣчіемъ, поставленъ былъ на каѳедру Халкидонскую и т. д. Фотій впрочемъ не обходилъ своимъ пастырскимъ вниманіемъ и игнатіанъ, если они не высказывали вражды къ нему. Такъ нѣкто Игнатій, ученикъ Игнатія патріарха, сначала сдѣланъ былъ архимандритомъ монастыря, а потомъ возведенъ былъ

[1]) Какъ много невѣрнаго и тенденціознаго разсказываютъ современники объ этомъ соборѣ, которые принадлежали къ партизанамъ Игнатія, объ этомъ можно судить по тому одному, что у нихъ представляется говорящимъ на соборѣ почти одинъ только Игнатій, а фотіане какъ будто бы не умѣли и рта открыть, что вовсе не естественно.

въ архіепископы Іераполя во Фригіи. Вообще Фотій дѣйствовалъ такъ, какъ прилично было попечительному и незлобивому пастырю церкви. Фотій самъ хвалится снисходительностію, которую онъ показывалъ въ томъ, что онъ удерживался отъ наказаній, когда кто либо изъ духовныхъ оскорблялъ его лично [1]. Эта мѣра вообще должна была служить и реформированію состава епископовъ, и умиротворенію игнатіанъ.

Вмѣстѣ—въ единомысліи съ нѣкоторыми епископами и священниками игнатіанами, враждебно расположенными къ Фотію, являлись и многіе монахи. Фотій, въ своей пастырской заботливости объ единеніи церковномъ, и этихъ хочетъ возсоединить съ собою, употребляя то мѣры кроткихъ внушеній, то мѣры строгихъ прещеній. Онъ вступаетъ со многими ими въ переписку, чрезъ которую хочетъ возбудить ихъ уваженіе къ себѣ. Въ своихъ письмахъ онъ старается показать, какъ онъ высоко цѣнитъ монашескій институтъ; прославляетъ ихъ добродѣтели, раскрываетъ аскетическія правила, разрѣшаетъ затрудненія, подаетъ совѣты, предостерегаетъ, утѣшаетъ и вразумляетъ, какъ другъ и отецъ Фотій такими способами достигъ высокаго уваженія у анахорета Аѳанасія, который оказалъ ему важныя услуги въ борьбѣ его съ игнатіанами. Подъ вліяніемъ этого анахорета епископы игнатіане переходили на сторону Фотія [2]. Иногда, при другихъ случаяхъ въ письменныхъ увѣщаніяхъ къ монахамъ, онъ строгъ и обличителенъ. Такъ, архимандриту Саввѣ, который сначала принялъ сторону Фотія, а потомъ началъ колебаться, онъ отправилъ слѣдующее письмо: „я не знаю, что о твоемъ характерѣ и твоемъ настроеніи и сказать, я видѣлъ на тебѣ овечью шкуру и считалъ тебя за человѣка прямаго, незлобиваго, достойнаго стада Христова. Но говорятъ, что подъ твоей овечьей шкурой скрывается лисица, что ты свое прежнее заблужденіе удерживаешь. Въ лице ты хвалишь меня, называешь меня избавителемъ, который извелъ тебя изъ бездны погибели. А за глаза ты ропщешь на меня. Обрати вниманіе, прилично ли

[1]) Hergenröther, ibidem. s. 403—4.

[2]) Hergenrötter, ibidem. s. 396—7.

это монаху и христіанину“ [1]). Къ другому монаху Павлу, относительно котораго онъ надѣялся, что онъ перейдетъ къ его партіи, писалъ: „Петръ отрекся Христа, Ѳома былъ невѣрящимъ, Іуда предалъ Его. Если ты въ покаяніе придешь и будешь отвращаться того, что ты въ собственномъ безуміи дѣлаешь противъ меня или скорѣе противъ собственнаго спасенія, то не будешь отчаяваться. Ѳома и Петръ могутъ служить тебѣ, какъ древніе образцы обращенія; но если ты не покаешься, то ты этимъ самымъ приготовляешь себя къ Іудиной веревкѣ [2]).

Отсюда можно видѣть, что Фотій велъ неустанную борьбу съ своими противниками въ духовенствѣ, такъ или иначе побуждая ихъ къ подчиненію своей законной власти. Враги его составили много сказаній о беззаконныхъ или неприличныхъ мѣрахъ, которыя будто бы онъ употреблялъ къ униженію Игнатія и игнатіанъ. Но мы съ полнымъ правомъ можемъ не вѣрить этимъ разсказамъ; они несообразны съ величіемъ духа Фотіева. Такъ, разсказываютъ, что онъ старался перетягивать на свою сторону противниковъ,— подарками, обѣщаніемъ епископскихъ каѳедръ, льстивыми словами [3]). А самый поразительный образецъ клеветы на патріарха составляетъ разсказъ Никиты Пафлагонянина слѣдующаго рода. Онъ говоритъ, что Фотій отъ лица собора 867 года составилъ подложный документъ съ новыми обличеніями Игнатія; къ этому документу приложены были 7-мь картинокъ, которыя выставляли Игнатія въ самомъ смѣхотворно - ненавистномъ видѣ. На первой картинкѣ Игнатій будтобы изображенъ влачимымъ и ударяемымъ, подъ картинкой подпись: „дьяволъ“. На другой Игнатій представленъ заплевываемымъ въ лицо, а подъ картинкой подпись: „начало грѣха“; на третьей онъ является низверженнымъ съ патріаршей каѳедры, а подпись гласила: „сынъ погибели“; четвертая изображала его въ узахъ постыдно изгоняемаго, а подпись гласила: „корыстолюбіе Симона волхва“; пятая изображала его съ желѣзнымъ ошейникомъ на выѣ,

1) ibidem, s. 397.

2. ibidem, s. 466.

3) Никита Пафлагонянинъ, біографъ Игнатія. Vita Ignatii, ibidem. p. 532

а подпись говорила: „превознесшійся надъ Богомъ и всею святынею“. На шестой представлено его осужденіе, а подпись была такая: „мерзость запустѣнія“; седьмая, изображавшая обезглавленнаго Игнатія, имѣла подпись: „антихристъ“. Этотъ разсказъ враждебно расположеннаго къ Фотію Никиты [1]), нисколько невѣроятенъ. Фотій и его лучшіе друзья не могли пуститься на такія безсмысленныя дѣтскія шутки.

Какъ бы то ни было, Фотій довелъ свою партію до замѣчальной степени единодушія, твердости и совершенства въ организаціи. Гергенретеръ такъ описываетъ достоинства партіи фотіанъ: „мало по малу Фотій образовалъ вполнѣ благонадежное войско, состоящее изъ совершенно-преданныхъ ему приверженцевъ; оно было прекрасно организовано. Высшіе церковные сановники, въ большинствѣ случаевъ, одолженные ему своимъ возвышеніемъ, были его друзья, его ученики. Образованныхъ и ученыхъ онъ привлекалъ къ себѣ силою своего духа и ослѣпительнымъ блескомъ своего образованія. Многихъ изъ низшаго класса онъ расположилъ къ себѣ своею благотворительностію. Въ такомъ положеніи онъ могъ начать борьбу съ болѣе сильнымъ врагомъ, чѣмъ какимъ былъ Игнатій и его сильно ослабѣвшая партія“ [2]). Да вообще своими талантами и ревностію Фотій на столько укрѣпилъ свою партію, что приходилось раскаиваться, когда насильственно хотѣли уничижать ее съ патріархомъ Фотіемъ во главѣ.

Взглянемъ на другую церковную партію, на игнатіанъ. Что предпринимаетъ она для своего укрѣпленія и успѣховъ въ борьбѣ съ противниками фотіанами? Очень не многое. Безсильная сама по себѣ, не многочисленная по своему составу, не имѣвшая ни одного сильнаго и талантливаго вождя, она мало дѣлаетъ для своего блага. Указать можно развѣ очень не многое. Вѣроятно, не безъ внушенія со стороны епископовъ и священниковъ—игнатіанъ, народная масса, во время одного землетрясенія въ Константинополѣ требуетъ отъ императора облегченія участи гонимаго Игна-

1) Nicetas, ibidem. p. 540—541.

2) Hergenröther, ibidem. s. 527.

тія, выставляя землетрясеніе казнію Божіею за несправедливость къ страдальцу патріарху [1]). Цѣль достигается. Важнѣйшею мѣрою, которою эта партія хотѣла добиться потеряннаго ею значенія, было обращеніе за помощію— куда же? Къ папскому престолу, къ папѣ Николаю. Едвали можно одобрить такой шагъ! Архимандритъ Ѳеогностъ, игнатіанецъ, отъ имени патріарха Игнатія обращался къ папѣ съ аппеляціей касательно его расприи съ Фотіемъ; въ этой аппеляціи говорилось: „Игнатій, тираннически преслѣдуемый, испытавшій много золъ, и его сотоварищи по страданію—10 митрополитовъ, 15 епископовъ со многими архимандритами, священниками и монахами—нашему господину, святѣйшему и блаженнѣйшему епископу, патріарху всѣхъ каѳедръ, наслѣднику князя - апостола, вселенскому папѣ Николаю, со всѣми ему подчиненными епископами и всею высокомудрою церковію Римскою — спасеніе о Господѣ". Затѣмъ говорилось, послѣ исчисленія страданій игнатіанъ: „но ты, святѣйшій господинъ, яви ко мнѣ любвеобильное милосердіе и рцы съ великимъ Павломъ: есть ли кто изнемогающій, съ кѣмъ бы я не изнемогалъ (2 Кор. 11, 29); вспомни о великихъ патріархахъ, твоихъ предшественникахъ, Фабіанѣ, Юліи, Иннокентіи, Львѣ, кратко о всѣхъ, кто боролся за истину противъ неправоты; поревнуй имъ и явись мстителемъ за насъ" [2]).

Партія Игнатія, безсильная сама по себѣ, вотъ гдѣ,—во многопритязательномъ Римѣ ищетъ себѣ спасенія и защиты; ищетъ и находитъ. Но какой цѣной?...

II.

Торжество партіи церковной Фотія и его приверженцевъ надъ противоположною партіею игнатіанъ продолжалось 10 лѣтъ. Не смотря на свою прекрасную организацію, свою сплоченность и могущество, партія Фотія должна была на время уступить бразды правленія церковію константинопольской игнатіанамъ. Это случилось въ 867 году, осенью. Причиной такого переворота церковныхъ дѣлъ былъ новый им-

[1]) Theoph. contin. chronographia. p. 277. edit Bonn.

[2]) Labbei, cancilia, tom. VIII, p. 1264—1270.

ператоръ Василій Македонянинъ, занявшій престолъ византійскій, свергнувъ и убивъ императора Михаила III. Новый императоръ по причинамъ меньше всего религіознымъ низвергъ Фотія съ каѳедры константинопольской и возвелъ на нее Игнатія. Въ свое время у насъ была уже рѣчь о томъ, что это были за причины, которыя побудили императора такъ неожиданно благосклонно отнестись къ церковной партіи Игнатія [1]). Игнатіане торжествовали. Но на самыхъ же первыхъ порахъ все показывало, что торжество Игнатіевой партіи было призрачное. Оно опиралось только на деспотической волѣ императора и мало находило себѣ одобренія и поддержки въ самой церкви; церковь безъ сомнѣнія высоко цѣнила мудрое правленіе Фотія и давно помирилась съ его возведеніемъ на престолъ еще при живомъ патріархѣ. Многочисленная партія Фотія,—а какъ она была многочисленна мы убѣдимся вскорѣ неопровержимыми фактами,—глубоко привязанная къ Фотію, слишкомъ неохотно приняла такой церковный переворотъ, какой навязанъ былъ церкви императоромъ. Игнатій съ своей стороны, при самомъ же возвращеніи на престолъ патріаршій своею неблагоразумною и фанатическою тактикою, еще болѣе ухудшилъ свое положеніе. Какъ при первомъ своемъ патріаршествѣ, его неосторожный поступокъ съ Григоріемъ Асвестою сдѣлался источникомъ неудовольствій для всего его одиннадцатилѣтняго тогдашняго правленія церковію константинопольскою, такъ и теперь его нетактичность, ригористическая пастырская ревность сослужила ему плохую услугу. Игнатій дерзнулъ тотчасъ по своемъ восшествіи на каѳедру константинопольскую не только подвергнуть отлученію церковному Фотія, но и всѣмъ епископамъ, посвященнымъ Фотіемъ, онъ запретилъ совершать таинства, подвергъ ихъ церковному запрещенію [2]). Понятно, какъ должно было это подѣйствовать на фотіанъ, какъ ожесточить ихъ противъ Игнатія; понятно, съ другой стороны, къ какимъ церковнымъ неурядицамъ должно было вести это распоряженіе. Но пылкій

[1]) См. „Чтенія Общ. люб. дух. просвѣщенія". 1874 г. Томъ 2, ст. „Римскіе папы въ ихъ отношеніи къ церкви византійской и т. д.".

[2]) Nicetas Paphl. ibidem. p. 544. Правда вселенской церкви стр. 258.

патріархъ мало разсуждалъ о послѣдствіяхъ своихъ поступковъ....

Важнѣйшею мѣрою для утвержденія своего авторитета церковнаго, и пораженія фотіанъ, со стороны Игнатія и его партіи, какъ ранѣе это было и со стороны Фотія съ его партіею,—былъ соборъ. Соборъ этотъ былъ собранъ въ 869 году, осенью. Но онъ только полнѣе и открытѣе показалъ слабость этой партіи и призрачность ея могущества.

Въ чемъ же выразился такой указанный нами характеръ этого собора?

Во первыхъ этотъ соборъ [1]) поставилъ себя въ такія отношенія къ папскому престолу и его авторитету, какія могли только унижать каѳедру константинопольскую и церковь восточную. Партія Фотія и фотіанъ, сильная и могущественная своими наличными нравственными средствами, основывала свою силу на самой себѣ; напротивъ партія игнатіанъ, хорошо сознававшая свое безсиліе и ничтожество, искала, какъ мы замѣтили уже выше, поддержки себѣ совнѣ—въ папской власти. Теперь на соборѣ, на которомъ присутствовали съ большими полномочіями легаты папскіе, игнатіане должны были не дешево поплатиться за то вниманіе и содѣйствіе, какихъ удостоили ихъ папы—сначала Николай I, а теперь Адріанъ II. Игнатій и игнатіане считали присутствіе папскихъ легатовъ на указанномъ соборѣ дѣломъ необходимости, долженствовавшимъ придать ихъ партіи особенный авторитетъ и значеніе. Папа, конечно, не былъ на столько неблагоразуменъ (Адріанъ II), чтобы не воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ въ видахъ своихъ властолюбивыхъ цѣлей. Епископы восточные не иначе могли быть допускаемы къ засѣданіямъ соборнымъ по распо-

[1]) Акты этого собора дошли до насъ въ двухъ редакціяхъ латинской и греческой, во многомъ отличающихся одна отъ другой по содержанію. Именно латинская редакція заключаетъ болѣе такого, что унижаетъ восточную церковь и въ чемъ выражается ненависть игнатіанъ къ фотіанамъ. Та и другая редакціи вышли изъ партіи игнатіанъ. Для историка обѣ редакціи имѣютъ равный интересъ. Степень правдивости одной въ сравненіи съ другой опредѣлить трудно. Во всякомъ случаѣ латинская редакція соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ дѣла. См. объ этихъ актахъ замѣчаніе въ сочиненіи о. Герасима: „отзывы о патріархѣ Фотіи“ стр. 69—170.

ряженію папскому, какъ подписавъ особую составленную въ Римѣ формулу, а въ этой формулѣ попирались иногда священнѣйшіе интересы церкви восточной. Вотъ важнѣшія мѣста изъ этой формулы. Формула открывалась такимъ хвалебнымъ словомъ папскому престолу: „начало всякаго спасенія состоитъ въ томъ, чтобы соблюдать правила вѣры и не уклоняться отъ постановленій отеческихъ". Дальше объясняется, что подъ этими отеческими постановленіями разумѣются въ особенности опредѣленія папъ. „Апостольская каѳедра—говорила формула—всегда непогрѣшимо соблюдала вѣру каѳолическую". Не должно „отдѣляться отъ нея, но должно слѣдовать правиламъ отцевъ, особенно же возсѣдавшихъ на апостольской каѳедрѣ". Затѣмъ въ формулѣ высказывается анаѳематствованіе на Фотія, впрочемъ дотолѣ, пока онъ не покорится суду римскому, при этомъ замѣчалось вообще, что подписывающій эту формулу „принимаетъ всѣхъ, кого принялъ папа, и осуждаетъ всѣхъ, кого осудилъ онъ". Дальше анаѳематствуются тѣ соборы, которые собраны были при Фотіѣ, изъ которыхъ на одномъ съ такою рѣшительностію (867 г.) высказано было осужденіе на притязательнаго и властолюбиваго папу Николая. Въ заключеніи формулы исповѣдывалось „желаніе имѣть общеніе съ каѳедрою римскою, потому что на ней основана прочность вѣры христіанской" [1]). Вотъ чего хотѣлъ папа отъ епископовъ восточныхъ въ вознагражденіе за тѣ услуги, какія онъ оказалъ игнатіанамъ, стараясь объ интересахъ Игнатія и противодѣйствуя Фотію. Во времена Фотія папа не осмѣлился бы обратиться къ востоку съ подобными по духу требованіями. Этотъ изложенный нами документъ произвелъ не малый соблазнъ въ церкви. Вся партія Фотія рѣшительно отказалась отъ подписи этого недостойнаго церкви восточной документа. Даже между жаркими приверженцами Игнатія требованіе о подписаніи этой формулы встрѣтило сопротивленіе. Вѣдь это значило отказываться или по крайней мѣрѣ подвергать опасности само-

[1]) Labbei concilia, tom. VIII. Греческую редакцію формулы см. на стр. 1284—5; латинскую—на стр. 988—989.

стоятельность церкви византійской. Соборъ открывается— страшно и сказать—въ присутствіи только 12 епископовъ [1]), которые, будучи приверженцами Игнатія, не отказались подписать формулы папской. Кой-какъ число такихъ слабыхъ, угодливыхъ епископовъ къ третьему засѣданію набралось до 23 [2])—опять число слишкомъ ничтожное. Но тутъ же, на этомъ третьемъ засѣданіи собора, оказалось, что многіе изъ епископовъ даже игнатіевой партіи не подписывали и не хотѣли подписать этой соблазнительной формулы. По желанію папскихъ легатовъ потребованы были предъ лицо собора двое изъ подобныхъ противниковъ формулы, вѣроятно, притомъ, такихъ, на уступчивость которыхъ наиболѣе надѣялись. Призванные епископы всѣми правдами и неправдами отговаривались подписать формулу; они объявили, что положили себѣ за правило не подписывать никакихъ новыхъ формулъ; довольно—замѣчали они—и той нашей подписи, которая сдѣлана нами подъ символомъ при посвященіи, и которая хранится въ патріаршемъ архивѣ [3]). Сопротивники принуждены были оставить залу собора. Эта формула вообще такимъ камнемъ претыканія была для собора, что при всемъ деспотизмѣ императорскомъ, при всей расположенности нѣкоторыхъ епископовъ къ Игнатію, при всѣхъ выгодахъ, какія обѣщались послушнымъ епископамъ, формулу подписали только 40 епископовъ, и это въ византійскомъ царствѣ, гдѣ епископы часто собирались и теперь могли бы собраться на соборъ цѣлыми сотнями [4]). И однакожъ какъ ни мало епископовъ подписало унизительную для церкви восточной папскую формулу, церковь восточная на столько скандализирована была этимъ фактомъ, что многіе епископы съ рѣшительностію заявили императору и патріарху, по окончаніи собора, что подобнаго рода дѣйствіемъ, какъ подпись папской формулы, церковь константинопольская ста-

[1]) Labbei, ibidem. p. 978.

[2]) Labbei, ibidem. p. 1006.

[3]) Labbei, ibidem. p. 1007.

[4]) Въ окончательной подписи подъ актами собора, за исключеніемъ папскихъ легатовъ и представителей восточныхъ патріарховъ, значится только 102 епископа. Labbei. ibidem. p. 1156 и далѣе.

новилась въ отношенія подчиненія къ церкви римской, что первая становилась рабою въ отношеніи ко второй и требовали пересмотра соборныхъ актовъ. Тогда императоръ понялъ, какъ далеко онъ зашелъ, покровительствуя партіи игнатіанъ. И онъ рѣшился было для избавленія церкви восточной отъ позора на позорное средство, хотѣлъ украсть подлинникъ актовъ у легатовъ папскихъ, и ему это удалось. Но потомъ онъ долженъ былъ опять возвратить легатамъ этотъ замѣчательный документъ [1]).

Во вторыхъ, слабость игнатіевой партіи на этомъ соборѣ выразилась въ томъ, съ какими трудностями приходилось бороться Игнатію, чтобы сгруппировать свою уже разлагавшуюся партію, и въ томъ, какъ ничтожны, немногознаменательны были факты, въ которыхъ выразилось торжество этой партіи. Соборъ, какъ мы сказали, открылся при участіи лишь 12 епископовъ, ревностнѣйшихъ приверженцевъ Игнатія, пострадавшихъ даже за свою приверженность къ нему. Какъ незначительно, значитъ, было зерно игнатіевой партіи; припомнимъ, что соборъ въ пользу Фотія раньше открылся при участіи 300 приверженцевъ Фотія. Нужно было перетянуть на свою сторону другихъ епископовъ восточныхъ. Начали съ епископовъ, которые были посвящены или самимъ Игнатіемъ, или его предшественникомъ, но которые потомъ вошли въ общеніе съ Фотіемъ; но изъ этихъ епископовъ въ первое засѣданіе только десятеро безъ затрудненій перешли на сторону Игнатія. Они просили прощенія предъ соборомъ въ томъ, что они входили въ общеніе съ Фотіемъ, извиняя свое поведеніе принужденіемъ со стороны свѣтской и духовной власти. Соборъ охотно выслушиваетъ ихъ раскаяніе и охотно возстановляетъ ихъ въ ихъ епископскомъ достоинствѣ и позволяетъ принять участіе въ засѣданіяхъ своихъ. Чтобы дать этому покаянію видъ наибольшей торжественности, ихъ просьбу о помилованіи положили подъ крестъ и евангеліе, и потомъ передали патріарху, который возложилъ на раскаявшихся епископовъ омофоръ. Въ слѣдующихъ словахъ

1) Kurtz. Handbüch d. Kirchen-geschichte. Band. 1., abtheil. 3, s. 42. Ausgabe Zweite. Правда вселенской церкви. Стр. 265.

Игнатія, съ которыми онъ обращается къ одному изъ этихъ епископовъ, по нашему мнѣнію, звучитъ неувѣренность въ раскаяніи лица, вошедшаго съ нимъ въ единеніе. Игнатій говоритъ: „вотъ ты здравъ, смотри, не грѣши болѣе, чтобы не случилось чего худшаго съ тобою“. Этотъ и другіе епископы впрочемъ заявили о своемъ твердомъ намѣреніи стоять въ единеніи съ Игнатіемъ и восхваляли его кротость и милосердіе къ нимъ [1]). На этомъ засѣданіи собора явились съ повинною головою одиннадцать священниковъ, девять діаконовъ, шесть ѵподіаконовъ прежняго до-фотіева посвященія, но которые виновны были въ общеніи съ Фотіемъ. Соборъ простилъ ихъ. Впрочемъ, прежде чѣмъ вступить въ отправленіе своихъ должностей, они должны были выдержать епитимію. Но эта епитимія была столь легка, что, кажется, положена была болѣе для формы. Вотъ эта епитимія: „тѣ, которые употребляли въ пищу мясо, должны были воздерживаться отъ мяса, сыра и яицъ, а не употреблявшіе мяса должны были воздерживаться отъ яденія сыра, яицъ и рыбы, притомъ только по пятницамъ и середамъ, а довольствовались бы овощами и зеленью и небольшимъ количествомъ вина. Они должны были также ежедневно дѣлать по 50 земныхъ поклоновъ, ежедневно сто разъ произносить: „Господи помилуй“ и столько же разъ: „Господи прости меня грѣшнаго“, и еще прочитывать псалмы: 6, 37 и 50 [2]). И это они должны были дѣлать до праздника Рождества Христова, а такъ какъ соборъ былъ въ октябрѣ, то значитъ епитимія всего должна была продолжаться менѣе 3-хъ мѣсяцевъ. Какъ ни легки были условія, на которыхъ заблудшія овцы Игнатія возвращались къ своему пастырю, однакожъ, какъ мы видимъ, охотниковъ такою недорогою цѣною купить единеніе съ патріархомъ находилось немного. Вообще, при всей легкости условій возсоединенія съ Игнатіемъ, всѣми правдами и неправдами около него къ восьмому засѣданію собора (всѣхъ было десять засѣданій) собирается только 40 епископовъ. Соборъ даже прерывался

[1]) Labbei, ibidem. p. 999—1003.
[2]) Labbei, ibidem. p. 1004—1005.

по малочисленности своихъ членовъ [1]). Все это показывало, что торжество игнатіевой партіи было чисто искусственное, оно не имѣло основаній въ силахъ самой партіи.

Въ видахъ своего торжества и униженія партіи противной, на соборъ призваны были свидѣтели, которые показывали на соборѣ, бывшемъ въ 861 году, противъ Игнатія. Соборъ выслушалъ ихъ повинную; всѣ они, по сказанію дѣяній, раскаялись въ томъ, что они возводили напраслину на Игнатія. Такъ сначала вопрошенный протоспаѳарь Ѳеодоръ утверждалъ, что онъ вынужденъ былъ показывать противъ Игнатія по приказанію императора Михаила, но что раскаялся въ своемъ грѣхѣ предъ однимъ столпникомъ, положившимъ на него епитимію, которую онъ и доселѣ несетъ. Тоже о принужденіи со стороны императора Михаила повторилъ на соборѣ и другой свидѣтель сказаннаго собора, консулъ Левъ и изъявилъ согласіе понести епитимію. Но замѣчательно, когда его заставляли произнести анаѳему на Фотія и другихъ его сообщниковъ, онъ уклонялся отъ сего, объявляя, что онъ не имѣетъ права произносить анаѳему, и что въ вѣрѣ Фотій былъ православенъ и не заслуживаетъ анаѳематствованія. Когда же соборъ настаивалъ, что дѣла Фотія хуже ересей, что онъ былъ исчадіе діавола, уступчивый византіецъ согласился на требуемое. Затѣмъ приглашено еще одиннадцать прежнихъ свидѣтелей по дѣлу Игнатія изъ высшихъ сословій, всѣ они изъявили раскаяніе. На остальныхъ свидѣтелей, почему-либо неявившихся на соборъ, наложена была епитимія, которую долженъ былъ объявить имъ Игнатій, когда они отысканы будутъ и предстанутъ предъ лицо патріарха. Епитимія эта была, нужно сказать, очень строга [2]). Видно, что съ свѣтскими лицами не особенно церемонились, не такъ какъ съ лицами духовными, которыхъ нужно было привлечь на сторону Игнатія. Само собою разумѣется, что соборъ, собранный при Фотіи, противъ Игнатія, 861 года, былъ преданъ теперь осужденію и проклятію. Вотъ все, въ чемъ выразилось торжество партіи игнатіевой на соборѣ 869 года. Всякій замѣтитъ,

[1]) Hergenröther, ibidem. Band 2, s. 113.

[2]) Labbei, ibidem. p. 1116—1113.

что факты слишкомъ блѣдны, чтобы приводить къ мысли о силѣ и значеніи партіи игнатіевой.

Въ третьихъ, и самымъ рѣшительнымъ образомъ, слабость партіи Игнатія выразилась въ единодушномъ отказѣ партіи фотіанъ перейти на сторону Игнатія. Игнатій такъ и долженъ былъ оставаться, опираясь на тѣхъ немногочисленныхъ членовъ, которые составляли его партію. Почти вся партія Фотія, многочисленная и сильная, не сочла нужнымъ присоединиться къ Игнатію, но оставалась вѣрною своему вождю.—Посмотримъ прежде, съ какимъ мужествомъ и достоинствомъ держалъ себя на соборѣ самъ Фотій, показывая образецъ для всѣхъ его приверженцевъ. На пятое засѣданіе собора наконецъ рѣшено было призвать и Фотія; съ приглашеніемъ къ нему явиться на соборъ послано было свѣтское лицо, давая тѣмъ знать, что его не считаютъ духовнымъ лицомъ. На первое приглашеніе явиться на соборъ Фотій отвѣчалъ: почему-же я долженъ теперь явиться на соборъ, когда доселѣ меня не звали на него? Добровольно я не пойду туда, а только насильственно". И выражая свое нелестное сужденіе о собравшемся соборѣ, Фотій говорилъ: „рѣхъ, сохраню пути мои, еже не согрѣшити ми языкомъ, положихъ храненіе устнамъ моимъ" (Пс. 38, 1.2), „а слѣдующее за тѣмъ вы можете сами читать" (внегда востати грѣшному предо мною). Этотъ отвѣтъ Фотія чрезвычайно раздражилъ соборъ. Соборъ отправилъ къ нему записку такого содержанія: „ты позволяешь себѣ представлять соборъ какимъ-то грѣшникомъ, чѣмъ оскорбляешь и мѣстоблюстителей патріаршихъ и достойныхъ отцовъ и сенатъ, и не къ дѣлу приводишь слова пророка; на это довольно тебѣ сказать, что ты имѣешь въ себѣ дѣла тьмы и боишься предстать предъ соборъ, собравшійся во свѣтѣ истины, боишься, что обличатся свойства твои". Фотій принужденъ былъ идти на соборъ насильно. Когда Фотій явился на соборъ, то легаты римскіе, видѣвшіе его въ первый разъ, воскликнули: „такъ это Фотій, столько лѣтъ причинявшій страданія римской церкви, приведшій въ смятеніе церковь константинопольскую, оскорблявшій другія церкви восточныя"?! „Онъ самый", отвѣчали сенаторы, бывшіе на соборѣ. Затѣмъ соборъ въ лицѣ легатовъ предложилъ ему такіе вопросы: при-

знаетъ ли онъ правила святыхъ отцовъ, принимаетъ ли онъ опредѣленія папскія, соглашается ли онъ съ рѣшеніями папы Николая [1])? На всѣ эти вопросы Фотій отвѣчалъ только молчаніемъ. Легаты полунасмѣшливо замѣтили на это: „а мы слышали о немъ, что онъ человѣкъ даровитый и краснорѣчивый, но знаемъ также, что онъ законопреступникъ и прелюбодѣй; пусть онъ защищается“. Фотій отвѣчалъ только: „Богъ слышитъ мой голосъ, если я и молчу“. Легаты замѣтили на это: „молчаніе не можетъ защитить тебя отъ предстоящаго тебѣ осужденія“. Много говорилъ соборъ о нечестіяхъ Фотія, многажды увѣщавалъ его покаяться, признать Игнатія патріархомъ, признать правильность осужденія папы на него—Фотія. Но Фотій оставался безмолвнымъ. Тогда одинъ изъ членовъ сената, патрицій Ваанесъ, присутствовавшій на соборѣ въ качествѣ уполномоченнаго отъ императора, также обращается къ Фотію съ увѣщаніемъ: „скажи, господинъ Фотій, все, что можетъ служить къ твоему оправданію. Здѣсь весь міръ (правильнѣе вся церковь) имѣетъ представителей; озаботься, чтобы св. соборъ не отказалъ тебѣ въ милосердіи. Ибо къ какому другому трибуналу ты можешь потомъ обратиться за защитой? Въ Римъ? Но здѣсь есть римскіе представители. На Востокъ? Но здѣсь есть патріаршіе уполномоченные. Смотри, чтобы не сдѣлались для тебя закрытыми всѣ двери (милосердія). Если они замкнутся, то никто уже не можетъ отомкнуть ихъ. Скажи, что служитъ къ твоему оправданію“. Фотій и на эти слова въ отвѣтъ сказалъ только: „мое оправданіе не отъ міра сего“. Наконецъ Фотію предлагаютъ время для размышленія. Но Фотій объявляетъ, что онъ не проситъ о таковомъ; потому что оное ему не нужно [2]). Не смотря на то, что соборъ, кажется, уже довольно убѣдился, что онъ ничего не добьется отъ Фотія такого, что̀ бы было угодно вождямъ собора, однакожъ спустя нѣкоторое время Фотій еще разъ призывается на соборъ. Фотій явился съ жезломъ въ ру-

[1]) Относительно рѣшеній папы Николая о Фотіи см. Чтенія Общ. люб. дух. просвѣщенія 1873—1874 гг. ст. „Римскіе папы въ ихъ отношеніи къ церкви византійской“.

[2]) Labbei. ibidem. p. 1038—1043.

кахъ; легатамъ папскимъ это не понравилось; они находили, что Фотій хочетъ такимъ образомъ разыгрывать роль истиннаго патріарха и приказали отнять у него жезлъ. На вопросъ: „готовъ ли онъ подчиниться требованію собора“, Фотій отвѣчалъ: „да сохранитъ Богъ императора (онъ присутствовалъ на соборѣ на этотъ разъ), но легатамъ отвѣта я не дамъ; пусть они опомнятся и раскаятся въ своей неправдѣ“. На новый вопросъ: „какъ же это такъ“? Григорій Асвеста отвѣчалъ за Фотія: „Они, легаты, должны принести покаяніе въ содѣянныхъ ими преступленіяхъ“. Этотъ отвѣтъ чрезвычайно оскорбилъ папскихъ легатовъ; они говорили во гнѣвѣ: „мы пришли сюда не затѣмъ, чтобы переносить оскорбленія и призываться къ покаянію, но затѣмъ, чтобы самимъ налагать покаяніе на заслуживающихъ того“ [1]). Такъ Фотій въ продолженіи всего собора не сдѣлалъ ни одной уступки, которая могла бы порадовать его враговъ. Онъ оставался вѣрнымъ убѣжденіямъ, ни на шагъ не думая отступаться отъ всего, чѣмъ онъ заявилъ себя въ правленіе церковію константинопольскою. Если теперь посмотримъ на партію фотіанъ, то мы увидимъ, что приверженцы ея съ равною же твердостію держали себя на соборѣ; не хотѣли и слышать о требованіяхъ собора. Двое изъ его приверженцевъ епископы: Захарія халкидонскій и Ѳеофилъ амаріумскій не только не соглашались подписать формулу и признать Игнатія, но прямо и рѣшительно объявляли, что и папа Николай призналъ Фотія патріархомъ. Собору ничего не оставалось дѣлать, какъ изгнать ихъ изъ засѣданія [2]). Въ другомъ засѣданіи собора опять, по требованію собора, появляются епископы фотіане. Но они остаются твердыми въ своей привязанности къ Фотію. Имъ предложенъ былъ вопросъ: „желаютъ ли они принять наконецъ формулу?“—„Да не будетъ сего“, отвѣчали многіе. И когда отъ нихъ потребовали высказать осужденіе на Фотія, Іоаннъ ираклійскій, фотіанинъ, воскликнулъ: „анаѳема тому, кто анаѳематствуетъ своего патріарха“. А Захарія халкидонскій замѣтилъ: „съ тѣмъ, что сдѣлано незаконнаго,

[1]) Labbei. ibidem. p. 1061—1062.

[2]) Labbei. ibidem. p. 1020—1036.

мы не хотимъ и не будемъ соглашаться". Евсхемонъ кесарійскій, повторивъ предыдущія слова, прибавилъ: „тѣхъ, кто не слѣдуетъ канонамъ св. апостоловъ и вселенскихъ соборовъ, будь то самъ патріархъ римскій или іерусалимскій, или ангелъ съ небеси—онъ слушаться никогда не будетъ". Затѣмъ соборъ спросилъ этихъ фотіанъ: „да гдѣ же они думаютъ найти себѣ помощь и защиту?—„Въ канонахъ св. апостоловъ и вселенскихъ соборовъ". На это иронически замѣчено: „скажите, какой канонъ написанъ въ вашу пользу, да и гдѣ Господь положилъ эти каноны? Они положены или въ церквахъ, или гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ? Если въ церквахъ, то здѣсь ихъ представители. Неужели они положены гдѣ либо помимо этихъ церквей"? Затѣмъ фотіане объявляли, что они не признаютъ римскихъ легатовъ своими судьями, а Амфилохій прибавилъ: „поведеніе римскихъ легатовъ весьма неразумно" [1]). Такимъ образомъ переговоры съ фотіанами остались тщетными. Не смотря на всѣ усилія собора возсоединить фотіанъ съ игнатіанами, только не многіе изъ нихъ перешли на сторону Игнатія; большинство же остались вѣрными своему фотіанскому знамени. Оставалось только осудить непокорныхъ и соборъ совершаетъ это съ большою торжественностію. Прочитана была рѣчь Игнатія противъ фотіанъ; въ ней Фотій называется „новымъ Каіафою и новымъ Анною, не сдѣлавшимъ ничего, что бы соотвѣтствовало достоинству патріарха, пришедшимъ не чрезъ двери въ овчарню, но отъинудѣ, почему Богъ и уничижилъ его". Затѣмъ соборъ произнесъ на Фотія и его приверженцевъ анаѳему, которая повторена была 10 разъ. Хоръ проклинающихъ со словъ престарѣлаго Игнатія называлъ Фотія: „придворнымъ, узурпаторомъ, мірскимъ, площаднымъ, неофитомъ, тираномъ, схизматикомъ, проклятымъ, прелюбодѣемъ, отцеубійцею, сплетателемъ лжи, изобрѣтателемъ развращенныхъ ученій, новымъ циникомъ Максимомъ, новымъ Діоскоромъ, новымъ Іудою" [2]). Въ противоположность Фотію, Игнатій прославлялся съ именемъ новаго Павла, новаго Флавіана, новаго Аѳанасія. Осужденіе на

[1]) Labbei. ibidem. p. 1063—1064.
[2]) Labbei. ibidem. p. 1097—1099.

Фотія и фотіанъ, вмѣсто чернилъ, было подписано кровію св. евхаристіи. Этимъ не удовольствовались. Составлены были на соборѣ каноны, которые еще разъ съ разныхъ сторонъ направлялись противъ Фотія.

Такъ въ соборѣ 869 года выразилось торжество игнатіевой партіи надъ фотіанами; торжество это было призрачнымъ. Незначительное число епископовъ, сгруппировавшихся около Игнатія на этомъ соборѣ, указывало, какъ мало значенія и уваженія имѣла партія Игнатія въ церкви, и замѣтимъ—это число епископовъ собрано спустя 2 года послѣ утвержденія Игнатія въ патріаршествѣ, при полномъ содѣйствіи императора. Этотъ соборъ еще разъ заявилъ, что партія Фотія могущественна и несокрушима. Послѣдствія ясно доказали это.

Въ самомъ дѣлѣ въ какомъ положеніи находились дѣла церкви константинопольской во время втораго патріаршества Игнатія? Почитатели Игнатія разсказываютъ, что во время богослуженія Игнатія во очію всѣхъ совершались чудеса, и однакожъ ни одно чудо, ни одно великое дѣло не прославляетъ его вторичнаго управленія церковію. Это время было печально; церковь страдала, но не торжествовала. Вотъ какъ описываетъ, современный намъ, почитатель Игнатія историкъ Гергенретеръ состояніе церковныхъ дѣлъ при Игнатіи, во время его втораго патріаршества. „Расколъ въ церкви Игнатію не удалось искоренить. Хорошо организованная партія Фотія не только отказывалась отъ всякаго подчиненія Игнатію, но даже не шла ни на какія сдѣлки. Глубоко, болѣзненно опечаливало патріарха, что значительная часть его стада отдѣлилась отъ общенія съ нимъ; ничего онъ не могъ сдѣлать противъ схизматиковъ (фотіанъ). Если друзья его и радовались возстановленію Игнатія на каѳедрѣ, однакожъ нельзя было не замѣчать, что положеніе его было положеніемъ среди терній. Игнатій сталъ лицемъ къ лицу съ искуснѣйшимъ врагомъ (Фотіемъ), партія котораго все болѣе и болѣе возрастала въ числѣ, силѣ и вліяніи. Во многихъ городахъ было по два епископа, которые спорили другъ съ другомъ изъ-за престола. Даже тѣ немногіе епископы, которые стояли на сторонѣ Игнатія были нетверды и склонялись въ пользу каждой мѣры, которая

нравилась императору. Мало по малу перемерли многіе изъ старѣйшихъ епископовъ, вѣрныхъ приверженцевъ Игнатія; на молодое же поколѣніе полагаться было нельзя; враги, члены другой партіи имѣли на него преобладающее вліяніе" [1]). Вотъ каково было положеніе Игнатія и его партіи послѣ собора 869 года. Ни одинъ лучь надежды не свѣтилъ для патріарха ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ.

Посмотримъ напротивъ въ какомъ положеніи въ тоже время была партія фотіанъ. Не смотря на стѣсненія и преслѣдованія, какимъ подвергался самъ Фотій и его приверженцы, партія эта оставалась вполнѣ вѣрною своимъ убѣжденіямъ и принципамъ. Фотій въ многочисленныхъ письмахъ, какія онъ писалъ изъ ссылки, показалъ, что все совершившееся со времени вступленія Игнатія на престолъ онъ считаетъ за дѣло ничтожное, пустое. И это не были только слова, но эта была глубокая увѣренность. Соборъ 869 года онъ называетъ тріумфомъ нечестія и лжи надъ святостію и справедливостію. „Что удивляешься ты—писалъ Фотій отшельнику Ѳеодосію—что беззаконники съ гордымъ видомъ предсѣдательствуютъ, а славные священники Божіи стоятъ предъ ними подобно виновнымъ? Много примѣровъ такихъ же беззаконій можно находить въ исторіи. И Христосъ стоитъ предъ Анною, Каіафою и Пилатомъ; и Стефанъ судится отъ смертоубійственнаго синедріона и проч. Но нѣтъ, замѣчаетъ Фотій, Божественное провидѣніе не перестало бдѣть, оно бодрствуетъ и управляетъ нами; оно только направляетъ наши дѣла къ высшей степени мудрой, неизглаголанной, превы[ш]ающей разумъ—экономіи" [2]). Тотъ же соборъ въ другомъ письмѣ къ тому же Ѳеодосію Фотій описываетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. „Полуварварскій судъ этого собора нужно называть дѣломъ варваровъ". Соборъ, по Фотію, представлялъ собою „театральное зрѣлище". „Какъ корибанты и вакханты, кричали члены собора громкимъ голосомъ: мы не собирались, чтобы судить васъ, мы и не судимъ васъ. Мы уже васъ прежде осудили и вы должны подвергнуться этому осужденію" [3]). Въ дру-

[1]) Hergenröther. ibidem. Band. 2, s. 279.
[2]) Epistolae Photii, p. 889—892. Migne, cursus patr. tom. 102, ser. Gr.
[3]) Epistolae Photii ibidem. p. 892—893.

томъ письмѣ Фотій разсуждаетъ о значеніи анаѳемы, наложенной на него соборомъ. Онъ не находитъ ее страшною для себя и сравниваетъ ее съ тою анаѳемою, которую соборъ иконоборческій наложилъ на него и его родственниковъ [1]). Соборъ, говоритъ еще Фотій, обратилъ это страшное наказаніе въ басню и дѣтскую игру [2]). Еще въ письмѣ къ епископамъ своей партіи Фотій съ силою опровергаетъ распущенный кѣмъ-то слухъ, будто онъ ищетъ примиренія, идетъ на сдѣлку съ Игнатіемъ; Фотій прямо говоритъ, что это было бы съ его стороны преступленіемъ и безуміемъ [3]). И нужно полагать, что дѣйствительно со стороны игнатіанъ были какія нибудь попытки примириться съ противоположною партіею, привлечь на свою сторону и Фотія, но неизвѣстно въ чемъ состояли эти попытки и когда онѣ были [4]).

Фотій не думалъ дѣлать съ своей стороны какихъ либо шаговъ къ примиренію съ игнатіанами. Онъ увѣренъ былъ, что наконецъ наступятъ для него лучшіе дни, его партія крѣпко держалась своего вождя. Фотіанская партія образовывала собою какъ бы церковь въ церкви. Въ ней сосредочились всѣ лучшія силы церковныя, цвѣтъ духовнаго образованія. Эти силы отсюда растекались и по всѣмъ членамъ общества.

Невозможность борьбы съ фотіанами вскорѣ дѣйствительно поняли, какъ самъ императоръ Василій Македонянинъ, такъ и патріархъ Игнатій. И государство и церковь идутъ на встрѣчу фотіанамъ, признавая въ нихъ силу, которую слѣдовало уважать. Императоръ не только возвращаетъ Фотія изъ ссылки, въ какой онъ былъ, но вѣроятно еще при жизни Игнатія, назначилъ его преемникомъ этому патріарху. Василій видѣлъ, что фотіане были слишкомъ многочисленны, слишкомъ вліятельны, слишкомъ единодушны, слишкомъ преданы своему вождю, слишкомъ хорошо организованы, чтобы уступить поле битвы; и когда мѣры строгости не вели къ цѣли, сочли за лучшее приняться за мѣры кротости и

1) Epistolae Photii. ibidem. p. 877.
2) Epistolae Photii. ibidem. p. 833.
3) Epistolae Photii. ibidem. p. 741.
4) Hergenröther. ibidem. Band. 2. s. 207

уступчивости. Притомъ же вмѣсто миролюбивыхъ отношеній, какихъ можно было бы желать отъ папства, касательно византійской церкви, дѣйствительность показала, что папство опять стало заявлять себя притязаніями [1]). При такомъ положеніи дѣла императоръ нашелъ необходимымъ вывести изъ состоянія униженія партію Фотія. Партія Фотія обѣщала больше благополучія церкви, чѣмъ сколько могла дать партія Игнатія. И самъ Фотій, ученый и талантливый, могъ быть наилучшимъ орудіемъ борьбы церкви съ папствомъ. И вотъ Фотій сначала вызывается изъ ссылки, становится наставникомъ дѣтей императора, поселяется въ Манкаврскомъ дворцѣ, окружается своими друзьями [2]). Игнатій съ своей стороны уже перестаетъ дышать на Фотія тою враждою, какою онъ заявлялъ себя прежде. Между Фотіемъ и Игнатіемъ, по возвращеніи перваго изъ ссылки, устанавливаются добрыя отношенія. Игнатій дарилъ его своимъ довѣріемъ и при смерти поручилъ ему попеченіе о своихъ друзьяхъ [3]). Очень вѣроятно, что Игнатій первый протянулъ Фотію руку примиренія: сознавая свою невинность, онъ не могъ въ то же время невидѣть, какъ мало его правленіе приносило благъ церкви, а борьба съ Римомъ ему положительно была не по силамъ. Есть даже извѣстія, что Фотій еще при жизни патріарха Игнатія не только священнодѣйствуетъ какъ патріархъ, но и принимаетъ дѣятельное участіе въ управленіи церковію: онъ посвящаетъ епископовъ и пр. [4]). Фактически такимъ образомъ еще при жизни Игнатія партія Фотія достигаетъ полнаго могущества въ церкви.

III.

Игнатій умеръ 23 октября 877 года, и Фотій снова сдѣлался патріархомъ. Онъ возстановленъ былъ не волею императора, но теченіемъ самыхъ церковныхъ дѣлъ въ кон-

[1]) Чтенія въ Общ. люб. дух. просвѣщенія 1874 г. ст. „Римскіе папы въ ихъ отношеніи къ церкви византійской“.

[2]) Hergenrother. ibidem. B. 2. s. 265—6.

[3]) Kurtz. Handbuch d. kirchen-geschichte. ibidem. s. 45.

[4]) Styliani Epistola ad Stephanum papam. p. 1401. Nicetas paphl. ibidem, p. 569.

стантинопольскомъ патріархатѣ. Его возстановленіе было необходимостію, а потому оно произошло быстро и спокойно. Самъ Фотій разсказываетъ о себѣ, что онъ неохотно принялъ на себя снова бремя правленія церковію, что только единодушіе, съ которымъ желали его возстановленія дворъ и духовенство, преклонило его волю занять опять константинопольскую каѳедру. Въ этомъ сознаніи Фотія о неохотномъ принятіи каѳедры нѣтъ ничего неестественнаго и невѣроятнаго: испытавши много горестей въ первое свое патріаршество, Фотій, спокойно проживавшій теперь въ Мангаврскомъ дворцѣ, окруженный своими друзьями, проводящій время въ научныхъ занятіяхъ, не могъ не понимать, что, перемѣняя это спокойное и тихое положеніе на положеніе патріаршее, онъ, если и выигрывалъ въ значеніи и силѣ, однакожъ не могъ расчитывать на спокойствіе жизни [1]).

Со вторичнымъ вступленіемъ Фотія на каѳедру константинопольскую начинается третья и послѣдняя фаза въ исторіи борьбы двухъ партій игнатіанъ и фотіанъ. Партія Фотія торжествуетъ — и уже окончательно. Съ этого времени духъ партіи Фотія надолго удерживается въ церкви во многихъ отношеніяхъ. Въ этомъ лежитъ объясненіе напр. того факта, что въ послѣдующее время церковь константинопольская всегда съ успѣхомъ отражала стремленія папъ подчинить себѣ востокъ, хота на сторону папъ нерѣдко становились сами императоры византійскіе.

Враги Фотія (Никита Пафлагонянинъ и митрополитъ Стиліанъ) разсказываютъ, что, занявши престолъ константинопольскій, Фотій, въ цѣляхъ болѣе рѣшительнаго утвержденія на немъ, воздвигъ гоненіе на сторонниковъ Игнатія [2]). Но это не говоримъ недостойно было Фотія человѣка гуманнаго и разсудительнаго,—это было безцѣльно: партія игнатіанъ была настолько слаба и ничтожна, что не стоило о ней безпокоиться и тратить трудъ на серьёзную борьбу съ нею. Въ самомъ дѣлѣ какъ ничтожна была партія игнатіанъ въ духовенствѣ, это ясно доказалъ соборъ 879 года; самыми

[1]) Hergenröther ibidem. B. 2. s. 308—9.

[2]) Nicetas. ibidem. p. 569. Epistola Styliani ad Stephan. papam. ibidem. p. 1401.

дѣятельными противниками Фотія изъ игнатіанъ были митрополиты Стиліанъ неокесарійскій и Митрофанъ смирнскій [1]).

Величайшимъ выраженіемъ торжества Фотія и фотіанъ надъ партію противоположною, со вступленіемъ Фотія на престолъ, служитъ соборъ константинопольскій 879 года [2]). Партія Фотія представилась на немъ во всемъ своемъ блескѣ; ея значеніе и права приняты и признаны были отъ всѣхъ и единодушно. Посмотримъ въ чемъ и какъ выразилось это на указанномъ соборѣ. Прежде всего, если сравнить этотъ соборъ съ соборомъ 869 года—игнатіанскимъ по количеству членовъ, то соборъ 879 года представляетъ явленіе примѣчательное; такого многочисленнаго собора церковь не видала со времени собора халкидонскаго. Число отцевъ собора было свыше 380 епископовъ; на немъ были папскіе легаты и легаты прочихъ восточныхъ патріаршихъ каѳедръ [3]). Папы въ лицѣ своихъ теперешнихъ легатовъ—чего еще не видала доселѣ церковь константинопольская—признали Фотія въ его достоинствѣ на этомъ соборѣ съ полною торжественностію [4]). Легаты представили на этомъ соборѣ Фотію отъ лица папы Іоанна VIII подарки, состоящіе изъ священныхъ облаченій. Это были: омофоръ (pallium), подризникъ (alba), фелонь (casula) и сандаліи. И въ продолженіи всего собора эти легаты отзываются въ своихъ рѣ-

[1]) Стиліанъ говоритъ, что партія Игнатіанъ заключала въ себѣ неисчислимое множество духовенства (Epist. Stylian. ibid.), но это не болѣе, какъ преувеличеніе человѣка партіи.

[2]) Къ сожалѣнію мы не располагаемъ возможностію пользоваться подлинными актами этого собора, изданными Манси и Гардюэномъ, и потому вынуждаемся говорить объ этомъ соборѣ на основаніи сочиненія Гергенретера.

[3]) Hergenröther. Band. 2. s. 462.

[4]) Чтобы понять, почему теперешній папа (Іоаннъ VIII) наконецъ рѣшается признать Фотія патріархомъ, нужно принять во вниманіе: во 1-хъ то, что этотъ папа надѣялся такимъ способомъ побудить императора византійскаго оказать ему военную помощь противъ сарацинъ, во 2-хъ, папа расчитывалъ, что за такую уступку съ его стороны Фотій заплатитъ ему также уступкой въ болгарскомъ вопросѣ, такъ какъ между Константинополемъ и Римомъ происходилъ споръ изъ церковной юрисдикціи надъ страною болгарскою. См. объ этомъ подробнѣе въ „Чт. Общ. люб. дух. просвѣщ.“ 1874 г. въ статьѣ „Римскіе папы въ ихъ отношеніи къ церкви византійской?

чахъ о Фотіи въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Легатъ епископъ Петръ при первомъ же явленіи на соборъ заявилъ, что папа хочетъ имѣть Фотія своимъ „братомъ, сослужителемъ и соепископомъ". Другой легатъ епископъ Евгеній заявлялъ предъ лицемъ собора, что „у папы Іоанна также сильно желаніе единенія съ Фотіемъ, какъ сильно у папы желаніе соединенія съ самимъ Богомъ". При другомъ случаѣ легатъ Петръ отъ лица другихъ легатовъ заявилъ, что онъ употребитъ всѣ усилія для вразумленія заблуждающихся, т. е. не признающихъ Фотія патріархомъ, что онъ будетъ убѣждать и увѣщавать ихъ покинуть свое заблужденіе; если же это средство не приведетъ къ цѣли, то—заявлялъ легатъ— должно прибѣгнуть и къ мѣрамъ строгости, чтобы страхъ сдѣлалъ то, чего не можетъ сдѣлать снисходительность. Все это должно было произойти по волѣ папы Іоанна [1]). Чтобы понять все значеніе этого факта отношенія легатовъ къ Фотію, нужно припомнить, что двое предъидущихъ папъ съ самаго вступленія Фотія на каѳедру константинопольскую (Николай I и Адріанъ II) ни на минуту не думали соглашаться на признаніе его патріархомъ. Теперь же и папа: и тотъ братски объемлется съ Фотіемъ въ лицѣ своихъ легатовъ и является готовымъ служить интересамъ его партіи противъ игнатіанъ. Апокрисіаріи восточныхъ патріарховъ, съ своей стороны отъ лица патріарховъ своихъ заявили объ искреннемъ удовольствіи видѣть Фотія снова патріархомъ и прославляли его. Краснорѣчивѣйшій между ними Илія, апокрисіарій патріарха іерусалимскаго, напр., говорилъ на соборѣ: „кого Богъ прославляетъ, тому ни одинъ человѣкъ не можетъ вредить чрезъ безчестіе, и кто, напротивъ, отъ Бога не удостоенъ никакой чести, тому мало поможетъ честь предъ человѣками. Богъ же святѣйшаго патріарха Фотія прославляетъ и прочіе патріархи признаютъ его возведеннымъ на каѳедру по божественному указанію; отсюда имя его будетъ прославлено на небесахъ и на землѣ изъ рода въ родъ, и всѣ его противники будутъ нести стыдъ и здѣсь на землѣ, да и за гробомъ ихъ удѣлъ—съ осужденными" [2]). Что

[1]) Hergenröther. ibidem. s. 465. 470. 474.

[2]) Hergenröther. ibid. s. 471.

касается до самой церкви константинопольской съ ея патріархомъ, то она на соборѣ не разъ и весьма единодушно въ лицѣ епископовъ округа константинопольскаго заявляла о своей радости видѣть Фотія снова патріархомъ и своей преданности и любви къ нему, какъ архипастырю. Такъ рѣчь митрополита Захаріи халкидонскаго, говорившаго въ прославленіе Фотія, покрыта слѣдующими возгласами епископовъ патріархата константинопольскаго: „мы никогда не отдѣлялись отъ нашего всесвятѣйшаго господина и вселенскаго патріарха (Фотія), съ которымъ соединились съ самаго начала, и мы готовы даже кровь свою пролить за него, если бы это потребавалось“. Далѣе, когда легаты папскіе обратились къ епископамъ константинопольскаго патріархата со словами: „братья, скажите какимъ образомъ Фотій снова занялъ свой престолъ“, они объявили, что онъ вступилъ на каѳедру: „съ согласія патріарховъ восточныхъ, вслѣдствіе живыхъ увѣщаній или, лучше сказать, вслѣдствіе понужденія со стороны императора и вслѣдствіе просьбъ всей константинопольской церкви“. Далѣе, когда Фотій самъ въ рѣчи изложилъ исторію своего патріаршества и своихъ страданій по низверженіи, и обстоятельства своего вторичнаго вступленія на каѳедру, епископы константинопольскіе восклицали: „все такъ было, какъ говоритъ первосвященникъ Божій и пастырь нашъ Фотій. Богъ разсѣялъ его печали и чудеснымъ образомъ возвратилъ намъ нашего пастыря“ [1]) и т. д.

Замѣчательно, что соборъ 879 года, собранный собственно для утвержденія Фотія на каѳедрѣ, по иниціативѣ своихъ руководителей, повелъ дѣло такъ, какъ будто бы онъ собранъ былъ главнѣйшимъ образомъ для защиты папъ отъ нѣкоторыхъ нареканій, какія слышались противъ нихъ въ церкви константинопольской. Такимъ образомъ на немъ отводится папскому авторитету очень не высокое мѣсто. Это замѣчательно потому, что въ такомъ отношеніи фотіанской партіи къ папѣ еще разъ и торжественно выразилась характеристическая черта этой партіи: непризнаніе за папою никакихъ особыхъ церковныхъ преимуществъ. Вотъ что гово-

[1]) Hergenröther ibidem. s. 468. 477—8. 480.

ритъ митрополитъ Захарія халкидонскій въ своей рѣчи къ собору: „Если спросимъ почему нѣкоторые (изъ игнатіанъ) отдѣляются отъ мира церковнаго, если спросимъ гдѣ причина этого раскола и раздѣленія церковнаго, то эти схизматики, въ свое извиненіе скажутъ: того хочетъ римская церковь. Но это не тоже ли самое, если бы грабители храмовъ и убійцы вздумали извинять себя тѣмъ, что они дѣлаютъ свое дѣло съ позволенія или по порученію римлянъ. Такимъ образомъ—замѣчаетъ ораторъ—римская церковь, которая у себя дома наслаждалась миромъ и сколько возможно у другихъ водворяла миръ, теперь разсматривается и является виновницей всѣхъ безпокойствъ, всякой вражды и соблазновъ, даже всѣхъ золъ, отъ которыхъ стенала константинопольская церковь. Конечно, все это несправедливо, однакожъ такъ выходитъ по ихъ словамъ. Самый этотъ соборъ—говоритъ ораторъ—отсюда собранъ собственно съ тою цѣлію, чтобы защитить честь римской церкви и охранить ее отъ нападокъ сепаратистовъ“. Въ заключеніе ораторъ призываетъ членовъ собора поспѣшить выступить на защиту св. церкви римской. Такая постановка дѣла соборнаго, какая указана Захаріею халкидонскимъ, не встрѣтила возраженій не только со стороны восточныхъ епископовъ, но, что особенно удивительно, и легаты римскіе торжественно высказали Захаріи благодарность за его заботливость и попеченія о чести церкви римской [1]).

Изъ всѣхъ изложенныхъ нами фактовъ касательно собора 879 года видно, что не только партія фотіанъ безусловно торжествовала на немъ, но что она выразила здѣсь и свое вполнѣ самостоятельное отношеніе къ самимъ папамъ.

Теперь посмотримъ, что сдѣлалъ этотъ соборъ въ борьбѣ съ противоположною партіею игнатіанъ. Самымъ непріятнымъ дѣяніемъ, со стороны этой послѣдней партіи, для фотіанъ конечно былъ соборъ 869 года, произнесшій торжественное осужденіе на Фотія и фотіанъ. Соборъ, разсматриваемый нами, долженъ былъ подорвать значеніе собора 869 года, и онъ дѣйствительно дѣлаетъ это. Такъ,

[1]) Hergenröther. ibidem. s. 467—9.

когда на соборѣ отъ имени папы было прочтено анаѳематствованіе и осужденіе этого собора, Илія, представитель патріарха іерусалимскаго восклицалъ: „какъ можно подобное сборище называть соборомъ, сборище, которое наполнило церковь безчисленными раздорами? Развѣ можно причислять къ соборамъ такой соборъ, который осмѣлился дѣйствовать вопреки св. соборамъ, который осудилъ невинныхъ безъ всякаго изслѣдованія, презрѣлъ всѣ духовные и гражданскіе законы и попралъ ихъ ногами?“ Всѣ остальные епископы вполнѣ соглашались на осужденіе собора 869 года и заявляли объ этомъ особенно торжественно. Сами папскіе легаты, какъ это видно въ особенности изъ ихъ подписей подъ актами соборными, тоже съ своей стороны осудили этотъ игнатіанскій соборъ [1]). Касательно всей вообще игнатіанской партіи внесенъ былъ на соборъ тезисъ такого содержанія: „кто до нынѣ отдѣлялся отъ святой церкви и патріарха Фотія и предался схизматическому безумію, таковые лишаются общенія тѣла и крови Господней и всякаго общенія съ вѣрующими, пока не откажутся отъ своего отступничества“. Епископы собора при чтеніи этого предложенія восклицали: „это всѣмъ угодно“, „это правый судъ“. Со стороны собора дѣланы были попытки къ увѣщанію игнатіанъ, но онѣ не имѣли успѣха. Такъ соборъ хотѣлъ было приступить къ увѣщанію главнѣйшаго игнатіанина Митрофана смирнскаго, но онъ подъ предлогомъ болѣзни не явился на соборъ [2]).

Что соборъ 879 года былъ рѣшительнымъ торжествомъ партіи Фотія, этого не могутъ не признавать даже такіе современные намъ католическіе писатели, которые исполнены непримиримой ненависти къ Фотію. Гергенретеръ объ успѣхахъ, достигнутыхъ Фотіемъ чрезъ этотъ соборъ, говоритъ такъ: „Фотій достигъ всего, чего только онъ могъ желать; соборъ, назадъ тому 10 лѣтъ собранный противъ него, былъ осужденъ; онъ самъ достигъ признанія въ качествѣ патріарха со стороны Рима и прочихъ патріарховъ. Игнатіане нигдѣ болѣе не находили себѣ защиты. Римъ

[1]) Hergenröther, ibidem. s. 490—91. 500—513.

[2]) Hergenröther, ibidem. s. 500. 503—4. 507—8.

перестал быть для нихъ убѣжищемъ. Соборъ многочисленнѣйшій возвеличилъ и восхвалилъ его. Самымъ скромнымъ требованіямъ папы и тѣмъ Фотію удалось не удовлетворить. Іоаннъ VIII чрезъ свою уступчивость ослабилъ въ конецъ свое значеніе на востокѣ, между тѣмъ какъ Фотій свое значеніе возвысилъ до значенія, равнаго съ папами“ [1]).

Послѣ этой побѣды, одержанной фотіанами надъ игнатіанами, послѣдней партіи ничего не оставалось дѣлать, какъ умаляться и медленно исчезать. Это именно и случилось. Она не могла пріобрѣтать себѣ новыхъ приверженцевъ и ея члены постепенно вымирали. Она держалась въ скрытности и лишена была всякаго церковнаго значенія [2]). Этого мало: въ средѣ этой партіи скоро появились разномыслія, которыя ускорили ея исчезновеніе изъ исторіи. Между игнатіанами существовали не одинаковыя воззрѣнія на самый соборъ 869 года: одни соблазнялись тѣмъ, что на немъ требовалась подпись папской формулы со стороны епископовъ восточныхъ, другіе, не порицая собора за это дѣло, тѣмъ не менѣе упрекали его въ излишней будто бы снисходительности къ фотіанамъ. Притомъ, одни изъ нихъ никогда ни подъ какими условіями не хотѣли признать Фотія патріархомъ, не хотѣли признавать патріархами и его преемниковъ, объявляли, что со смертію Игнатія нѣтъ болѣе въ Константинополѣ законныхъ патріарховъ; другіе, хотя отказывались отъ общенія съ Фотіемъ, однакожъ не хотѣли чуждаться его преемниковъ. Между этими разномыслящими въ средѣ игнатіанъ происходили раздоры, лишавшіе послѣдней крѣпости эту партію. Къ соблазну для строгихъ игнатіанъ, самъ глава этой партіи Стиліанъ неокесарійскій не думалъ чуждаться преемниковъ Фотія и партія безслѣдно пропадаетъ въ исторіи. Уже въ X вѣкѣ мы ничего не знаемъ о партіи игнатіанъ [3]).

Напротивъ партія Фотія все сильнѣе и сильнѣе утверждается въ церкви. Хотя Фотій подъ старость еще разъ былъ

[1]) Hergenröther, ibidem. s. 514—515.
[2]) Ibidem. s. 586.
[3]) Ibidem. s. 703—10.

низвергнутъ съ каѳедры, по капризу императора Льва, однакожъ это не повредило его партіи. Всѣ фотіане оставались на архипастырскихъ и пастырскихъ мѣстахъ [1]). Партія эта сдѣлалась закваскою въ церкви константинопольской, вліявшею на все дальнѣйшее теченіе церковныхъ дѣлъ на востокѣ. Принципы Фотія, говоря вообще, свято охранялись послѣдующею церковію.

Такъ кончилась упорная и не кратковременная, богатая событіями и исполненная трагизма, борьба двухъ церковныхъ партій—игнатіанъ и фотіанъ!

IV.

Какъ на IX вѣкъ падаетъ іерархическая борьба игнатіанъ и фотіанъ, такъ на X вѣкъ падаетъ такая же борьба николаитовъ и евѳимитовъ. Поводъ къ появленію этихъ двухъ церковныхъ партій въ X вѣкѣ, данъ, также какъ и во времена Фотія, низверженіемъ одного патріарха и возведеніемъ на его мѣсто другаго. Императоръ Левъ Мудрый низвергъ съ каѳедры патріарха Николая Мистика, не хотѣвшаго признать законнымъ его четвертаго брака и поставляетъ на его мѣсто Евѳимія, который охотно далъ съ своей стороны признаніе касательно четвертаго брака императора. Около Николая и Евѳимія группируется все остальное византійское духовенство, раздѣляя воззрѣнія или перваго или втораго;— и вотъ возникаютъ двѣ церковныя партіи николаитовъ и евѳимитовъ. При жизни императора Льва страдаютъ и терпятъ изгнаніе николаиты. Николай былъ сосланъ въ ссылку и многіе епископы, преданные этому патріарху, должны были раздѣлять съ нимъ бѣдственную участь—вмѣстѣ съ нимъ страдать за честь церкви, терпѣть заключенія въ темницѣ и всякаго рода лишенія [2]). Но вотъ умирающій Левъ возвращаетъ изъ ссылки невинно страждущаго патріарха Николая, а затѣмъ и прочіе николаиты, по волѣ императора Александра, вызываются изъ изгнанія и снова занимаютъ свои каѳедры. Евѳимій (патріархъ) подвергается поруганію, заключается въ монастырь, имя его вычеркивается

[1]) Ibidem. s. 698.

[2]) Николай Мистикъ патр. констант. стр. 181, въ „Прибавл. къ твор. св. отецъ“, томъ 20.

изъ церковныхъ диптиховъ. Евѳимиты вслѣдствіе этого не только не примиряются съ патріархомъ Николаемъ [1]), хотя самый вопросъ о четвертомъ бракѣ и пересталъ уже имѣть практическое значеніе. Партія евѳимитовъ находитъ себѣ поддержку въ императрицѣ Зоѣ, вдовѣ Льва Мудраго, бракъ которой со Львомъ былъ осужденъ патріархомъ Николаемъ. Императрица Зоя не могла жить въ мирѣ съ патріархомъ. Однакожъ она мало могла вредить миру церковному, пока самъ патріархъ Николай считался регентомъ малолѣтняго императора Константина Порфирогенета. Правда, уже и во времена регентства Николая, Евѳимиты позволяли себѣ вольности, но патріархъ умѣлъ укрощать самовольныхъ. Такъ, когда въ это время евѳимиты осмѣлились было изгнать изъ одной епархіи поставленнаго Николаемъ епископа и возвести на его мѣсто рукоположеннаго Евѳиміемъ, тогда онъ съумѣлъ остановить противозаконное дѣйствіе однимъ сильнымъ письмомъ, въ которомъ грозилъ виновникамъ нелицепріятнымъ судомъ самого Христа [2]). Но это продолжалось только до времени, пока властолюбивая Зоя не удалила патріарха отъ дѣлъ правительственныхъ въ качествѣ регента; какъ скоро это совершилось, евѳимиты сдѣлались рѣшительнѣе и сильнѣе. И Николай глубоко страдалъ, смотря на смутныя дѣла церкви. Каково было видѣть ему, что многіе даже боятся встрѣтиться съ нимъ? Отдѣлившіеся отъ него упорно оставались при своемъ отдѣленіи. Еретики — какъ называли евѳимитовъ тогда нѣкоторые—поносили православныхъ,—т. е. николаитовъ, подвергая разнымъ оскорбленіямъ ихъ епископовъ и священниковъ. Раздоръ между спорящими сторонами по мѣстамъ доходилъ до того, что клирики, къ соблазну вѣрующихъ, наносили другъ другу удары [3]). Описывая бѣдственное положеніе церкви въ одномъ письмѣ, Николай такъ говоритъ объ этомъ: „я нахожусь въ крайнемъ недоумѣніи и, какъ въ непроходимомъ морѣ, ношусь между тѣми и другими—(обѣими партіями), устремляя

[1]) Theophanus Continuatus. Chronographia p. 378. Edit. Bonn. Cedrenus. compendium historiarum, p. 335, tom. II. Edit. Bonn.

[2]) Epistolae Nicolai, patr. Consantinop. p. 371—373. Migne, curs. patr. tom III, Graec. ser.

[3]) Николай Мистикъ, патр. конст. ibidem. стр. 205—207.

свой взоръ единственно къ божественному промышленію и управленію, такъ какъ всякое человѣческое искусство безсильно. Оставить—разсуждаетъ патріархъ—своихъ и перейти къ противникамъ было бы странно и безразсудно, а нежеланіе отдѣлившихся повиноваться нашему слову противъ воли нашей удерживаетъ отъ соединенія съ ними" [1]. Патріархъ, глубоко скорбя о печальномъ состояніи раздѣлявшейся церкви, чувствовалъ себя, по его словамъ, какъ бы въ аду или еще хуже. Но страдая изъ-за церкви, патріархъ въ тоже время употребляетъ всѣ зависящія отъ него мѣры для умиротворенія церковнаго. Къ чести патріарха Николая нужно сказать, что въ этомъ случаѣ онъ никогда не прибѣгалъ къ мѣрамъ жестокимъ и суровымъ. Исключая самого Евѳимія и трехъ или четырехъ митрополитовъ, наиболѣе къ нему приверженныхъ, никто изъ раскольничествующихъ архіереевъ не былъ лишенъ своихъ каѳедръ. Николай даже сдерживалъ другихъ митрополитовъ, которые въ своей ревности объ единеніи церковномъ, лишали каѳедръ епископовъ, имъ подчиненныхъ, какъ скоро они были поставленными отъ Евѳимія. Такъ въ одномъ письмѣ къ нѣкоему митрополиту Никитѣ патріархъ писалъ: „все исправляется въ свое время, а несвоевременное ни къ чему негодно; негоднаго же ничего не должны мы предпринимать. Поэтому не надлежало бы тебѣ во вниманіи къ обстоятельствамъ внѣшнимъ и запутанности дѣлъ ничего дѣлать такого, что сдѣлано тобою. Но какъ ты позволилъ уже себѣ увлечься, то если у тебя есть сколько нибудь заботы объ успокоеніи церкви, пусть изгнанные тобою епископы остаются епископами на своемъ мѣстѣ" [2]. Кроткія мѣры въ отношеніи къ своимъ противникамъ патріархъ простиралъ до того, что убѣждалъ вѣрныхъ ему епископовъ терпѣливо переносить даже самыя оскорбленія отъ враговъ мира [3]. Такая кротость патріарха въ отношеніи къ врагамъ его патріаршества, нѣкоторыми выставлялась какъ полное нерадѣніе о мирѣ церковномъ [4]. Тѣмъ не менѣе патріархъ Ни-

[1]) Epistolae Nicolai. ibidem. p. 345.

[2]) Epistolae Nicolai. ibidem p. 329.

[3]) Epist. Nicolai. ibid. p. 345.

[4]) Ник. Мистикъ, патріархъ константинопольскій. ibid. стр. 228.

колай не выходилъ и не думалъ выходить изъ предѣловъ мѣръ кроткихъ въ отношеніи къ евѳимитамъ. Самою вѣрною мѣрою, предпринятою патріархомъ для умиротворенія церкви, былъ соборъ константинопольскій 920 года. На этомъ соборѣ выражено окончательное сужденіе церкви константинопольской относительно четвертаго брака, положены нѣкоторыя правила касательно третьяго брака, и возсоединены съ церковію многіе изъ евѳимитовъ. Четвертый бракъ на немъ отвергнутъ рѣшительно. „Отрицаемъ общею волею и судомъ, сказано въ изложеніи соборномъ, позволительность четвертаго брака и отвергаемъ его. И если кто однакожъ вздумаетъ дерзнуть вступить въ подобный запрещенный бракъ, таковый лишается церковнаго общенія и теряетъ право присутствовать при богослуженіи, пока не откажется отъ этого брака". Вмѣстѣ съ тѣмъ соборъ нашелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя ограниченія и касательно третьяго брака, болѣе соотвѣтствующія достоинству жизни христіанской. Члены собора опредѣлили: 1) достигшимъ сороколѣтняго возраста и имѣющимъ дѣтей отъ прежнихъ браковъ—третій бракъ вовсе запрещается, а не имѣющимъ дѣтей, хотя и разрѣшается, но съ отлученіемъ отъ причащенія на пять лѣтъ, да и послѣ того дозволяется приступать къ свят. тайнамъ только въ день Воскресенія Христова; 2) на вступающихъ въ третій бракъ въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ, при дѣтяхъ отъ прежнихъ браковъ, полагается тоже отлученіе на четыре года съ дозволеніемъ пріобщаться святыхъ таинъ и послѣ сего брака только три раза въ году, въ дни Рождества и Воскресенія Христова и Успенія Божіей Матери; а у кого не осталось дѣтей отъ прежнихъ двухъ браковъ, тотъ можетъ вступать въ третій, но долженъ понести эпитимію, какая обыкновенно за сіе полагалась [1]). Замѣчательно, что на этомъ соборѣ не было ничего упомянуто объ императорѣ Львѣ, четвертый бракъ котораго подалъ поводъ къ церковнымъ безпорядкамъ. Это обстоятельство могло быть пріятнымъ для евѳимитовъ; и дѣйствительно, многіе изъ нихъ соединились съ церковію на этомъ соборѣ. Это соединеніе большинства отступниковъ съ церковію, какъ свидѣтельству-

[1]) Николай Мистикъ, патр. конст. ibidem. стр. 230—233.

етъ патріархъ Николай, произошло безъ всякихъ притѣсненій виновныхъ. Онъ говоритъ: „никто (изъ евѳимитовъ) не испыталъ ни скорби, ни притѣсненія, ни разлученія съ своими присными и другаго бѣдствія [1]). Въ самомъ дѣлѣ патріархъ принялъ въ церковное общеніе отдѣлившихся епископовъ безъ всякаго прекословія относительно правильности ихъ посвященія отъ патріарха Евѳимія [2]). Впрочемъ было бы несправедливо утверждать, что послѣ этого собора всѣ отдѣлившіеся епископы и священники—евѳимиты—возсоединились съ церковію; нашлись еще люди, хотя и не многіе, которые остались при своемъ упорствѣ и не захотѣли вступить въ союзъ съ церковію, единодушно осудившею четвертый бракъ. Патріархъ впрочемъ не оставлялъ и этихъ немногихъ безъ должнаго увѣщанія. Такъ послѣ собора онъ писалъ непокорнымъ евѳимитамъ: „Братія моя, прибавлю и чада, если не огорчу васъ, именуя чадами грѣшника, впрочемъ истиннаго отца! Произведенное демономъ церковное раздѣленіе промышленіемъ Божіимъ кончилось единеніемъ. Если кто не принимаетъ сего соединенія, такого не считаю нужнымъ обличать; достаточно обличаютъ его самыя дѣла, а мы умолкаемъ“. Въ заключеніи письма патріархъ писалъ, что если упорство упорныхъ происходитъ только изъ-за того, что онъ занимаетъ патріаршее мѣсто, въ такомъ случаѣ онъ готовъ отказаться отъ своей должности ради церковнаго единенія [3]). Въ видахъ умиротворенія своей церкви патріархъ входилъ по тому же вопросу въ сношенія съ церковію римскою, которая собственно первая и вызвала смуты церковныя, утвердивъ четвертый бракъ императора Льва. Усилія патріарха побудить и римскую церковь согласиться съ распоряженіями касательно четвертаго брака въ Константинополѣ, наконецъ увѣнчались успѣхомъ. Римская церковь прислала въ Константинополь двухъ легатовъ, и они, по словамъ Николая, вмѣстѣ съ нимъ предали проклятію соблазнъ, причиненный четвертымъ бракомъ, и что требовало врачевства, получило должное врачеваніе. Патріархъ и легаты совершили вмѣстѣ священнослуженіе и

[1]) Epistolae Nicolai, ibidem. p. 248.
[2]) Николай Мистикъ—ibid. стр. 235.
[3]) Epistolae Nicolai, ibidem. p. 295—6.

пріобщились св. таинъ [1]). Конечно этотъ фактъ долженъ былъ благотворно дѣйствовать на упорныхъ изъ евѳимитовъ, потому что распоряженія Николая пріобрѣтали съ этимъ общую церковную значимость. Вообще къ концу патріаршества Николая раздоры николаитовъ съ евѳимитами значительно утихли. Тѣмъ не менѣе слѣды этихъ раздоровъ еще долго остаются въ исторіи. Такъ спустя 50 лѣтъ отъ начала возникновенія раскола, патріархъ Поліевктъ рѣшился внести въ диптихъ имя патріарха Евѳимія съ цѣлію окончательнаго примиренія евѳимитовъ съ николаитами, но этотъ поступокъ вызвалъ неудовольствіе въ нѣкоторыхъ николаитахъ, которые и отдѣлились отъ церковнаго общенія съ патріархомъ [2]). Даже еще позднѣе, въ концѣ X вѣка встрѣчаемъ борьбу съ евѳимитами, именно на соборѣ при императорахъ Василіи II и Константинѣ VIII произнесено было осужденіе на несоединяющихся съ церковію изъ-за вопроса о четвертомъ бракѣ; противниками опредѣленій патріарха Николая были на этотъ разъ монахи [3]). Затѣмъ слѣды раскола стираются. Вообще раздоры николаитовъ съ евѳимитами продолжались почти сто лѣтъ.

Замѣчательно, что и на этотъ разъ, какъ во времена Фотія, партія болѣе благоразумная, болѣе радѣющая о благѣ церкви, болѣе проникнутая сознаніемъ самостоятельности церкви восточной, какова именно партія Николая, получаетъ перевѣсъ надъ партіею противною.

V.

Послѣ обзора важнѣйшихъ церковно-іерархическихъ движеній, знаменующихъ собою изучаемое нами время—фотіанскихъ и игнатіанскихъ съ одной стороны и николаитскихъ и евѳимитскихъ съ другой—составляющихъ любопытнѣйшія явленія времени, обращаемся къ разсмотрѣнію общаго состоянія іерархіи и ея дѣятельности въ періодъ IX, X, XI вѣка.

Прежде всего обозримъ въ главнѣйшихъ чертахъ внутреннее состояніе *восточныхъ патріархатовъ*.

1) Epistolae Nicolai. ibidem. p. 177—8.

2) Cedrenus. Compendium Historiarum, ibidem. p. 335.

3) Hergenröther. ibidem. Band 3, s. 725—726.

Изъ четырехъ патріархатовъ на востокѣ, сложившихся въ 5-мъ вѣкѣ, полною слободою въ развитіи своей церковной дѣятельности могъ пользоваться одинъ только патріархатъ константинопольскій. Остальные три патріархата уже по цѣлымъ вѣкамъ (съ 7-го вѣка) стенали подъ игомъ мусульманскимъ. Вслѣдствіе чего ихъ внутреннее благоустройство находилось на самой низкой степени развитія. Чтобы убѣдиться, какъ мало было благопріятныхъ условій для развитія всѣхъ сторонъ христіанской жизни въ этихъ злосчастныхъ патріархатахъ — александрійскомъ, антіохійскомъ и іерусалимскомъ, для этого достаточно бѣглаго взгляда на положеніе этихъ церквей подъ игомъ мусульманъ отъ IX до XII вѣка [1]). Только послѣ этого мы поймемъ, почему архипастыри здѣшніе были такъ безвліятельны, просвѣщеніе богословское низко, исторія этихъ церквей бѣдна замѣчательными фактами. Ни одно изъ столѣтій, изучаемыхъ нами теперь, не обошлось для христіанъ, подчиненныхъ магометанскому владычеству, безъ сильнѣйшихъ гоненій. Такъ въ IX вѣкѣ калифъ Мутевакеллъ предписалъ всѣмъ христіанамъ въ своихъ владѣніяхъ носить, какъ знакъ безчестія, поверхъ одеждъ лоскутки и бахрому разныхъ цвѣтовъ, вмѣсто узды употреблять веревки, обложилъ дома христіанъ налогами въ пользу мечетей и повелѣлъ отличать ихъ деревянными изображеніями обезьяны, собаки или діавола. Вновь воздвигнутыя церкви и гробницы были разрушены. Христіанинъ не могъ занять общественной должности. Онъ запретилъ совершать похороны, звонить въ колокола, отправлять литургію. Чтобы заставить повиноваться послѣднему повелѣнію, онъ запретилъ подъ предлогомъ уваженія къ магометанскому закону, покупать и продавать вино, и такъ строго смотрѣли за исполненіемъ этого приказанія, что по мѣстамъ вино перестали выдѣлывать. Въ такой крайности христіане толкли въ водѣ сушеный виноградъ и получаемый сокъ употребляли для таинства Евхаристіи. Эти распоряженія Мутевакелла даны были

[1]) См. объ этомъ полнѣе и обстоятельнѣе въ слѣдующихъ статьяхъ въ Христ. Чтеніи: Внѣшнее состояніе церкви восточной съ половины IX до начала XIII вѣка, 1848 г. ч. I. Очеркъ исторіи александрійской церкви. 1856 г, часть I. Внѣшнее состояніе Греческой церкви отъ 1054 до 1204 года. 1857 г. часть 2.

для всей восточной магометанской имперіи. Въ концѣ X вѣка христіане, находившіеся въ магометанскихъ странахъ вытерпѣли весьма жестокое гоненіе отъ калифа Гакема, изъ династіи Фатимидовъ. Гакемъ — это былъ человѣкъ, въ которомъ съ кровожадностію соединялось слѣпое суевѣріе. Онъ отобралъ у христіанъ церковныя имущества, снималъ и истреблялъ кресты, украшавшіе храмы, даже повелѣвалъ разрушать самые храмы, объявилъ гоненіе на епископовъ, христіанамъ не позволялъ ничего ни продавать, ни покупать, воспретилъ христіанамъ торжественные праздники, которые совершались съ крестными ходами; предписалъ имъ сверхъ одежды носить деревянные кресты съ свинцовою печатью. На христіанъ наложены были тяжкія подати. По пустымъ доносамъ, безъ всякаго изслѣдованія, ихъ предавали смертной казни. Гоненіе было такъ сильно, что даже жилища христіанъ ни въ какое время не были свободны отъ враждебныхъ нападеній мусульманъ: въ дома христіанъ бросали камни и всякую нечистоту, насильственно вторгались въ нихъ, имущество и дѣти отнимались. Гакемъ въ видахъ посмѣянія надъ христіанами далъ нарочитое приказаніе разрушить храмъ Воскресенія Христова въ святомъ градѣ. „Да будетъ его небо землею—сказано было въ указѣ—и долгота широтою“. Гоненіе свирѣпствовало въ александрійскомъ и іерусалимскомъ патріархатахъ. Въ XI вѣкѣ христіане магометанскихъ областей терпятъ жесточайшія страданія отъ турокъ — сельджуковъ. Сельджуки—это были новые завоеватели востока, вышедшіе изъ глубинъ Азіи. Какъ дикіе сыны пустыни они не знали другаго закона, другаго права, кромѣ меча. Притомъ же, какъ новообращенные поклонники пророка, они отличались особеннымъ фанатизмомъ. Они оскорбляли святость богослуженія христіанскаго: позволяли себѣ безобразные крики во время онаго, ниспровергали св. сосуды; патріарховъ хватали и сажали въ тюрьму, и за выкупъ ихъ брали большія деньги. Гоненіе простиралось и на прочихъ христіанъ. Оно распространилось по іерусалимскому и антіохійскому округу. Что касается собственно до положенія христіанъ православныхъ, то ихъ положеніе еще ухудшалось тѣмъ, что мусульманскія власти охотно покровительствовали христіанскимъ сектамъ на счетъ христіанъ право-

славныхъ. Такъ было въ александрійскомъ и антіохійскомъ патріархатахъ. Магометане Египта напр. покровительствовали монофизитамъ, къ невыгодѣ для православныхъ. Это зависѣло отъ того, что православные всегда тяготѣли къ греческой православной церкви въ Константинополѣ, а это подозрительные магометане считали опаснымъ для своего политическаго господства. Послѣдніе охотнѣе покровительствовали сектамъ, нетерпимымъ въ византійской имперіи; да очень понятно, что и сектанты съ своей стороны являлись возможно услужливыми подданными магометанъ. Въ антіохійскомъ патріархатѣ было тоже самое. Магометанскія власти покровительствовали здѣсь несторіанамъ — по тѣмъ же побужденіямъ, какъ и въ Египтѣ. Изъ несторіанъ выбирались начальники городовъ и областей. Вслѣдствіе чего положеніе православныхъ было очень печально.

Теперь посмотримъ, каково было внутреннее состояніе каждаго изъ трехъ многострадальныхъ патріархатовъ. Послѣ сказаннаго, едвали нужно удивляться, если они далеко не процвѣтали. Начнемъ съ патріархата александрійскаго. Фактъ печальный, но совершенно естественный, что христіанско-православное народонаселеніе Египта все болѣе и болѣе упадаетъ. Съ милліоновъ упавшее въ 7-мъ вѣкѣ до сотенъ тысячъ, православное народонаселеніе упадаетъ затѣмъ до десятковъ тысячъ. Такъ было къ концу XIII вѣка. Численность яковитовъ, египетскихъ монофизитовъ, значительно превышаетъ численность православныхъ [1]). Сообразно съ этимъ и іерархія православныхъ христіанъ также постепенно сокращается въ численности. Это ясно показываетъ напр. одинъ соборъ яковитовъ 1086 года. На этомъ соборѣ собрались 52 епископа яковитовъ изъ нижняго Египта, Ѳиваиды и другихъ мѣстъ, и то собрались не всѣ. Эта численность яковитскихъ каѳедръ и епископовъ, извѣстныхъ по именамъ, сама собою говоритъ о малочисленности таковыхъ же у православныхъ, тѣмъ болѣе, что о нихъ не имѣется ни одного подобнаго свидѣтельства за все это время, да и самые епископы почти вовсе не извѣстны даже по

[1]) Малыщевскій. Мелетій Пигасъ, патр. александрійскій, стр. 133. Кіевъ 1872 г.

именамъ. Хотя нѣкоторые (напр. авторъ „Правды вселенской церкви“, стр. 191) въ IX вѣкѣ и насчитываютъ 108 каѳедръ, однакожъ и въ позднѣйшее время едвали будетъ справедливо предполагать въ александрійскомъ патріархатѣ существованіе болѣе 10 епископскихъ каѳедръ [1]). Какъ ни незначительна была сила патріархата александрійскаго, однакожъ церковь эта ревниво охраняла свои права на самостоятельность. Когда патріархъ александрійскій Христодулъ (906 — 933 г.), происходившій изъ Алеппо, принялъ рукоположеніе въ Іерусалимѣ отъ тамошняго патріарха Иліи, нѣкоторые въ Александріи возстали на патріарха съ укоромъ, почему онъ не посвятился въ Александріи и требовали, чтобы посвятительная молитва была повторена надъ нимъ. И Христодулъ долженъ былъ исполнить желаніе недовольныхъ [2]). Вообще же александрійскіе патріархи, угнетаемые иновѣрными и будучи представителями очень небольшой паствы, мало имѣли вліянія на церковно-общественныя дѣла. Центръ тяжести управленія церковію самъ собою переносился въ Константинополь. Замѣчательный фактъ, гдѣ патріархъ александрійскій выходитъ изъ предѣловъ своего окружнаго управленія — представляетъ развѣ только слѣдующее событіе. Между императоромъ византійскимъ Василіемъ II и патріархомъ византійскимъ же Сергіемъ возникъ споръ по случаю подати, которую первый наложилъ, а послѣдній призналъ незаконною [3]). Въ посредники былъ призванъ александрійскій патріархъ Ѳеофилъ (999—1019). Этотъ находя, что императоръ и патріархъ равно неправы и откровеннымъ обличеніемъ опасаясь возбудить гнѣвъ того и другаго, прибѣгъ къ образному способу выраженія своихъ мыслей. Онъ сдѣлалъ двѣ восковыхъ фигуры и, представивъ ихъ Василію и Сергію, у той, которая изображала императора отсѣкъ правую руку, а у изображавшей патріарха — языкъ, обличая этимъ насиль-

[1]) Малышевскій, стр. 132; „Христ. Чтен„. 1856 г. ibid. стр. 265.

[2]) Le Quien. Oriens christianus. tom. 2, p. 474.

[3]) Glycas. Annales. p. 575—7. 579. Edit. Bon. Cedrenus. Hist. Compendium. p. 456. 475. Bonn.

ственное дѣйствіе одного и нетерпѣливость другаго [1]). Сергій въ благодарность за примиреніе и наставленіе возложилъ на судью свой омофоръ, Василій—корону. Съ того времени, говоритъ преданіе, александрійскій патріархъ носитъ два омофора и двойную корону на митрѣ, и получилъ титло вселенскаго судіи [2]). Если обратимъ вниманіе на состояніе образованности въ іерархическихъ классахъ въ Египтѣ, то мы должны будемъ сознаться, что оно здѣсь не процвѣтало ни у яковитовъ, ни у православныхъ. Да и чѣмъ могла поддерживаться здѣсь образованность? Греческій языкъ, который былъ ключемъ къ просвѣщенію, въ то время забылся не только яковитами, говорившими по коптски, но и православными, усвоившими языкъ арабскій. Человѣкъ, знавшій по гречески, здѣсь уже считался рѣдкостію. Извѣстный составитель лѣтописи патріархъ александрійскій Евтихій (933—940) писалъ уже не по гречески, а по арабски [3]). Вообще съ какой бы стороны мы ни смотрѣли, теперешній александрійскій патріархатъ слишкомъ мало напоминаетъ патріархатъ этотъ временъ Аѳанасія и Кирилла.

Обращаемся къ патріархату антіохійскому. При указанномъ положеніи вещей церковь христіанская не могла процвѣтать въ антіохійскомъ округѣ и въ особенности церковь православная. Хотя антіохійскій православный патріархъ къ концу XI вѣка еще насчитываетъ до 150—159 епископовъ подчиненныхъ ему [4]), но нужно думать, что это были безмѣстные епископы, не имѣвшіе епископій и носившіе только имена прежде существовавшихъ православныхъ каѳедръ. Большая часть православныхъ патріарховъ антіохійскихъ была совершенно необразована. Какъ исключеніе изъ правила явился человѣкъ образованный на этой каѳедрѣ—Петръ III въ XI вѣкѣ [5]). Патріархи имѣли мало

[1]) Le-Quien. Oriens christianus. tom 2. p. 481.

[2]) Христ. Чтеніе. 1856. ibidem. стр. 261.

[3]) Hergenröther. ibidem. Band. 2. s. 443.

[4]) По свидѣтельству латинскихъ писателей. Le-Quien. Oriens christianus, tom 2, p. 694.

[5]) Hergenröther. ibidem. Band. 2. s. 59. Петръ замѣчателенъ своимъ гуманнымъ взглядомъ на латинянъ, отдѣлившихся въ XI вѣкѣ отъ церкви православной. Впрочемъ у преосвященнаго Порфирія, епископа Чигиринскаго, въ недавно

вліянія на общія дѣла церковныя, и находились въ сильной зависимости отъ Константинополя. Греческій языкъ забылся здѣсь въ средѣ духовенства.

О внутреннемъ состояніи іерусалимскаго патріархата мы имѣемъ еще болѣе скудныя свѣдѣнія чѣмъ о другихъ патріархатахъ подъ мусульманскимъ господствомъ. Нельзя указать ни одного патріарха въ разсматриваемое время сколько нибудь знаменитаго въ какомъ-либо отношеніи. По увѣренію нѣкоторыхъ писателей въ это время въ Палестинѣ было 4-ре митрополіи и сверхъ того 25 епископій [1]); но трудно предположить, чтобы они всегда были заняты іерархами, не оставались вакантными. Іерусалимскіе патріархи и всегда не пользовались особеннымъ значеніемъ въ дѣлахъ церковныхъ, а теперь стали пользоваться онымъ еще менѣе. Хотя греческій языкъ менѣе упалъ въ іерусалимскомъ патріархатѣ, чѣмъ въ Александріи и Антіохіи, что зависѣло отъ практической потребности въ этомъ знаніи ради греческихъ пилигримовъ, тѣмъ не менѣе не видно, чтобы знаніе это прилагалось къ цѣлямъ образованности.

Отраднѣе смотрѣть на четвертый и послѣдній патріархатъ—на византійскій церковный округъ [2]). Іерархическое положеніе его сравнительно было блестяще. Христіанство

опубликованной имъ арабской рукописи, въ русскомъ переводѣ, подъ заглавіемъ: „Востокъ Христіанскій, Сирія, антіохійскіе патріархи въ арабскомъ спискѣ Іоанна Жеми, 1756 года“ (Труды к. д. акад., 1875, мартъ), нѣкоторые патріархи изъ нашей эпохи называются „учеными и писателями“ (Стефанъ IV, Илія), другимъ приписываются богословскія сочиненія (патр. Евтихій сочинилъ книгу: Шестодневъ, и пр.). Тотъ же высокопросвѣщенный авторъ въ собственномъ своемъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: „Востокъ Христіанскій, Сирія, списокъ антіохійскихъ патріарховъ“ (Труды к. д. а. 1875, ноябрь, стр. 71 — 80), насчитываетъ 23 патріарха, занимавшихъ престолъ антіохійскій въ нашу эпоху.

[1]) Внѣшнее состояніе греческой церкви и пр. Христ. Чтеніе, 1857 г., ч. 2, стр. 370.

[2]) Прилагаемъ полный списокъ патріарховъ константинопольскихъ, правившихъ церковію константинопольскою со времени низверженія иконоборства до крестовыхъ походовъ (842 — 1096). Послѣ Меѳодія (842 — 846 г.) патріаршествовалъ дважды Игнатій (846—857; 867—877 г.). Преемникомъ его былъ Фотій тоже дважды восходившій на патріаршій престолъ (857 — 867; 877 — 886 г.). Игнатій и Фотій были замѣчательными историческими личностями. Фотій по принужденію императора Льва мудраго уступаетъ престолъ 16-ти лѣтнему от-

здѣсь процвѣтало подъ покровительствомъ христіанскихъ государей. Число епископскихъ каѳедръ въ константинопольскомъ патріархатѣ—далеко оставляло за собою число всѣхъ такихъ же каѳедръ во всѣхъ остальныхъ патріархатахъ восточныхъ въ совокупности. Азіатскія епископіи, зависящія прямо отъ патріарха константинопольскаго, со включеніемъ Исаврійской области, присоединенной отъ патріарха антіохійскаго, были (въ IX вѣкѣ) въ числѣ 432. Кромѣ того патріаршая юрисдикція простиралась на страны Иллирійскія: Грецію, Ѳракію, Македонію, на страны въ южной Италіи и на нѣкоторыя страны вновь обращенныхъ къ христіанству народовъ [1]). Правда, нѣкоторыя изъ этихъ каѳедръ съ теченіемъ времени перешли подъ вѣдѣніе папъ; тѣмъ не менѣе къ концу изучаемаго нами времени, по свидѣтель-

року Стефану, сыну императора Василія Македонянина (886 — 893); Стефанъ былъ изъ учениковъ Фотія. Ему преемствовалъ Антоній II (893—895 г.), извѣстенъ какъ строгій аскетъ. Послѣ Антонія принялъ управленіе церковію Николай Мистикъ (дважды былъ патріархомъ: 895 — 906. 912—925). Послѣ перваго патріаршества Николая престолъ патріаршій переходитъ къ Евѳимію (906—911 г.); въ правленіе Николая и Евѳимія происходятъ извѣстные споры о четвертомъ бракѣ императора Льва Мудраго. Дальнѣйшими патріархами были: Стефанъ II (925 — 928 г.), Трифонъ (928 — 931 г.), мало извѣстны по своей дѣятельности. 931—933 гг. между-патріаршество — вслѣдствіе желанія императора Романа 1-го возвести на патріаршій престолъ сына своего Ѳеофилакта, которому тогда еще не исполнилось 16-ти лѣтъ, какихъ лѣтъ онъ въ 933 году и былъ возведенъ въ патріархи. Ѳеофилактъ (933—946 г.) извѣстенъ своею безпорядочною жизнію и худымъ правленіемъ. Послѣ Ѳеофилакта правилъ церковію дѣятельный патріархъ Поліевктъ (946 — 970), послѣ него Василій I (970—974 г.), Антоній III (974—978 г.), оба извѣстны только своимъ аскетизмомъ. (979—981—между-патріаршество). Послѣдующими патріархами были: Николай Хрисовергъ (982—996 г.), Сисиній (995—999), человѣкъ высокообразованный, Сергій (999—1019) родственникъ знаменитаго патріарха Фотія, Евстаѳій (1019—1025), Алексій Студитъ (1025—1043) извѣстенъ какъ главный организаторъ богослужебнаго устава Студійскаго. Алексѣю преемствовалъ Михаилъ Керуларій (1043 — 1058), при немъ совершилось раздѣленіе церквей на восточную и западную. Остальные патріархи изучаемаго времени: Константинъ Лихудъ (1059 — 1063 г.) происходилъ изъ важныхъ государственныхъ сановниковъ. Іоаннъ Ксифилинъ (1064—1075) мужъ прекрасно образованный, въ противоположность ему Косьма (1075—1081 г.) и Евстратій Гарида (1081—1084 г.) были людьми неучеными, Николай Грамматикъ (1084—1111) съ достоинствомъ держалъ себя во время разныхъ догматическихъ движеній въ царствованіе Алексѣя Комнина.

[1]) „Правда Вселенской церкви“, стр. 190—91.

ству Нила Доксопатра, въ западныхъ странахъ патріарху константинопольскому принадлежали слѣдующія каѳедры: „отъ западной области — говоритъ Нилъ — подчинялись патріарху константинопольскому, имѣющіе преимущество предъ прочими митрополитами, состоящими въ ихъ области: солунскій и коринѳскій съ подчиненными имъ митрополитами и архіепископами, кромѣ того еще Сицилія и Калабрія (въ Италіи), такъ что папа и въ этихъ странахъ завѣдывалъ только нѣкоторыми незначительными епископіями, а митрополіи находились подъ властію константинопольскаго патріарха. Даже въ Лонгобардіи и Апуліи и во всѣхъ тамошнихъ странахъ приморскія митрополіи были во власти патріарха константинопольскаго, а прочіе у римскаго, такъ что и этими странами оба владѣли по частямъ“ [1]). При такихъ условіяхъ патріархи константинопольскіе могли собирать блестящіе по числу членовъ соборы. Такъ на соборѣ 879 года, собранномъ при Фотіи, было 400 епископовъ; въ числѣ ихъ были представители изъ всѣхъ областей, принадлежащихъ къ константинопольскому округу въ обширномъ смыслѣ. Изъ списка лицъ, бывшихъ на этомъ соборѣ, видно, что особенною многочисленностію епископовъ отличался экзархатъ или церковная провинція Ефесская: почти половина епископовъ указаннаго собора была отсюда. На этомъ соборѣ присутствовало однихъ митрополитовъ съ архіепископами 80 лицъ. При такомъ положеніи своего патріархата, патріархъ константинопольскій стоялъ несравненно выше въ церковной дѣятельности, чѣмъ другіе патріархи восточные [2]). Ему принадлежало право утверждать каноны и церковныя нормы для общецерковнаго употребленія. Хотя это право принадлежало и прочимъ патріархамъ, однакожъ фактически имъ пользовались только патріархи константинопольскіе. И справедливо замѣчаютъ, что Константинополь въ церковномъ отношеніи былъ тѣмъ же на востокѣ, чѣмъ Римъ на западѣ. Роль прочихъ патріарховъ становится по отношенію къ церковнымъ дѣламъ лишь пассивной [3]). Какъ

[1]) Внѣшнее состояніе церкви Восточной православной. Христ. Чт. 1848 г. Часть I, стр. 98.

[2]) Hergenrother ibidem. Band 2. s. 452. 454.

[3]) Hergenrother. ibidem. s. 591. 48.

далеко простиралось вліяніе константинопольскаго патріарха на другіе патріархаты, это можно видѣть изъ того, что византійскіе патріархи, случалось, по своей инициативѣ назначали патріарховъ на другія восточныя патріаршія каѳедры. Такъ напр. константинопольскій патріархъ Поліевктъ, при императорѣ Іоаннѣ Цимисхіи, посвящаетъ для Антіохіи на мѣсто умерщвленнаго сарацинами патріарха Христофора Ѳеодора Колонійскаго [1]. Мы не будемъ говорить о состояніи другихъ сторонъ патріархата константинопольскаго, потому что о нихъ по преимуществу мы говорили прежде, о нихъ преимущественно приходится говорить и послѣ.

Хотя за исключеніемъ патріарха константинопольскаго остальные патріархи востока были мало вліятельны въ церкви, однакожъ ученіе о высокой власти всѣхъ патріарховъ въ совокупности строго сохранялось. Можно даже сказать, что въ IX—XI вѣкахъ оно достигаетъ полноты и наибольшей ясности раскрытія. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчателенъ соборъ константинопольскій 869 года. На немъ многія лица въ качествѣ блюстителей интересовъ восточной церкви раскрываютъ это ученіе съ примѣчательною силою. Такъ, Илія представитель лица патріарха іерусалимскаго на этомъ соборѣ прямо высказываетъ мысль о божественномъ установленіи пяти патріарховъ; эти, по словамъ Иліи, отъ Духа Святаго поставлены въ церкви, дабы устранять возникающіе въ ней соблазны [2]. На томъ же соборѣ смирнскій митрополитъ Митрофанъ, примѣняясь къ 14 и 15 стиху первой главы книги Бытія, говоритъ о пяти патріархахъ, этихъ пяти главахъ, какъ великихъ свѣтилахъ, которыя Богъ поставилъ на тверди церковной для изліянія свѣта на всю землю, для отдѣленія дня отъ ночи, для разграниченія свѣта отъ тьмы [3]. Императоръ Василій Македонянинъ, на томъ же соборѣ, отправляясь очевидно отъ идеи о патріаршемъ пятивластіи (пентархіи), говорилъ, — что никто не можетъ уничтожить дѣйствія и сужденія, происшедшихъ отъ патріарховъ, что рѣшенія патріарховъ имѣютъ общую обязательность, и что никто не можетъ противиться власти сообщен-

1) Leo Diaconus. Historiae, p. 100—101. Edit. Bonn.

2) Labbei concilia. tom VIII, p. 1287—88

3) Labbei. ibidem. p. 1313—1314.

ной патріархамъ отъ Бога [1]). Но съ особенною ясностію на соборѣ 869 года развиваетъ данную идею императорскій сановникъ Воанесъ, представлявшій собою на одномъ изъ засѣданій этого собора лице императора. Этотъ сановникъ говорилъ: „Богъ основалъ свою церковь на пяти патріаршествахъ и положилъ въ своемъ евангеліи, что они никогда непрестанутъ и непрейдутъ, потому что патріархи суть главы церкви. Ибо слова евангелія: „и врата адовы не одолѣютъ ю", показываютъ ясно, что если двѣ изъ этихъ главъ падаютъ, заблуждаются—говоритъ Воанесъ—то нужно прибѣгать къ тремъ остальнымъ, если три падаютъ — къ двухъ остальнымъ, если четыре падаютъ, да прибѣгаютъ къ единой остальной, которая сохраняется у Главы всѣхъ Христа Бога нашего, и эта единственная глава да воззоветъ всю остальную церковь" [2]). Писатели церкви IX—XI вѣка любили сравнивать пятерицу патріарховъ съ пятью чувствами тѣла человѣческаго, доказывая тѣмъ важность пяти паріарховъ для тѣла церкви Христовой. Такъ Анастасій библіотекарь (латинскій писатель изъ грековъ, въ IX вѣкѣ) говоритъ: „Христосъ въ своемъ тѣлѣ, т. е. церкви, учредилъ столько патріаршихъ каѳедръ, сколько чувствъ въ смертномъ тѣлѣ каждаго, и церковь пребываетъ совершенною, если всѣ эти каѳедры соединены одною волею, подобно тому какъ тѣло человѣческое совершенно, если всѣ его пять чувствъ цѣлы и здоровы" [3]). Таже мысль встрѣчается у патріарха антіохійскаго Петра (въ XI вѣкѣ), онъ говоритъ: Божественною благодатію въ цѣломъ мірѣ учреждено пять патріаршествъ; какъ въ тѣлѣ каждаго человѣка члены подчинены пяти чувствамъ: зрѣнію и пр., такъ и въ тѣлѣ Христовой церкви управляютъ всѣмъ пять чувствъ, пять великихъ патріаршихъ каѳедръ. И какъ выше пяти чувствъ нѣтъ никакого другаго чувства, такъ и надъ пятью патріархами не стоитъ никакого еще патріарха" [4]). Идея о высшей церковной власти патріарховъ съ тѣхъ поръ нерушимо хранится въ восточной церкви.

[1]) Labbei. ibidem. p. 1317—18.

[2]) Labbei ibidem. p. 1106.

[3]) Labbei. ibidem. p. 967.

[4]) Cotelierii. Monum. eccles. Gr. tom 2. p 114 et c.

VI.

Послѣ обзора внутренняго состоянія патріархатовъ восточныхъ, обращаемся къ описанію состоянія духовенства IX—XI вѣковъ. Прежде всего сдѣлаемъ замѣчанія объ умственномъ состояніи духовенства этого времени. Многіе пастыри церкви разсматриваемаго времени отличались высокимъ образованіемъ, хотя далеко не всѣ. Первое мѣсто между ними занимаетъ, какъ естественно, патріархъ Фотій. Новѣйшіе греческіе писатели не находятъ достаточно словъ, чтобы описать его умственное превосходство. Они называютъ его „равноапостольнымъ", „великимъ вселенскимъ учителемъ", „чудомъ своего времени и вѣковъ послѣдующихъ", его сочиненіями „переполнены, по ихъ выраженію, всѣ библіотеки, его имя испещряетъ всѣ листы церковной исторіи", мужемъ, который по справедливости отъ свѣта получилъ свое имя (Фотій—φῶς), устами теологіи, „они исполнены глубокаго удивленія „предъ этимъ божественнымъ и треблаженнымъ патріархомъ" [1]). И такой отзывъ о патріархѣ Фотіи, высокообразованномъ пастырѣ своего времени, имѣетъ должную справедливость. Глубокою ученостью отличался и другой патріархъ константинопольскій Меѳодій. О немъ сохранилось слѣдующее извѣстіе: при иконоборческомъ императорѣ Ѳеофилѣ Меѳодій былъ вверженъ въ темницу. Долгое время томился онъ въ темницѣ и освобожденъ изъ этого заключенія чуднымъ образомъ. Императоръ Ѳеофилъ, охотникъ до чтенія книгъ, напалъ на такую книгу, которую никакъ не могъ разобрать; нѣсколько дней напрасно трудился императоръ надъ странною рукописью. При этомъ случаѣ одинъ изъ царедворцевъ указалъ Ѳеофилу на узника Меѳодія, какъ на человѣка глубокой учености; едва посланный отъ царя явился къ послѣднему, Меѳодій сказалъ: мнѣ извѣстно, зачѣмъ тебя послалъ Ѳеофилъ: подай бумаги и чернилъ. Ѳео-

[1]) Такъ отзываются Досиѳей, Экономосъ, греческій историкъ Мелетій и др. у Hergenröther'a, Band 2, s. 718.

филъ, прочитавъ написанное, возвратилъ Меѳодію вмѣстѣ съ свободою и свое уваженіе; и послѣ этого императоръ имѣлъ не рѣдкіе случаи видѣть на дѣлѣ умъ Меѳодія [1]). Въ качествѣ патріарха Меѳодій извѣстенъ какъ пастырь высокопросвѣщенный; онъ былъ искренно чтимъ образованною партіею фотіанъ. Видное мѣсто между пастырями того времени занимаетъ Евтихій, патріархъ александрійскій. Родившись въ Каирѣ, онъ еще въ молодыхъ лѣтахъ отличался расположенностію къ медицинѣ и церковной исторіи, которыми и занимался со всѣмъ жаромъ юности. Впослѣдствіи онъ самымъ дѣломъ доказалъ, какими онъ обладалъ познаніями въ этихъ наукахъ. Отъ Евтихія остались сочиненія какъ медицинскія, такъ и историческія [2]). Къ числу лицъ замѣчательныхъ по своему просвѣщенію принадлежитъ и патріархъ константинопольскій Константинъ Лихудъ. Онъ былъ человѣкъ ученый, краснорѣчивый; особенность его краснорѣчія состояла въ томъ, что онъ умѣлъ форму слога ставить въ полную гармонію съ матеріею, о которой идетъ рѣчь [3]). Онъ жилъ въ XI вѣкѣ. Изъ пастырей церкви, занимавшихъ менѣе важные церковные посты, по своему образованію заслуживаетъ упоминанія Григорій еп. сиракузскій, другъ Фотія; онъ отличался критическимъ направленіемъ мысли и былъ свѣдущъ въ искусствахъ [4]). Въ Едессѣ также встрѣчаемъ образованныхъ пастырей; такъ епископъ Ѳеодоръ едесскій извѣстенъ какъ человѣкъ изучавшій тогдашній кругъ наукъ у какого-то общаго наставника Софронія (въ Іерусалимѣ [5]).

О матеріальномъ положеніи духовенства изучаемой нами эпохи, какъ равно и эпохи болѣе ранней, мы знаемъ не много. Приблизительное понятіе о способахъ содержанія епископовъ въ IX—XI вѣкахъ даютъ нѣкоторыя новеллы

[1]) Symeon. Magister. Annales. p. 644—5; Bonn. Theophanes Continuatus. p. 116. edit Bonn.

[2]) Очеркъ исторіи Александрійской церкви, стр. 253. Христ. Чт. 1856 г., часть I.

[3]) Histoire Générale des auteurs sacres et ecclesiastiques. Tom XX, p. 590.

[4]) Hergenröther 1, 362; 324, Nicetas. ibidem. p. 540.

[5]) Филарета Черн. Историч. ученіе объ отцахъ церкви т. 3, стр. 304.

(указы) Византійскихъ императоровъ того времени. Такъ прежде всего эти новеллы указываютъ на существованіе денежныхъ и вещественныхъ сборовъ епископами съ мірянъ, подчиненныхъ ихъ власти. Императоръ Исаакъ Комнинъ въ 1057—59 г. постановилъ, что епископу слѣдуетъ получать съ селенія, въ которомъ находится 30 дымовъ (домовъ), одну золотую монету [1]), двѣ серебряныхъ, 1 барана, 6 мѣръ ячменя, 6 мѣръ вина, 6 мѣръ пшеничной муки и 30 птицъ (куръ); съ того селенія, гдѣ двадцать дымовъ: $^1/_2$ золотой монеты, одну серебряную, полбарана, 4 мѣры ячменя, 4 мѣры вина, 4 мѣры пшеничной муки и 20 птицъ; а съ того, гдѣ только 10 дымовъ, получать: пять серебряныхъ монетъ, 1 ягненка, 2 мѣры ячменя, 2 мѣры вина, 2 мѣры муки и 10 птицъ [2]). Другой императоръ Алексѣй Комнинъ въ 1086 году повторяетъ эту новеллу Исаака и присовокупляетъ предписаніе, чтобы люди брачущіеся платили своему епископу нѣкоторую подать: женихъ обязывался платить одну золотую монету, а невѣста 12 лактей холста [3]). Затѣмъ другія новеллы тѣхъ же самыхъ императоровъ узаконяютъ и опредѣляютъ размѣры приношеній, какія должны были дѣлать клирики епископу по случаю своего посвященія отъ послѣдняго. Именно Исаакъ Комнинъ предписываетъ, чтобы рукополагающій въ пресвитера епископъ или архіепископъ не получалъ ничего болѣе за рукоположеніе, какъ только семь золотыхъ монетъ: одну, когда экзаменуетъ представленнаго къ посвященію, три—когда рукополагаетъ его во діакона, три же—когда поставляетъ въ пресвитера. Императоръ Алексѣй Комнинъ въ 1086 году повторяетъ туже новеллу [4]).

Переходимъ къ указанію замѣчательнѣйшихъ фактовъ пастырской дѣятельности іерарховъ того времени касательно духовенства, дѣятельности преимущественно съ цѣлію возвышенія нравственнаго уровня въ духовенствѣ и утвержде-

[1]) Золотая монета равнялась нашимъ 3 р. 85 к., а серебряная 27 к. (См. Греческая и Римская метрологія, стр. 29. Моск. 1873 г.).

[2]) Zachariae. Jus Gr.—Romanum, Coll. IV, nov. 1, p. 323.

[3]) Ibidem. nov. 27, p. 366.

[4]) Ibidem. nov 1, p. 322, nov 27, p. 366.

нія дисциплины въ немъ. Первое мѣсто здѣсь нужно отвести неутомимому архипастырю — Фотію. Дань уваженія его пастырской заботливости не могутъ не отдавать даже его заклятые враги, какъ напр. католическій писатель Гергенрётеръ. Этотъ писатель не безъ пафоса говоритъ о Фотіи: „какъ византійская архитектура достигла тогда (въ IX вѣкѣ) высшей степени процвѣтанія, такъ и іерархъ востока (Фотій) стоялъ на высшей степени своей славы“ [1]). И хотя Гергенретеръ заподозрѣваетъ его пастырскія добродѣтели въ фальшивости, однакожъ онъ не можетъ не признавать пастырскаго величія Фотія. „Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ, многоопытный, одаренный необыкновенною проницательностію, Фотій могъ быть прекраснымъ совѣтникомъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, и мудрымъ руководителемъ душъ. И до днесь многіе изъ его писемъ служатъ образцомъ и свидѣтельствомъ его практическаго пастырскаго такта; полныя увѣщаній, одобреній и укоризнъ, они изображаютъ добродѣтели и пороки сильнѣйшими красками, они научаютъ и назидаютъ, осуждаютъ и наказываютъ съ важностью и достоинствомъ апостола“ [2]). Посмотримъ, въ чемъ выразилась эта пастырская дѣятельность Фотія. Прежде всего, онъ старался, сколько это возможно было, удержать клиръ отъ пороковъ и небреженія о своихъ обязанностяхъ, и побудить его къ пріобрѣтенію должнаго образованія; въ этихъ стремленіяхъ поддерживали Фотія многіе изъ ученыхъ митрополитовъ и епископовъ. Однакожъ Фотію приходилось въ этомъ случаѣ бороться со всѣми трудностями. Онъ хотѣлъ первѣе всего, чтобы духовенство хорошо понимало священное писаніе, въ особенности псалмы, которые чаще всего употребляются при богослуженіи. При объясненіи псалма 140: „Господи воззвахъ къ Тебѣ услыши мя“, Фотій замѣчалъ: „всѣ знаютъ слова изъ этого псалма, всѣ (духовные) всегда, во всѣхъ возрастахъ поютъ его, но смыслъ словъ отчасти вовсе не понимаютъ, что не мало должно осуждать.

[1]) Hergenröther. ibidem, Band 2. p. 669.
[2]) ibidem s. 725.

Ежедневно поютъ псаломъ и не однажды не возмутъ на себя труда вникнуть въ смыслъ поемаго, а это есть крайняя лѣность и небрежность. Постоянно, съ ранней юности и до преклонныхъ лѣтъ, твердятъ псаломъ, и однакожъ наизустъ знаютъ только одни слова, а не смыслъ. Это значитъ тоже, что сидѣть возлѣ скрытаго сокровища или носить съ собою запечатанное письмо; ни разу не пробудится у нихъ любопытство узнать какой смыслъ словъ" [1]). Сознаніе недостаточности образованія въ духовенствѣ побуждаетъ Фотія — дать возможность оному пріобрѣтать должное просвѣщеніе; школа его собственная, въ которой учились его друзья, была лучшимъ средствомъ къ устраненію этого недостатка. Заботясь объ образованіи духовенства, Фотій въ тоже время не упускалъ изъ виду и дисциплину клира. Замѣчалъ ли патріархъ нравственные недостатки въ монахахъ или духовенствѣ, онъ всегда является со словомъ вразумленія и обличенія. Такъ монаха и врача Акакія онъ увѣщаваетъ къ борьбѣ съ нечистыми мыслями чрезъ постоянную молитву, воздержаніе, дѣла благотворенія и смиреніе. Также онъ предостерегаетъ его противъ тщеславія и гордости, которыя дѣлаютъ человѣка глупымъ и собственнымъ своимъ врагомъ [2]). Другому монаху по имени Исакію онъ напоминаетъ о томъ, что „онъ уже старъ и однакожъ не созрѣлъ для неба; пусть онъ теперь—вразумляетъ патріархъ— хоть поздно принесетъ плоды покаянія и не будетъ приносить болѣе тернія и плевелъ, и пусть помышляетъ о вѣчности и о мукахъ ада" [3]). Фотій съ другой стороны старается искоренять недостатки и пороки, которые вкрадывались въ духовное сословіе. Съ особенною силою вооружался онъ противъ пьянства. Одному діакону, Георгію, онъ писалъ: „Павелъ видѣвшій и тайноводствующій въ неизглаголанномъ поставляетъ пьянство вдали отъ царствія Божія. Если же пьяницы царствія Божія не наслѣдятъ (1 Кор. 6, 10), то что пользы тебѣ въ томъ, что ты, какъ говоришь,

[1]) Въ сочиненіи Photii amphilochia. Hegrenröther. Band. 2, s. 587.
[2]) Epistolae Photii. Migne ibidem. p. 895—898.
[3]) Epistolae Photii. ibidem.

не рабъ другихъ грѣховъ? Да это и невозможная вещь, чтобы кто-либо, ослѣпленный чрезъ пьянство, не спотыкался на каждый камень, не становился рабомъ всѣхъ страстей". Того же діакона Фотій изобличаетъ въ роскоши жизни и въ сребролюбіи. „Меланѳъ актеръ, — писалъ патріархъ этому діакону, — былъ настолько прожорливъ, что его печалило, что онъ не имѣетъ такой длинной глотки, какъ у свиньи, дабы сколько возможно продлить наслажденіе низвергающимися въ его пасть яствами. Но если бы — замѣчаетъ патріархъ — онъ обѣдалъ за твоимъ столомъ, то я увѣренъ, онъ нашелъ бы врачество въ своей печали и сталъ бы желать только того, чтобы не такъ много употреблять времени на твой столъ и на твои кушанья. А что же дѣлать? Лучше всего придерживаться изреченія: „ничего въ чрезмѣрности" (μηδὲν ἄγαν). Обличая сребролюбіе того же діакона, Фотій писалъ ему: „ты любишь деньги, и однакожъ не любишь добродѣтели. Чрезъ любовь ко злу ты уничтожаешь любовь къ добру. Если бы ты уничтожилъ пламя корыстолюбія, душа твоя стала бы приносить и надлежащій плодъ" [1]). Нѣкоторыя правила, составленныя Фотіемъ въ руководство своей церкви имѣютъ въ виду нравственное возвышеніе и усовершеніе духовенства его времени. Такъ патріархъ дѣлаетъ слѣдующее распоряженіе на случай, если какой либо епископъ посвятитъ во священники прелюбодѣя. „Если епископъ завѣдомо прелюбодѣя посвятитъ въ св. должность, въ такомъ случаѣ епископъ лишается и епископскаго и пресвитерскаго достоинства. Если же онъ сдѣлаетъ это по невѣдѣнію и, узнавши о своей ошибкѣ запретитъ священнослуженіе виновному, а потомъ снова позволитъ таковому священнодѣйствовать, то онъ самъ на нѣкоторое время подлежитъ запрещенію. Впрочемъ это временное запрещеніе обращается въ постоянное, если заслуги и добродѣтели епископа не оправдываютъ его въ подобномъ преступленіи" [2]). О томъ же стремленіи патріарха блюсти чистоту духовнаго сана свидѣтельствуетъ и слѣдующее рас-

[1]) Epistolae Photii. ibidem. p. 869—872.
[2]) Epistolae Photii. ibidem. p. 787—790.

поряженіе его. Фотію предлежало разрѣшить вопросъ: позволительно ли священникамъ и діаконамъ жить съ такими женами, которыя были въ плѣну и были здѣсь обезчещены? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Фотій различаетъ два случая: возможно, что жены обезчещены были насильственно, но возможно, что они потеряли честь по своему согласію. Въ первомъ случаѣ патріархъ позволяетъ принимать священнослужителямъ своихъ женъ въ сожительство, во второмъ не позволяетъ. А лучше всего совѣтуетъ въ подобныхъ случаяхъ, во избѣжаніе народнаго соблазна, разлучиться такимъ супругамъ по взаимному согласію [1]). Патріархъ александрійскій Христодулъ извѣстенъ также своею архипастырскою дѣятельностію. Онъ предписываетъ, что священникъ, не находившійся въ церкви при началѣ литургіи, не можетъ входить въ алтарь, не можетъ касаться рукой евхаристической жертвы; кромѣ того, тотъ же патріархъ издаетъ многія правила о соблюденіи поста и о благоговѣйномъ приступленіи къ таинству евхаристіи [2]). Патріархъ этотъ жилъ въ X вѣкѣ. Ревностнаго пастыря, заботящагося о нравственной высотѣ клира находимъ въ XI вѣкѣ въ лицѣ Михаила Керуларія. Вотъ напр. какое распоряженіе издаетъ онъ, когда узналъ, что жена одного священника впала въ прелюбодѣяніе и имѣла плодъ отъ своего преступленія. Патріархъ повелѣваетъ, чтобы священникъ разлучился съ своею женою, если хочетъ продолжать священнослуженіе, а въ случаѣ, если онъ оставитъ свою жену въ своемъ домѣ, онъ подлежитъ запрещенію. Относительно ребенка же дѣлаетъ такое распоряженіе: священникъ двѣ трети изъ приданаго жены удержать долженъ на содержаніе его, а остальную треть приданаго нужно внести въ монастырь, куда должна будетъ поступить преступная жена [3]). Многіе и другіе пастыри тогдашней церкви заявляли себя ревностнымъ блюденіемъ интересовъ духовенства и церкви. Мы знакомы уже съ дѣятельностію патріарховъ: Меѳодія, Игнатія, Николая Мистика, Поліевкта. Нѣ-

) Hergenröther. ibidem. Band 3, s. 140.

[3]) Ceillier. Histoire auteurs sacres, tom. XX, p. 73.

[4]) Ceillier. ibid. t. XX, p. 387.

которые изъ нихъ съ неусыпностію стражей проходили свое служеніе церкви; это въ особенности можно сказать о Николаѣ Мистикѣ; его жизнь была неустаннымъ подвигомъ самаго бодрственнаго пастырскаго служенія.

VII.

Заслуживаетъ упоминанія борьба, какую вели пастыри изучаемаго времени противъ ересей. Церковь частію ведетъ борьбу съ прежде явившимися ересями, частію ратуетъ противъ вновь возникшихъ. Изъ прежнихъ ересей, которыя находили себѣ еще приверженцевъ—съ монофизитскою борется Фотій, съ иконоборческою Меѳодій, Игнатій и Фотій. Отъ послѣдняго сохранилось до насъ письмо, въ которомъ онъ одного монаха Ѳеофана побуждаетъ къ борьбѣ съ иконоборцами на о. Сициліи. Эта партія пріобрѣла здѣсь силу, благодаря вліянію одного государственнаго чиновника. Фотій писалъ ему: „чрезъ твои священныя уста, а равно и уста другихъ защитниковъ истины да низвержетъ св. Троица этого безбожника съ его двумя единомышленными родственниками“. Въ этомъ письмѣ онъ дѣлаетъ краткое опроверженіе ереси; онъ находитъ, что, признавая Христа неописуемымъ и человѣкообразно непредставляемымъ, иконоборцы тѣмъ самымъ дѣлаютъ Христа только Богомъ и отрицаютъ его вочеловѣченіе [1]). Сохранились свѣдѣнія также о борьбѣ, какую велъ съ иконоборцами соборъ 869 года, созванный при Игнатіѣ. На этотъ соборъ прежде всего былъ приглашенъ престарѣлый глава этой партіи нѣкто Ѳеодоръ Критинъ. Государственный сановникъ Ваанесъ подалъ ему монету съ изображеніемъ императора и спросилъ его: принимаетъ ли онъ эту монету. Ѳеодоръ отвѣчалъ, что онъ принимаетъ ее со всякимъ почтеніемъ, такъ какъ императорскую монету слѣдуетъ почитать, а не безчестить. Ваанесъ при этомъ пользуется аргументомъ уже не разъ прежде употреблявшимся въ борьбѣ съ иконоборцами: „если ты

[1]) Epistolae Photii, ibidem. p. 923 и д.

образъ смертнаго владыки не пренебрегаешь, но почитаешь, какъ осмѣлишься ты пренебрегать богочеловѣческій образъ Господа нашего Іисуса Христа, образъ Его матери истинной Богородицы и прочихъ святыхъ? Хочешь ли ты почитать ихъ или нѣтъ? Θеодоръ заявилъ о своей покорности и благодарности императору, но прибавилъ, что объ изображеніи императора онъ вполнѣ знаетъ, что это изображеніе именно императора, а объ изображеніяхъ Христа онъ ничего подобнаго не знаетъ, не знаетъ даже, принятіе ихъ есть ли заповѣдь Христа и даже угодно ли оно Ему? Еретикъ остался при своемъ убѣжденіи. Тогда представлены были другіе приверженцы иконоборства: клирикъ Никита, юристъ Θеофанъ и нѣкто Θеофилъ. Эти оказались уступчивѣе. Они отказались отъ иконоборчества и произнесли анаθему на главныхъ виновниковъ и поборниковъ его [1]). Изъ того, что на указанный соборъ представлено было такъ мало иконоборцевъ, нужно думать, что ересь эта въ Константинополѣ въ это время доживала свои послѣдніе дни. Впрочемъ соборъ не ограничился сейчасъ разсказаннымъ, но постановилъ еще два правила противъ иконоборцевъ. Въ этихъ правилахъ говорилось, что изображенія Христа должно почитать также какъ евангеліе и крестъ, потому что какъ эти, такъ и тѣ, равно приводятъ намъ на память искупленіе и Искупителя. Кто образъ Христа, Его Матери и святыхъ не почитаетъ, тотъ лишается церковнаго общенія и теряетъ надежду на спасеніе [2]).

Ересь павликіанъ, гностико-дуалистическаго характера, хотя не принадлежала къ новымъ ересямъ, однакожъ сильно распространена была въ церкви; и церковь ведетъ дѣятельную полемику съ ними. О патріархѣ Фотіи полагаютъ, что онъ полемизировалъ противъ павликіанъ съ церковной каθедры; направлялъ противъ нихъ цѣлый рядъ церковныхъ бесѣдъ, изъ которыхъ потомъ и составилась его книга противъ этихъ еретиковъ. Въ чемъ состояли эти бесѣды, объ этомъ можно догадываться на основаніи введенія къ сочиненію Фотія „противъ павликіанъ“. Съ одной стороны, такъ

[1]) Labbei. Concilia, tom VIII. p. 1104—8.

[2]) Labbei. ibidem, правила 3 и 7 p. 1127—8. 1130.

какъ распространялись невѣрные и противорѣчащіе толки относительно ереси и ея происхожденія, то Фотій принялъ на себя трудъ сообщить вѣрныя понятія объ ереси на основаніи сказаній лицъ прежде принадлежавшихъ къ ереси, а потомъ обратившихся къ церкви. Съ другой стороны, такъ какъ мнѣнія враговъ истины находили себѣ пріемъ у вѣрующихъ, служили соблазномъ для нихъ, то Фотій берется за опроверженіе мнѣній еретическихъ и аргументовъ, какими еретики защищали лжеученіе. Изъ этого можно видѣть, что церковныя бесѣды Фотія противъ павликіанъ были историко-полемическаго характера [1]).

Намъ остается сказать еще о нѣсколькихъ еретикахъ этого времени, мало извѣстныхъ въ исторіи, но мнѣнія которыхъ однакожъ сильно смущали церковь и надѣлали немало хлопотъ вождямъ церкви. Скажемъ прежде всего объ одномъ софистѣ, прозванномъ Италомъ, произведшемъ своими идеями смятеніе въ Константинополѣ, въ царствованіе Михаила Дука и Алексѣя Комнина. Этотъ Италъ является въ Константинополѣ, сначала въ роли философа, а потомъ еретика. Онъ былъ родомъ изъ Италіи, получилъ недостаточное образованіе, но за то при своемъ невѣжествѣ онъ былъ смѣлъ и назойливъ, былъ большимъ говоруномъ и ловкимъ диспутантомъ. Съ родины своей онъ отправляется въ Константинополь, чтобы испробовать счастія. Счастіе дѣйствительно повернуло къ нему свое лицо. Константинополь въ это время не имѣлъ такой серьезной философской науки, какою славна была древняя Эллада. Пустая діалектика замѣняла здѣсь истинную философію. И однакожъ эта діалектика интересовала не только ученыхъ того времени, но и массы народныя. Въ такомъ обществѣ, какъ константинопольское, Италъ безъ особеннаго труда пріобрѣтаетъ себѣ славу философа. Онъ сначала было примкнулъ къ главѣ философовъ того времени Пселлу, но потомъ отдѣлился отъ него и составилъ свою школу. Италъ имѣлъ большой успѣхъ; даже дворъ Михаила Дука не оставался въ сторонѣ, но интересовался бреднями Итала. Италъ затѣмъ теряетъ довѣріе у правительства: онъ сдѣлался измѣнникомъ во время

[1]) Hergenröther. ibidem. Band. I. s. 477; Band. 3. s. 144. 145.

войны грековъ съ Робертомъ, предводителемъ итальянскихъ войскъ, и бѣжалъ въ Римъ. Тѣмъ не менѣе это не порвало связей нашего авантюриста съ Константинополемъ. При помощи своихъ друзей при дворѣ константинопольскомъ онъ примирился съ императоромъ [1]), и снова является въ столицѣ восточной имперіи. Здѣсь онъ на этотъ разъ съ еще большею смѣлостію выступаетъ въ качествѣ философа. Число учениковъ его растетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и смущеніе въ городѣ. Дѣло въ томъ, что Италъ началъ распространять нѣкоторыя еретическія мысли: онъ училъ о душепереселеніи, перемѣшивалъ христіанскія идеи съ древне-платоническими и вооружался на св. иконы. Соборъ, изслѣдовавъ его мнѣнія, нашелъ ихъ соблазнительными и еретическими. Для вразумленія и наставленія въ истинѣ онъ отданъ былъ патріарху Евстратію Гаридѣ. Но къ великому соблазну для народа и церкви, недалекій въ умственномъ отношеніи патріархъ не только не обратилъ еретика къ истинѣ, но и самъ сдѣлался послѣдователемъ Итала. Духовенство возстало на патріарха, народъ толпами собрался къ патріаршему дому, угрожая патріарху выбросить его за окно. Тогда императоръ Алексѣй поручилъ духовенству составить списокъ заблужденій Итала. Указано было 11 пунктовъ его ученія, несогласныхъ съ Священнымъ Писаніемъ и преданіемъ. Еретикъ вынужденъ былъ въ церкви св. Софіи съ амвона торжественно проклясть свое ученіе. Но этимъ дѣло не кончилось. Италъ снова сталъ пропагандировать свои идеи. Составленъ былъ соборъ противъ еретика, который осудилъ его ученіе и предалъ еретика анаѳемѣ. Послѣ этого еретикъ утихъ [2]). Недостойный патріархъ Евстратій Гарида замѣненъ новымъ патріархомъ Николаемъ Грамматикомъ, человѣкомъ добродѣтельнымъ и хорошаго образованія.

Въ царствованіе того же императора Алексѣя исторія встрѣчается съ другимъ еретикомъ—Ниломъ, тоже вызвавшимъ смуту въ обществѣ константинопольскомъ. Нилъ былъ

[1]) Въ это время императоромъ былъ уже Алексѣй Комнинъ.

[2]) Анна Комнина. Сказаніе о дѣлахъ царя Алексѣя Комнина. Переводъ. Часть I, стр. 245 — 254. Le Beau. Histoire de Bas - Empire tome XV, p. 163—165.

отшельникомъ изъ Египта; образованіе его было недостаточное, но онъ былъ также смѣлъ какъ Италъ; притомъ же онъ пользовался репутаціей человѣка строго добродѣтельной жизни. Занятый чтеніемъ Священнаго Писанія въ своей кельѣ,—Свящ. Писанія, которое онъ мало разумѣлъ, Нилъ однакожъ считалъ себя человѣкомъ, назначеннымъ просвѣщать свѣтомъ истины другихъ. Онъ покидаетъ свою келью и является въ Константинополѣ. Его строгая, суровая рѣчь пріобрѣтаетъ себѣ скоро многочисленныхъ слушателей. Женщины спорили между собою изъ-за чести — пригласить къ себѣ этого новаго пророка и послушать его. Онъ принимаетъ на себя роль новаго апостола и хочетъ посвящать своихъ слушателей въ тайны религіи.

Темнота его рѣчи казалась глубиной, грубый языкъ—евангельскою простотою. Цитированіе изъ апокрифовъ для многихъ изъ его слушателей казалось верхомъ учености Нила. Главное заблужденіе Нила касалось ученія о соединеніи двухъ естествъ въ Іисусѣ Христѣ. Онъ рѣшалъ этотъ вопросъ въ смыслѣ монофизитскомъ. Императоръ Алексѣй лично было вступилъ въ объясненія съ Ниломъ въ цѣляхъ отвлечь его отъ ереси, но напрасно. Нилъ объявилъ, что онъ готовъ претерпѣть темницу, ссылку, наказанія, лишиться одного за другимъ всѣхъ членовъ тѣла своего, но что онъ не откажется отъ своихъ мнѣній. Тогда еретикъ преданъ былъ суду церковному. Соборъ въ Константинополѣ, разсмотрѣвъ ученіе Нила, нашелъ его еретическимъ, и когда еретикъ не хотѣлъ отказаться отъ своихъ заблужденій, наложилъ на него анаѳему [1]).

VIII.

Говоря о духовенствѣ IX, X и XI вѣка и его состояніи, считаемъ не лишнимъ бросить взглядъ на условія развитія церковнаго законодательства этого времени. Церковь разсматриваемаго времени продолжаетъ развивать законодательную дѣятельность. Съ церковно-исторической точки зрѣнія чрезвычайно интересно наблюдать, въ какой тѣсной связи законодательная дѣятельность церкви стояла съ замѣчатель-

[1]) Le Beau. ibidem p. 280—281.

нѣйшими церковными движеніями даннаго времени. Эта дѣятельность принимала такую, или другую окраску, смотря потому, такія или другія лица, такого или другаго характера и направленія стояли у кормила церковнаго. Замѣчательнѣйшими церковными явленіями изучаемаго времени была борьба фотіанъ и игнатіанъ, и вотъ церковная законодательная дѣятельность отпечатлѣваетъ характеръ этихъ борьбъ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ первѣе всего на соборъ 861 года и его законодательную дѣятельность. Соборъ этотъ собранъ партіею Фотія, а потому и каноны этого собора отпечатлѣваютъ на себѣ интересы и виды этой партіи. Соборъ 861 года издалъ 17 каноновъ. Изъ нихъ замѣчательны каноны, составленные съ цѣлію подчинить строгой дисциплинѣ монаховъ. Монахи, какъ видно изъ этихъ каноновъ, допускали многіе безпорядки, напр. многіе изъ нихъ безъ позволенія начальства, самовольно оставляли монастыри и проживали въ частныхъ домахъ и проч. Соборъ Фотія употребляетъ многія мѣры каноническія противъ безпорядковъ монашескихъ; и это потому, что партія Фотія не была слѣпою поклонницею монашескаго института; она шла по путямъ патріарха Меѳодія, который тоже заявилъ себя справедливою борьбою съ распущенностію монаховъ [1]). И другіе каноны этого собора носятъ печать интересовъ, которыми одушевлена была партія Фотія. Такъ какъ нѣкоторые пресвитеры и епископы, приверженные къ Игнатію, не хотѣли признавать Фотія патріархомъ, то соборъ поставляетъ нѣсколько каноновъ противъ подобнаго самочинія и произвола, хотя и не упоминаетъ имени партіи, противъ которой направлялись правила. Напр. правило 13 гласитъ: „если который пресвитеръ или діаконъ, по нѣкоторымъ обвиненіямъ зазрѣвъ своего епископа прежде соборнаго изслѣдованія и совершеннаго осужденія его, дерзнетъ отступить отъ общенія съ нимъ, таковый да подвергнется изверженію и да лишится всякія священническія чести. Послѣдующіе же таковому также да лишены будутъ своей чести“. Соборъ (пр. 14) также полагаетъ подобное же наказаніе и епископу,

[1]) Іоанна архимандрита (епископа), Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія. Выпускъ второй, стр. 552—560.

если онъ при такихъ же условіяхъ будетъ отказываться отъ общенія съ митрополитомъ, и митрополиту—если онъ будетъ отказываться отъ общенія съ патріархомъ [1]). Далѣе извѣстно, что Игнатій, мѣсто котораго занялъ Фотій, былъ скопецъ. Поэтому соборъ, быть можетъ, также въ интересахъ своей борьбы съ Игнатіемъ постановляетъ слѣдующее правило: „правило св. апостолъ признаетъ скопящихъ самихъ себя за самоубійцъ, и если они священники низвергаетъ, если же не священники, заграждаетъ имъ доступъ къ священству" [2]). Замѣчательно также правило (17) этого собора, которымъ воспрещается впредь возводить прямо изъ мірскаго состоянія въ епископское достоинство. „Мы опредѣлили, чтобы впредь никто изъ мірянъ или монаховъ не былъ внезапно возводимъ на высоту епископства, но чтобы каждый, по испытаніи прежде въ церковныхъ степеняхъ, воспринималъ рукоположеніе во епископа" [3]). Какъ извѣстно, Фотій былъ посвященъ прямо изъ мірянъ въ епископа. Онъ въ 6 дней прошелъ всѣ церковныя должности, подготовляющія къ епископству. Этимъ недоволенъ былъ папа, когда Византія вошла съ нимъ въ сношенія по дѣлу о низверженіи Игнатія. Теперь, чтобы помирить съ Фотіемъ папу, соборъ 861 года и поставляетъ правило, которое должно было, повидимому, свидѣтельствовать о готовности востока внимать совѣтамъ папскимъ. Что это правило составлено было именно въ этихъ видахъ,—это можно заключить изъ того, что тѣ же фотіане позднѣе отвергли это правило, когда папы сдѣлались уступчивѣе въ отношеніи къ нимъ [4]). Впрочемъ соборъ составляетъ нѣсколько и такихъ правилъ, которыя, отвѣчая нуждамъ времени, однако же не служили прямо интересамъ партіи фотіанъ [5]).

Законодательною дѣятельностію заявляетъ себя соборъ 869 года, собранный Игнатіемъ и игнатіанами. Дѣятельность эта снова носитъ характеръ той патріи, которая собрала соборъ. Большинство каноновъ этого собора прямо направ-

[1]) Іоанна архимандр. ibidem. стр. 565—6.

[2]) Ibidem. стр. 561.

[3]) Ibidem. стр. 569.

[4]) Опытъ курса законовѣднѣія, ibid. стр. 563, 564.

[5]) Hergenröther. ibidem. Band. 2. s. 484—4. (Изъ дѣяній собора 879 г.).

лено противъ Фотія и его приверженцевъ. Такъ какъ далѣе партія Игнатія опиралась въ своей борьбѣ на авторитетъ папы, то второй канонъ этого собора постановляетъ, чтобы всѣ декреты папъ Николая и Адріана, выданные во время смутъ фотіанскихъ и игнатіанскихъ, были соблюдаемы въ церкви подъ опасеніемъ низверженія для лицъ духовныхъ и анаѳематствованія для лицъ мірскихъ и монашескаго чина [1]). Канонъ этотъ служитъ очевиднымъ выраженіемъ благодарности игнатіанъ папѣ. До какой степени соборъ 869 года простиралъ въ своихъ канонахъ борьбу съ фотіанами, это въ особенности видно изъ слѣдующаго (7) правила: „запрещается лицамъ анаѳематствованнымъ заниматься рисованіемъ иконъ и брать на себя должность учительства въ духовныхъ и свѣтскихъ наукахъ, подъ опасеніемъ церковнаго прещенія“ [2]). Рѣчь идетъ очевидно о тѣхъ изъ приверженцевъ Фотіевой партіи, которые извѣстны были художническимъ талантомъ или педагогическими способностями. А такихъ было не мало въ партіи фотіанъ, отличавшейся солиднымъ образованіемъ. Нужно замѣтить, правила этого собора не приняты послѣдующею церковію его въ составъ своего законодательства.

Какъ извѣстно, партія Фотія наконецъ восторжествовала; выраженіемъ этого торжества былъ соборъ 879 года. Правилъ этого собора не много: три. Но и эти правила, именно два изъ нихъ, даютъ ясно понять своимъ содержаніемъ о той церковной византійской партіи, которая заправляла ходомъ соборныхъ дѣлъ въ это время. Партія эта съ рѣшительностію стояла за принципъ равенства патріарха константинопольскаго съ римскимъ папою и съ этой точки зрѣнія отвергала всякій высшій папскій авторитетъ. Неудивительно послѣ этого, если первымъ канономъ этого собора съ особеннымъ удареніемъ уравниваются въ своихъ правахъ патріархъ константинопольскій и папа римскій. Канонъ этотъ гласитъ: „если которые изъ Италійскихъ клириковъ, или мірянъ, или епископовъ подверглись или анаѳемѣ, или низверженію изъ сана отъ папы Іоанна (тогдаш-

[1]) Labbei. Concilia. tom VIII, p. 1127.

[2]) Labbei. ibidem. p. 1130—1131.

няго папы), то да будутъ и отъ патріарха константинопольскаго подвержены той же степени церковнаго наказанія. И наоборотъ, если кто изъ клириковъ, мірянъ или епископовъ будутъ подвержены проклятію и низверженію патріархомъ константинопольскимъ Фотіемъ, тѣхъ и папа съ своею церковію долженъ признавать находящимися подъ тѣмъ же наказаніемъ". Правило заключалось такими словами: „притомъ въ преимуществахъ принадлежащихъ престолу церкви римской и ея предстоятелю совершенно да не будетъ никакого нововведенія ни нынѣ, ни послѣ" [1]). Цѣль и значеніе правила ясны какъ нельзя болѣе. Въ объясненіе характера и свойствъ третьяго правила этого собора, должно замѣтить: Фотій и фотіане немало пострадали отъ несправедливостей лицъ свѣтскихъ, они подвергались отъ этихъ послѣднихъ и униженіямъ и страданіямъ, когда Василію императору вздумалось возстановить низверженнаго патріарха Игнатія. Поэтому, торжествуя свою побѣду надъ партіей игнатіанъ, соборъ 879 года, кажется, желалъ заявить и о томъ, какъ мало справедливаго было въ отношеніяхъ мірской власти къ власти церковной, въ отношеніяхъ, какія выразились со стороны правительства Василіева къ фотіанамъ. Въ этихъ видахъ составленъ былъ на соборѣ такой канонъ: „если кто изъ мірянъ воспреобладавъ и поругавшись надъ церковными уставами, дерзнетъ бить, или заключать въ темницу епископа или безъ вины или подъ вымышленными предлогами, таковый да будетъ анаѳема [2]).

Изъ этихъ приведенныхъ нами фактовъ развитія церковнаго законодательства нашего времени видно, въ какой неразрывной связи находилось законодательство это со всѣми важнѣйшими сторонами остальной жизни церковной.

Какъ замѣчательнѣйшее произведеніе церквнаго законодательства теперешняго времени должно упомянуть—„Номоканонъ" патріарха Фотія. Номоканонъ—это сборникъ законовъ церковныхъ и гражданскихъ узаконеній, касающихся церкви. Этотъ трудъ Фотія въ послѣдствіи достигаетъ высокаго уваженія въ церкви восточной.

[1]) Опытъ курса церк. законовѣдѣнія iblid. стр. 573. Labbei. ibidem. p. 1525—6.

[2]) Опытъ курса церковн. законовѣдѣнія, ibidem. стр. 577.—Labbei. bidem. p. 1525—6.

Византійская образованность вообще, богословская наука и литература въ частности.

Умственная дѣятельность Византійской имперіи въ эпоху IX, X, XI вѣка, по сознанію нѣкоторыхъ ученыхъ, находилась на довольно высокой степени своего развитія. Этотъ фактъ тѣмъ поразительнѣе, что предшествующая эпоха мало подготовляла такой успѣхъ. Предшествующая эпоха въ Греціи—это была пора господства такъ называемаго иконоборства. Сколько бы ни старались оптимисты видѣть въ иконоборствѣ какую-то попытку просвѣщеннаго характера, что-то въ родѣ гуманизма и реформаціи на западѣ, подобный взглядъ для серіозной науки остается и останется не болѣе, какъ иллюзіей. Сто лѣтъ бушевало иконоборство, и это quasi просвѣщенное движеніе, какъ буря, въ конецъ низвергаетъ остатки научнаго просвѣщенія на востокѣ. Иконоборство положило свою разрушительную руку на ученость, науку, искусство и культуру. Нѣтъ слова, и раньше наука въ Греціи довольно таки поувяла, но все же она продолжала жить въ монастыряхъ и школахъ духовныхъ, иконоборство же въ своей фальшивой ревности противъ иконопочитанія, какъ идолослуженія, только и дѣлало, что стремилось искоренить, уничтожить эти послѣдніе пріюты образованности. Да и могло ли быть иначе? Иконоборцы—это были грубые солдаты, варварская толпа народная, которые не могли имѣть никакихъ симпатій къ наукѣ и искусству; даже прямо ненавидѣли и враждовали противъ нихъ, какъ средствъ, которыми пользовались иконопочитатели въ борьбѣ съ ними. Иконоборцы заявили себя тѣмъ, что, бо-

рясь съ монахами и духовенствомъ противной партіи, боролись въ лицѣ ихъ съ послѣдними учителями школъ, переписчиками книгъ, почитателями искусства и учености,— тѣмъ, что закрывали школы, которыя продолжали еще существовать, расхищали или уничтожали библіотеки. Извѣстенъ разсказъ, что Левъ Исаврянинъ сжегъ въ Константинополѣ цѣлую громадную библіотеку вмѣстѣ съ 12 учеными профессорами при ней и директоромъ (икуменикосъ) ея [1]); пусть этотъ фактъ не вполнѣ достовѣренъ, однакожъ онъ говоритъ ту несомнѣнную истину, что во времена перваго иконоборца императора ученыя учрежденія были въ пренебреженіи и заброшены. Не лучше было при Константинѣ Копронимѣ; онъ простеръ свое преслѣдованіе на монаховъ не только въ Константинополѣ, но и въ провинціяхъ; но это прежде всего вело къ тому, что богатыя сокровищницы книгъ въ монастыряхъ дѣлались жертвою фанатизма иконоборцевъ. Одинъ изъ ревностныхъ исполнителей воли Константина въ провинціи распоряжался слѣдующимъ образомъ съ монастырскими библіотеками: сочиненія отеческія сжигалъ, а прочія сочиненія, сочиненія классиковъ, хотя и не сжигалъ, однакожъ распродавалъ [2]). Только къ концу иконоборческаго господства, со временъ Льва Армянина и иконоборцы начинаютъ придавать значеніе наукѣ, но и это не во имя самой науки, а въ видахъ болѣе успѣшной борьбы съ иконопочитателями [3]). Такимъ образомъ вообще наука послѣ временъ иконоборческихъ должна была начинать свое дѣло чуть не съ самаго начала, возсоздаваться какъ бы послѣ опустошительнаго пожара. Это однакожъ не помѣшало умственной дѣятельности раскрыться и достигнуть значительной зрѣлости съ средины IX вѣка. Византійская культура около средины IX вѣка поднимается отъ своего глубокаго паденія, въ которомъ она на-

[1]) Theophanes. Chronographia p. 817. (Migne. Cursus patr. Graeca ser. t. 108). См. объ этомъ въ моемъ сочиненіи: „Исторія послѣдиихъ 4-хъ вселенскихъ соборовъ“ стр. 239.

[2]) См. въ выше названномъ моемъ сочиненіи, стр. 269.

[3]) Иконоборческій императоръ Ѳеофилъ открываетъ школу изъ видовъ суетнаго тщеславія. Schoell. Hist. de litteratur Greque. tome 6, p. 20—21, edit. 2.

ходилась быстро и совершенно неожиданно. И казалось, эта умственная дѣятельность въ такой же мѣрѣ поднималась и возрастала съ этого времени, въ какой все болѣе и болѣе падала и понижалась государственная и народная жизнь той же Византійской имперіи. Теперь греки, какъ бы пробудившись отъ глубокаго сна, сознали, какъ непроизводительно прошли для ихъ духовной жизни предшествующіе вѣка, какими банкротами въ отношеніи умственной жизни стали они,—и съ новою энергіею обратились къ тому богатому наслѣдію, какое завѣщано имъ отъ языческихъ предковъ и христіанскихъ мыслителей, какъ плодъ многовѣковаго труда. Они старались извлечь эти сокровища изъ пыли библіотекъ и принялись за это дѣло съ одушевленіемъ, прилежаніемъ и гордостію, что владѣютъ такимъ наслѣдіемъ; этотъ фактъ тѣмъ изумительнѣе, что порывъ къ учености и образованности не былъ мимолетнымъ феноменомъ, но одушевлялъ поколѣнія въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ.

Разумѣется, при этомъ вовсе не думали, не имѣли притязаній на возвращеніе временъ Гомера и Гезіода, Софокла и Демосѳена, Платона и Аристотеля. Съ другой стороны также мало ожидали, чтобы стремленіе къ умственной жизни сдѣлало возможнымъ повторить блестящій вѣкъ процвѣтанія богословія—вѣкъ Аѳанасія, отцевъ Каппадокійцевъ и Златоуста. Нѣтъ, теперь думали не о томъ, чтобы воплотить въ себѣ дивный и оригинальный духъ науки временъ прежней Греціи и прежней Византіи, а о томъ, чтобы не быть по крайней мѣрѣ невѣждами въ томъ, что уже создано наукою раньше; теперь много писали и по части богословія и по части свѣтскихъ наукъ, но писали для того, чтобы сдѣлать общимъ достояніемъ науку предковъ. Хотя наука и не сдѣлала въ нашу эпоху новыхъ успѣховъ, но ее знали, понимали, цѣнили, прилежно изучали. А этого было уже не мало.

I.

Чѣмъ же объяснить такое пробужденіе интереса въ византійскомъ обществѣ къ научнымъ работамъ, къ распространенію образованности, какое видимъ въ IX, X, XI вѣкѣ, когда, повидимому, не было уже здѣсь болѣе надежды

ни на что подобное? Это явленіе частію объясняется желаніемъ соперничества у грековъ съ арабами. Арабы вышли изъ страны дикой, но вскорѣ развили въ себѣ вкусъ къ умственнымъ занятіямъ. Въ особенности такой вкусъ получилъ сильное развитіе съ появленіемъ на сценѣ исторической калифовъ изъ дома Абассидовъ. Они окружили себя учеными, собирали греческія рукописи, распространяли переводы этихъ послѣднихъ, заводили школы. Словомъ, они хотѣли насадить у себя науку, и не безъ успѣха. Это было тяжелымъ ударомъ для византійской гордости. Византійцы увидѣли, что наслѣдіе умственное, которое они считали своимъ, помимо ихъ воли, переходило въ руки ихъ враговъ. Это вызвало у нихъ энергію къ занятіямъ умственнымъ, научнымъ и литературнымъ. Они не хотѣли отказываться отъ того, что считали своимъ по преимуществу [1].

Но еще больше значенія, въ вопросѣ о причинахъ развитія научнаго духа съ указаннаго времени, имѣетъ меценатство, которое отличало византійскихъ монарховъ во все теченіе времени съ половины IX вѣка. Монархи не только содѣйствуютъ процвѣтанію наукъ и сами учатся, но, что особенно замѣчательно, подъ часъ являютъ собою рѣдкій примѣръ записныхъ ученыхъ, забывающихъ за научными занятіями свои государственныя дѣла. Первый примѣръ ревностнаго покровительства наукѣ и образованности показалъ въ срединѣ IX вѣка кесарь Варда, дядя императора Михаила III, бывшій дѣйствительнымъ повелителемъ имперіи въ царствованіе этого неспособнаго государя. Не смотря на то, что Варда былъ человѣкомъ очень не высокой нравственности, онъ съ изумительнымъ рвеніемъ посвящаетъ себя такому священному дѣлу, какъ заботы о процвѣтаніи наукъ; онъ первый открываетъ рядъ державныхъ покровителей просвѣщенію. Что же сдѣлалъ Варда въ сказанномъ отношеніи? онъ поднялъ правосудіе, преобразовалъ суды, побуждалъ къ изученію законовъ, почти забытыхъ. Кромѣ того, онъ открылъ въ Константинополѣ высшую школу на подобіе университета, отдалъ подъ нее магнаврскій дворецъ.

[1] Kurtz. Handbuch d. Kirchen geschichte. B. 1. Abtheil. 3, s. 117—19. Ausgabe 2-te. 1858. Bernhardy. Grundriss d. Griech. litteratur. s. 592—3.

Во главѣ школьныхъ учителей сталъ нѣкто Левъ математикъ и философъ, бывшій нѣкогда ѳессалоникскимъ архіепископомъ, но отставленный по подозрѣнію въ иконоборческихъ идеяхъ, человѣкъ вообще замѣчательный по глубокому образованію и учености. Онъ долженъ былъ преподавать въ новоустроенной школѣ философію. Кромѣ философіи здѣсь преподавались геометрія, астрономія и грамматика. Нѣкто Ѳеодоръ читалъ лекціи по геометріи, Ѳеодегій по астрономіи, Кометасъ по греческой литературѣ. Чтобы сдѣлать образованіе общедоступнымъ, Варда сдѣлалъ его безплатнымъ, щедро награждая трудъ профессоровъ. Чтобы поощрить юношей къ наукѣ, онъ самъ часто посѣщалъ лекціи, возбуждалъ научное соревнованіе молодежи чрезъ похвалы и награды. Эта школа дала первыхъ ученыхъ для нашего времени. Впослѣдствіи въ ней видимъ въ качествѣ учителя знаменитаго Фотія, который еще болѣе поднялъ славу этой школы. Вообще, хотя Варда былъ человѣкомъ во многихъ отношеніяхъ не безукоризненнымъ, но исторія просвѣщенія должна съ благодарностью вспоминать объ его заботахъ касательно процвѣтанія наукъ. Школа имѣла, по видимому, исключительно свѣтскій характеръ [1]).

Школы, подобныя константинопольской, Варда устроилъ и въ другихъ большихъ городахъ.

Съ легкой руки Варды дѣло просвѣщенія въ Византійской имперіи пошло быстро и безостановочно. Послѣ Михаила III, при которомъ дѣйствовалъ Варда, на престолъ вступилъ Василій Македонянинъ, первый членъ такъ называемой Македонской династіи въ Византійскомъ государствѣ. Эта династія примѣчательна; она отличалась особенною любовью къ просвѣщенію; изъ нея вышли многіе ученые. Самъ Василій Македонянинъ былъ человѣкомъ безъ образованія, однакожъ, какъ оказалось, умѣлъ цѣнить науку и ея значеніе, далъ прекрасное образованіе своимъ дѣтямъ и

[1]) Theophanes cont. Chronographia. p. 184—5. Edit. Bonn. Genesii. Libri Regum. L. IV, p. 185. Edit. Bonn. Lebeau. Histoire du Bas—empire, tome 13, p. 204—5. Par. 1832. Hergenröther. Photius part. von Constantinopel. B. I. s. 470. Regensburg. Bernhardy. ibidem. s. 593—4.

тѣмъ положилъ начало династіи меценатовъ. Свою любовь къ просвѣщенію Василій между прочимъ выразилъ въ томъ, что онъ приказалъ пересмотрѣть и подвергнуть новой редакціи законодательство. Уложеніе, сдѣланное при немъ, извѣстно съ именемъ „Василики“. Впрочемъ онъ не вовсе былъ чуждъ литературнаго элемента, какъ это можно видѣть изъ того, что онъ написалъ „завѣщаніе къ своему сыну“. Въ этомъ завѣщаніи каждый параграфъ начинается одною изъ такихъ буквъ, изъ совокупности которыхъ слагалось полное имя и императорское титло его старшаго сына (Льва). Завѣщаніе по содержанію есть мораль въ акростихахъ [1]). По отношенію къ нашей задачѣ гораздо значительнѣе царствованіе Льва, сына Василіева, чѣмъ самого Василія. Левъ, питомецъ Фотія, былъ прекрасно образованъ въ наукахъ философскихъ, богословскихъ, литературныхъ и другихъ. Особеннымъ пристрастіемъ отличался Левъ къ языческимъ классикамъ. Эта сильная любовь Льва къ классикамъ навлекла даже на него укоры въ современномъ ему обществѣ (напр. отъ грамматика Константина сицилійскаго). Про Льва говорили, что онъ, подобно Юліану, отказался отъ христіанства, что онъ рѣшительный язычникъ, что онъ презритель Св. Троицы, поклонникъ Зевса и Геры. Императоръ долженъ былъ защищаться противъ подобныхъ укоризнъ. Онъ написалъ апологію, въ которой онъ опровергаетъ лживость всѣхъ подобныхъ обвиненій противъ него [2]). Литературная дѣятельность этого императора изъ дома македонскаго была широка. Онъ написалъ сочиненіе „Oracula“, трактатъ о военной тактикѣ, сочиненіе о тактикѣ корабельной, 23 рѣчи о предметахъ богословскихъ, бесѣду противъ патріарха Фотія, письмо къ калифу Омару объ истинахъ религіи христіанской, плачъ въ ямбическихъ стихахъ о печальномъ состояніи Греціи, размышленіе о страшномъ судѣ. Замѣтимъ еще, что при немъ вышло второе изданіе законодательнаго сборника „Василики“ [3]). Такой любитель

¹) Rambaud. L'empire Grec. au X Siècle p. 62. Paris 1870.

²) Hergenröther. ibidem. B. II, s. 669—70.

³) Rumbaud. ibidem. p. 62—63. Hergenröther. ibid. s. 689—690.

науки и ревностный писатель, какъ Левъ, конечно, употреблялъ должныя мѣры къ процвѣтанію образованности въ свое правленіе въ Византійской имперіи. Что это, дѣйствительно, было такъ,—доказало царствованіе его сына, извѣстнаго Константина Порфирогенита Багрянороднаго, со всѣмъ блескомъ воспользовавшагося тѣми научными силами, которыя выработались въ предшествующее время,—при первыхъ представителяхъ македонской династіи[1]. Онъ сдѣлался царемъ ученыхъ въ цѣломъ сонмѣ ученыхъ.

Императоръ Константинъ Порфирогенитъ, сынъ императора Льва мудраго и племянникъ извѣстнаго хрониста Θеофана, этимъ уже, казалось, предназначенъ былъ играть важную роль въ исторіи просвѣщенія въ Византійской имперіи. И дѣйствительно, онъ и самъ былъ ученъ и ревностно споспѣшествовалъ процвѣтанію науки. Его молодость и зрѣлыя лѣта прошли въ удаленіи отъ дѣлъ государственныхъ: почти до сороколѣтняго возраста Константина государствомъ правила сначала мать его Зоя, а потомъ Романъ I. Константинъ однакожъ не провелъ въ праздности это скучное время своей жизни; онъ посвятилъ свой досугъ наукѣ. Живя уединенно, Константинъ окружилъ себя учеными и артистами, учился у нихъ и участвовалъ въ ихъ трудахъ. Небольшой денежный фондъ, который выдавался ему въ зрѣломъ возрастѣ скупымъ Романомъ, онъ тратилъ на покупку драгоцѣнныхъ рукописей. Среди ученыхъ и благодаря своимъ неусыпнымъ занятіямъ, Константинъ пріобрѣлъ такую ученость, что назывался „libris incumbens“. Наука для него сдѣлалась страстію. Эта страсть не уменьшалась у него и тогда, когда онъ сдѣлался императоромъ, и долженъ былъ принять въ свои руки кормило правленія. Императоръ въ своихъ занятіяхъ науками заходилъ такъ далеко, что вовсе пренебрегалъ занятіями государственными. Константинъ безъ библіотеки не считалъ возможнымъ обойтись даже въ походахъ военныхъ. Нельзя впрочемъ сказать, чтобы Константинъ былъ образованъ образцово въ полномъ смыслѣ. Его образованіе, какъ и вся тогдашняя византійская наука и византійская жизнь, было смѣсью полезнаго

[1]) Schoell. ibid. p. 19. Bernhardy. ibid. s. 97.

съ вреднымъ. Изъ списка библіотеки, какая, по его мнѣнію, должна была находиться въ военномъ походѣ императора, видно, что его образованный вкусъ былъ не безъ недостатковъ. Такъ, въ этомъ спискѣ рядомъ съ книгами церковнаго характера и книгами, касающимися военной тактики, упоминаются напр. такія книги: „книга сновъ“, трактатъ, заключающій предзнаменованія, по которымъ можно избѣгать опасныхъ случайностей, и пр. Ученость Константина не была чужда суевѣрія [1].

Исполненный любви къ наукѣ, Константинъ всячески заботился о широкомъ распространеніи знаній въ имперіи. Въ предисловіи къ одному ученому изданію, сдѣланному при Константинѣ геопоники, т. е. земледѣльческая энциклопедія, неизвѣстный авторъ съ слѣдующими словами благодарности обращается къ императору: „мы скажемъ о томъ, что ты сдѣлалъ, чтобы стать полезнымъ для людей, для всѣхъ, кто отнынѣ будетъ жить на свѣтѣ. Своимъ геніемъ и своею мудростію ты вызвалъ къ жизни, протянувъ имъ свою могущественную руку,—прежде всего философію и риторику, которыя болѣе уже не существовали, которыя впали въ забвеніе. Ты возродилъ знаніе и искусство“ [2]). Въ томъ же родѣ отзывается о заботѣ Константина касательно просвѣщенія и Кедринъ. „Науки, т. е. ариѳметику, музыку, астрономію, геометрію, стереометрію часть геометріи и, что составляетъ главу всѣхъ наукъ, философію, говоритъ Кедринъ, онъ возстановилъ своею личною дѣятельностію. Онъ отыскалъ знаменитѣйшихъ и отличнѣйшихъ наставниковъ въ каждой изъ этихъ наукъ, собравъ вокругъ наставниковъ учениковъ“ [3]. Эти свидѣтельства даютъ понять, на сколько заботливъ былъ Константинъ о процвѣтаніи наукъ и школъ. Изъ словъ Кедрина можно заключать, что въ школахъ, основанныхъ Константиномъ, главными предмета-

[1]) Rambaud. ibid. p. 41, 64.

[2]) Rambaud. ibid. p. 79.

[3]) Cedrenus. Historiarum compendium. t. II. p. 326. Edit. Bonn. Зернинъ. Жизнь и литературные труды Константина Багрянороднаго, стр. 81. Выпускъ I. Харьковъ, 1858 г.

ми преподаванія были: философія [1]), эта глава всѣхъ наукъ, которая въ курсѣ преподаванія на западѣ считалась первою наукою, именно, въ такъ называемомъ trivium (куда принадлежали также грамматика и риторика); потомъ: ариѳметика, музыка, астрономія и геометрія, науки, входившія въ то время на западѣ въ составъ курса преподаванія и извѣстныя съ именемъ quadrivium. Другими словами: курсъ преподаванія былъ сходенъ съ тѣмъ, который со временъ Карла Великаго и Алкуина входитъ въ общее употребленіе на западѣ [2]). До насъ сохранились имена нѣкоторыхъ главнѣйшихъ профессоровъ, учившихъ въ школѣ константинопольской при Порфирогенитѣ. Курсъ философіи читалъ протоспаѳарь Константинъ; астрономію преподавалъ секретарь Георгій; геометрію патрицій Никифоръ; риторику Александръ, митрополитъ Никейскій. Имена другихъ профессоровъ до насъ не сохранились [3]). Школы Порфирогенита были устроены съ истинно царскимъ великолѣпіемъ. Ученики учились не только по книгамъ, но для нихъ поучительными примѣрами того, чѣмъ можно сдѣлаться чрезъ науку, были и лично сами учителя, облеченные такимъ или другимъ саномъ въ государствѣ. При учрежденіи своихъ школъ Константинъ имѣлъ цѣли въ особенности практическія: онъ имѣлъ въ виду умноженіе въ государствѣ образованныхъ генераловъ, правителей, посланниковъ, чиновниковъ. Въ имперіи Греческой считали литературное образованіе (humanitès) сколько важнымъ самимъ по себѣ, столько же и необходимымъ, чтобы приготовить людей государственныхъ. Нельзя указать ни одного государства, кромѣ развѣ Китая, гдѣ достоинство учености и государственнаго человѣка такъ тѣсно были бы связаны, какъ это видимъ здѣсь, въ Византіи. Константинъ старался возбудить охоту къ ученію въ ученикахъ школъ въ особенности своимъ личнымъ вниманіемъ къ нимъ. Онъ позволяетъ имъ ежедневно являться къ своему столу, щедро одаряетъ ихъ деньгами, поощряетъ

1) Подъ понятіе философіи въ Византіи входило и богословіе. См. Успенскаго. Никита Акоминатъ изъ Хонъ, стр. 19. С.-Пет. 1874.

2) Rombaud. ibid. p. 69.

3) Theophanes Continuatus. Chronographia. p. 446. Edit. Bonn.

ихъ ласковостью словъ. Благодаря такому вниманію императора и его мудрости, по свидѣтельству одного хронографа, не требовалось для учениковъ много времени на изученіе самыхъ возвышенныхъ наукъ и искусствъ; изъ нихъ Константинъ избиралъ судей, секретарей и епископовъ [1]).

Подъ заботливымъ смотрѣніемъ за школами императора выросло цѣлое поколѣніе ученыхъ, которое заявило себя тотчасъ же разнообразною ученою дѣятельностію. Примѣромъ и образцомъ для нихъ былъ самъ императоръ Константинъ. Онъ былъ свѣдущъ во всѣхъ сферахъ научнаго и художественнаго образованія. Онъ знаменитъ былъ какъ археологъ: съ величайшею заботливостію онъ описываетъ развалины дворца Діоклетіана въ Сполетто, образъ постройки его стѣнъ, природу и качество его матеріаловъ; онъ занимается римскими древностями страны придунайской и пр. Онъ занимался нумизматикой, какъ вспомогательной наукой для археологіи. Константинъ замѣчателенъ, какъ филологъ. Отличительную черту древней греко-римской образованности составляло игнорированіе языковъ варварскихъ, т. е. всѣхъ языковъ за исключеніемъ роднаго греческаго для грековъ и двухъ—латинскаго и греческаго для римлянъ. Литература византійская доселѣ раздѣляла тотъ же предразсудокъ противъ языковъ иностранныхъ. Напримѣръ ученый Фотій не зналъ ни по-латыни, ни по-еврейски. Константинъ же и другіе ученые, работавшіе вмѣстѣ съ нимъ на научномъ полѣ, составляли рѣдкое исключеніе въ этомъ случаѣ. Они были знакомы хотя нѣсколько съ языками сосѣднихъ народовъ. У Константина находимъ знакомство съ этимологіею скандинавскою и славянскою. Далѣе, Константинъ оказалъ важныя услуги наукѣ въ качествѣ этнолога. Какъ историкъ, Константинъ замѣчателенъ если не новостію и свѣжестію метода, то по крайней мѣрѣ горячею любовью къ предмету и широтою свѣдѣній, часто поразительныхъ.

Вообще какъ писатель, Константинъ занимаетъ почтенное мѣсто. Этого мало: Константинъ отличается и какъ

[1]) Theophanes Contin. ibid. p. 445—8. Rambaud. p. 70—71. Зернинъ. Тамъ же, стр. 71—79.

художникъ, музыкантъ и поэтъ. Правда, въ большинствѣ искусствъ онъ былъ по преимуществу диллетантомъ, но едва ли мы и въ правѣ требовать бóльшаго отъ одного человѣка [1]. Если отъ разсмотрѣнія ученой и литературной дѣятельности Константина обратимся къ разсмотрѣнію ученыхъ, которые окружали его и раздѣляли его научные труды, или сами составляли сочиненія и трактаты, то мы, по истинѣ, будемъ изумлены многочисленностію такихъ ученыхъ. Въ качествѣ историковъ при немъ находимъ Симеона магистра, Іоанна Каменіата, Іосифа Генезія, Льва Грамматика, Ѳеодора Малаго и Іоанна Константинопольскаго, Ѳеодора Дафнопата, Льва діакона, Мануила, — всѣ они работаютъ въ особенности надъ исторіею современною и нѣсколько раннѣйшею. Около него группируются писатели и другихъ спеціальностей научныхъ; мы встрѣчаемъ медика Ѳеофана Нонна, астрологовъ, дѣло которыхъ тогда смѣшивалось съ астрономіей, писателей по военнымъ наукамъ, каковъ былъ Василій, незаконный сынъ императора Романа I; полемистовъ, въ родѣ Ѳеодора Карійскаго, писавшаго противъ магометанъ; далѣе, его окружаетъ многочисленный штатъ юрисконсультовъ, артистовъ, именно: зодчихъ и живописцевъ и пр. [2].

Вообще дворъ Константина весь пропитанъ былъ атмосферою научною; Константинъ былъ рѣдкимъ явленіемъ, — царемъ ученыхъ. Хотя послѣ Константина представители его династіи не были такъ горячи къ наукѣ, какъ онъ; однакожъ система покровительства просвѣщенію удержалась и послѣ него въ императорахъ изъ дома Македонскаго [3].

Замѣчательною любовью къ просвѣщенію въ срединѣ XI вѣка отличается династія Дуковъ и въ особенности родственная съ ней династія Комниновъ. Можно сказать, что эти династіи вполнѣ наслѣдовали традиціи дома Македонскаго по отношенію къ наукѣ. Поименуемъ нѣкоторыхъ императоровъ изъ указанныхъ династій, отличающихся по-

1) Rambaud. ib. p. 75—77. Hergonröther. ibid. B. III, s. 708.

2) Rambaud. ib. p. 65—7.

3) О значеніи царствованія Константина въ научномъ отношеніи Византійской имперіи. См. Schoell. ibid. p. 19, 20.

хвальною любовью къ просвѣщенію. Императоръ Константинъ Дука былъ человѣкомъ научно образованнымъ; при вступленіи своемъ на тронъ императоръ въ рѣчи сказалъ, что онъ предпочитаетъ вѣнокъ краснорѣчія вѣнцу императорскому. При его дворѣ, повидимому, давалось большое значеніе людямъ науки, которыхъ тогда не мало было въ столицѣ [1]). Въ особенности со стороны учености замѣчательна его жена императрица Евдокія. Она извѣстна, какъ авторъ одного очень важнаго сочиненія въ родѣ словаря историческаго и миѳологическаго. Этотъ трудъ заключаетъ въ себѣ много свѣдѣній, касающихся генеалогіи боговъ и героевъ, ихъ метаморфозъ и содержитъ множество анекдотовъ (въ хорошемъ смыслѣ) о писателяхъ древности. Сочиненіе это пользуется почетною славою между учеными [2]).

Равною и даже большею любовью къ наукамъ отличался и сынъ этой царственной четы Дуковъ, Михаилъ Дука, бывшій потомъ императоромъ. Онъ, подобно Константину Порфирогениту, до такой степени былъ увлеченъ науками и поэзіей, что даже почти вовсе забываетъ о дѣлахъ государственныхъ, за что упрекаютъ его историки и хронисты [3]). О немъ разсказываютъ, что въ то время, какъ имперіи грозила серіозная опасность со стороны турокъ, Михаилъ преспокойно споритъ о тонкостяхъ грамматическихъ, произноситъ риторическія рѣчи и составляетъ поэмы. Къ сожалѣнію, исторія не сохранила литературныхъ памятниковъ, обязанныхъ происхожденіемъ перу этого императора [4]).

Изъ Комниновъ, принадлежащихъ нашей эпохѣ, по отношенію къ заботамъ о просвѣщеніи, видное мѣсто занимаетъ императоръ Алексѣй Комнинъ. Въ его время находимъ сильное литературное движеніе [5]). Во главѣ ученыхъ въ срединѣ XI вѣка стоялъ Михаилъ Пселлъ. Онъ занимаетъ такое же видное положеніе по своему научному

[1]) Schoell. ibidem. p. 23, 24.
[2]) Schoell. ibidem. p. 318—19.
[3]) Muralt. Essai de chronographie Bysantine, p. 24, 27. S.-Peterbourg. 1871.
[4]) Schoell. p. 24, 25.
[5]) Bernhardy. ibidem. s. 601.

вліянію въ XI вѣкѣ, какое имѣлъ Фотій въ IX в. Онъ получилъ самое многостороннее образованіе: изучилъ и риторику съ философіею, и физику съ богословіемъ, и астрономію съ геометріей, и медицину съ военными науками. Пселлъ получилъ образованіе въ Аѳинахъ, въ Константинополѣ открылъ школу, назывался царемъ философовъ (φιλοσόφων ὕπατος). По списку сочиненій Пселла у Гарлеса можно судить о широтѣ и разнообразіи его познаній такъ же, какъ о необычайной литературной плодовитости его, такъ что по справедливости онъ получилъ титло: πολυγραφώτατος. Изъ подъ его руководства вышло множество лицъ образованныхъ. Пселлъ писалъ императору Михаилу Дукѣ: „ты видишь, благочестивый императоръ, сей священный *сонмъ философовъ;* всѣ они произрастенія моихъ трудовъ; всѣ пили изъ моего источника, погасшій свѣтъ философіи возженъ мною. Я заботился о наукахъ словесныхъ, изучилъ математику, не занявъ ея у другихъ". Самъ императоръ Михаилъ Дука, о которомъ мы уже говорили, былъ питомцемъ Пселла. Вообще за Пселломъ остается репутація ученнѣйшаго мужа XI вѣка въ Византійской имперіи [1]).

Доселѣ мы говорили объ условіяхъ, благопріятствовавшихъ процвѣтанію науки и литературы въ Византійской имперіи съ половины IX вѣка. Изученіе этихъ условій для насъ важно, потому что оно должно объяснить намъ значительное оживленіе съ того же времени собственно богословской науки и литературы, довольно было поувядшихъ. Но мы еще не покончили съ изложеніемъ свѣдѣній объ образованности вообще въ IX, X и XI вѣкахъ. Мы хотимъ еще сказать о главнѣйшихъ характеристическихъ чертахъ византійской учености даннаго времени. Сдѣлать это необходимо, потому что, чрезъ такую характеристику общей образованности и учености, для насъ опредѣлится и выяснится и самый характеръ и успѣхъ богословской дѣя-

[1]) Ceillier. Histoire générale d. auteurs sacres et ecclesiastiques. t. XX, p. 585—6. Mortreuil. Hist. de droit Bysantin. Tome III. p. 470—71. Schoell. ibid. p. 24. Kurtz. ibidem. abtheil. III. s. 120. Филарета Черниговскаго. Ученіе объ отцахъ церкви. Ч. III, стр. 315.

тельности умственной того времени. Одно стояло въ связи съ другимъ.

Какія же отличительныя черты образованности и учености изучаемой нами эпохи? Отличительную особенность науки этого времени составляло особенное сближеніе науки свѣтской съ богословіемъ. Быть образованнымъ на языкѣ византійцевъ значило — быть свѣдущимъ не только въ свѣтскихъ наукахъ, но и въ богословіи. Такое сближеніе наукъ свѣтскихъ съ богословіемъ было благопріятно для успѣховъ и развитія послѣдняго. Такой характеръ наука византійская носила и раньше, но наша эпоха такому сближенію особенно благопріятствуетъ. Когда Варда, кесарь въ царствованіе Михаила III, позаботился о возстановленіи публичнаго преподаванія и открылъ школы для различныхъ наукъ, тогда во главѣ преподавателей свѣтскихъ наукъ (математики, философіи) въ этихъ школахъ является бывшій архіепископъ Левъ математикъ и его три ученика [1]), и съ этимъ научный элементъ мірской свѣтской науки все болѣе и болѣе долженъ былъ сближаться и сживаться съ собственно богословскимъ элементомъ. То правда, что школы Варды имѣли въ виду главнѣйше свѣтскія науки право, математику, философію, но однакожъ науки богословскія никогда не исключались изъ программъ свѣтскихъ заведеній. Напр. Фотій еще міряниномъ серьозно изучилъ богословіе. И это не представляло ничего удивительнаго въ такомъ обществѣ, какъ византійское, гдѣ элементы гражданскій и духовный были перемѣшаны между собою. Тамъ было не рѣдкостію встрѣтить лицъ свѣтскихъ, которымъ выпадало на долю высшее достоинство церковное—патріаршество. Таковы были Тарасій, Никита Игнатій, Фотій, Николай мистикъ [2]). Особенно такому сближенію наукъ свѣтскихъ съ духовными много содѣйствовалъ Фотій, который и въ санѣ патріарха былъ преподавателемъ наукъ свѣтскихъ въ школѣ магнаврской, въ Константинополѣ. Его ученики были не только богословами, но и риторами, и философами, и ма-

[1]) Таковыми была вышеупомянутые: Θеодоръ, Θеодегій, и Кометасъ.

[2]) Rambaud ibidem. p. 58.

тематиками. До какого сближенія доходили при немъ свѣтскія науки съ богословіемъ, это видно изъ примѣра его ученика, императора Льва VI, который писалъ даже проповѣди и, можно догадываться, даже произносилъ ихъ въ церкви [1]). И позднѣе таже черта въ цѣлости сохранилась въ обществѣ византійскомъ: Михаилъ Пселлъ въ XI вѣкѣ заразъ былъ и богословомъ и философомъ. Можно представить и другіе весьма интересные примѣры того, въ какомъ близкомъ отношеніи стояло свѣтское общество къ духовной наукѣ. Такъ, императоръ Василій Македонянинъ до того заинтересовывается нѣкоторыми библейско-экзегетическими вопросами, что для разрѣшенія своихъ недоумѣній обращается письменно къ знаменитому Фотію. Вотъ эти вопросы: кого нужно разумѣть подъ тѣмъ, чью мудрость превосходила мудрость Соломонова, по свидѣтельству книги Царствъ? Какое значеніе имѣетъ троекратное помазаніе на царство Давида, сначала во время царствованія Саула, потомъ по смерти его, наконецъ по признаніи Давида царемъ отъ всего еврейскаго народа, какъ объ этомъ пишется въ книгѣ Царствъ? Или: какимъ образомъ въ гостепріимствѣ Самуиломъ Саула, при чемъ отъ перваго послѣднему предложено было за пиршествомъ плечо (жаркаго), выразилось указаніе на будущее царствованіе Саула? Фотій долженъ былъ удовлетворить любознательнаго императора [2]). Константинъ Порфирогенитъ извѣстенъ, какъ плодовитый свѣтскій историкъ своего времени; и однакожъ его воззрѣнія и литературные пріемы,

[1]) Въ „Запискахъ Синайскаго богомольца“ (Труды К. Д. Ак. 1873, сентябрь, стр. 336) читаемъ: „въ числѣ панегириковъ не могъ не привлечь къ себѣ мое вниманіе фоліантъ (XII в), содержащій въ себѣ 33 похвальныхъ слова „Льва, во Христѣ вѣчномъ Царѣ царя“. Ученикъ Фотія поревновалъ славѣ проповѣдника, но любопытно было бы узнать, произносилъ-ли Левъ свои проповѣди съ церковной каѳедры? Или онъ упражнялся въ нихъ еще до воцаренія, можетъ быть, въ печальномъ досугѣ тюремнаго заключенія? Третье слово его на св. Димитрія, надписываемое: „когда во дворцѣ былъ освященъ домъ его“ (т. е. церковь во имя великомученика Димитрія), даетъ какъ бы понять, что ораторствовалъ при торжественномъ случаѣ самъ императоръ. Рѣдкій въ исторіи примѣръ!“ замѣчаетъ авторъ. См. Ceillier ibidem. tome XIX, p. 522—523.

[2]) Hergenröther. ibidem. B. II. s. 253—4.

если будемъ брать во вниманіе его историческіе труды, мало напоминаютъ римлянъ-историковъ, не много болѣе грековъ-историковъ (въ особенности съ точки зрѣнія литературной), а гораздо болѣе евреевъ и христіанъ первыхъ вѣковъ. Онъ заинтересованъ мало памятниками римскими, но гораздо болѣе гомерическими, въ особенности библейскими, церковно-христіанскими. Онъ изучаетъ въ одно и то же время и Иліаду съ Одиссеей, и дѣянія Апостольскія, и сказанія свящ. христіанской древности [1]). Разсматриваемое нами взаимообщеніе свѣтской и церковной образованности выразилось не только въ литературѣ, но и въ искусствѣ. Посмотрите на искусство византійское этого времени; оно проникнуто христіански-религіознымъ элементомъ; здѣсь гораздо болѣе отпечатлѣвается церковно-символическій, чѣмъ вообще идеально-эстетическій вкусъ. Символы церкви, креста, религіозной преданности и благоговѣнія въ искусствѣ византійскомъ являются господствующими. Любимыми сюжетами этого искусства были: Спаситель, апостолы, евангелисты, св. отцы, мученики съ ихъ небеснымъ ореоломъ. Отъ этихъ общепринятыхъ типовъ не могли отступать художники здѣшней школы [2]).

Другая отличительная черта образованности византійской нашего времени — это отсутствіе оригинальности. Византія жила наслѣдствомъ, завѣщаннымъ ей отъ древняго Рима и Греціи. Сумма идей не расширялась въ такомъ обществѣ, какъ византійское, глубоко консервативномъ. Здѣсь не видно никакихъ новыхъ порывовъ въ литературѣ. По части исторіи, юриспруденціи, поэзіи мы видимъ мало трудовъ оригинальныхъ; Византія не измыслила никакой философской системы. Наслѣдіе древности языческой и христіанской казалось слишкомъ широкимъ, чтобы нужно было пріумножать его. „Духъ человѣческій какъ бы изнемогалъ подъ давленіемъ массы книгъ, погибалъ въ океанѣ библіотекъ". Византійская умственная дѣятельность заявляетъ себя только въ безчисленныхъ компиляціяхъ. Всѣ попеченія полагали

1) Rambaud. ibid. p. 77.

2) Krause. Die Bysantiner des Mittelalters. s. 62. Halle. 1869.

въ томъ только, чтобы оставшееся отъ древности въ цѣлости сохранить въ нѣсколькихъ сотняхъ книгъ. „Хотѣли сдѣлать свое наслѣдство, такъ сказать, недвижимымъ“. Наше время заявило себя безчисленными компиляціями [1]). Самыми типическими явленіями времени по части компиляціи были, какъ намъ кажется, въ особенности два сочиненія: извѣстная „библіотека“, написанная Фотіемъ въ мірскомъ званіи и столь же извѣстное сочиненіе Константина Порфирогенита „о церемоніяхъ Византійскаго двора“. Остановимъ наше вниманіе на нѣкоторе время на этихъ сочиненіяхъ; въ нихъ духъ компилятивный выразился со всѣми своими свойствами направленія, метода, изложенія. „Библіотека“ Фотіева была долгое время образцомъ сочиненій критическихъ и библіографическихъ. И однакожъ было-ли это сочиненіе образцовымъ? „Библіотека“ Фотія есть собраніе свѣдѣній, критическихъ замѣтокъ и извлеченій изъ различныхъ родовъ, въ особенности древнихъ, сочиненій, прочитанныхъ Фотіемъ; число этихъ сочиненій доходитъ до 280. Этотъ трудъ совершенъ Фотіемъ по желанію его брата Тарасія. Ни порядка, ни метода въ этомъ сочиненіи никакого не соблюдалось. Писатели языческіе и христіанскіе, древніе и новые слѣдуютъ одни за другими въ такомъ порядкѣ, въ какомъ они попадались подъ руку автору. Піеса эротическая смѣняется трактатомъ философскимъ или богословскимъ, отъ историка авторъ переходитъ къ ритору и пр. Даже сочиненія одного и того же автора разсматриваются не въ одномъ мѣстѣ. Вообще большая часть книгъ, относительно какихъ Фотій здѣсь дѣлаетъ свои замѣтки или изъ которыхъ онъ дѣлаетъ свои экстракты, принадлежитъ къ области богословія,—это именно церковная литература, соборы и пр. Второе уже мѣсто занимаетъ свѣтская литература. Онъ даетъ здѣсь свѣдѣнія о сочиненіяхъ и свѣтскихъ историковъ, и философовъ, и ораторовъ, и грамматистовъ, и романистовъ, и географовъ, и математиковъ, и медиковъ. Касательно нѣкоторыхъ онъ дѣлаетъ только краткое историко-литературное или библіографическое замѣчаніе; изъ другихъ — болѣе или

1) Rambaud. ibid. p. 59. Kurtz ibidem. abtheil. 3, s. 118.

менѣе обширные экстракты; относительно другихъ дѣлаетъ критическіе отзывы, отличающіеся эрудиціей и проницательностію; критика эта касается метода, стиля, содержанія. Но нельзя указать какого-либо принципа, который бы руководилъ Фотіемъ при подобномъ отношеніи къ разбираемымъ сочиненіямъ. На незначительныхъ сочиненіяхъ часто онъ по долгу останавливался, а значительныя обозрѣваетъ бѣгло, быстро. Видно, что авторъ велъ свое дѣло такъ, какъ укажетъ ему минута. Впрочемъ значеніе этого сочиненія для классической литературы и для науки вообще высоко цѣнится даже современными намъ учеными. Въ самомъ дѣлѣ, въ Библіотекѣ Фотія сохранились свѣдѣнія относительно 70—80 такихъ сочиненій древности, о которыхъ мы безъ Фотія не имѣли бы никакого понятія [1]). Переходимъ къ другому характеристическому сочиненію по части компиляціи, къ сочиненію Константина Порфирогенита: „о церемоніяхъ Византійскаго двора". Это сочиненіе чрезвычайно любопытно. Оно не имѣетъ ни малѣйшей оригинальности. Авторъ самъ заявляетъ, что онъ при составленіи его компилировалъ сочиненія древнихъ авторовъ. Произведеніе это нельзя назвать сочиненіемъ въ строгомъ смыслѣ слова: это сборникъ матерій,—сборникъ самаго варварскаго характера, что зависѣло частію отъ грубыхъ ошибокъ самого автора, частію отъ духа времени. Здѣсь рѣчь идетъ о различныхъ церемоніяхъ Византійскихъ и обрядности въ области религіозной, гражданской, военной. Сочиненіе дѣлится на двѣ части; принципъ дѣленія довольно странный. Въ первой части авторъ только компилируетъ *сочиненія* древнихъ о церемоніяхъ, во второй излагается напротивъ то, что извѣстно о предметѣ на основаніи *преданія*. Вслѣдствіе этого объ одномъ и томъ же предметѣ говорится и въ первой и второй части. Напр. въ первыхъ 36 главахъ первой части говорится исключительно о религіозныхъ церемоніяхъ, имѣвшихъ мѣсто во дворцѣ или церкви, и однако же авторъ о томъ же предметѣ говоритъ дважды и во второй части; далѣе, въ первой части собираются матеріалы касательно

[1]) Hergenröther. ibidem. Band. III, s. 13—15. Schoell, ibid. p. 305—6.

игръ ипподрома и танцевъ во дворцѣ—главы 61—73,—и при всемъ этомъ во второй части разсѣяны во многихъ главахъ замѣчанія и свѣдѣнія о томъ же самомъ предметѣ. Сочиненіе Константина посвящено, какъ показываетъ заглавіе, церемоніямъ; но это не мѣшаетъ автору говорить здѣсь и о такихъ предметахъ, которые вовсе и не идутъ къ дѣлу. Такъ въ первой части разсказывается о тѣхъ революціяхъ и гражданскихъ войнахъ, путемъ которыхъ достигли престоловъ Левъ I, Анастасій, Юстиніанъ, Никифоръ, Фока. Во второй части встрѣчается „сокращенный указатель всѣхъ императоровъ", начиная съ превеликаго и преблаженнаго Константина В., императоровъ, которые царствовали въ великомъ и славномъ Константинополѣ. Въ той же второй части говорится объ издержкахъ, которыя сдѣланы были на двѣ критскія экспедиціи при императорѣ Львѣ VI; при чемъ указаны не только суммы денегъ, какія выдавались каждому офицеру и солдату, но и съ щепетильною точностію—издержки въ матеріалѣ; высчитаны топоры, заступы, корзины, гвозди и пр. Здѣсь же разсказана жизнь Александра Македонскаго. Кстати, т. е. вовсе не кстати, помѣщенъ трактатъ: „объ удивительномъ инстинктѣ животныхъ", „о возвышеніи ума къ Богу, о морали въ 15 рѣчахъ". Послѣ этого можно судить о безпорядкѣ, какой царствуетъ въ сочиненіи, гдѣ матеріи вовсе чуждыя предмету помѣщаются не извѣстно зачѣмъ и почему [1]).

Вотъ въ какомъ духѣ проявлялась компиляція въ наукѣ нашего времени. Такимъ же не оригинальнымъ направленіемъ отличались и всѣ вообще сочиненія этого времени, напр. исторія [2]). Самое искусство носило такой же компилятивный характеръ, напр. архитектура. Церкви нерѣдко строились изъ обломковъ цѣлыхъ 20 художественныхъ памятниковъ древнихъ и новѣйшихъ. Василій Порфирогенитъ обиралъ церкви византійскія для того, чтобы изъ этихъ фрагментовъ создавать новыя церкви [3]).

1) Rambaud. ibidem. p. 128—130.

2) Bernhardy ibidem. s. 598—600.

3) Rambaud ibidem. p. 59.

Третья отличительная черта византійской образованности изучаемаго времени—это универсальность знаній у каждаго изъ ученыхъ византійскихъ, или точнѣе, недостатокъ специализаціи научной. Въ это время не знали раздѣленія научнаго труда, которое въ новѣйшее время дало такіе счастливые результаты. Примѣры отсутствія специализаціи можно находить въ лицѣ Константина Порфирогенита -- заразъ и филолога, и историка, и археолога, и этнографа и т. д., въ лицѣ Фотія, который зналъ всѣ науки, процвѣтавшія въ тогдашнее время, и въ лицѣ Михаила Пселла [1]).

Остальныя черты умственной дѣятельности изучаемаго времени въ сферахъ свѣтскихъ составляли: смѣшеніе научнаго съ ненаучнымъ, такъ—астрономія превращалась въ астрологію; одинъ астрономъ, по имени Николай, при Константинѣ Порфирогенитѣ въ звѣздахъ прочелъ предсказаніе о революціи Константина Дуки, революціи, которая должна была сдѣлаться фатальною для послѣдняго [2]). Характеристическій образчикъ смѣшенія научнаго съ суевѣрнымъ и даже всякою дичью можно находить въ особенности въ „Земледѣльческой энциклопедіи", изданной при Константинѣ Порфирогенитѣ. Книга напр. спрашиваетъ: „хотите ли вы, чтобы у васъ не кисло вино? Для сего напишите на бочкахъ божественныя слова псалма 34: „вкусите и видите, яко благъ Господь", или напишите тѣже слова на яблокѣ, которое и бросьте въ вино. Быть можетъ, вы хотите выпивать много вина и не пьянѣть? Для этого вотъ прекрасныя средства: съѣдать зажаренное легкое козы, горькій миндаль или сырую капусту, также надѣвать на себя вѣнокъ изъ трилистника. Книга спрашиваетъ: вашу голубятню, быть можетъ, безпокоятъ змѣи? Вотъ средство противъ змѣй: напишите на четырехъ углахъ голубятни слово „Αδαμ". Хотите ли, чтобы у васъ не падали плоды съ деревъ? Напишите на нихъ стихъ изъ Гомера. Хотите ли вы, чтобы вашъ рыбный ловъ былъ удаченъ? Возьмите для сего одинъ видъ морскихъ раковинъ, очистите ихъ отъ мяса, напишите на

1) Rambaud. ibidem. p. 59—60.
2) Rambaud. ibidem. p. 66.

нихъ слѣдующія слова: ἰαῶ σαβαῶθ и бросьте въ воду“ [1]). Къ этому въ наукѣ царствовалъ риторизмъ, фразерство и проч.

Эти указанныя нами черты свѣтской науки важны, потому что проливаютъ свѣтъ на характеръ и свойства церковной литературы. Мы должны будемъ цѣнить ея достоинства, принимая во вниманіе духъ времени.

На основаніи указанныхъ нами чертъ византійской научности и образованности, напрасно однакожъ было бы предполагать, что умственная дѣятельность Византіи была ничтожна. Если эта дѣятельность и была не высока, однакожъ во мнѣніи современниковъ она стояла чрезвычайно высоко. „Византія, говоритъ Альфредъ Рамбо, въ это время (X вѣкъ) болѣе, чѣмъ когда-либо, была центромъ литературы и цивилизаціи. Варвары запада устремлялись въ Византію, какъ современники Суллы и Цицерона устремлялись въ Аѳины. Вотчимъ Луитпранда [2]) говоритъ, что онъ готовъ отдать половину своего состоянія, лишь бы его пасынокъ имѣлъ возможность изучить литературу и философію у грековъ. Изъ Франціи, изъ Италіи устремлялась молодежъ въ Византію въ цѣляхъ своего образованія. Царь болгарскій Симеонъ былъ однимъ изъ многихъ воспитанныхъ въ Греціи. Вліяніе научное Византіи распростиралось и на весь востокъ и арабовъ. Подданные калифа устремляли свои взоры на Константинополь. Такъ, одинъ персидскій поэтъ говоритъ: „я пойду въ Византію, я осную тамъ школу въ храмѣ византійскомъ. Я буду спорить съ кѣмъ-либо изъ великихъ ученыхъ христіанскихъ о Св. Духѣ, Сынѣ и Отцѣ. Я увижу священниковъ, увлекающихся и привлекаемыхъ уроками епископа, епископа столь же ученаго, какъ и я“ [3]). Изъ этихъ восторженныхъ отзывовъ о Византіи видно, въ какомъ почтеніи находились наука и образованность византійскія повсюду въ изучаемое нами время.

[1]) Rambaud. ibidem. p. 83—84.

[2]) Луитпрандъ, еп. Кремонскій, получилъ образованіе въ Греціи, жилъ въ X вѣкѣ; извѣстенъ какъ истый почитатель греческаго языка.

[3]) Rambaud. ibid. p. 541—2.

II.

Охарактеризовавъ вообще образованность даннаго времени, обращаемся теперь къ изученію спеціально богословской области образованности и науки.

Прежде всего скажемъ о главнѣйшихъ представителяхъ богословской образованности IX, X, XI вѣка.

По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ (напр. Куртца), богословскую эпоху IX, X, XI вѣка нужно называть эпохой Фотіанскою по тому вліянію, какое оказывали сначала его личность и ученость, а потомъ слава его и сочиненія на цѣлыя поколѣнія до половины XI вѣка. Это обаяніе личности и учености Фотія сохранилось и позднѣе. Но въ указанное время оно было особенно живымъ и импонирующимъ [1]). Въ такомъ мнѣніи нѣтъ ничего преувеличеннаго. Фотій былъ дивомъ для своего времени, по своей учености. Большая часть общества считала ученость Фотія дѣломъ неестественнымъ, чѣмъ-то демоническимъ. Фотій былъ выше своего времени. Мы передадимъ нѣкоторыя легенды, которыя ходили въ тогдашнемъ обществѣ касательно учености Фотія. Эти легенды съ исторической точки зрѣнія заслуживаютъ вниманія, какъ выраженіе удивленія предъ талантами Фотія. Византійскій писатель Симеонъ Магистръ вотъ какимъ путемъ объясняетъ себѣ происхожденіе необыкновен-

1) Kurtz. Lehrbuch d. Kirchengeschichte. Band. I, abtheil. 3, s. 129. Ausg. 2-te. 1858.

ной учености Фотія: „разъ попался Фотію на встрѣчу волхвъ родомъ изъ евреевъ, разсказываетъ Симеонъ, и обратился къ нему съ предложеніемъ: „что ты дашь мнѣ, юноша, если я сдѣлаю такъ, что ты проникнешь во всю эллинскую мудрость и превзойдешь всѣхъ ученостью?“ „Отецъ мой, отвѣчалъ Фотій, съ удовольствіемъ отдастъ тебѣ половину своего имущества“. „Но я не нуждаюсь въ деньгахъ, возразилъ еврей, и даже не хочу, чтобы отецъ твой зналъ объ этомъ дѣлѣ, а иди со мною въ одно мѣсто и отрекись отъ знамени, на которомъ мы распяли Христа; я дамъ тебѣ чуднаго стража, и ты проведешь свою жизнь въ благоденствіи и высокой мудрости“. Фотій, по Симеону, совершенно отдался волхву [1]). Какого же это стража далъ волхвъ Фотію, это видно изъ другаго разсказа Симеона о томъ же Фотіи. Разсказъ влагается въ уста монаха Іоанна Молчальника. Этотъ будто бы разсказывалъ: „однажды я легъ спать, но прежде чѣмъ я заснулъ, явился мнѣ огромный и страшный еѳіопъ и хотѣлъ схватить меня за горло и задушить. Тотчасъ я сдѣлалъ крестное знаменіе, и ободрившись, схватилъ его руку, и говорю: кто ты, какъ тебя зовутъ, кто послалъ тебя сюда? Я, отвѣчалъ тотъ, сильный у веліара, но подрученъ Фотію, имя мое Левуфа; я споспѣшникъ чародѣевъ и волхвовъ, въ особенности же я другъ эллинамъ и тайному моему почитателю Фотію“ [2]). Классическая ученость Фотія казалась современникамъ до того дѣломъ поразительнымъ, что о немъ, можетъ быть, не безъ ироніи разсказывали нелѣпицу, что даже во время литургіи, когда Фотій сталъ патріархомъ, вмѣсто словъ молитвъ онъ бормоталъ изреченія поэтовъ [3]). Посмотримъ теперь, чѣмъ же такъ въ научномъ отношеніи отличился Фотій? Что заставляло общество его времени производить его ученость отъ силы сверхъестественной, хотя и злой? Фотій, даже по свидѣтельству самихъ его враговъ, достигъ величайшей основательности во всѣхъ наукахъ, въ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи; не были для него науками чуждыми даже

[1]) Symeon Magister. Annales. p. 670. Edit. Bonn.
[2]) Symeon Magister. Ibidem. p. 672, 673.
[3]) Symeon Magister. Ibid. p. 672.

медицина и юриспруденція. Онъ собиралъ отовсюду книги, цѣлыя ночи просиживалъ за книгами, и неустаннымъ прилежаніемъ пріобрѣтаетъ такое богатство знаній, чрезъ которое онъ превосходилъ всѣхъ своихъ современниковъ, и даже могъ соперничать съ знаменитыми христіанскими учеными прежняго времени. И современники, и поколѣнія послѣдующія удивляются рѣдкой учености Фотія [1]). Еще въ свѣтскомъ званіи Фотій хорошо зналъ также и богословскія науки, что доказываетъ его „библіотека", сочиненіе, написанное имъ до патріаршества. Свое глубокое познаніе въ большей части наукъ Фотій доказалъ, воспитавъ подъ своимъ руководствомъ поколѣніе мужей образованныхъ. Онъ долгое время былъ преподавателемъ грамматики и діалектики и богословія, а можетъ быть училъ и другимъ предметамъ trivium'а и quadrivium'а. Въ грамматикѣ, какъ показываютъ его письма, онъ былъ строгій цензоръ; въ грамматическихъ вопросахъ онъ былъ строгъ до педантизма; въ одномъ письмѣ онъ дѣлаетъ такой отзывъ о какой-то книгѣ: „въ ней болѣе ошибокъ, чѣмъ буквъ". О преподаваніи имъ діалектики извѣстно, что онъ объяснялъ категоріи Аристотеля, излагалъ споры древнихъ о родахъ и видахъ, ученіе объ идеяхъ, сочинилъ даже учебникъ по діалектикѣ, нашедшій себѣ широкое распространеніе. Еще въ свѣтскомъ званіи Фотій былъ преподавателемъ и богословія; преподаваніе богословія Фотіемъ состояло въ изученіи Св. Писанія, чтеніи отеческихъ сочиненій, въ разрѣшеніи разныхъ догматическихъ и библейскихъ вопросовъ. Объ юридическихъ знаніяхъ свидѣтельствуетъ его участіе въ пересмотрѣ законодательства гражданскаго при императорѣ Василіи I и его Номоканонъ. По всему видно, что онъ рано, еще въ молодыхъ лѣтахъ, положилъ основаніе своему юридическому образованію. Объ его медицинскомъ образованіи даетъ понятіе то обстоятельство, что онъ много читалъ медицинскихъ сочиненій, да и въ практикѣ его медицинскія познанія цѣнились высоко. Одинъ изъ его друзей Георгій, кото-

[1]) Hergenröther. Photius patr. von Constantinopel. B. I. 324—325. Regensburg. 1867. (Отзывъ основывается на свидѣтельствѣ враждебнаго Фотію писателя Никиты Пафлагонянина).

рому Фотій оказалъ помощь, сравниваетъ его съ Гиппократомъ и Галеномъ. Захаріи, позднѣе архіепископу Халкидонскому, Фотій посылаетъ горькій лѣкарственный напитокъ своего собственнаго изобрѣтенія и приготовленія. Что Фотій не былъ диллетантомъ въ медицинѣ, это видно изъ того, что онъ говоритъ о себѣ, что онъ лучше врачей умѣетъ лѣчить больныхъ; онъ обвиняетъ ихъ въ грубыхъ ошибкахъ въ особенности касательно знанія и практическаго примѣненія растительныхъ веществъ и отнюдь не причисляетъ себя къ тѣмъ, кто поверхностно только знаетъ медицину [1]). Для характеристики воззрѣній Фотія на значеніе и задачу науки можно привести слѣдующій примѣчательный отрывокъ изъ одного его сочиненія: „Большая часть людей, говоритъ Фотій, стремится къ богатству и земнымъ благамъ, къ блеску земной славы; благородныя же души стремятся прежде всего къ мудрости, которая предлагаетъ непреходящія сокровища. Это не та мудрость, которая гоняется за высокапорными фразами и довольствуется пустымъ краснобайствомъ, но та, которая дѣлаетъ слова носителями мысли, которая изслѣдуетъ причины вещей, не заблуждается въ отысканіи истины, не на поверхности только остается, но проникаетъ до внутреннѣйшаго, до глубины того, что подлежитъ изслѣдованію. Отсюда-то возникаетъ полнота истиннаго знанія, которое дѣлаетъ обладателей его предметомъ удивленія и соревнованія и которое доставляетъ имъ блестящее имя на всѣ времена“ [2]). Центромъ этой мудрости служитъ богословствованіе, познаніе религіознаго, по Фотію. Онъ говоритъ: первою мудростію есть и остается та, которая дѣлаетъ предметомъ своимъ религію; она черпается изъ Св. Писанія, изъ котораго черпали ее великіе учители церкви“ [3]). Отсюда открывается, что Фотій былъ поборникъ науки въ ея чистомъ видѣ, не смотрѣлъ на нее, какъ на средство къ постороннимъ цѣлямъ. Средоточіемъ знанія, по нему, должна быть идеальнѣйшая изъ сторонъ человѣческаго вѣдѣнія—религія. На сколько высоко стоялъ Фотій во мнѣніи

[1]) Hergenröther. Ibidem. s. 326—7. 332—3.

[2]) Amphil. quest. 149. p. 130 и д. Ed. Mai.

[3]) Amphil. quest. 9. Mai nov. Coll. IX.

своего времени и вообще древности, на это указываютъ слѣдующіе отзывы, какіе дѣлаются о немъ писателями византійскими. Левъ Грамматикъ, Георгій монахъ называютъ его: λογιώτατον πάνυ, Амартола: λόγῳ κοσμούμενον, авторъ жизни Николая Студита: γνώσει πολλῇ φημιζόμενον, Зонара: ἐν λόγοις ὀνομαστότατον, монахъ Ефремъ: σοφώτατον λίαν [1]). Мы не приводимъ выгодныхъ для чести Фотія отзывовъ писателей новѣйшихъ; такихъ отзывовъ можно было бы набрать множество [2]). Замѣтимъ одно: рѣдко на долю ученаго можетъ выпадать такое единодушіе въ хвалахъ, какое видимъ въ отношеніи къ Фотію.

Одновременно съ Фотіемъ процвѣталъ въ Византіи другой знаменитый ученый, носившій духовный санъ. Мы говоримъ о Львѣ философѣ, онъ же и математикъ, архіепископѣ Ѳессалоникскомъ. Вся жизнь Льва была посвящена наукѣ. Вотъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о Львѣ философѣ. Левъ былъ родомъ изъ Константинополя, онъ родился еще въ тяжкую годину господства иконоборческихъ императоровъ. Трудно было въ то время получить сколько нибудь приличное образованіе въ Византіи, а Левъ стремился къ нему всѣми силами своей души. Научившись чему можно было въ Константинополѣ, Левъ предпринялъ ученое путешествіе; онъ побывалъ на о—вѣ Андросѣ, слушалъ здѣсь у очень извѣстнаго учителя (Михаила Пселла [3]) философію и математику. Исчерпавъ всю мудрость этого ученаго островитянина, Левъ затѣмъ предпринимаетъ путешествіе по монастырямъ, роется въ здѣшнихъ библіотекахъ, проводитъ дни

[1]) Эти отзывы собраны у Hergenröther'а. Ibidem s. 375.

[2]) Множество хвалебныхъ отзывовъ новѣйшихъ писателей о Фотіи, какъ ученомъ, собрано у Hergenröther'а, Band. III. s. 4—6. Самъ Гергенретеръ, не смотря на непримиримую вражду къ этому патріарху, говоритъ о немъ: „Фотій, какъ ученый и писатель, какъ философъ и богословъ, является въ блестящемъ свѣтѣ, заслуживаетъ удивленія и во многихъ отношеніяхъ благодарности потомства". Ibidem. s. 3. Лестныя мнѣнія выражаютъ о Фотіи: Bernhardy, Grundriss. d. Griech. Literatur. s. 597. Ceillier. Histoire d. auteurs sacres et ecclesiast. tome XIX, p. 452. Paris 1754. Schoell. Histoire de la litteratur Grecque. t. 6, p. 21. Ed. 2. Филаретъ Черниговскій. Истор. ученіе объ отцахъ церкви. Ч. III, стр. 329.

[3]) Этого Михаила Пселла нужно отличать отъ другаго Михаила Пселла, жившаго въ XI вѣкѣ. Второй въ отличіе отъ перваго называется „младшимъ".

и ночи въ списываніи книгъ, и такимъ образомъ обогащается свѣдѣніями. Особеннымъ богатствомъ познаній отличается Левъ въ астрономіи и геометріи. Левъ возвращается въ Константинополь, строитъ здѣсь бѣдную хижину, которая и сдѣлалась аудиторіей его; юношество съ охотою слушало его и число его учениковъ сильно возрасло. Чрезъ одного изъ учениковъ, попадшихъ въ плѣнъ къ Сарацинамъ, о высокой учености Льва и въ особенности объ его математическомъ талантѣ, узналъ тогдашній калифъ Багдадскій Аль-Мамунъ, меценатъ того времени. Онъ дружественнымъ письмомъ приглашаетъ Льва къ себѣ въ Багдадъ, обѣщая богатство и почести. Объ этомъ фактѣ доходятъ слухи до тогдашняго импер. Византійскаго Өеофила, который дотолѣ, кажется, вовсе ничего не зналъ о существованіи Льва. Польщенный такимъ обстоятельствомъ, Өеофилъ, хотя и мало интересовался науками, однакожъ изъ тщеславія и изъ нежеланія, чтобы наука Византійская переносилась къ арабамъ, улучшилъ положеніе Льва философа, назначилъ ему хорошее жалованье и отдалъ ему церковь Сорока мучениковъ подъ публичную школу. Калифъ потомъ обращался было лично къ самому Өеофилу, просилъ его, хотя на короткое время отпустить Льва въ свое царство, обѣщая за это большую сумму денегъ и вѣчный миръ съ Византіею; однако Өеофилъ и теперь не отпустилъ Льва изъ своей столицы. Изъ суетнаго соперничества съ калифомъ, Өеофилъ открылъ для Льва публичную школу въ Магнаврскомъ дворцѣ, и одарилъ его почестями и привиллегіями. Въ 839-мъ году Левъ возведенъ былъ въ санъ архіепископа Өессалоникскаго. Недолго Левъ продержался на каөедрѣ. Въ качествѣ лица, не чуждаго иконоборческихъ идей, въ 842 году онъ лишенъ былъ каөедры. Впрочемъ онъ былъ умѣреннымъ иконоборцемъ и, кажется, впослѣдствіи примирился съ православными. Мы знаемъ уже, что этотъ самый Левъ является главнымъ лицомъ, главнымъ профессоромъ въ школѣ, которую завелъ Варда, и которая приносила важные плоды. О богословскомъ направленіи Льва можно догадываться, что оно было характера критическаго. Патріархъ Фотій упрекаетъ Льва за то, что онъ находилъ въ библіи плеопазмы и осуждалъ ихъ; при другомъ случаѣ

Фотій противъ Льва доказывалъ, что краснорѣчіе апостоловъ было выше краснорѣчія свѣтскихъ ораторовъ,—знакъ, что Левъ былъ противоположнаго мнѣнія [1]).

Изъ богослововъ 10 вѣка заслуживаютъ упоминанія: Симеонъ Метафрастъ; его обширный трудъ „житія святыхъ“ пріобрѣлъ ему историческую извѣстность, Экуменій, замѣчательный какъ искусный экзегетъ. Во главѣ ученыхъ богослововъ XI вѣка стояли: извѣстный уже намъ Михаилъ Пселлъ, который написалъ большое количество богословскихъ сочиненій въ различномъ родѣ. „Величіе Пселла заключается впрочемъ не столько въ самостоятельномъ творческомъ ученомъ талантѣ, сколько въ серьезной и обширной его учености; онъ основательно былъ знакомъ со всѣмъ кругомъ наукъ. Его заслуга не въ томъ, что онъ указалъ какіе-либо новые пути научные, а въ томъ, что онъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ ассимилировалъ уже существующую науку и сдѣлалъ ее плодотворною для своего времени и народа [2]); замѣчателенъ также, какъ ученый богословъ XI вѣка, Ѳеофилактъ, архіепископъ Болгарскій. Его экзегетическіе труды доселѣ еще высоко цѣнятся наукою. А его христіанско-гуманное направленіе было явленіемъ рѣдкимъ въ его время.

Обращаемся къ обозрѣнію школъ, въ которыхъ, и лицъ, при помощи которыхъ, создавалась въ разсматриваемое нами время богословская наука. Къ сожалѣнію относительно школъ, изученіе которыхъ важно въ настоящемъ случаѣ, мы не обладаемъ почти никакими свѣдѣніями. Несомнѣнно впрочемъ, что всѣ вышеупомянутыя нами школы свѣтскія, школы Варды, школы Константина Порфирогенита, школа Михаила Пселла—всѣ эти школы, будучи свѣтскими школами, въ то же время были и разсадниками богословскихъ наукъ, ибо въ то время богословское знаніе входило, какъ необходимый элементъ, въ общую сумму знаній, какими

[1]) Theophanes Continuatus. Chronographia. p. 185—192. Edit. Bonn. Symeon Magister. Ibidem. p. 640. Lebeau. Histoire du Bas. empire. tom. XIII, p. 100—103. Paris 1832. Hergenröther. Ibid. B. I. s. 323. (Между учениками Льва былъ знаменитый просвѣтитель Славянъ Константинъ и, весьма вѣроятно, патр. Фотій. Herg. Ibidem)

[2]) Kurtz. Ibidem s. 133.

долженъ былъ владѣть всякій образованный человѣкъ. Изъ спеціально богословскихъ школъ мы знаемъ только одну, которая процвѣтала въ Студійскомъ монастырѣ въ IX вѣкѣ. Одинъ древній писатель [1]) такъ отзывается объ этой школѣ: „Студійскій монастырь, это прекрасное мѣсто поистинѣ было подобно разнообразному и цвѣтущему саду, содержащему въ себѣ всякаго рода разумныя растенія, на которыхъ красовались всякаго рода познанія, какъ бы зрѣлые плоды, ибо здѣсь занимались изученіемъ грамматики, также философскими упражненіями и заучиваніемъ наизусть отеческимъ мыслей, при помощи которыхъ опровергались ереси. Отсюда выходили умые пѣвцы и чтецы, составители кондаковъ и другихъ пѣснопѣній и стихотворцы“ [2]). Объ этой школѣ впрочемъ мы больше ничего не знаемъ. Замѣтимъ еще, что въ ревности къ основанію школъ въ видахъ процвѣтанія богословскихъ наукъ недостатка не было. Въ примѣръ можно разсказать о дѣятельности въ этомъ отношеніи одного монаха Георгія, родомъ изъ Грузіи. Онъ задумалъ собрать нѣсколько малолѣтковъ и на Аѳонѣ приготовить ихъ на служеніе церкви. Георгій, нужно сказать, былъ человѣкомъ образованнымъ и извѣстенъ своими многими переводами свято-отеческихъ и церковныхъ книгъ на языкъ Грузинскій. Собирать дѣтей для своей предполагаемой школы Георгій началъ въ Грузіи. Первыя дѣти, приведенные къ нему, были два его племянника. Другихъ онъ собралъ изъ городовъ, селъ и даже пустынь, а иныхъ выкупалъ изъ рабства или избавлялъ отъ самой горькой жизни. Такимъ образомъ собралось у него 40 мальчиковъ. Начавъ ихъ обученіе еще въ Грузіи, впослѣдствіи Георгій предпринялъ съ ними путешествіе на Аѳонъ, чрезъ Константинополь. Здѣсь Георгій представилъ своихъ питомцевъ императору и получилъ отъ него одобреніе. По смерти Георгія въ Константинополѣ дѣти переведены были на Аѳонъ [3]). Это было въ XI вѣкѣ.

[1]) Михаилъ Студитъ авторъ „житія Ѳеодора Студита“.

[2]) Жизнь Ѳеодора Студита, стр. 43, 44. (Творенія Ѳеодора Студита, часть I, С.-Петербургъ 1867).

[3]) Порфирія еп. Чигиринскаго. Аѳонъ. Труды К. д. ак. 1873. Январь 43. 45.

Что касается до учителей богословскихъ наукъ, то и объ нихъ мы очень мало знаемъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ по обыкновенію Фотій. Еще міряниномъ онъ былъ уже учителимъ богословія вмѣстѣ съ другими науками. Богословскіе вопросы онъ разработывалъ, какъ на лекціяхъ, такъ и на диспутахъ съ своими учениками. Такъ напр. онъ разъясняетъ своимъ слушателямъ, какой смыслъ имѣютъ слова Писанія: *Отецъ болій Меня есть* (Іоан. 14 28), изъ которыхъ заимствовалось возраженіе противъ Божества Іисуса Христа. На диспутахъ Фотій разсуждаетъ съ ними о произвольной смерти Господа. Какъ тогда вообще, его богословское преподаваніе, которому предшествовало образованіе философское, состояло въ изслѣдованіи Св. Писанія, въ чтеніи отеческихъ сочиненій, также какъ и въ изслѣдованіи догматическихъ и библейскихъ вопросовъ. Прекрасно владѣя діалектикою, Фотій съ умѣньемъ и искусствомъ разрѣшаетъ труднѣйшія и важнѣйшія богословскія проблемы. Въ разрѣшеніи большинства вопросовъ Фотій велъ дѣло не безъ замѣчательной смѣлости. Многое онъ говорилъ лишь для того, чтобы возбудить интересъ въ своихъ слушателяхъ. Онъ гордился титломъ строгаго ортодоксала, и однакожъ въ дружеской бесѣдѣ съ учениками позволялъ себѣ большую свободу мнѣній. Въ этомъ именно смыслѣ нужно понимать слова изъ одного его сочиненія [1]), что онъ на урокахъ высказывалъ касательно даннаго вопроса нѣсколько различныхъ мнѣній, оставляя право выбора за слушателями, и что онъ очень благодаренъ былъ тому, кто отыскивалъ лучшее и болѣе правильное рѣшеніе, чѣмъ какое давалъ онъ самъ. Изъ подъ руководства такого учителя, какъ Фотій, выходили не только глубоко образованные клирики, но и люди свѣтскіе вполнѣ свѣдущіе въ богословскихъ вопросахъ [2]). Фотій умѣлъ крѣпко привязать къ себѣ своихъ учениковъ, возбуждать ихъ любознательность. Даже когда онъ сдѣлался важнымъ государственнымъ сановникомъ, онъ и тогда не покидалъ своего профессорства; казалось, онъ не могъ жить безъ этой профессіи; его домъ становился мѣстомъ собранія для всѣхъ,

1) Въ его сочиненіи: amphilochia.

2) Hergenröther. Ibidem. Band. I. s. 332.

кто имѣлъ любовь къ наукѣ; это была академія, гдѣ сходились молодые ученые. Онъ читалъ предъ слушателями всякаго рода книги, критиковалъ ихъ по формѣ и содержанію. Богословіе всегда занимало видное мѣсто въ числѣ предметовъ, которыми занимался Фотій съ молодыми учеными. Какою привязанностью пользовался Фотій у своихъ учениковъ, это видно изъ слѣдующаго разсказа его: „когда я, что часто случалось, долженъ былъ отправиться во дворецъ, то ученики мои сопровождали меня и просили меня не долго оставаться тамъ. Когда я возвращался, меня уже ожидалъ у воротъ ученый кружокъ; тѣ изъ учениковъ, которые были болѣе смѣлыми въ обращеніи со мною, жаловались мнѣ на мое замедленіе, на мое долгое пребываніе во дворцѣ; другіе довольствовались тѣмъ, что радостно привѣтствовали меня, а иные просто приходили для того, чтобы показать, что и они ждали меня“ [1]). Но вотъ Фотій сдѣлался патріархомъ. Покинулъ-ли онъ свои педагогическія занятія? Нѣтъ, хотя ни одинъ изъ Византійскихъ историковъ и не упоминаетъ, чтобы въ свое первое патріаршество Фотій продолжалъ свои учительскія занятія, однакожъ объ этомъ съ положительностью можно догадываться. Въ самомъ дѣлѣ изъ его писемъ видно, что онъ и въ это время исправлялъ и критиковалъ присылаемыя ему на просмотръ сочиненія: сочиненія однихъ онъ хвалитъ,—другихъ порицаетъ; людямъ, расположеннымъ заниматься науками, онъ давалъ и свои совѣты, и свои книги [2]). И низвергнутый съ престола, Фотій не перестаетъ профессорствовать. Когда, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ его ссылки, онъ входитъ въ близкія отношенія съ императоромъ Василіемъ и ему позволено жить въ Мангаврскомъ дворцѣ, бывшемъ издавна мѣстомъ школы, Фотій снова принимается за свои педагогическія занятія. Около Фотія снова собираются его ученики, старые и новые друзья толпятся вокругъ любимаго учителя, хвалятъ его ученость, какъ и добродѣтели. Онъ устраиваетъ библіотеку [3]). Снова его почитатели посылаютъ къ нему на про-

1) Hergenröther. Ibidem. s. 334.
2) Hergenröther. Ibidem. s. 471.
3) Hergenröther Ibidem Band. II. s. 266.

смотръ свои сочиненія. Такъ философъ Никифоръ, поступившій въ монахи, присылаетъ ему съ этою цѣлію свою похвальную рѣчь въ честь св. мученицы (?); Фотій одобряетъ эту рѣчь, исключая нѣкоторыхъ погрѣшностей противъ синтаксиса. Фотій исправлялъ сочиненія и другихъ своихъ учениковъ, поощрялъ ихъ къ новымъ работамъ. Словомъ, Фотій во всю свою жизнь былъ самымъ ревностнымъ учителемъ [1]). О другихъ учителяхъ богословскихъ наукъ намъ мало извѣстно.

Изучая общія условія, при которыхъ тогда развивалась богословская наука, мы должны еще бросить взглядъ на то, въ какомъ отношеніи духовенство, какъ среда развитія богословской науки, и самая эта наука стояли къ тому наслѣдію, какимъ надарилъ человѣчество классическій міръ,— къ Еллинской философіи и наукѣ въ обширномъ смыслѣ? Какъ пользовалась, какъ смотрѣла богословская наука на это достояніе древности?

Посмотримъ прежде, имѣла ли какой кредитъ древняя философія въ церкви Византійской даннаго времени? Древняя философія вся сводится по преимуществу къ двумъ главнымъ направленіямъ: платонизму и аристотелизму. Были ли какія либо связи между наукою церковною нашего времени и этими направленіями? Церковь этого времени главнымъ образомъ сочувственно относилась къ философіи Аристотеля, и это установилось уже давно. Но и философія Платона не вовсе была лишена послѣдователей въ Византіи. Напримѣръ хроника Георгія Амартолы говоритъ съ великимъ ужасомъ объ Аристотелѣ и съ любовію и чувствомъ о Платонѣ. Она обвиняетъ „жалкаго“ вождя перепатетиковъ въ неблагородной и постыдной оппозиціи къ своему много превосходившему его учителю-Платону, коего лучшимъ и болѣе основательнымъ научнымъ положеніямъ онъ противопоставляетъ гораздо худшіе; хроника старается доказать это послѣднее изъ ученія Аристотеля о безсмертіи души, о провидѣніи, о фатумѣ и замѣчаетъ, что Аристотель и многое другое изобрѣлъ въ видахъ низпроверженія философіи своего учителя. На-

[1]) Photii. Epistolae. p. 909. (Migne Curs. compl. t. 102. Gr. ser.) Hergenröther B. II. s. 277.

противъ тотъ же хронистъ нѣкоторыя положенія Платона приводитъ не безъ одобренія. Отсюда можно видѣть, что платоники, какъ ни мало ихъ было въ это время, вели борьбу съ аристотеликами и эта борьба конечно приводила умы въ движеніе [1]). Главнымъ же образомъ, повторяемъ, въ церкви Византійской царюетъ тогда Аристотель и его философія. Чѣмъ объяснить такое предпочтеніе философіи Аристотеля предъ Платоновою? Чтобы понять это, нужно помнить, что въ IV и V вѣкѣ большая часть важнѣйшихъ догматовъ церкви была опредѣлена и обоснована; церкви оставалось только раскрывать и уяснять эти догматы, новыхъ шаговъ въ данномъ случаѣ она опасалась дѣлать. При такомъ положеніи церкви для нея симпатичнѣе или даже цѣлесообразнѣе была философія Аристотеля, чѣмъ Платона. Философія Платона отличается особеннымъ богатствомъ идей, притомъ идей довольно близкихъ къ христіанству; изучать ее значило слишкомъ возбуждать свою мысль; между тѣмъ такое возбужденіе мысли казалось не безопаснымъ для вѣры. И вотъ церковь вмѣсто Платона стала изучать Аристотеля. Содержаніе этой послѣдней философіи было бѣднѣе философіи Платона, этимъ устранялась опасность для вѣры, но въ тоже время ея логическія, аналитическія и силлогистическія формы давали хорошее средство для всякаго рода схоластическихъ комбинацій уже сложившихся догматовъ. Можно было сколько угодно разсуждать о догматахъ на основаніи діалектики Аристотеля, и однакожъ не касаться существенно самаго содержанія догматовъ. Вотъ чѣмъ объясняется господство въ церкви философіи Аристотеля [2]). Не задолго до нашего времени особенное значеніе доставилъ философіи Аристотеля Іоаннъ Дамаскинъ. Онъ самъ въ своихъ сочиненіяхъ показалъ образецъ примѣненія къ разработкѣ богословскихъ вопросовъ—діалектики Аристотелевой. Онъ даже составилъ учебникъ по діалектикѣ по Аристотелю; этотъ учебникъ сдѣлался самою распространенною книгою въ школахъ; позднѣе этотъ учебникъ то

1) Hergenröther. Ibidem. B. I. s. 331.

2) Gass. Aristotelismus und Platonismus in d. Griechischen Kirche. (Gennadius und Platho) s. 13. 19—21. Breslau. 1844.

сокращали, то пополняли какими-либо примѣрами. Вообще, благодаря вліянію такаго мужа, какъ Іоаннъ Дамаскинъ, изученіе Аристотеля упрочилось въ церкви [1]). Примѣръ того, съ какимъ предпочтеніемъ предъ Платономъ царилъ въ церкви Аристотель въ изучаемую нами эпоху, съ IX вѣка, примѣръ этого можно находить въ сочиненіяхъ патр. Фотія. Онъ былъ аристотеликъ и врагъ платонизма. Въ своихъ богословскихъ работахъ Фотій идетъ по пути, проложенному Дамаскинымъ. Онъ допускаетъ, вмѣстѣ съ аристотеликами, раздѣленіе философіи на естественную, этическую и метафизическую. Всѣ три рода философіи онъ находитъ выраженными въ писаніяхъ Соломона: первый въ Екклезіастѣ, второй въ Притчахъ, третій въ Пѣсни пѣсней. Философія Стагирита была для него „божественною". Вообще Фотій былъ завзятый аристотеликъ. Напротивъ Платона и его философію Фотій всегда порицаетъ. Онъ ставитъ въ упрекъ ему встрѣчающіяся въ „республикѣ" противорѣчія, неясности и непрактичныя мысли; онъ возстаетъ на платоническое ученіе объ идеяхъ, считаетъ его недостойнымъ божества и безсодержательнымъ; смѣется надъ ученіемъ Платона о твореніи, именно надъ тѣмъ, что, по Платону, сначала создаются типы всѣхъ вещей—идеи, а по нимъ уже создаются и вещи: онъ находитъ, что дѣлать модели, чтобы создавать по нимъ вещи, есть дѣло художника и притомъ не совершеннаго, который не умѣетъ однимъ актомъ сдѣлать того, что онъ намѣревается сдѣлать [2]). Вообще Фотій показываетъ себя рѣшительнымъ врагомъ Платона, и другомъ Аристотеля.

Сдѣлаемъ замѣчаніе о томъ, какъ смотрѣла церковь изучаемаго нами времени на классическую цивилизацію вообще, понимаемую въ смыслѣ классической учености и классическаго творчества. Нельзя сказать, чтобы церковь поощряла занятіе классическими древностями. Люди, цѣнившіе классическую образованность, встрѣчались, какъ исключеніе. Напр. Фотій въ письмахъ къ игумену Θеодору представляетъ его другомъ языческихъ классиковъ и особенно Гомера [3]).

1) Hergenröther. Ibidem. B. I. s. 327.

2) Hergenröther. Ibidem. B. I. s. 331. B. III. s. 342.

3) Photii. Epistolale. ibidem. p. 865.

Но такихъ было не много. Ибо самъ Фотій и его питомецъ императоръ Левъ VI, люди классически образованные, терпятъ укоры за ихъ паганизмъ (язычествованіе). Въ X вѣкѣ слышатся сильные голоса, которые утверждали, что для духовенства нѣтъ надобности въ изученіи классическихъ наукъ, что достаточно духовенству и одного богословія [1]. Какъ, значитъ, мало эти вѣка напоминаютъ вѣка Василія Великаго, Златоуста, Августина!

III.

Обозримъ состояніе той и другой богословской науки въ частности.

Каково было положеніе богословской науки вообще, это, думаемъ, даютъ понять тѣ замѣчанія, какія сдѣланы нами о дѣятеляхъ науки богословской и условіяхъ ея процвѣтанія. Частное обозрѣніе той или другой науки богословской должно сообщить еще точнѣйшее понятіе о ходѣ богословской науки въ IX, X, и XI вѣкѣ [2]).

I. Начнемъ разсмотрѣніе съ того, какъ и насколько успѣшно изучалось въ это время *Св. Писаніе.* Состояніе изученія библіи въ это время было не высоко. Самостоятельнаго изслѣдованія вопросовъ библіологическихъ и самостоятельнаго истолкованія Писанія мы почти вовсе не видимъ. Что сдѣлано отцами церкви временъ предшествующихъ по этой части, это считалось въ такой мѣрѣ достаточнымъ, что едвали можно находить хотя просто попытку сдѣлать въ этой области что либо новаго и самостоятельнаго. Экзегесомъ правда въ это время очень прилежно занимались, но все дѣло ограничивалось выборомъ лучшихъ истолковательныхъ мѣстъ у отцевъ. Достоинства экзегетическихъ трудовъ этого времени опредѣляются единственно тѣмъ, насколько умѣло, насколько цѣлесообразно воспользовался данный ком-

[1]) Hergenröther. ibidem. B. II. s. 716.

[2]) Нужно напередъ замѣтить, мы не имѣемъ въ виду перечислять всѣхъ сочиненій по той или другой богословской специальности, принадлежащихъ къ указаннымъ вѣкамъ; мы остановимся на важнѣйшихъ и наиболѣе характеристичныхъ.

ментаторъ уже существующими экзегетическими трудами отцевъ. Впрочемъ эти компилятивныя работы, бывшія совершенно въ духѣ своего времени, остаются не безъ заслуги для науки. Помимо того, что составители ихъ извлекали изъ архивовъ сокровище богословствованія древнихъ отцевъ, что они знакомили современниковъ со всѣмъ лучшимъ, что сдѣлано въ этомъ случаѣ отцами въ лучшую пору процвѣтанія науки богословской, помимо этого, подобные труды важны и для позднѣйшей науки, потому что компиляторы экзегеты черпали свой матеріалъ часто изъ такихъ источниковъ, которые не дошли до насъ, благодаря смутнымъ временамъ дальнѣйшаго положенія церкви восточной.

Между сочиненіями, касающимися изученія и въ особенности истолкованія библіи занимаетъ важное мѣсто сочиненіе патріарха Фотія подъ заглавіемъ: Quaestiones Amphilochianae или просто Amphilochia [1]). Сочиненіе это нѣкоторыми учеными причисляется къ сочиненіямъ догматическимъ, но съ большимъ правомъ, принимая во вниманіе особенности его содержанія, извѣстный Гергенретеръ относитъ его къ экзегетико-библіологическихъ [2]). Амфилохіи есть собственно собраніе изслѣдованій по различнымъ вопросамъ Св. Писанія, дагматическихъ и экзегетическихъ разсужденій, также собраніе изысканій о фисософскихъ, историческихъ и другихъ научныхъ вопросахъ. Но, повторяемъ, главное содержаніе труда —изученіе библіи. Почему это сочиненіе носить такое странное заглавіе amphilochia? Прежде думали, что сочиненіе это носитъ такое заглавіе потому, что содержитъ выдержки ихъ сочиненій Амфилохія Иконійскаго (IV вѣка), но гораздо правилѣе производить это заглавіе отъ того, что Фотій свои quaestiones назначалъ для чтенія другу своему Амфилохію митр. Кизическому, по желанію котораго они и составлены. Изслѣдованія эти обработаны Фотіемъ не въ одно, а въ различное время, но большая часть составленія ихъ принадлежитъ ко времени пер-

[1]) Прекрасный анализъ и разборъ этого сочиненія дѣлаетъ Гергенретеръ. Photius p. von. Const. Band. III, s. 31—70.

[2]) Hergenröther. ibid. s. 31.

вой его ссылки, потому что мы находимъ въ нихъ частыя жалобы на притѣсненія, на недостатокъ книгъ и переписчиковъ. Во время этой же ссылки отдѣльныя изслѣдованія приняли видъ цѣлаго сочиненія. Сочиненіе: амфилохіи по своей формѣ, формѣ сборника ученыхъ разсужденій, не составляетъ явленія новаго, подобные же труды являлись и ранѣе. Сочиненіе и по содержанію не есть трудъ оригинальный. Что Фотій при составленіи амфилохій пользовался уже и готовыми отвѣтами на вопросы, какіе ему представлялись, и что не только свои прежнія работы вносилъ въ эту книгу, но и работы другихъ авторовъ, это и само по себѣ вѣроятно, да и подтверждается его собственными словами. Онъ говоритъ, что онъ взялъ на себя трудъ собрать, соединить въ одно цѣлое и далѣе обработать то, что уже раньше сдѣлано было предшественниками. И дѣйствительно, онъ часто ссылается на отцевъ церкви, Аѳанасія, Василія В., Григорія Богослова и пр. Но иногда онъ не поименовываетъ автора, какимъ пользовался, а говоритъ только, что такъ думаютъ „нѣкоторые“. Случается и такъ, что онъ вноситъ въ свою книгу чужой трудъ и ничего не упоминаетъ объ авторѣ и такимъ образомъ усвоиваетъ его себѣ. И вообще онъ очень многое заимствуетъ изъ древнихъ авторовъ и богословская эрудиція патріарха выражается болѣе въ самомъ выборѣ, чѣмъ въ самостоятельномъ творчествѣ. Еслибы этотъ трудъ былъ вполнѣ оригинальный, онъ говорилъ бы о блестящемъ, рѣдкомъ богословскомъ талантѣ автора, но трудъ свидѣтельствуетъ больше о томъ, что авторъ его человѣкъ въ высшей степени начитанный, умѣющій выбирать лучшее, цѣлесообразное и умѣющій заимствованное пополнить и передать краснорѣчиво. Впрочемъ было бы напраслиной думать объ исключительно компилятивномъ характерѣ сочиненія автора. Дѣло въ томъ, что для многихъ и притомъ важнѣйшихъ разсужденій, вошедшихъ въ амфилохіи, нельзя указать источника, откуда могъ бы заимствовать ихъ Фотій, да притомъ между ними много такихъ, которыя носятъ ясную печать особенностей IX вѣка, такъ что будетъ дѣломъ справедливости утверждать, что одна половина и немалая въ амфилохіяхъ обязана своимъ происхожденіемъ самому Фотію, а другая заимствована изъ древнихъ

писателей. Многое въ амфилохіяхъ авторъ вноситъ изъ другихъ своихъ сочиненій и писемъ. Изложеніе сочиненія не имѣетъ полной обработанности: одинъ и тотъ же вопросъ, случается, различнымъ образомъ рѣшается въ его книгѣ. Это сочиненіе Фотія чрезвычайно важно для науки. Чтобы познакомиться, какими именно вопросами библейско-экзегетическими занимается здѣсь Фотій, приведемъ нѣсколько образцовъ. Въ 3 изслѣдованіи авторъ разрѣшаетъ вопросъ: почему не чѣмъ другимъ, а именно бреніемъ отъ цлюновенія исцѣлилъ Іисусъ очи слѣпорожденнаго? Въ изслѣдованіи 6 авторъ разбираетъ: почему въ первой главѣ книги Бытія Моисей не упоминаетъ о царствѣ небесномъ, когда по словамъ Христа оно уготовано праведнымъ отъ сложенія міра? Въ изслѣдованіи 11: почему, когда Адамъ согрѣшилъ и навлекъ на себя наказаніе смерти, невинный сынъ его Авель умираетъ прежде него? Нѣтъ ли противорѣчія (разсуждается въ изслѣдованіи 19) между словами: *и видѣ яко добро* и позднѣйшимъ различеніемъ чистыхъ и нечистыхъ животныхъ? Въ изслѣдованіи 51: зачѣмъ Господь насадилъ рай, когда однакожъ вскорѣ Адамъ изгоняется отсюда, и это было вѣдомо впередъ? и пр. [1]). О методѣ толкованія, какой усвоиваетъ себѣ Фотій въ этомъ и другихъ экзегетическихъ трудахъ меньшаго значенія, нужно сказать слѣдующее: по методу толкованія онъ не принадлежитъ ни къ аллегорикамъ въ духѣ древней александрійской школы; ни къ буквалистамъ въ духѣ антіохійской школы; онъ держится золотой середины. Противъ крайнихъ аллегористовъ Фотій возставалъ; онъ находилъ, что такой аллегоризмъ извращаетъ и уничтожаетъ историческое содержаніе библейскихъ изреченій и что онъ часто доходитъ до пустыхъ фантастическихъ образовъ. Напр., говоритъ онъ, оригенисты на словахъ принимаютъ рай, а на дѣлѣ отвергаютъ его: древа райскія, пища райская, происхожденіе Евы изъ ребра Адамова, кратко—все міротвореніе превращается

1) Hergenröther. ibid. s. 34—42. 47—52.—Amphilochia sive in sacras litteras et quaestiones diatribae. Migne. Curs. patr. Gr. ser. t. 101 p. 45—1171. 1277 etc.

у нихъ въ какую-то театральную иллюзію. Но если Фотій и вооружается противъ аллегоризма, отсюда еще не слѣдуетъ, что самъ онъ остается при буквальномъ только смыслѣ. Что онъ вообще ни какой нибудь врагъ аллегоризма по принципу, это видно изъ его собственныхъ толкованій. Напр. при объясненіи одного мѣста изъ книги Исходъ Фотій задаетъ себѣ вопросъ: почему Моисей, запретивъ употреблять пестроокрашенныя ткани, однакожъ скинію свидѣнія самъ покрываетъ подобными тканями, и отвѣчаетъ: Моисей хотѣлъ дать этимъ знать, что не слѣдуетъ держаться голой *буквы*; кто все понимаетъ въ буквальномъ смыслѣ, тотъ никогда не доходитъ до истиннаго смысла. Фотій истолковываетъ не въ буквальномъ смыслѣ законы Моисеевы обрядовые. Запрещеніе работы въ субботу, говоритъ Фотій, не исключило однакожъ того, чтобы въ оную рубили дрова, свящ. лица распластывали мясо, заколали жертвенныхъ животныхъ, тѣмъ не менѣе священники должны были быть образцами для народа; или: Моисей считаетъ прикосновеніе къ мертвецу нечистотою, предписываетъ не дѣлать никакихъ изображеній и пр., все это было бы, по Фотію, загадочно, еслибы нужно было бы понимать въ буквальномъ смыслѣ, Въ сущности же многое нужно объяснять κατὰ πνεῦμα а не κατὰ γράμμα, замѣчаетъ онъ. Вообще онъ считаетъ позволительнымъ отыскивать въ писаніи смыслъ „глубокій и мистическій". Въ своихъ толкованіяхъ Фотій не пренебрегаетъ изъясненіями такъ называемыми нравственными и типологическими. Любимыми авторами, какими пользуется Фотій въ своихъ толкованіяхъ, были Златоустъ и Ѳеодоритъ [1]).

Обращаемся къ другимъ изслѣдователямъ библіи и экзегетамъ разсматриваемаго времени. Какъ экзегетъ знаменитъ Екуменій епископъ Трикки Ѳессалійской. Онъ жилъ около половины X вѣка. Извѣстны его толкованія на посланія ап. Павла и соборныя, на книгу Дѣяній и на Апокалипсисъ. Онъ не былъ толкователемъ оригинальнымъ. Въ своихъ толкованіяхъ онъ пользуется сочиненіями древнихъ, Папіемъ,

1) Hergenröther. ibidem. s. 280—281.

Іустиномъ, Иринеемъ, Ипполитомъ, Климентомъ, Діонисіемъ, Александрійскимъ, Евсевіемъ, Кирилломъ, Аѳанасіемъ, Григоріемъ Богословомъ и Нисскимъ, Златоустомъ и др., не исключая и Оригена. Изъ позднѣйшихъ пользовался Фотіемъ. „Авторъ не ограничивался тѣмъ, что извлекалъ только подходящее изъ древнихъ писателей, но сличалъ ихъ, сознательно усвоивалъ то, что находилъ у другихъ. Онъ показываетъ умѣнье выбирать и умѣнье судить, предпочиталъ буквальный смыслъ писанія. Свои замѣчанія онъ формулируетъ такъ: „можно и такъ думать“ [1]). Екуменій въ своихъ толкованіяхъ, кажется, пользовался и устнымъ преданіемъ. Такъ при толкованіи *Дѣян.* 1, 18 онъ разсказываетъ слѣдующее объ Іудѣ предателѣ: Іуда повѣсился, но не удавился совсѣмъ; веревка, на которой онъ висѣлъ, оборвалась и онъ рухнулся на землю. Послѣ этого онъ еще жилъ, тѣло его распухло и покрылось червями; онъ умеръ въ своемъ имѣніи, заживо издавая ужасный запахъ. Это мѣсто сохранило тотъ же запахъ и впослѣдствіи, по Екуменію [2]).

Въ ряду болѣе значительныхъ комментаторовъ слѣдуетъ дать мѣсто Ѳеофилакту, архіепископу Болгарскому. Родился (сред. XI вѣка) и большую часть жизни провелъ онъ въ Константинополѣ. Какъ видно изъ его сочиненій, онъ получилъ очень серьозное образованіе; кромѣ богословія знакомъ былъ съ науками классическими. Въ Константинополѣ онъ назывался „учителемъ риторовъ“, т. е. былъ образцовымъ проповѣдникомъ. Ѳеофилактъ принадлежитъ къ числу ревностныхъ толкователей Св. Писанія. Ему принадлежатъ слѣдующіе комментаріи: почти на весь Новый Завѣтъ и на нѣкоторыхъ малыхъ пророковъ. Въ трудахъ своихъ всего болѣе онъ слѣдуетъ толкованіямъ Златоуста, такъ что иногда только сокращаетъ его бесѣды. Однакожъ онъ привноситъ и многія самостоятельныя объясненія. Ему именно принадлежатъ тѣ объясненія, которыя противопоставляются ерети-

[1]) Филарета арх. Черниговскаго. Ученіе объ отцахъ церкви. Ч. III, стр. 395—6. Ceillier. Hist. d. auteurs sacres et eccles. t. XIX, p. 742—3.

[2]) Rosenmüller. Historia interpretationis librorum sacr. p. 269, pars IV. Lipsiae. 1813 y Migne. Curs. patr. ton. 118 (весь) с. 119 p. 9—722. Ser. Gr.

камъ позднѣйшихъ временъ, или которыя касаются предметовъ спора съ латинянами. Толкованія Θеофилакта изобилуютъ аллегоризмомъ, но его аллегоризмъ свидѣтельствуетъ о высокомъ умѣ и образованномъ вкусѣ. Въ затруднительныхъ мѣстахъ Св. Писанія, когда писатели представляются противорѣчащими одинъ другому, онъ прибѣгаетъ къ очень смѣлому пріему. Такъ истолковывая Іоан. 19, 14 ст., онъ встрѣчается съ вопросомъ, какъ объяснить то, что по Іоанну Іисусъ распятъ въ 6-й часъ, а но Марку въ третій, и находитъ, что въ первомъ случаѣ просто описка: цифры 3 и 6 по гречески пишутся схоже и переписчикъ евангелія Іоанна вмѣсто, какъ бы слѣдовало, цифры 3 поставилъ 6. Не по особенному ли чувству цѣломудренности Θеофилактъ разсказъ евангелиста Іоанна (гл. VIII) о женѣ ятой въ прелюбодѣяніи оставляетъ безъ всякаго толкованія? Слабѣйшими между экзегетическими трудами Θеофилакта нужно признать толкованія на малыхъ пророковъ. Толкованію евангелій Θеофилактъ предпосылаетъ небольше введеніе, въ которомъ высказываетъ мысль, что евангелисты кое въ чемъ второстепенномъ отступаютъ другъ отъ друга въ повѣствованіи, но въ этомъ толкователь видитъ признакъ достовѣрности евангелій: еслибы евангелисты были совершенно согласны одинъ съ другимъ, можно было бы подумать, что они писали, напередъ сговорившись о чемъ и какъ писать. Теперь же подобное подозрѣніе не возможно [1]). Θеофилактъ писалъ по гречески [2]).

1) Филарета архіепископа Черниговскаго, ibidem. стр. 422. Kurtz. Kirchengeschichte. Band. I, abtheil. 3, s. 133—4. Rosenmüller. ibidem. p. 290—1; 295—7; 315. Θеофилактъ. Благовѣстникъ, предисловіе, изданіе Каз. д. акад.— Многое и важнѣйшее изъ толкованій Θеофилакта издано въ русскомъ переводѣ при Казан. д. академіи.

2) Къ толкователямъ Св. Писанія той же эпохи съ нѣкоторой вѣроятностію можно относить и еще одно заслуживающее упоминанія лице,—разумѣемъ епископа Сирскаго Моисея Баркефу. Отъ него дошелъ до насъ комментарій о раѣ. Комментарій оригиналенъ, потому что комментаторъ обладаетъ большою свободою фантазіи. Онъ говоритъ, что есть два рая, земной и духовный и сначала говоритъ о первомъ. Онъ входитъ въ изслѣдованіе вопроса: когда созданъ рай и рѣшаетъ вопросъ такъ: рай созданъ въ 3-й день, потому что Господь сказалъ въ оный день: „да произведетъ земля траву и древа, приносящія сѣмена и плодъ“ (Быт. I, 11). Онъ старается опредѣлить пространственную ши-

II. Церковная исторія въ обширномъ смыслѣ. Уже давно, еще въ V вѣкѣ, кончился цвѣтущій періодъ церковно-исторической литературы. Разсматриваемая эпоха также не сдѣлала никакого замѣчательнаго вклада въ церковно-историческую науку. До насъ не дошло изъ этой эпохи ни одного церковно-историческаго труда въ строгомъ смыслѣ, труда въ родѣ Евсевіева и его продолжателей. Изъ нашего времени церковно-историческая наука можетъ отмѣтить только нѣсколько сочиненій, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ церковной исторіи и могущихъ служить пособіемъ при изученіи ея.

Первое мѣсто между такими сочиненіями занимаетъ лѣтопись патріарха Александрійскаго Евтихія, жившаго въ X вѣкѣ. Лѣтопись Евтихія начинается со времени сотворенія міра, разсказываетъ событія ветхозавѣтныя и кратко новозавѣтныя, затѣмъ вмѣстѣ съ свѣтской исторіей излагаетъ исторію церкви христіанской съ обращеніемъ особеннаго вниманія на церковь Александрійскую. Доводится она до начала X вѣка. Евтихій въ своей исторіи допускаетъ важныя погрѣшности во многихъ случаяхъ, не точенъ въ хронологіи; тѣмъ не менѣе лѣтопись сохраняетъ свои достоинства въ особенности по отношенію къ изученію церкви Александрійской. Свѣдѣнія, какія сообщаетъ Евтихій изъ раннѣйшей исторіи христіанства, не важны; ихъ въ болѣе точномъ ви-

роту рая и объ этой широтѣ хочетъ судить по широтѣ рѣки,которая орошала его и которая была такъ обширна, что при выходѣ изъ рая раздѣлялась на четыре рукава. Онъ думаетъ, что рай существовалъ до пришествія Христа, что отсюда вознеслись Енохъ и Илія на небо. Онъ беретъ на себя задачу опредѣлить, какого рода было древо познанія добра и зла и утверждаетъ, что это было фиговое дерево, изъ котораго первые люди сдѣлали себѣ препоясаніе. Онъ думаетъ, что діаволъ напередъ спрашивалъ у Бога позволенія искусить Еву при помощи змія и что ангелы не упоминаются въ книгѣ Бытія раньше повѣствованія объ Агари изъ предосторожности, чтобы іудеи не стали почитать ихъ, какъ боговъ. При разсмотрѣніи рая духовнаго Моисей въ мистическомъ смыслѣ объясняетъ все то, что говорится въ писаніи о раѣ чувственномъ. Онъ былъ хорошо знакомъ съ древними писателями сирскими и греческими и самъ писалъ по-сирски. Кажется, онъ не чуждъ былъ воззрѣній монофизическихъ. Смерть его относятъ къ 913 году. Сочиненіе Моисея напечатано у Migne, curs. patr. t. CXI. S. Graec. p. 481—607. Ceillier. Hist d. auteurs sacres et. c. tome XX p. 77—8. 80.

дѣ можно заимствовать изъ другихъ источниковъ. Но за то его лѣтопись даетъ полезныя свѣдѣнія объ исторіи египетской православной церкви позднѣйшаго времени. На достоинства хорошаго историка Евтихій не можетъ имѣть притязанія, напр. въ позднѣйшей исторіи церкви краткое описаніе событій, касающихся собственно церкви, смѣняется длинными страницами скучной лѣтописи калифовъ, ихъ родословій, преемствъ и пр. Историкъ церковной литературы Каве даетъ такой отзывъ о важности свѣдѣній, сообщаемыхъ лѣтописью: „Въ анналахъ Евтихія встрѣчается много достойнаго вниманія, что напрасно мы стали бы искать въ другомъ мѣстѣ, но много въ нихъ и такого, что можно назвать бабьими сказками; хотя это авторъ и не выдумываетъ отъ себя, однакожъ черпаетъ изъ недостовѣрныхъ источниковъ своей церкви". Какъ много ошибокъ и невѣрныхъ сказаній въ лѣтописи Евтихія, объ этомъ могутъ свидѣтельствовать слѣдующіе примѣры. Онъ говоритъ, что до III вѣка, до времени епископствованія въ Александріи Димитрія, въ Египтѣ всего было по одному епископу и что онъ первый посвятилъ другихъ троихъ епископовъ, чѣмъ положилъ начало увеличенію числа епископовъ въ Египтѣ. Но это невѣрно: уже въ царствованіе императора Адріана въ началѣ II вѣка мы встрѣчаемъ здѣсь нѣсколько епископовъ, а не одного. Оригена онъ считаетъ епископомъ и думаетъ, что онъ жилъ при императорѣ Юстиніанѣ. Здѣсь двѣ ошибки: во 1-хъ Оригенъ не былъ епископомъ, во 2-хъ жилъ въ III вѣкѣ, а не въ VI. Споръ иконоборческій впервые въ его лѣтописи упоминается при изложеніи царствованія Θеофила (анахронизмъ во 100 лѣтъ). Онъ не точенъ даже въ извѣстіяхъ о самыхъ вселенскихъ соборахъ [1]). Впрочемъ, какъ мы сказали словами Каве, лѣтопись его заключаетъ въ себѣ и интересныя извѣстія. Такъ его сказаніе о томъ, что евангелистъ Маркъ учредилъ въ Александріи пресвитерскую коллегію, изъ 12 священниковъ, для избранія

[1]) Лѣтопись Евтихія въ латинскомъ переводѣ помѣщена у Migne. ibidem. p. 907—1156. Cave. Historia litteraria. vol. 2, p. 96—7. Ceillier. ibidem. p. 71—2. Очеркъ исторіи Александрійской церкви стр. 253. (Хр. чтеніе. 1856. I).

епископа Александрійскаго и что это учрежденіе уничтожилъ Александръ, епископъ Александрійскій, доселѣ обращаетъ на себя вниманіе серьозныхъ историковъ [1]), такъ какъ въ этомъ сказаніи заключаются нѣкоторыя указанія на возникновеніе ереси эвіонской. Сочиненіе написано на арабскомъ языкѣ.

Другой трудъ, которому мы должны посвятить свое вниманіе при разсмотрѣніи состоянія церковно-исторической науки разбираемаго времени, есть „житія святыхъ“ Симеона Метафраста. Симеонъ жилъ въ X вѣкѣ, въ эпоху Константина Порфирогенита и принадлежалъ къ плеадѣ тогдашнихъ ученыхъ. По своему сану Симеонъ былъ важнымъ государственнымъ сановникомъ. Имя: Метафрастъ получилъ онъ отъ характера своего труда „житія святыхъ“ (метафрастъ значитъ перелагатель или переводчикъ). „Житія святыхъ“ Симеона—это трудъ громадный и заслуживающій памяти потомства. Чтобы предпринять свой трудъ, Симеону надобно было, съ безчисленными издержками собрать, покупать, извлечь изъ неизвѣстности тысячи манускриптовъ, какіе истлѣвали въ пыли монастырскихъ библіотекъ востока и запада, Азіи и Греціи, Константинополя и Венеціи, горы Аѳонской и горы Кассино, Италіи и Египта. Словомъ, нужны были два условія, безъ которыхъ выполненіе труда было невозможнымъ: богатство и непреклонная рѣшимость. Тѣмъ и другимъ Симеонъ обладалъ. Важнымъ условіемъ благопріятнымъ для Симеона было и то, что онъ былъ первостатейнымъ сановникомъ именно при византійскомъ императорѣ, который пользовался тогда высокимъ почетомъ во всемъ христіанскомъ мірѣ; только при этомъ условіи сдѣлались доступными для Симеона книжныя сокровищницы монастырей. Для того, чтобы переложить житія святыхъ, писанныя на разныхъ языкахъ, на языкъ греческій, для этого слѣдоло располагать обширнымъ персоналомъ,—и это еще въ видахъ приготовленія къ труду,—но подобное дѣло могло быть съ руки лишь такому человѣку, какъ Симеонъ, который въ

1) Напр. Нилъ. Исторія церкви Александрійской (въ Приложеніи къ „Православ. Обозр.“).

качествѣ великаго логоѳета (должность въ родѣ теперешняго министра иностранныхъ дѣлъ) могъ распоряжаться по своему желанію переводчиками, состоящими на службѣ государственной при такъ называемой логоѳетіи двора. На основаніи всѣхъ этихъ разноязычныхъ сочиненій надлежало составить идею, или по выраженію Никифора Каллиста „изъ всѣхъ этихъ яствъ всякаго рода составить одно новое блюдо, чудный праздничный столъ для всего христіанства“. Дѣло очень нелегкое!—Съ какими трудностями въ другихъ отношеніяхъ долженъ былъ бороться неутомимый Симеонъ, это ясно будетъ, если примемъ въ расчетъ состояніе, въ какомъ находилась дотолѣ литература житій святыхъ. А состояніе это было вотъ какое: „біографіи святыхъ страдали слѣдующими недостатками: онѣ или были исполнены лжи, или написаны такимъ языкомъ, который не соотвѣтствовалъ достоинству предмета; такъ, не умѣли изобразить съ должнымъ краснорѣчіемъ жестокости и звѣрства тирановъ и описывать мудрость, съ какою отвѣчали мученики. О вещахъ важныхъ писали небрежно, встрѣчались мысли нелѣпыя или безсвязныя, языкъ былъ тривіаленъ и ниже своего предмета; у однихъ изъ читателей возбуждало это смѣхъ, у другихъ презрѣніе. „Подвиги и побѣды рабовъ Божіихъ становились предметомъ насмѣшекъ“. Таково свидѣтельство одного древняго писателя о состояніи агіографіи до Симеона. Сравнить тексты и манускрипты житій святыхъ, выбросить разсказы, не запечатлѣнные правдивостію, исправить ошибки прежнихъ излагателей житій, передать эти житія слогомъ, достойнымъ важности предмета, составить изъ разрозненныхъ агіографовъ одно обширное и гармоническое цѣлое—вотъ въ чемъ должно было состоять дѣло Симеона Метафраста. И онъ дѣйствительно принялся за этотъ трудъ, сдѣлавъ многое и предоставивъ окончаніе дѣла своимъ преемникамъ [1]).

[5]) Rambaud. L'empire Grec au 10 siècle p. 101 — 2. Paris. 1870. Филарета Черниговскаго. Ученіе объ отцахъ церкви. Ч. III, стр. 391. Слѣдуетъ сдѣлать замѣчаніе: такъ какъ критикъ съ трудомъ отличаетъ житія святыхъ, составленныя самимъ Метафрастомъ отъ житій составленныхъ его продолжателемъ и носящихъ тоже имя метафраста, то говоря о житіяхъ Симеона, мы будемъ вообще разумѣть житія, извѣстныя съ этимъ именемъ. Аллацій (XVII в.) говоритъ, изучивъ житія метафраста, что Симеономъ написано 122 жизнеописанія,

Теперь, сколь хорошо Метафрастъ выполнилъ свой трудъ? Современники ставили въ упрекъ Симеону простоту повѣствованія. Вкусъ времени хотѣлъ бы находить въ житіяхъ Симеона тоже, что находили тогда почти вездѣ: по мѣстамъ разныя философскія умствованія, какія-либо разсужденія къ дѣлу и не къ дѣлу о геометріи и астрономіи, о движеніяхъ небесныхъ планетъ. Но онъ препебрегалъ подобными ненужными вещами; это и считали излишнею простотой житій Симеона. Впрочемъ онъ не могъ совсѣмъ отказаться, чтобы не отдать дани времени. Случается, удовлетворяя вкусу времени, Симеонъ вдается въ ненужныя разсужденія о рѣкахъ, разсуждаетъ о естественныхъ причинахъ какого-либо феномена, о гармоніи временъ года и проч. [1]). По отношенію къ исправленію содержанія житій Симеонъ сдѣлалъ много полезнаго. Въ этомъ случаѣ мы приведемъ мнѣніе извѣстнаго своими свѣдѣніями изъ древней греческой письменности и критическою строгостію, новѣйшаго писателя Монфокона. Изучая древнія рукописи, въ которыхъ заключались нѣкоторыя жизнеописанія святыхъ, составленныя прежде Симеона, онъ замѣтилъ, что эти житія наполнены были фабулами и сказками, но что Симеонъ не только передалъ эти житія лучшимъ слогомъ, и повычеркнулъ многія чудеса, которыя носили на себѣ слѣды изобрѣтательной фантазіи. Такимъ образомъ за Метафрастомъ остается несомнѣнная заслуга въ томъ отношеніи, что онъ очистилъ житія святыхъ отъ многаго недостойнаго, невѣрнаго, ложнаго [2]). Но оцѣнивая эту заслугу, мы конечно должны помнить, что Метафрастъ какъ критикъ стоялъ на степени научнаго развитія своей эпохи. Современный критикъ потребовалъ бы большаго отъ Метафраста, чѣмъ сколько требовало то время. Наприм. въ иныхъ случаяхъ онъ поправлялъ житія, руководясь лишь своимъ чувствомъ и разсудкомъ.

но и изъ остальныхъ житій, встрѣчающихся съ именемъ Метафраста (такихъ 539) многія были поправляемы тѣмъ же Симеономъ. Арх. Сергій. Полн. мѣсяцесловъ востока, ч. I, стр. 184. М. 1875.—Vitae sanctorum изданы у Migne curs. patr. Gr. ser. tom 114—116.

[1]) Rambaud. ibidem.

[2]) Филар. Черниговскаго. ibid. стр. 392. Ceillier ibid. t. XIX p. 596.

Иногда онъ пополняетъ житія разсказами, истинность которыхъ не можетъ быть признана. Такъ въ акты мученика Димитрія Θессалоникійскаго онъ вноситъ чудесные разсказы, которыхъ нѣтъ въ житіи этого мученика, помѣщенномъ въ Фотіевой „библіотекѣ". Еще замѣчаніе о недостаткахъ труда Симеонова: въ составъ его собранія житій вошли многія слова и бесѣды св. отцевъ, сказанныя въ тотъ или другой праздникъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь рѣчи Аθанасія, Григорія Богослова, Василія Великаго, но эти рѣчи появляются въ такихъ передѣлкахъ у автора, которыя искажаютъ ихъ форму и содержаніе. Передѣлывая ихъ, Симеонъ лишаетъ тѣмъ ихъ дѣйствительныхъ достоинствъ. При одномъ случаѣ въ одной бесѣдѣ Василія Великаго текстъ, принадлежащій еретику Евномію, Метафрастъ принимаетъ за собственныя слова Василія [1]). Мало того: иныя изъ житій Симеоновыхъ слишкомъ похожи одно на другое и слѣдовательно рисуютъ не дѣйствительныя лица, а воображаемыя. При сужденіи о трудѣ Метафраста мы должны впрочемъ помнить, что онъ имѣлъ подъ руками такую груду матеріаловъ сырыхъ, съ которою не легко было бы справиться и всякому другому на мѣстѣ Метафраста [2]). Нужно сказать, что Метафрастъ стяжалъ себѣ высокую славу въ церкви и литературѣ византійской. Его называли учителемъ, великимъ, сладостнымъ; его авторитетъ, какъ историка, пользовался абсолютнымъ довѣріемъ; его восхваляли какъ новаго евангелиста, вдохновляемаго Богомъ. Вмѣстѣ съ Василіемъ Великимъ и славнымъ Златоустомъ онъ составлялъ, по сознанію древнихъ византійцевъ, священную тріаду ученыхъ. И до сего дня церковь воспѣваетъ его какъ святаго въ своихъ гимнахъ [3]).

Переходимъ къ другимъ сочиненіямъ важнымъ въ области церковно-исторической и появившимся въ тоже время, о которомъ мы говоримъ. Будетъ, кажется, несправедливо отказать въ нашемъ вниманіи „библіотекѣ" Фотія, о кото-

[1]) Ceillier. ibidem. p. 594—5.
[2]) Фил. Черн. ibid. стр. 393.
[3]) Rambaud. ibid. p. 104.

рой мы уже сообщали ранѣе нѣкоторыя свѣдѣнія, и которая занимаетъ высокое мѣсто въ наукѣ церковно-исторической. Мы уже знаемъ, что „библіотека“ не есть собственно богословское и церковно-историческое сочиненіе, но она доставляетъ богатый и интересный матеріалъ для церковнаго историка. Большая часть „библіотеки“ посвящена обзору сочиненій, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ христіанской древности. Здѣсь авторъ дѣлаетъ краткія критическія и библіографическія замѣчанія и о различныхъ свято-отеческихъ сочиненіяхъ, и о сочиненіяхъ еретиковъ, и о мученическихъ актахъ, и о церковно-историческихъ трудахъ Евсевія, Сократа и др., объ актахъ многихъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и пр. Въ особенности важно то, что авторъ упоминаетъ и дѣлаетъ разборъ такихъ сочиненій, о которыхъ бы мы и понятія не имѣли никакого, помимо Фотія. Сюда прежде всего принадлежитъ анонимное сочиненіе, которое въ 15 книгахъ излагаетъ свидѣтельства въ пользу христіанства различныхъ ученыхъ Греціи, Персіи, Египта, Вавилона, Халдеи и Индіи. Авторъ сочиненія жилъ, по Фотію, во времена царя Ираклія. Фотій остается недоволенъ этимъ сочиненіемъ, потому что авторъ его находитъ слишкомъ много родственныхъ идей у христіанъ съ языческими народами. Въ особенности чрезвычайно много интересныхъ свѣдѣній авторъ „библіотеки“ сообщаетъ о сочиненіяхъ еретическихъ, до насъ не дошедшихъ. Сочиненіе Фотія впрочемъ говоритъ не о всѣхъ древнихъ христіанскихъ писателяхъ и книгахъ, о многихъ и очень важныхъ оно вовсе не говоритъ. Это зависѣло отъ того, что авторъ и не имѣлъ въ виду написать полнаго обзора древне-христіанской литературы, онъ писалъ библіотеку для брата своего Тарасія, по частнымъ цѣлямъ. Сочиненіе, при всемъ его важномъ значеніи научномъ, по части критики нерѣдко погрѣшаетъ. Сужденія Фотія о слогѣ критикуемыхъ имъ авторовъ не чужды односторонности и предразсудковъ и показываютъ недостатокъ вкуса даже у мужа такого образованія, какъ Фотій. Притомъ онъ принимаетъ за подлинныя многія сочиненія древности явно неподлинныя, такъ наприм. нѣкоторыя бесѣды приписываетъ Златоусту, тогда какъ онѣ не принадлежатъ ему. Далѣе, въ критикѣ нѣкоторыхъ отцевъ церкви

онъ придирчивъ, мелоченъ и безъоснователенъ. Такъ онъ осуждаетъ Климента римскаго за то, что онъ пользуется примѣромъ птицы Феникса, что употребляетъ касательно Христа выраженія не столь возвышенныя и сообразныя съ величіемъ Богочеловѣка. По мнѣнію Гергенретера правило, которое высказываетъ самъ Фотій въ одномъ мѣстѣ своей библіотеки: „ничто не препятствуетъ при чтеніи полезное выбирать, а остальное опускать", правило это не всегда хорошо помнилъ онъ при составленіи своей библіотеки. Впрочемъ недостатки своего сочиненія сознавалъ и самъ авторъ и заявлялъ объ этомъ откровенно брату Тарасію, для котораго и назначалась „библіотека" [1]).

Считаемъ умѣстнымъ наконецъ при разсмотрѣніи сочиненій церковно-историческаго характера [2]) сдѣлать замѣчанія о номоканонѣ Фотія. По скольку законовѣдѣніе церковное есть часть церковной исторіи, по стольку произведенія по церковному праву принадлежатъ къ области церковно-исторической науки. Еще раньше Фотія, составившаго номоканонъ, возникала мысль изложить церковные каноны и совмѣстно съ ними свѣтскіе законы, касающіеся церковныхъ дѣлъ, напр. брака и проч., такъ какъ тѣ и другіе доселѣ излагались въ отдѣльныхъ сборникахъ,—изложить въ одномъ и томъ же собраніи, подчинивъ ихъ опредѣленной системѣ. Это-то и составило задачу Фотія при составленіи номоканона. Имя номоканонъ указываетъ на соединеніе въ одно цѣлое законовъ церковныхъ и гражданскихъ, при чемъ одни другими изъясняются, истолковываются и дополняются. Такъ какъ въ византійскомъ государствѣ съ одной стороны свѣт-

[1]) Hergenröther. ibid. B. III, s. 19—30. Myriobiblion sive Bibliotheca занимаетъ въ изданіи Миня curs. patr. Gr. ser. t. 103; tom. 104 p. 9—356.

[2]) Къ сочиненіямъ церковно-историческимъ, заслуживающимъ упоминанія, слѣдуетъ отнести сочиненіе Никиты: „Жизнь патр. Игнатія". Авторъ жилъ въ концѣ IX и въ началѣ X вѣка. Сочиненіе заключаетъ весьма много любопытныхъ извѣстій, касающихся столь извѣстныхъ личностей въ исторіи—Фотія и Игнатія. Къ сожалѣнію авторъ принадлежалъ къ партіи слѣпыхъ приверженцевъ Игнатія и писалъ о Фотіи лишь въ тонѣ вражды. Основательный разборъ сочиненія „Жизнь Игнатія" дѣлаетъ о. Герасимъ (Архим.) въ книгѣ „Отзывы о патр. Фотіи" стр. 193 и др. См. Migne. Cursus patrologiae. T. 105. p. 487—574. Gr. Ser.

ское законодательство достигло великаго вліянія на церковь, съ другой и каноны церковные признавались государствомъ въ качествѣ общихъ законовъ для имперіи, то вслѣдствіе связи между двумя родами доказательствъ являлась сама собою очевидною польза отъ совмѣстнаго изложенія законовъ церкви и государства по дѣламъ церковнымъ. Въ номоканонѣ изложены церковные законы съ раздѣленіемъ на 14 отдѣловъ, къ каждому отдѣлу прилагались извлеченія изъ свѣтскихъ законовъ, относящіяся къ тому или другому вопросу. Нужно сказать, что номоканонъ Фотія, какъ и вся почти литература этого времени, не есть трудъ оригинальный и до него не мало было сдѣлано попытокъ въ томъ же родѣ. Фотій воспользовался уже готовымъ трудомъ въ подобномъ же родѣ и переработалъ его, создавъ изъ него болѣе систематическое цѣлое. Самостоятельная работа въ данномъ случаѣ состояла главнѣйше во первыхъ въ томъ, что онъ прибавилъ къ существовавшему уже номоканону нѣкоторыя новыя каноническія опредѣленія; во вторыхъ внесъ въ него нѣкоторые законы свѣтскіе, которыхъ въ немъ не было; въ 3-хъ вѣроятно исключилъ законы, которые перестали дѣйствовать въ практикѣ; въ 4-хъ приложилъ къ нѣкоторымъ правиламъ самостоятельное объясненіе ихъ. Трудъ этотъ Фотій совершилъ во время втораго своего патріаршества. Номоканонъ достигъ высокаго уваженія въ церкви и постоянно употреблялся въ практикѣ церковной. Вальсамонъ свидѣтельствуетъ, что номоканонъ Фотія вытѣснилъ изъ употребленія всѣ другіе труды прежніе въ томъ же родѣ [1]).

III. Догматика и полемика или догматико-полемическая литература. Литература эта была довольно обширною въ изучаемую эпоху, но по своему содержанію она представляетъ немного интереснаго. Новыхъ мыслей въ ней было мало, глубокихъ умозрѣній въ ней не встрѣчаемъ. Многія причины условливали такое явленіе. Древній примѣръ Оригена, глубокаго богослова, но въ тоже время и еретика, ка-

[1]) Hergenröther. ibid. Band III, s. 98—101. 105—6. Іоанна еписк. Смолен. Курсъ церк. законовѣдѣнія. Вып. 1. стр. 91 и др. Nomocanon изданъ Минемъ въ curs. patr. Gr. ser. въ т. 104, p. 1246—1303.

кимъ признала его позднѣйшая церковь, удерживалъ богослововъ отъ слишкомъ смѣлыхъ богословскихъ пареній. Притомъ же богословскія заблужденія изъ времени вселенскихъ соборовъ происходили часто отъ слишкомъ неумѣренной пытливости. Вслѣдствіе чего и всякая вообще богословская пытливость стала считаться скользкимъ путемъ, ведущимъ къ опаснымъ слѣдствіямъ. Великое значеніе въ древности для развитія обработки богословія имѣла разность направленій школы александрійской и антіохійской; онѣ выработали системы, которыя вызывали оживленную богословскую борьбу, заставляли мысль богословскую напрягаться и работать. Въ настоящее же время въ церкви не только нѣтъ какихъ-либо новыхъ школьныхъ направленій въ богословской наукѣ, но даже вовсе забыты и направленія древнихъ школъ—александрійской и антіохійской. Они сближаются одно съ другимъ и исчезаютъ. Мысль идетъ по однажды принятому безъ всякихъ позывовъ къ чему нибудь новому, къ усиленному напряженію и серьозному углубленію. Мы не видимъ проявленій мысли богословской въ такомъ родѣ, какъ это было во времена споровъ аріанскихъ, несторіанскихъ и монофизитскихъ. Если теперь и являются споры, то они были такого характера, какой вовсе не вызывалъ на углубленіе мысль богословскую, и какой указывалъ, что теперь церковь уже мало интересуется тѣмъ, чѣмъ она интересовалась раньше. Теперь напр. чтители трехъ великихъ святителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго поднимаютъ жестокіе споры о томъ, кому изъ троихъ святителей нужно отдавать первенство чести. Одни ставили выше всѣхъ Василія, другіе отдавали преимущество Григорію, третьи—Златоусту. Споры готовы были привести къ расколу. Но о чемъ собственно спорили? не о томъ, кто изъ этихъ богослововъ оказалъ больше услуги церкви и наукѣ, а единственно о томъ, кто изъ нихъ выше по рангу, кому изъ нихъ слѣдуетъ воздавать честь большую, чѣмъ другимъ. Споръ приводитъ не къ тому, что начинаютъ изучать творенія этихъ святителей, чтобы отсюда рѣшить вопросъ, кто изъ трехъ святителей подлинно славнѣе другихъ, а лишь къ тому, что устанавливается общій праздникъ въ честь трехъ

святителей, и споръ замолкаетъ [1]). Отсюда видно, что среда тогдашней церкви немного благопріятствовала возбужденію богословской мысли; среда эта находилась не на такомъ пути, который бы велъ къ подобной цѣли. Правда теперь завязываются споры съ павлиніанами и латинскою церковію, но и эти споры имѣли мало возбуждающаго для богословской мысли. Павлиніане были ересью не новою, а потому съ ними спорили безъ особеннаго одушевленія, почти также какъ спорили теперь и съ несторіанами и монофизитами. Что касается до споровъ съ латинянами, то они возникли не вслѣдствіе того, что проявилось глубокое сознаніе въ церкви, что восточное и западное христіанство въ своемъ религіозно-умственномъ направленіи далеко разошлись одно съ другимъ,—подобное сознаніе должно было бы оживлять богословскую мысль,—а вслѣдствіе внѣшней вражды между первосвященниками римскимъ и константинопольскимъ. Полемика между этими церквами состояла преимущественно въ томъ, что одна церковь старалась отыскивать у другой какъ можно больше слабостей и недостатковъ; споры разрѣшались въ пререканія о мелочахъ, какимъ нѣтъ мѣста въ дѣйствительно дѣльныхъ и серьёзныхъ спорахъ.

Содержаніе богословскихъ сочиненій и методъ разработки богословскихъ вопросовъ представляютъ много интереснаго; содержаніемъ были по преимуществу вопросы, разработанные ранѣе: о Троицѣ, о соединеніи во Христѣ двухъ естествъ и пр. Поле дѣятельности богословствующей мысли не расширилось. Доказательства приводились не непосредственно изъ Св. Писанія, а больше выбирались изъ отцевъ церкви. Методъ разработки догматовъ принимаетъ все болѣе и болѣе схоластическое направленіе.

Обращаемся къ обозрѣнію догматико-полемическихъ трудовъ IX, X, XI вѣка. Догматическихъ сочиненій въ смыслѣ систематическаго изложенія догматовъ вѣры мы не знаемъ за это время, по крайней мѣрѣ не знаемъ такихъ, которыя заслуживали бы серьёзнаго вниманія [2]). Поэтому займемся

[1]) Филар. архіеп. Черниг. Ibidem. стр. 424.

[2]) Догматическія сочиненія Θеодора митрополита Карійскаго, жившаго въ X вѣкѣ и изложившаго многіе догматическіе вопросы въ діалогической формѣ

догматико-полемическими сочиненіями. Разсмотримъ первѣе, что писано было противъ павликіанъ. Павликіане составляли тогда очень многочисленную секту въ византійской имперіи. Нужно сказать, что ихъ считали тогда за отрасль древнихъ манихеевъ, а потому и сочиненія противъ нихъ направлялись съ именемъ манихеевъ. Интересное сочиненіе, написанное противъ павликіанъ, составляетъ „исторія манихеевъ“ Петра Сицилійскаго. Петръ, названный Сицилійскимъ, кажется, отъ родины своей, Сициліи, жилъ собственно въ Византійской имперіи, имѣлъ случай въ продолженіи девятимѣсячнаго пребыванія среди павликіанъ въ Арменіи лично и хорошо познакомиться съ сектою; и плодомъ этого изученія было его сочиненіе: „исторія манихеевъ“. Изложеніе исторіи и ученія ихъ было, по сужденію автора, лучшимъ опроверженіемъ секты. Все ученіе павликіанъ Петръ сводитъ къ слѣдующимъ шести положеніямъ: во 1-хъ они принимали два начала: благаго Бога, о которомъ говоритъ Христосъ въ Евангеліи, голоса Котораго никто не слыхалъ и лица Котораго никто не видалъ, и злаго Бога, виновника міра видимаго; во 2-хъ они не уважали Божіей Матери; утверждали, что Христосъ родился отъ Нея не собственно, что Онъ принесъ свое тѣло съ неба и что послѣ того какъ она родила Христа, имѣла другихъ дѣтей отъ Іосифа мужа своего; въ 3-хъ они отрицали таинство Евхаристіи, говоря, что Христосъ не давалъ своимъ ученикамъ дѣйствительный хлѣбъ и вино, но что Онъ указалъ имъ символы и сказалъ слово, и этимъ какъ бы далъ имъ хлѣбъ и вино; въ 4-хъ они не почитали креста, не признавали его силы и наносили ему множество оскорбленій; въ 5-хъ они не принимали книгъ В. Завѣта, признавали только новозавѣтныя писанія, за исключеніемъ посланій Петровыхъ; въ 6-хъ они не признавали пресвитеровъ, потому что слово пресвитеръ значитъ старѣйшина, а о старѣйшинахъ говорится въ Евангеліи, что они враждовали противъ Господа. Тотъ же Петръ Сицилійскій разсказываетъ исторію павликіанъ, начиная ее со времени манихеевъ и разсматривая послѣднихъ, какъ родоначальниковъ павли-

и догматическое сочиненіе Михаила Пселла въ вопросахъ и отвѣтахъ мало заслуживаютъ вниманія (Ceillier. ibid. t. XIX, p. 256. tome XX p. 578).

кіанства, и передаетъ дальнѣйшую исторію собственно павликіанъ, доводя ее до своего времени—до IX вѣка [1]). Полемическое сочиненіе противъ павликіанъ написалъ въ тоже время патр. Фотій. Въ заглавіи своего труда Фотій павликіанъ также прямо называетъ манихеями. Сочиненіе заключаетъ въ себѣ частію исторію павликіанъ, частію разборъ ихъ ученія. Оно состоитъ изъ четырехъ книгъ. Полагаютъ, что полемическія части сочиненія Фотія сначала произнесены были съ церковной каѳедры въ видѣ бесѣдъ, а потомъ уже обработаны для сочиненія. Первая книга разсказываетъ исторію павликіанъ въ томъ же родѣ и порядкѣ, какъ это находимъ и у Петра Сицилійскаго. Въ трехъ остальныхъ книгахъ Фотій занимается по преимуществу полемикой противъ различныхъ заблужденій павликіанъ. Во второй книгѣ онъ въ особенности опровергаетъ павликіанское ученіе, что только человѣческая душа произошла отъ благаго Бога, а тѣло и видимый міръ отъ злаго начала. Въ остальныхъ двухъ доказываетъ важность ветхозавѣтнаго законодательства, отвергаемаго павликіанами и единства ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго откровенія. Изложеніе сочиненія не имѣетъ должнаго порядка, вдается въ повторенія. Должно еще замѣтить, что между первою книгою Фотія противъ павликіанъ и сочиненіемъ Петра Сицилійскаго такъ много общаго, почти тождественнаго, что ученые спорятъ о томъ, кто у кого сдѣлалъ заимствованія: Фотій у Петра или Петръ у Фотія. Иные впрочемъ этотъ вопросъ разрѣшаютъ тѣмъ, что допускаютъ, что Фотій и Петръ оба имѣли подъ руками какой либо общій источникъ [2]).

Теперь скажемъ о полемическихъ сочиненіяхъ противъ латинской церкви. Первый литературный выстрѣлъ противъ этой церкви сдѣлалъ патр. Фотій. Онъ составилъ такъ называемое „окружное посланіе“, въ которомъ впервые указывались заблужденія церкви западной. Въ этомъ окружномъ посланіи довольно обширномъ Фотій выставляетъ на

[1]) Ceillier. ibid. t. XIX. p. 253—4. „Исторія манихеевъ“ Петра Сицилійскаго издана Минемъ въ 104 томѣ Curs. patr. Gr. ser. p. 1246—1303; 1305—1351.

[2]) Hergenröther. ibid. B. III. s. 144—147. Photii Contra Manichaeos. Migne Curs. patrolog. t. 102. p. 15—264. Gr. ser.

видъ 5 заблужденій ея: постъ въ субботу, масляницу, которою у западныхъ открывался великій постъ, безобразія священниковъ, отверженіе миропомазанія, совершаемаго священникомъ и прибавку къ символу: filioque. Разсматриваемое по внутреннимъ своимъ достоинствамъ посланіе Фотія отличается слѣдующими особенностями. Въ авторѣ его виденъ человѣкъ интеллигенціи; онъ даетъ своимъ положеніямъ не только доказательства, заимствуемыя отъ церковнаго преданія, но и доказательства отъ разума; эти послѣднія часто отличаются находчивостію, изобрѣтательностію и свидѣтельствуютъ о глубокомъ умѣ полемиста. Чтоже касается до доказательствъ отъ церковнаго преданія, нужно сказать, что Фотій не занялся собраніемъ ихъ столько, сколько это желательно было бы во многихъ случаяхъ въ интересѣ дѣла, которому онъ посвящаетъ себя. Тонъ сочиненія не можетъ заслуживать похвалы. Авторъ посланія позволяетъ себѣ быть слишкомъ страстнымъ и неразборчивымъ на выраженія. Проповѣдниковъ римскаго ученія онъ называетъ „предтечами отступничества", догматъ латинскій объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына „діавольскимъ изобрѣтеніемъ", вообще римское ученіе называетъ „ядомъ", христіанъ западныхъ прямо именуетъ нечестивцами. Въ извиненіе Фотія нужно замѣтить впрочемъ, что въ то время вообще незнакомы были съ болѣе свойственною полемикѣ формою спокойнаго собесѣдованія [1]). Замѣчательно сочиненіе Фотія, направленное противъ тѣхъ же латинянъ и заглавлявшееся: „О тайноводствѣ (μυσταγογία) Духа Святаго". Сочиненіе это есть совершенно оригинальный трудъ Фотія. Въ немъ онъ съ удивительною отчетливостію опровергаетъ западное ученіе объ исхожденіи Духа Св. и отъ Сына. Во первыхъ онъ разбираетъ всѣ изреченія евангельскія, какими пользовались латиняне для доказательства своего ученія; во вторыхъ изреченія изъ посланій ап. Павла, направляемыя ими къ той же цѣли; въ третьихъ свидѣтельство Амвросія, Августина, Іеронима. Книга показываетъ большую діалектическую тонкость ав-

[3]) См. подробнѣе объ этомъ посланіи въ моей статьѣ: церковь рим. и византійская въ ихъ взаимныхъ догматическихъ и церковно-обрядовыхъ спорахъ. Ч т. въ Об. л. д. просвѣщенія. 1875. Часть I.

тора, его рѣдкую остроту ума, поэтому она служила руководительнымъ сочиненіемъ для позднѣйшихъ восточныхъ полемистовъ. Вся позднѣйшая восточная полемика по данному вопросу опирается на фундаментъ, положенный въ этой книгѣ [1]).—Къ числу весьма ревностныхъ полемистовъ противъ латинской церкви принадлежитъ монахъ Никита Пекторатъ, писатель XI вѣка. Онъ извѣстенъ своимъ сочиненіемъ „книга противъ латинянъ". Главнымъ пунктомъ, на которомъ сосредоточиваетъ свое вниманіе полемистъ, есть вопросъ о квасномъ хлѣбѣ, на которомъ совершаютъ литургію восточные, и опрѣснокахъ, на которыхъ совершаютъ ее западные, — вопросъ, который съ особенною силою выдвинутъ былъ на видъ тогдашнимъ патріархомъ Михаиломъ Керуларіемъ. Впрочемъ Никита касается и другихъ пунктовъ разногласія между церковію латинскою и греческою, но не новыхъ, изъ-за которыхъ происходила литературная борьба между востокомъ и западомъ еще въ IX вѣкѣ. Сочиненіе Никиты не отличается особенными достоинствами. Авторъ ни достаточно уменъ, ни достаточно ученъ. Его доводы, основанные на изученіи Св. Писанія, слабы; его доказательства, заимствованныя изъ церковныхъ писателей, бѣдны. Но эти недостатки зависѣли не отъ того, что предметы, какіе онъ взялся защищать, не имѣли надъ собой

1) Hergenröter ibid. III. s. 157—160. Photii, de S. Spiritus mysagogia Migue ib. p. 279 — 400. — Между прочимъ о томъ же предметѣ Фотій писалъ обширное посланіе къ архіеп. Аквилейскому. Здѣсь разсуждается: „намъ говорятъ: великій Амвросій, Августинъ, Іеронимъ и нѣкоторые другіе писали, что Духъ Св. происходитъ и отъ Сына, отвѣчаю: еслибъ 10, даже 20 отцевъ сказали такъ, а 600 и безчисленное множество не говорили того: кто будетъ оскорблять отцевъ,—не тѣ ли, кто, заключая все благочестіе немногихъ тѣхъ отцевъ въ немногія слова и поставляя ихъ въ противорѣчіе соборамъ, предпочитаютъ ихъ безчисленному сонму, или тѣ, кто защитниками своими избираютъ многихъ отцевъ? Кто обижаетъ Августина, Іеронима, Амвросія? не тотъ ли, кто заставляетъ ихъ противорѣчить общему владыкѣ и учителю, или тотъ, кто, ничего подобнаго не дѣлая, желаетъ, чтобы всѣ слѣдовали опредѣленію единаго владыки" (Фил. Черн. ibid. Ч. III, стр. 333). Фотію приписываютъ также полемическое сочиненіе подъ заглавіемъ: „противъ Франковъ и Латинянъ", но сочиненіе это въ томъ видѣ, какъ оно дошло до насъ, могло явиться только позднѣе. Здѣсь полемика противъ латинянъ доходитъ до крайнихъ мелочей (Hergen. ibid. B. III. s. 172).

твердой опоры, но отъ того, что авторъ не имѣлъ столько свѣдѣній, чтобы крѣпко стоять за интересы своего дѣла. Тамъ, гдѣ авторъ для защиты своего дѣла приводитъ доказательства разсудочныя, видно, что онъ бѣденъ мыслію, не умѣетъ обращаться съ нею. Языкъ сочиненія вялъ, мертвенъ [1]).

Въ изучаемое нами время встрѣчаемъ полемистовъ и противъ схизматическихъ церквей восточныхъ, напр. противъ церкви армянской. Кромѣ посланій патр. Фотія и его современника Никиты византійскаго, обращенныхъ къ армянамъ и имѣвшихъ цѣлію возсоединить ихъ съ православіемъ [2]), извѣстенъ трудъ монаха Никона, называемаго кающимся, жившаго во второй половинѣ X вѣка. Сочиненіе, заглавляющееся такъ: „о нечестивой вѣрѣ армянской" отличается духомъ нетерпимости и безъ разбора обвиняетъ армянъ въ заблужденіяхъ, какія едвали имѣли у нихъ мѣсто. Онъ упрекаетъ армянъ въ томъ, что они распинаютъ три лица Св. Троицы, принявъ прибавку къ трисвятому: распныйся за ны. Утверждаетъ, что будто они учили, что Духъ Св. ниже Отца и Сына и что двѣ природы во Христѣ смѣшались. Обвиняетъ ихъ въ томъ, что они совершаютъ Евхаристію на опрѣснокахъ и не растворяютъ водой евхаристическую Чашу. Никонъ ставитъ имъ въ вину, что не сообразуются съ обычаемъ церкви касательно празднованія Рождества, Богоявленія и Благовѣщенія. Онъ обвиняетъ ихъ въ томъ, что будто бы они выпустили изъ евангелія Луки слова: „бысть потъ его яко капли крове каплющія на землю", а изъ евангелія Іоанна разсказъ о женѣ ятой въ прелюбодѣяніи. Приписываетъ имъ обыкновеніе ѣсть яйца и сыръ по субботамъ и воскресеньямъ въ великій постъ, обвиняетъ ихъ въ томъ, что они во время совершенія таинствъ остаются съ покрытою головою, что они не воздаютъ почитанія иконамъ и Кресту, что они соблюдаютъ ветхозавѣтные обрядовые законы, что они впали въ заблужденіе монофелитское. От-

[1]) См. подробности въ моей статьѣ: церковь римская и визант. въ ихъ спорахъ. Чт. Об. л. д. просвѣщенія, 1875. Т. I.

[2]) Hergenröther, ibid. B. I, s. 485 u. w. 503.

сюда видно, что направленіе полемики автора ригористическое, при которомъ полемика не могла достигать своей цѣли [1]).

IV. Проповѣдничество, гимнографія и церковное искусство.

Число гомилетическихъ трудовъ изъ времени IX, X, XI вѣка, до насъ дошедшихъ, невелико; можно думать, что и вообще проповѣдничество не довольно процвѣтало въ это время. По крайней мѣрѣ намъ извѣстенъ слѣдующій поучительный фактъ, изъ котораго можно заключать, что вѣрующіе за богослуженіемъ не охотно присутствовали при проповѣдяхъ. Извѣстный Симеонъ, называемый новымъ богословомъ, былъ ревностнымъ проповѣдникомъ въ монастырѣ св. Мамонта, въ которомъ онъ былъ настоятелемъ. И что же случилось? До 30 монаховъ такъ недовольны были обычаемъ своего настоятеля проповѣдывать, что обращались на него за это съ жалобою къ патріарху; вмѣстѣ съ тѣмъ многіе изъ монаховъ даже вовсе оставили сказанный монастырь [2]). Если это былъ не единичный фактъ, то проповѣдничество, разумѣется, не могло дѣлать успѣховъ; жизненность проповѣди условливается степенью вниманія слушателей. Впрочемъ, мы не лишены возможности отмѣтить, какъ нѣкоторыхъ искусныхъ ораторовъ церковныхъ, такъ и плодовитыхъ проповѣдниковъ. Между замѣчательными проповѣдниками мы должны отвести первое мѣсто Фотію. Отъ Фотія до насъ сохранилось очень немного проповѣдей, не смотря на то, что изъ его собственнаго свидѣтельства можно заключать, что онъ былъ усерднымъ проповѣдникомъ; такъ и въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ говоритъ: „часто я увѣщавалъ васъ и говорилъ вамъ даже грозно, часто я вопіялъ“ [3]). Изъ сохранившихся до насъ и напечатанныхъ нѣкоторыя его проповѣди отличаются рѣдкимъ ораторскимъ паѳосомъ и изворотливостію мысли. Приведемъ вступительныя слова проповѣди Фотіевой, сказанной при освященіи храма, построеннаго императоромъ Василіемъ македоняниномъ. Ораторъ такъ

[1]) Ceillier. t. XX p. 74. 75. Троицкаго. Изложеніе вѣры церкви армянской, стр. 247—8. С. Петерб. 1875.

[2]) Филар. Черн. Ученіе объ отцахъ церкви. III, 399.

[3]) Порфирія Успенскаго (еп. Чигиривскаго). Четыре бесѣды Фотія патр. Константинопольскаго, стр. 6. С.-П. 1864.

начинаетъ свою проповѣдь: „зачѣмъ это блестящее собраніе? Зачѣмъ, о государь, пригласилъ ты насъ сюда? Быть можетъ, ты одержалъ новыя побѣды надъ варварами и украсился новыми трофеями и хочешь сдѣлать насъ участниками своей радости и своей благодарности къ тому, кому ты одолженъ побѣдою? Или ты смирилъ чуждые народы и подчинилъ ихъ своей власти и при своемъ глубокомъ чувствѣ благочестія отдаешь всѣ свои славныя дѣла въ руцѣ всемогущаго Бога? Или ты возстановилъ города имперіи, пришедшіе въ упадокъ, основалъ новые и украсилъ? Укажи намъ, что изъ всего этого есть причина этого собранія? Или ты молчишь изъ скромности и не хочешь намъ разсказывать о своихъ великихъ дѣлахъ, съ чѣмъ, естественно, должно соединять хвалу самому себѣ? Хочешь ли ты, чтобъ я словами изобразилъ причину теперешняго собранія". И затѣмъ ораторъ въ самыхъ изысканныхъ чертахъ изображаетъ храмъ построенный императоромъ и великолѣпно украшенный [1]). Съ такимъ же паѳосомъ говоритъ Фотій и бесѣды по случаю нашествія Россовъ на Константинополь. Изображая бѣды, постигшія византійцевъ, вслѣдствіе нашествія варваровъ, Фотій рисуетъ такую картину: „чего не видали мы? Младенцы лишились сосцевъ молока и самой жизни и нерукотворенными гробами имъ служили—увы! тѣ камни, о которые они были разможжаемы. А матери ихъ жалостно рыдали и зарѣзывамыя или разрываемыя въ истомѣ умирали подлѣ малютокъ своихъ; жалко слушать это, болѣе жалко видѣть. О такомъ зрѣлищѣ лучше молчать, нежели говорить. Не знаешь, на кого тутъ смотрѣть,—на губителей или на страдальцевъ. Лютость губила не однихъ людей, но и безсловесныхъ животныхъ, воловъ, коней, курицъ. Лежалъ мертвый волъ и подлѣ него мущина. У коня и юноши одно было мертвенное ложе. Кровь женщинъ сливалась съ кровію курицъ" [2]). Въ другой бесѣдѣ по тому же случаю Фотій взываетъ: „приди ко мнѣ сострадательнѣйшій изъ пророковъ и оплачь со мною Іерусалимъ, не тотъ

[1]) Migne. Curs. patrol. t. 102. p. 566. Gr. ser.
[2]) Порфирій Усп. стр. 19.

древній матероградъ одного народа, разросшагося отъ одного корня въ двѣнадцать племенъ, но городъ всей вселенной, какую только озаряетъ христіанская вѣра, градъ древній, обширный, прскрасный, блестящій, многолюдный и роскошный; оплачь со мною этотъ Іерусалимъ еще не взятый и не павшій въ прахъ, но уже близкій къ погибели. Оплачь со мною царицу городовъ, которая еще не отведена въ плѣнъ, но у которой уже плѣнена надежда спасенія. Поищи воды для главы моей и слезныхъ источниковъ для очей моихъ" [1]). Еще въ другой бесѣдѣ описывая икону Богоматери, поставленную въ Софійскомъ храмѣ, Фотій слѣдующими художественными чертами изображаетъ эту икону: „знать живописецъ вдохновленъ былъ свыше; такъ вѣрно подражалъ онъ природѣ! Ибо Дѣва Матерь съ внутреннимъ восторгомъ, со страстію смотритъ на Рожденнаго, склонивъ къ Нему лице свое, а по причинѣ безстрастнаго и сверхъестественнаго рождества удерживаетъ невозмутимое и спокойное состояніе духа, отчасти выражая оное и во взорѣ своемъ. Смотря на нее, ты сказалъ бы, что она и безъ чьего либо вопроса, какъ же ты дѣвствуешь, когда родила?—не отказывается говорить. Такъ живо красками написаны уста ея! Они сжаты и умолкли отъ какой-то тайны" [2]). Интересно знать, какія повидимому сухія и мало занимательныя темы беретъ иногда Фотій для своего проповѣдничества. Онъ начинаетъ одну проповѣдь слѣдующими словами: „концемъ предшествующей проповѣди, если вы хорошо помните, было повѣствованіе объ отлученіи Арія, о низверженіи его изъ церкви, о его упорствѣ, фикціяхъ и притворномъ православіи" [3]). Ученнѣйшій издатель „четырехъ бесѣдъ Фотія" не находитъ довольно словъ, чтобы восхвалить ораторскій талантъ патріарха. Онъ говоритъ: „Фотій говоритъ всѣмъ душевнымъ силамъ своихъ слушателей, воображенію цвѣтисто, памяти впечатлительно, сердцу чувствительно, совѣсти просто, правдиво и строго, уму ясно и глубокомысленно. Рѣчь его рѣчь воз-

1) Ibidem стр. 9.
2) Ibidem. стр. 32. 33.
3) Migne. Curs. part. ihid. p. 546.

вышенная, сильная, звучная, плавная, построена по образцамъ древнихъ еллинскихъ писателей, и особенно Өукидида и Демосөена, которыхъ выраженія замѣтны въ бесѣдахъ. Многія выраженія рѣчи въ бесѣдахъ доказываютъ, что онъ одаренъ былъ воображеніемъ роскошнымъ, блестящимъ, сильнымъ, творящимъ даже диковинные, но живописные образы. У него Моисей молитвою и словомъ пашетъ облако, какъ поля и оттуда подаетъ обильную пищу бѣдствующимъ въ пустынѣ; еретики сидятъ въ аду на насѣсти, какъ черные вороны; раскольники съ медвѣжьими ушами слушаютъ всякія притчи и внимаютъ всему, кромѣ истины; грѣхи суть ничто иное какъ подтопка, достаточная для возженія вѣчнаго огня. Фотій ваялъ нѣкоторыя рѣчи свои, и подобно искусному художнику, отдѣлывающему тонкія черты статуи рѣзцомъ тонкимъ, выражалъ ихъ тонко и замысловато“ [1]). Совсѣмъ другой родъ проповѣдничества представляютъ слова Симеона новаго богослова. Онъ жилъ въ 10 и 11 вѣкахъ. Фотій, будучи архипастыремъ Константинополя, въ своихъ проповѣдяхъ, насколько онѣ извѣстны, является выразителемъ общественныхъ интересовъ времени: содержаніе его проповѣдей выхватывается прямо изъ самой жизни, дѣйствительной, кипучей; его рѣчь, совершенство ораторскаго искусства, блещетъ всѣми свойствами ораторскихъ произведеній, она стремительна, увлекательна, то печалитъ, то радуетъ слушателя. Не то видимъ у Симеона. Симеонъ жизнь свою провелъ въ монастырскихъ стѣнахъ, въ стѣнахъ кельи; онъ не знаетъ жизни съ ея треволненіями, минутными интересами, онъ глубокій наблюдатель жизни, но жизни внутренней, христіанской; онъ прекрасно изучилъ душу человѣческую съ ея хорошими и дурными наклонностями; по этому въ его словахъ преимущественно встрѣчаемъ „глубокое вѣдѣніе и изъясненіе умнаго дѣланія“; онъ научаетъ добру и отвращаетъ отъ порока съ точки зрѣнія обще-христіанской, а не съ точки зрѣнія потребности времени. Въ сравненіи съ бесѣдами Фотія слова Симеона отличаются простотою, сердечностію, близостію ко временамъ апостольскимъ: онъ наставляетъ, внушаетъ, умиляетъ; современники, привыкшіе

[1]) Порфирія еп. Чигирин. ibid. стр. 109. 111. 115—116.

къ искусственному краснорѣчію находили его слова „ненаучными и нериторичными". Чтобы составить себѣ понятіе о характерѣ проповѣдничества Симеона достаточно указать нѣкоторыя темы, на какія писалъ слова свои новый богословъ: „О дѣланіи духовномъ", „о совершенномъ безстрастіи и святости", „о томъ, чтобы избѣгать растлѣнныхъ и зловредныхъ людей", „о покаяніи и умиленіи" и пр. По отзывамъ ученыхъ (напр. Куртца) Симеонъ, принадлежитъ къ лучшимъ церковнымъ ораторамъ своей эпохи. Церковь наименовала Симеона новымъ богословомъ, находя сходство въ его произведеніяхъ съ произведеніями Григорія Богослова: тотъ и другой отличались глубиною созерцанія истинъ христіанскаго благочестія [1]).—Къ замѣчательно плодовитымъ проповѣдникамъ принадлежатъ два лица IX вѣка: Георгій митрополитъ Никомидійскій, другъ Фотія, и монахъ Никита Пафлагонянинъ, заклятой врагъ этого патріарха. Одною изъ любимыхъ темъ, на которую проповѣдывали эти ораторы, было прославленіе Богоматери. Проповѣдники, стремясь къ прославленію Богородицы, безъ всякаго колебанія брали матеріалы для сего изъ различныхъ апокрифическихъ книгъ въ родѣ „путешествія ап. Ѳомы" [2]).

Что касается до гимнографіи церковной, изучаемаго времени, то укажемъ на главнѣйшаго и замѣчательнѣйшаго гимнографа—Іосифа пѣснописца. Одинъ біографъ Іосифа говоритъ о немъ, что онъ пѣлъ хвалы ап. Варѳоломею, св. Николаю, Богоматери и другимъ святымъ: пророкамъ, апостоламъ, мученикамъ, святителямъ. И въ самомъ дѣлѣ доселѣ видимъ въ церковныхъ книгахъ столько каноновъ этого пѣснопѣвца, сколько ни чьихъ болѣе. Нѣкоторые его каноны акростихованы въ 9 пѣсни именемъ Іосифа. Пѣсни

1) Ѳеофанъ еп. жизнь Сим. Н. Богослова, въ Душ. Чт. 1877, февр. Двѣнадцать словъ Симеона Н. Богослова. Предисловіе. Переводъ. Моск. 186 . Kurtz. Kirchen geschichte. Abth. 3, 132. Въ рус. переводѣ, кромѣ упомянутыхъ двѣнадцати словъ его извѣстны: „сто пятьдесятъ двѣ дѣятельныя и богословскія главы" (Хр. Чт. 1823 г. и въ „Добротолюбіи"). Въ Душ. Чт. съ март. книжки 1877 года также печатается еще переводъ иныхъ словъ Симеона съ ново-греческаго, еп. Ѳеофаномъ.

2) Ceillier. t. XIX p. 454. 5. Филар. архіеп. Черниговскаго. Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ греч. церкви, стр. 347. изд. 2-е.

Іосифа отличаются силою и глубиною чувства. Вышеупомянутый біографъ Іосифа говоритъ: „писатели, оставивъ стихотворенія другія, изъ сей одной сокровищницы или пѣсней его—стали черпать сокровища для своихъ пѣсней. Всѣ народы переводятъ ихъ на свой языкъ". Іосифъ писалъ свои пѣсни съ такою легкостію, что казалось, будто онъ не сочиняетъ, а припоминаетъ старое. Получилъ образованіе Іосифъ въ Сициліи и жилъ въ IX вѣкѣ [1]). Много также содѣйствовали умноженію церковныхъ пѣснопѣній монахи знаменитаго студійскаго монастыря [2]).

Изъ религіозныхъ искусствъ особеннымъ процвѣтаніемъ отличалась церковная архитектура. Изъ того описанія, какое дѣлаетъ Фотій, относительно храма, построеннаго при Василіи македонянинѣ, можно заключать, что византійская религіозная архитектура была еще далека отъ окончательнаго упадка. Въ IX вѣкѣ по отзыву Гергенретера „все указывало на то, что искусство греческое еще отнюдь не потеряло своего древняго блеска и можетъ быть сдѣлало даже положительные шаги впередъ" [3]). Сдѣлаемъ замѣчаніе о религіозной живописи. Хотя иконоборчество всячески боролось съ религіозною живописью, эта послѣдняя продолжала приносить добрые плоды. Живопись процвѣтала и въ Константинополѣ, и въ особенности въ школѣ Ѳессалоникской. Исторія сохранила намъ имена многихъ религіозныхъ художниковъ, вышедшихъ изъ послѣдней школы. Таковъ напр. былъ Діонисій Аграфа, по его словамъ, полюбившій отъ юности живопись и изучившій технику ея въ Ѳессалоникахъ. Діонисій былъ ученикомъ Мануила Панселіоноса, который оставилъ послѣ себя прекрасныя религіозныя художественныя произведенія на Аѳонѣ; въ свою очередь Діонисій имѣлъ ученикомъ художника Кирилла Хіосскаго [4]). Вообще можно полагать, что преемство религіознаго искусства въ Ѳессалоникахъ не прекращалось, но переходило отъ одного поколѣнія къ другому.

[1]) Филар. Черн. Ученіе объ отц. церкви. Ibid. стр. 349—51. Его же, обзоръ пѣснопѣвцевъ. Ibid. стр. 369—70. Hergenröther. Ibidem. B. II. s. 584 и w.

[2]) Филар. Черн. Истор. обзоръ пѣснопѣвцевъ. Ibidem. стр. 811 и д.

[3]) Hergenröther. Ibid. Band. II, s. 582.

[4]) Rambaud Ibid. p. 67. 68.

О НАПРАВЛЕНІЯХЪ,

въ религіозно-умственной жизни.

Направленіями въ религіозно-умственной жизни вообще мы называемъ неодинаковое пониманіе требованій христіанства и задачъ христіанина. Такія направленія всегда можно находить, какъ скоро религіозно-умственная жизнь не вовсе погасла въ извѣстномъ христіанскомъ обществѣ. Изучаемая нами эпоха IX, X, XI вѣковъ восточной церкви, какъ показала исторія богословской литературы этого времени,—не была особенно богата проявленіями богословскаго мышленія; но во всякомъ случаѣ это время не было временемъ рѣшительнаго упадка онаго. Господствующая церковь строго держалась идей и понятій, выработанныхъ восточною церковію въ періодъ ея блестящаго развитія въ III, IV и V вѣкахъ. Но въ этомъ единствѣ, которое отпечатлѣвалось на тогдашнемъ состояніи церкви, можно подмѣчать и оттѣнки разнообразія, когда представителямъ современной церкви приходилось высказывать свое мнѣніе касательно тѣхъ или другихъ вопросовъ церковной жизни и практики. Эти-то оттѣнки въ воззрѣніяхъ мы называемъ направленіями, хотя въ большинствѣ случаевъ мы не можемъ сказать: были ли подобныя воззрѣнія раздѣляемы многими, или оставались принадлежностію не многихъ. Далѣе, изъ среды господствующей церкви выдѣлялись лица, которыя высказывали громко, въ своихъ сочиненіяхъ, или тихо, въ частныхъ бесѣдахъ, о нуждахъ и потребностяхъ церкви, желали перемѣнъ, реформъ, высказывали большее или меньшее недовольство даннымъ состояніемъ церкви, выступали съ критикою этого состоянія, и заявляли: чего бы они хотѣли для блага церкви.

Все это въ большей или меньшей мѣрѣ можно встрѣчать въ средѣ самой церкви. Какъ болѣе опредѣленныя и рѣшительныя направленія въ религіозно-умственной жизни того времени были направленія еретическія, еще свѣжія или обновленныя. Они выходили изъ опредѣленныхъ, правильно или неправильно понятыхъ потребностей церкви, и выражали собой религіозно-умственные интересы времени, хотя эти движенія происходятъ не въ самой церкви, а, такъ—сказать, на окраинахъ ея.

I.

I. Лучшимъ выразителемъ общецерковнаго богословскаго направленія времени, давшимъ назидательные уроки церкви и на будущее время, былъ, безъ сомнѣнія, ученнѣйшій и глубокомысленнѣйшій Фотій. Его богословствованіе обширно, глубоко, вѣрно традиціямъ церкви. Это было строго-ортодоксальное направленіе. Обозрѣвать весь кругъ его богословскихъ идей было бы задачей слишкомъ длинною. Для нашихъ цѣлей совершенно достаточно будетъ изложить воззрѣнія Фотія на тѣ вопросы религіозной жизни, которые задавало само время, и отвѣтъ на которые въ его сочиненіяхъ составлялъ отвѣтъ самой церкви: какъ понимались ея идеи и потребности представителями тогдашняго христіанскаго міра. Словомъ: изложимъ такія воззрѣнія Фотія, которыя выставлялись имъ въ противоположность какимъ либо другимъ воззрѣніямъ, которыя церковь не признавала за истинныя. Во имя такихъ потребностей главнымъ образомъ развиты были Фотіемъ подробно идеи о церковномъ преданіи, о церкви и іерархіи [1]). Главныя мысли его въ настоящемъ случаѣ состоятъ въ слѣдующемъ. Не одно Св. Писаніе, но и преданіе есть источникъ откровенія, есть норма при рѣшеніи спорныхъ вопросовъ. Преданнаго ученія слѣдуетъ твердо держаться, и преданія апостольскія и свято-отеческія высоко чтить. Противорѣчить тѣмъ, которые говорили о тайнахъ по

[1]) Ученіе о преданіи изложено Фотіемъ въ виду злоупотребленій, какія дѣлала изъ преданія церковь западная, а ученіе о церкви и іерархіи въ виду раскольниковъ—игнатіанъ и иконоборцевъ.

внушенію Духа Божія (Св. Писанію), опасно; такъ же, какъ опасно довѣряться лишь собственнымъ человѣческимъ мыслямъ и своей разсудочной способности [1]). Съ такимъ же уваженіемъ, какъ и Св. Писаніе, мы должны принимать слова знаменитѣйшихъ учителей церкви. Отцы церкви имѣютъ для насъ двоякое значеніе: 1) какъ истолкователи Св. Писанія, и 2), какъ свидѣтели неписаннаго ученія, они пополняютъ то, что не записано въ Св. Писаніи.—Они имѣютъ значеніе какъ истолкователи Св. Писанія. Это церковное правило— замѣчаетъ Фотій,—что должно истолковывать писаніе сообразно съ согласнымъ объясненіемъ отцевъ, въ особенности въ томъ, что касается вѣры и нравственности [2]). Но что относится до чисто экзегетическихъ вопросовъ, то въ подобныхъ случаяхъ отцы часто не соглашались между собою; здѣсь должны имѣть мѣсто самостоятельныя сужденія. Нѣкоторыя патристическія объясненія были недостаточны, и позднѣйшія лица давали болѣе удовлетворительныя объясненія. Хотя, замѣчаетъ Фотій, древніе екзегеты не всегда правильно толковали писаніе, однакожъ мы должны высоко цѣнить эти толкованія; потому что они первые начали заниматься этимъ дѣломъ и исполнены были истинно религіознаго духа, они положили начало научнаго знанія [3]). Отцы, далѣе, по Фотію, должны имѣть важное значеніе, какъ свидѣтели неписаннаго христіанскаго ученія. Въ этомъ случаѣ Фотій разсуждаетъ: если извѣстная догматическая истина не можетъ быть доказана изъ Св. Писанія, то ее нужно доказывать по крайней мѣрѣ изъ писаній отеческихъ. Здѣсь мы должны держаться ученія, какое находимъ у сонма отцевъ [4]). Отдѣльные отцы могутъ погрѣшать, какъ напр. погрѣшали Діонисій Александрійскій, Папій, Меѳодій, Ириней, оба Климента, Пантенъ, Піерій, Ѳеогностъ, Ипполитъ, Памфилъ [5]); но все, въ чемъ согласны отцы,—это служитъ нормой вѣры. Отцевъ, жившихъ до времени никейскаго собора,

1) Hergenröther. Photius patr. von Constantinopel Band III, s. 328—9.
2) Согласно съ 19 прав. 6-го всел. собора.
3) Amphilochia. Qu. I, cap. 10. Ed. Migne (curs. part. Gr. ser. tom. 101).
4) Photii Epistolae, p. 820. Ad archiep. Aquileiensem. Migne. ibid. t. 102.
5) Photii Epistolae, ibid. p. 813.—De s. spiritus mystagogia. p. 356. ibidem.

кажется, Фотій не особенно высоко цѣнитъ. Предъ всѣми отцами Фотій отдаетъ предпочтеніе Аѳанасію Великому, который, по его выраженію, поистинѣ воспріялъ участіе въ благодати апостоловъ, Григорію Богослову, Василію Великому, Іоанну Златоусту, Діонисію псевдо—Ареопагиту, глубинѣ мыслей котораго онъ удивляется, Кириллу Александрійскому и Іерусалимскому, Епифанію, Ефрему. Изъ латинскихъ отцевъ Фотій воздаетъ высокія хвалы Льву Великому и Григорію Великому. Амвросія, Августина, Іеронима онъ считаетъ за отцевъ церкви, но съ нѣкоторыми взглядами ихъ борется, когда эти взгляды противорѣчатъ ученію другихъ отцевъ [1]). Многихъ изъ писателей церковныхъ, которые въ древности считались знаменитѣйшими, Фотій не причисляетъ къ отцамъ церкви. Напр. ученнѣйшаго Оригена онъ называетъ „многоученымъ или лучше сказать—его слова—многолживымъ“ [2]). Также церковнаго историка Евсевія онъ исключаетъ изъ ряда свидѣтелей церковнаго преданія; онъ обвиняетъ его въ аріанствѣ и въ оригенистическихъ заблужденіяхъ [3]).

Носительницей истинно церковнаго преданія есть церковь. Церковь и ея значеніе въ христіанскомъ мірѣ Фотій описываетъ въ самыхъ высокихъ чертахъ. Христосъ единъ—говоритъ Фотій—члены же Христовы многіе, но всѣ вѣрующіе составляютъ единое тѣло—церковь. Церковь составляетъ единое тѣло, глава коего Христосъ. Христосъ и церковь есть единственное, совершенное тѣло. Ученіе церкви божественно и непогрѣшимо. Что она рѣшила на соборахъ, то должно полагать конецъ всякимъ спорамъ. Отлученіе отъ церкви величайшее наказаніе. Церковь съ ея каѳолическою вѣрою отлична отъ синагогъ еретиковъ. На ереси и еретиковъ Фотій смотритъ самыми строгими глазами. Сатана, говоритъ Фотій, есть собственный виновникъ и распространитель ересей, онъ же и учитель еретиковъ. Ересь есть тягчайшее преступленіе противъ Бога, такъ какъ она злоупотребляетъ словомъ Божіимъ, искажаетъ истинную вѣру, низ-

1) Hergenröther. ibidem. Band III, s. 330—331.
2) Amphilochia. Qu. I, p. 89. ibidem.
3) Ibidem. Qu. 221, p. 997—9.

вергаетъ души въ погибель; вѣрующіе должны избѣгать всякаго общенія съ еретиками. Ересь большею частію держится простой буквы писанія, между тѣмъ истинная религія болѣе слѣдуетъ духу, чѣмъ буквѣ. Ереси являются тогда, когда кто либо изъ желанія славы и изъ стремленія къ оригинальности вводитъ новыя ученія, противныя преданію.—Представительство и истинное выраженіе церкви составляетъ іерархія. Впрочемъ объ іерархіи Фотій говоритъ очень немного. Сонмъ епископовъ, разсуждаетъ онъ, составляетъ наслѣдниковъ апостоловъ, этихъ продолжателей служенія Христова. Епископы—свѣтильники и вожди, назначенные просвѣщать вѣрующихъ [1]).

По требованію обстоятельствъ времени Фотій долженъ былъ съ особенною силою и подробностію раскрывать православное ученіе о почитаніи Богоматери, св. угодниковъ и св. иконъ. Онъ долженъ былъ въ подобныхъ вопросахъ выдѣлить строго церковное направленіе богословствованія отъ другихъ направленій въ рѣшеніи тѣхъ же вопросовъ, направленій ложныхъ, не церковныхъ, еретическихъ [2]). Достоинство Маріи, Матери Божіей, Фотій раскрываетъ въ чертахъ самыхъ возвышенныхъ. Въ проповѣди, сказанной имъ въ праздникъ Рождества Богородицы, онъ показываетъ, въ какой тѣсной связи поклоненіе Пресв. Маріи стоитъ съ поклоненіемъ Самому Христу. Праздникъ въ честь ея Рождества онъ разсматриваетъ какъ корень всѣхъ остальныхъ христіанскихъ праздниковъ. Ея рожденіе положило первое основаніе ко спасенію міра [3]). Далѣе онъ раскрываетъ въ своихъ сочиненіяхъ, что Марія есть истинная Богородица Матерь Божія. Она по праву, разсуждаетъ онъ, называется и почитается Богородицей, такъ какъ Она въ собственномъ смыслѣ и поистинѣ родила Воплотившееся Слово. По наитію Св. Духа, кровь Дѣвы содѣлалась тѣломъ и чрезъ это совершилось вочеловѣченіе Слова, которое отъ Нея дѣйствительно восприяло плоть [4]). Матерь Божія должна была

[1]) Hergenröther. ibidem. Band III, s. 333—336.

[2]) Въ виду иконоборчества и павликіанства.

[3]) P. 548. Migne. ibidem. t. 102.

[4]) Contra Manichaeos. p. 208. Migne, ibid. t. 102.

быть Дѣвою, ибо какъ первый человѣкъ созданъ изъ дѣвственной земли, такъ изъ дѣвственнаго чрева должно было произойти второе твореніе (т. е. искупленіе); никакое возбужденіе страсти не имѣло мѣста въ рожденіи Искупителя. О почитаніи Пресв. Маріи Фотій говоритъ [1]): Ей должно быть воздаваемо поклоненіе непосредственно послѣ Христа и прежде всѣхъ святыхъ. Марія выше высочайшаго въ рожденныхъ отъ жены,—выше Іоанна Крестителя [2]).

Послѣ Пресв. Дѣвы Маріи, по Фотію, слѣдуетъ воздавать поклоненіе св. угодникамъ. Между святыми первое мѣсто Фотій отводитъ мученикамъ. Ихъ преимущество уже видно изъ того, по нему, что образовался церковный законъ, чтобы при освященіи алтарей въ нихъ влагались именно мощи мучениковъ, потому что, разсуждаетъ Фотій, относительно ихъ мощей не можетъ быть сомнѣнія, что они святы и подаютъ освященіе, между тѣмъ какъ относительно другихъ святыхъ это не столь ясно. Кириллъ Александрійскій, по словамъ Фотія, былъ первымъ лицемъ въ церкви, воспользовавшимся мощами просто святыхъ угодниковъ для освященія вновь созидаемыхъ церквей, вмѣсто мощей мучениковъ. Кириллъ, по Фотію, жилище одного знаменитаго умершаго аскета освятилъ въ церковь, не привнося сюда останковъ какого либо мученика [3]).

Кромѣ ученія о почитаніи святыхъ, Фотій сообразно съ нуждами времени раскрываетъ въ своихъ сочиненіяхъ строго церковное ученіе о почитаніи иконъ. Онъ доказывалъ, что иконоборцы подобны язычникамъ, іудеямъ и манихеямъ и суть ученики оныхъ, что они хуже, чѣмъ симоніане и корпократиты, что иконы также древни, какъ и христіанство и крещеніе [4]). Вообще у греческихъ богослововъ VIII и IX вѣка утвердилась мысль, что иконопочитаніе въ особенности приличествуетъ христіанству и соотвѣтствуетъ той высокой степени откровенія, на какой стоитъ оно (христіанство), такъ какъ невидимое божество Ветхаго Завѣта со времени

[1]) Oratio in Dei Genitricis natalem diem. p. 560 ibid.

[2]) Hergenröther. ibidem. Band III, s. 558—9.

[3]) Hergenröther. ibidem. B. III, s. 561.

[4]) Amphilochia. Qu. 196. 197. p. 933—5 ibid.

видимаго явленія Сына Божія въ Новомъ Завѣтѣ самымъ внутреннимъ образомъ соединилось съ чувственнымъ человѣкомъ; въ изображеніи Воплотившагося Слова, разсуждаютъ они, выражается вѣра въ Его воплощеніе. Фотій съ своей стороны замѣчалъ: кто отрицаетъ, что Христа можно живописать, тотъ отрицаетъ, что Онъ былъ истиннымъ человѣкомъ. Отрицающій почитаніе св. иконъ хуже, чѣмъ іудей, онъ болѣе сего достоинъ отвращенія, гораздо нечестивѣе и безбожнѣе [1]). Въ особенности достоинъ поклоненія, разсуждаетъ Фотій, крестъ Христовъ; крестъ есть образъ древа жизни райскаго. Крестъ, на которомъ распростерто было тѣло Господа и на которомъ излита спасающая міръ кровь, заслуживаетъ поклоненія; а затѣмъ заслуживаютъ того же и копіи съ него, поскольку чрезъ нихъ обращаются въ бѣгство демоны и врачуются многоразличныя страданія, ибо благодать, бывшая въ дѣйствительномъ крестѣ Христовомъ, распростирается и на позднѣйшія подобія его [2]).

Для характеристики строго церковнаго направленія, какое выражаетъ Фотій въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ, весьма важно знать, какъ онъ смотрѣлъ на обрядовую сторону церкви, находилъ ли необходимымъ единообразіе ея во всей церкви, видѣлъ ли въ уклоненіяхъ отъ обычаевъ господствующей восточной церкви дѣло прямо предосудительное и опасное. Вообще status quo обрядовой стороны считалъ ли онъ признакомъ православія? Если взять во вниманіе окружное посланіе Фотія противъ латинянъ [3]), то мы недалеки будемъ отъ той мысли, что этотъ патріархъ обрядовую сторону церкви ставитъ чуть ли не наравнѣ со стороною догматическою въ церкви. Въ самомъ дѣлѣ, обличая латинянъ за тѣ по преимуществу обрядовыя нововведенія, какія дозволяли себѣ латинскіе миссіонеры въ народѣ болгарскомъ, Фотій писалъ вообще, что „они всячески ухищряются новопросвѣщенныхъ развратить и отторгнуть отъ праваго и чистаго ученія непорочной христіанской вѣры“. Въ частности, изобличая латинянъ въ неправильномъ постѣ

1) Hergenröther. B. III, s. 563.
2) Epistola ad Mich. Bulg. p. 653. ibidem.
3) Migne. Curs. patr. tomus 102. p. 721 et c.

въ субботу, Фотій замѣчалъ, что „и малое отступленіе отъ преданій ведетъ обыкновенно къ совершенному пренебреженію христіанскаго ученія“; далѣе, раскрывая неправильность въ практикѣ римской, состоящую въ томъ, что латиняне начинаютъ четыредесятницу поста недѣлею, въ которую позволялись на Западѣ сыръ и яйца, Фотій увѣрялъ, что это—опасное „совращеніе съ праваго и царскаго пути“ вѣры; далѣе, въ римскомъ ученіи о безбрачіи священниковъ, Фотій видитъ ничто иное, какъ проявленіе ереси манихейской. Вообще Фотій въ указанномъ посланіи латинскую церковь за указанныя отступленія вмѣстѣ съ другими отступленіями считаетъ достойною „многихъ осужденій“, находитъ, что общій судъ долженъ „предать латинянъ тому огню, какой опредѣляютъ для отлученныхъ глаголы Божіи“.

Но, намъ кажется, судить по этому посланію окружному о дѣйствительномъ духѣ и направленіи Фотія въ отношеніи къ вопросу о значеніи обрядовой стороны въ церкви было бы не совсѣмъ справедливо. Посланіе это написано подъ вліяніемъ полемическаго ожесточенія на латинянъ, надѣлавшихъ такъ много смутъ, произведшихъ своимъ нетактичнымъ образомъ дѣйствованія такой соблазнъ между болгарами. Гнѣвъ на противниковъ не давалъ мѣста спокойному обсужденію дѣла со стороны Фотія. Намъ кажется, религіозный духъ и направленіе Фотія въ данномъ вопросѣ гораздо лучше выражаетъ другое его посланіе, писанное въ Римъ ранѣе разсмотрѣннаго посланія и въ которомъ онъ разбираетъ вопросъ насъ интересующій sine ira et studio. Мы говоримъ о посланіи Фотія къ папѣ Николаю, написанномъ этимъ патріархомъ тотчасъ послѣ собора Константинопольскаго 861 года. Въ этомъ посланіи Фотій развиваетъ самый возвышенный взглядъ на значеніе обрядовой стороны церкви,—взглядъ достойный такого великаго мужа, какимъ былъ Фотій. Здѣсь онъ раскрываетъ, какъ много въ отдѣльныхъ церквахъ мѣстныхъ особенностей въ церковныхъ учрежденіяхъ, которыя (особенности), являясь вслѣдствіе свободнаго естественнаго развитія данныхъ церквей, не мѣшаютъ имъ быть однакожъ истинными церквами. Вотъ какъ разсуждаетъ Фотій: „что утверждено чрезъ опредѣленіе вселенскихъ соборовъ, то должны всѣ сохранять. Но

что какой либо изъ отцевъ частнымъ образомъ постановилъ, или что узаконилъ мѣстный соборъ, то хотя не можетъ быть разсматриваемо какъ суевѣріе въ практикѣ соблюдающихъ таковое, но за то и не принимающіе подобныхъ узаконеній не подвергаются никакой опасности, если не соблюдаютъ ихъ. Такъ одни брѣютъ и стригутъ бороды сообразно съ мѣстными обычаями, а другимъ это запрещено соборными постановленіями. Такъ мы постимся только въ одинъ субботній день [1], и если бы мы стали поститься и въ прочіе субботніе дни, то это было бы зазорно, но другіе постятся болѣе одной субботы, тамошнее преданіе считается утверждающимся на обычаѣ, вопреки самымъ канонамъ, и съ этой точки зрѣнія избѣгаютъ осужденія. Въ Римѣ ни одинъ священникъ не можетъ жить въ законномъ бракѣ, но мы научены и единобрачныхъ возводить въ священники, и если кто отказывается принимать изъ рукъ ихъ евхаристію, то мы такихъ отлучаемъ. Если бы кто у насъ, миновавъ рукоположеніе пресвитерское, рукоположенъ былъ изъ діакона во епископа, то допустилъ бы весьма важное нарушеніе, а у другихъ это все равно. Во многихъ странахъ совершенно запрещено монахамъ употребленіе мяса не ради отвращенія къ нему, но ради воздержности; но въ иныхъ мѣстахъ соблюдается такое воздержаніе только въ извѣстное время. Я слышалъ отъ людей достойныхъ вѣры, что въ Александріи отъ имѣющаго быть епископомъ требуется обѣтъ—никогда не воздерживаться отъ мясныхъ яствъ, что̀ вошло здѣсь въ обычай по какому нибудь особенному случаю. У насъ монахи не отказываются отъ своей одежды, когда принимаютъ обязанность клирика; но у иныхъ это бываетъ не такъ: если монахъ возводится въ епископы, онъ отлагаетъ свои прежнія одежды и стрижетъ волосы на головѣ“. Какъ ни различны обряды церковные, которые Фотій перечисляетъ здѣсь, онъ однакожъ не считаетъ себя вправѣ осуждать ихъ. Онъ замѣчаетъ вопреки тѣмъ, если бы пожелалъ этого: „многія церковныя правила однимъ преданы, а другимъ неизвѣстны. Кто принялъ ихъ и нарушаетъ, тотъ достоинъ наказанія, но кто не имѣетъ ихъ,

[1]) Т. е. великую субботу.

почему долженъ подлежать наказанію?" [1]). Вотъ тотъ истинно христіанскій, гуманный взглядъ, которымъ смотритъ онъ на разности обрядовыя, раздѣлявшія издавна различныя церкви одну отъ другой [2]).

II. Къ сожалѣнію въ дальнѣйшей исторіи церкви восточной утверждается не столько этотъ любвеобильный примирительный взглядъ на разности церковныя, сколько тотъ взглядъ Фотія, который выраженъ этимъ патріархомъ въ его окружномъ посланіи, взглядъ черезчуръ строгій и едвали справедливый. Насколько подобный ригористическій взглядъ началъ утверждаться въ церкви, это сдѣлалось ясно, въ особенности когда въ XI вѣкѣ возгорѣлись споры церкви восточной съ церковію западною. Какъ скоро случилось это, взглядъ Фотія утрированный, чуждый снисхожденія, выраженный имъ въ сказанномъ посланіи, дѣлается руководящею нитью для многихъ представителей восточнаго богословствованія. Такимъ образомъ создавалось направленіе, которое можно назвать консервативно-ритуальнымъ. Разительный примѣръ указаннаго направленія представляетъ патріахръ Михаилъ Керуларій (XI в.). Керуларій, хотя быть можетъ и не безъ достаточныхъ причинъ, но во всякомъ случаѣ безъ должнаго снисхожденія, нападаетъ на нѣкоторыя церковно-обрядовыя разности латинской церкви. Онъ видитъ въ этихъ разностяхъ какъ бы такое дѣло, которое грозило самою великою опасностію для допускающихъ оныя. Такъ въ своемъ извѣстномъ полемическомъ посланіи противъ латинянъ Керуларій [3]), обличая латинянъ въ томъ, что они совершаютъ евхаристію на опрѣснокахъ, что они постятся по субботамъ (въ четыредесятницу), что они ѣдятъ удавленину, что они имѣютъ нѣкоторыя неважныя богослужебныя особенности, однакожъ дѣлаетъ при этомъ такой видъ, какъ будто бы дѣло шло о коренныхъ догматическихъ отступленіяхъ. Онъ писалъ на Западъ: „отчего вы не обра-

[1]) Epistola Nicolao papae, p. 603—4. Migne, tomus 102.

[2]) Охарактеризовавъ строго-ортодоксальное направленіе Фотія, мы не будемъ перечислять другихъ представителей того же направленія.

[3]) Migne, Curus patrol. Gr. ser. tomus, 120. p. 835—844 (издано съ именемъ Льва Болгарскаго).

щаете вниманія на такія погрѣшности свои, не познаете ихъ, и не исправляете народы и себя (обращеніе къ епископамъ), вы, которые должны будете дать отвѣтъ въ этомъ Богу? Неужели вы презрите то, чему учили Петръ, Павелъ и другіе? Вы обольщаете себя и народъ, а о чемъ я пишу, тому учили Петръ, Павелъ и другіе апостолы, училъ Самъ Спаситель, и то восприняла св. каѳолическая церковь и доселѣ свято хранила. Исправившись и вы храните это. Опрѣсноки и субботы предоставьте жалкимъ іудеямъ, равно какъ и удавленину язычникамъ, дабы намъ быть чистыми и непорочными, неповрежденными въ правой вѣрѣ и быть единымъ стадомъ единаго пастыря Христа". Съ этими замѣчаніями Керуларій обращается не къ кому нибудь одному, а ко всѣмъ, какъ онъ говоритъ, епископамъ, священникамъ и самому папѣ. Можно ли назвать вполнѣ похвальною ревность Керуларія, когда онъ изъ-за такихъ не въ одинаковой мѣрѣ важныхъ разностей хочетъ поднять всеобщій церковный споръ? Замѣчательно: Керуларій ни слова не говоритъ въ своемъ посланіи о западномъ заблужденіи въ вопросѣ объ исхожденіи Духа Св. и отъ Сына. Ужъ не считалъ ли Керуларій исчисленныя имъ обрядовыя особенности западной церкви важнѣе отступленія въ самыхъ догматахъ?

Это посланіе Керуларія, въ которомъ онъ высказалъ себя какъ рѣшительный ультро-ритуалистъ, какъ строгій поборникъ единообразія въ обрядности, не было какимъ нибудь исключительнымъ явленіемъ въ церковной дѣятельности этого патріарха. Въ дальнѣйшей своей дѣятельности противъ тѣхъ же латинянъ Керуларій еще рѣзче проводитъ тотъ же свой взглядъ. Въ другомъ посланіи по поводу латинянъ къ Петру, патріарху антіохійскому, онъ ставитъ въ упрекъ латинянамъ, что во многихъ обрядныхъ и церковно-практическихъ вопросахъ они расходятся съ церковію восточной, и находитъ это дѣломъ неизвинительнымъ для церкви западной. Въ этомъ посланіи на ряду съ такими отступленіями западной церкви, на которыя дѣйствительно слѣдовало обращать вниманіе, указываются и такія, о которыхъ христіанское благоразуміе и высота христіанскихъ воззрѣній вовсе не позволяли бы говорить. Вотъ обвиненія, какія выставляетъ Керуларій противъ латинянъ. Они

ѣдятъ удавленину; брѣютъ бороды; хранятъ субботу (?); ѣдятъ нечистое; монахи ихъ ѣдятъ мясо, свиной тукъ и всякую кожу, прилегающую къ мясу; въ середу ѣдятъ мясо, въ пятницу сыръ и яйца, а въ субботу цѣлый день постятся; во время литургіи они провозглашаютъ: единъ святъ, единъ Господь І. Христосъ во славу Бога Отца чрезъ Св. Духа; запрещаютъ бракъ священникамъ; позволяютъ двумъ братьямъ жениться на двухъ сестрахъ; на литургіи во время причащенія одинъ изъ священно-дѣйствующихъ вкушаетъ опрѣсноки, а прочихъ только цѣлуетъ и этимъ дѣлаетъ ихъ участниками въ причащеніи; ихъ епископы носятъ кольца на рукахъ, потому что они смотрятъ на порученныя имъ церкви какъ на своихъ женъ и кольца считаютъ видимымъ признакомъ такого брака, ихъ епископы ходятъ на войну, обагряютъ свои руки кровію и еще болѣе души, какъ намъ сообщали, они совершаютъ крещеніе чрезъ единое погруженіе; влагаютъ въ ротъ крестимаго соль; они не хотятъ почитать мощи святыхъ, нѣкоторые—и св. иконы; они не причисляютъ къ великимъ учителямъ церкви Василія Великаго, Григорія Богослова, Златоустаго, не признаютъ ихъ святыми и не принимаютъ ихъ ученія. Да и вообще латиняне допускаютъ и многое другое, чего нѣтъ возможности и перечислять въ подробности. „Когда они такъ живутъ, заключаетъ патріархъ, и имѣютъ такіе нравы и явно дерзаютъ совершать непозволительное и предосудительное, кто станетъ считать ихъ *въ числѣ православныхъ*“ [1])? Замѣтимъ, что если бы многія изъ указываемыхъ обвиненій противъ латинянъ и дѣйствительно были справедливы, чего однакожъ никакъ нельзя сказать, и тогда духъ христіанства требовалъ бы проходить ихъ снисходительнымъ молчаніемъ; но этого не могъ допустить себѣ Керуларій. Букву возводитъ онъ въ догматъ; вещи не стоящія вниманія возвелъ въ преступленія,—перемѣшиваетъ важное съ неважнымъ.

Въ своихъ воззрѣніяхъ на значеніе обрядовой стороны въ церкви Михаилъ Керуларій не стоитъ одиноко, такія же

[1]) Epistola Michaelis Cerul. ad Pertum patr. Antioch. p. 789—793. Migne. t. 120. Въ русской литературѣ извѣстны слѣдующія сочиненія о Керуларіѣ: „Борьба и раздѣленіе церкви въ половинѣ XI вѣка“ (Хр. чт. 1868); Михаилъ Керуларій, патр. Константинопольскій. Кіевъ. 1854.

мысли проводитъ въ борьбѣ съ латинянами и его современникъ монахъ Студійскій Никита Стифатъ [1]). Позднѣе съ такими же воззрѣніями встрѣчаемъ въ исторіи патріарха Николая грамматика, жившаго въ концѣ XI вѣка. Въ посланіи къ монахамъ Аѳонскимъ этотъ патріархъ разсуждаетъ какъ о дѣлѣ безусловно важномъ въ отношеніи ко спасенію о томъ, какъ нужно проводить дни постные, сколько нужно полагать земныхъ поклоновъ въ день и пр. Патріархъ напр. писалъ: „должно содержать постъ. Какой же постъ разумѣю я? въ среду и пятокъ. Онъ, по ученію отцевъ, есть отложеніе рыбы, елея и вина, сухоядѣніе однажды въ третьемъ часу по полудни. И если ты немощенъ, пей немного вина. Но если ты можешь воздерживаться отъ употребленія его, то будешь имѣть большую пользу, исполнивъ заповѣдь. Ибо Божественные апостолы и послѣ нихъ Богоносные отцы заповѣдуютъ страшную и великую строгость питаться однимъ хлѣбомъ, солію и овощами". Поучая о колѣнопреклоненіи, патріархъ говоритъ: „преклонять колѣна надобно во весь годъ, за исключеніемъ праздниковъ. Не бойся числа колѣнопреклоненій: ихъ не много; двѣнадцать долженъ ты отсчитывать въ простые дни, а въ четыредесятницы, т. е. въ посты Рождественскій, Петровъ и Успенскій — пятнадцать, въ четыредесятницу же, которая называется великою, удвоять число ихъ, ежели ты не потерялъ бодрости. А ежели тяжело тебѣ кажется отсчитывать столько, то безотговорочно, отсчитывай двадцать четыре". И исполненіе подобныхъ предписаній Николай считаетъ обязательнымъ не для однихъ монаховъ, но и для всѣхъ вообще христіанъ; по крайней мѣрѣ касательно своихъ предписаній о постѣ въ середу и пятницу онъ замѣчалъ: „строгость такихъ пощеній, какія описалъ я, предначертана не однимъ монахамъ, но и всякому вѣрному въ удѣлѣ Христовомъ", т. е. каждому христіанину. Патріархъ не обинуясь за точное исполненіе подобныхъ внѣшнихъ предписаній обѣщаетъ полноту спасенія. Онъ писалъ: „если ты будешь соблюдать сіе, то ручаюсь тебѣ въ томъ, что ты удостоишься стоять одес-

[2]) См. о немъ въ моей статьѣ: „Церковь Римская и Византійская въ ихъ спорахъ". Чт. въ Общ. люб. дух. просвѣщ. 1875, ч. I.

ную Спасителя и наслѣдуешь царство небесное и жизнь не старѣющую вмѣстѣ со всѣми святыми“ [1]).

Изъ приведенныхъ фактовъ открывается, что обрядовая сторона въ восточной церкви въ изучаемое время получаетъ слишкомъ большое значеніе. Единообразіе въ обрядахъ данной церкви съ восточной считается критеріемъ истинности подобной церкви. Этого мало: строгое исполненіе внѣшней церковной обрядности становилось наравнѣ съ истиннымъ благочестіемъ сердца въ вопросѣ о достиженіи спасенія.

III. Не всѣ впрочемъ представители восточнаго богословствованія отличались тѣмъ же духомъ и направленіемъ въ вопросахъ обрядовыхъ, какимъ отличались указанныя нами лица: Керуларій, Никита Стифатъ, Николай патріархъ. Другіе и притомъ многіе одушевлены были другими стремленіями. Эти послѣдніе болѣе примыкали къ глубокимъ и истинно-гуманнымъ идеямъ, какія высказаны Фотіемъ въ его посланіи къ папѣ Николаю послѣ собора 861 года. Они не придавали исключительной важности обрядовой сторонѣ въ церкви, готовы были снисходительно смотрѣть на отступленія въ церковныхъ обрядахъ и обычаяхъ иныхъ церквей отъ восточной; цѣнили выше обряда истинно-христіанскій духъ, истинно-христіанское расположеніе; готовы были ради единенія въ любви христіанской терпѣть особенности, встрѣчаемыя въ практикѣ церквей у иныхъ народовъ, хотя бы эти особенности были очевидны и ясны. Назовемъ это направленіе консервативно-спиритуальнымъ. Въ этомъ отношеніи мы прежде всего должны сказать о патріархѣ антіохійскомъ Петрѣ (XI в.). Къ нему писалъ Керуларій посланія, въ которыхъ строго порицалъ западную церковь за ея обрядовыя особенности. Петръ рѣшительно не соглашался съ воззрѣніями Керуларія на вопросъ. Въ отвѣтномъ посланіи къ Керуларію Петръ показалъ, что онъ человѣкъ совершенно другаго духа. „Прилично намъ, внушалъ Петръ, вообще и въ особенности тамъ, гдѣ нѣтъ никакой опасности для вѣры и дѣла Божія, всячески склоняться къ миру и братской любви. Мы должны признавать

[1]) Порфирія, еписк. Чигиринскаго „Исторія Аѳона“. Труды Кіевск. Дух. Академіи. 1873, февраль, стр. 160. 164. 165.

латинянъ нашими братьями, хотя они по грубости и невѣденію во многихъ пунктахъ и отступаютъ отъ праваго пути. Довольно и того, что у нихъ правильно проповѣдуется живоносная Троица и признается согласно съ нами тайна воплощенія". По его сужденію, не всѣ заблужденія, въ какихъ Керуларій обвиняетъ латинянъ, должно ставить на одну и ту же линію: одна часть этихъ заблужденій кажется ему дѣйствительно достойною осужденія, другая часть заблужденій можетъ быть еще уврачевана, а еще иная часть заблужденій, по мнѣнію Петра, такого рода, что на нее не слѣдуетъ обращать никакого вниманія. Къ послѣднему классу заблужденій онъ относитъ: бритье и стриженіе бороды, ношеніе колецъ епископами,—онъ напоминаетъ, что и сами восточные въ честь апостола Петра выстригаютъ кружокъ на головѣ и употребляютъ золотыя украшенія на св. одеждахъ. Что же касается до ѣденія нечистой пищи, употребленія мяса и свинаго тука со стороны монаховъ латинскихъ, то онъ замѣчаетъ, что то же самое встрѣчается и на востокѣ, и никакое твореніе не можетъ быть не угодно Богу, если вкушается съ благодареніемъ Богу. Онъ извиняетъ латинянъ въ томъ, что они нѣсколько отлично отъ восточныхъ пѣли пѣснь: единъ святъ, единъ Господь. Если латинянъ упрекали въ томъ, что они ѣдятъ удавленину, т. е. животныхъ задушенныхъ, у которыхъ не выпущена кровь, то Петръ просилъ грековъ обратить вниманіе въ данномъ случаѣ на самихъ себя и сознаться, что и въ столицѣ—Константинополѣ, и въ провинціи есть многіе, которые употребляютъ въ пищу кровь свиную. Вообще онъ замѣчаетъ, что у восточныхъ у самихъ много недостатковъ, которые однакожъ они терпятъ у себя, и вмѣсто самоисправленія высказываютъ заботу и сокрушеніе о чужихъ погрѣшностяхъ. „Если—писалъ Петръ—мы подчиненныхъ намъ людей не можемъ обуздывать, то какимъ образомъ можемъ отучить отъ своихъ обычаевъ такой гордый и поднимающій высоко голову народъ, какъ западные? Вотъ все, чего желалъ бы Петръ со стороны латинскихъ христіанъ: пусть они откажутся отъ прибавки къ символу filioque. По другимъ вопросамъ, по его мнѣнію, не слѣдуетъ много спорить съ латинянами: должно сдѣлать вразумленіе имъ ка-

сательно введеннаго у нихъ обычая не допускать женатыхъ священниковъ до совершенія таинствъ. Что же касается до совершенія евхаристіи на опрѣснокахъ, то Петръ смотрѣлъ на этотъ обычай латинянъ безразлично, хотя и не одобрялъ его. Вообще Петръ Антіохійскій проситъ и заклинаетъ патріарха Керуларія быть умѣреннымъ въ требованіяхъ въ отношеніи къ Западу, изъ боязни, чтобы при стремленіи уврачевать разрывъ не сдѣлаться причиной еще большаго разрыва и при усиліяхъ поднять падшаго не сдѣлаться причиной еще болѣе глубокаго паденія для него. Онъ обращаетъ вниманіе Михаила на то, чтобы, потребовавъ всего, не лишиться всего [1]).—Мысли Петра, патріарха антіохійскаго, относительно значенія обрядовой стороны церковной въ дѣлѣ вѣры проникнуты христіанскою любовію къ ближнему; онъ понималъ единеніе христіанское, какъ единеніе въ духѣ, а не какъ единеніе во внѣшнихъ обычаяхъ. Нужно сказать однакожъ, что современность не умѣла достаточно цѣнить подобнаго направленія и видѣла въ немъ соблазнъ и посрамленіе для церкви, знакъ, что идеи, подобныя Керуларіевымъ, больше находили кредита въ тогдашней церкви. Мы имѣемъ въ виду дѣйствительные факты. Такъ одинъ современникъ Петра монахъ Никонъ, касаясь въ своихъ сочиненіяхъ личности и дѣятельности Петра, съ неудовольствіемъ замѣчалъ о немъ: „письма Петра, будучи пристрастными, пристрастно изданы, и не слѣдуетъ ссылаться на нихъ въ доказателъство“ (чего либо). Никонъ особенно недоволенъ тѣмъ, что Петръ сознался, что и на востокѣ монахи употребляютъ мясо, подобно западнымъ монахамъ, замѣчая объ этомъ предметѣ: Петръ „худо, скверно изложилъ мясоѣденіе монашескаго гражданства, увлекаясь пристрастнымъ помысломъ“. Никонъ не удовлетворился этимъ, но чтобы обезславить Петра и въ потомствѣ, записалъ объ немъ соблазнительные анекдотцы, неизвѣстно—имѣющіе подъ собой историческую основу или ложные. Смыслъ этихъ анекдотовъ тотъ, что Петръ потому такъ судилъ, какъ онъ судилъ въ письмахъ по поводу латинянъ, что онъ самъ былъ человѣкъ не совсѣмъ воздержный. Никонъ передаетъ:

1) Epistola Petri patr. p. 800—813. Migne, ibid. t. 120.

„когда Петръ былъ въ Константинополѣ и поставлялся въ патріарха, находился при этомъ случаѣ Лука, митрополитъ Аназарбскій. По совершеніи поставленія императоръ Константинъ Мономахъ сказалъ сему послѣднему: вотъ мы даемъ вамъ патріарха, только онъ мясца-то не оставляетъ. Тогда Лука всталъ и сказалъ публично: хорошъ онъ, государь, и уменъ, но мы въ Антіохіи патріарха мясоѣдца не примемъ. На это патріархъ Петръ возразилъ ему, говоря: перестань, не возбраняй сего, ибо я мясца не оставлю; да и царь на это согласился. Но такъ какъ Лука не соглашался, патріархъ совсѣмъ отказался отъ мяса. Когда же они выѣхали изъ Константинополя и прибыли въ Антіохію и когда предполагалось быть возведеніе патріарха на престолъ, постники сѣли (за обѣденнымъ столомъ) съ патріархомъ, а скоромники особо, и когда принесли мясо, патріархъ съ удовольствіемъ обонялъ запахъ его. А старецъ Лука и тутъ замѣтилъ: „не слѣдуетъ тебѣ дѣлать этого". Петръ не выдержалъ и отвѣчалъ: „замолчи же старецъ или я тебя... Самъ царь разрѣшилъ мнѣ ѣсть мясо, а ты препятствуешь. Теперь я имѣю одно утѣшеніе нюхать мясо" [1]). Мы смотримъ на эти разсказы, встрѣчаемые у Никона, касательно Петра какъ на прямую оппозицію, какую его время высказывало противъ мнѣній и убѣжденій, раздѣляемыхъ Петромъ и его сторонниками.

Какъ ни велика была партія сторонниковъ утрированной обрядности въ тогдашней церкви, и противоположная партія не была вовсе безсильною, не ограничивалась только отдѣльными явленіями. По стопамъ Петра патріарха шелъ извѣстный Θеофилактъ, архіепископъ Болгарскій, писатель второй половины XI вѣка. Свои мысли касательно обрядовыхъ споровъ въ тогдашней церкви онъ высказалъ по слѣдующему случаю: одинъ діаконъ Николай, впослѣдствіи епископъ, умолялъ Θеофилакта сдѣлать для него краткое опроверженіе заблужденій латинскихъ, которыя съ одной сто-

1) „Изъ записокъ Синайскаго богомольца", стр. 322—3. Труды К. Д. Академіи, 1873. Сентябрь. См. также въ исторіи патріарховъ антіохійскихъ Порфирія, еп. Чигиринскаго, въ Трудахъ К. Д. Акад. Никонъ жилъ въ XI вѣкѣ; на Петра онъ смотритъ какъ на современника. Сочиненіе Никона, изъ котораго заимствуются свѣдѣнія, извѣстно только въ рукописи.

роны, говорилъ онъ, такъ многочисленны, съ другой настолько сильны, что они ведутъ къ раздѣленію церквей. Свой общій взглядъ на дѣло любвеобильный и возвышенный Θеофилактъ прекрасно выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: „братья, други и слуги Христовы, не будемъ дѣйствовать такъ, чтобы отчуждать себя отъ Бога, Который чрезъ Свою любовь привлекаетъ всѣхъ къ Себѣ, какъ скоро мы чрезъ свою гордость чуть не всѣхъ будемъ отталкивать отъ себя". Съ этой точки зрѣнія крѣпкій и снисходительный Θеофилактъ обсуживаетъ всѣ пункты разногласія церкви восточной съ западной. Онъ писалъ, что хотя многіе, *почти всѣ* между греками, думаютъ такъ, что заблужденія западныя и безчисленны и безусловно важны, но что онъ—Θеофилактъ—однако не можетъ убѣдить себя въ этомъ. Латинянамъ ставятъ въ укоръ, что они совершаютъ евхаристію на хлѣбѣ не квасномъ, постятся въ субботы, дни великаго поста не такъ исчисляютъ, какъ мы [1]), запрещаютъ бракъ клирикамъ, мірянамъ позволяютъ (смотри не смѣйся—замѣчаетъ Θеофилактъ) стричь бороду, и не только мірянамъ, но и людямъ, облеченнымъ священнымъ саномъ; ихъ обвиняютъ далѣе за то, что пастыри ихъ украшаютъ руки кольцами, за то, что ихъ монахи ѣдятъ мясо. Многія изъ этихъ заблужденій, высказываетъ свое мнѣніе Θеофилактъ, я считаю за ничего незначащія, иныя за малозначащія. Кто порицаетъ эти заблужденія мняся службу приносити церкви, тотъ едвали беретъ на себя значительную службу: еслибы этихъ порицаній совсѣмъ не существовало, едвали вышелъ бы какой вредъ для церкви. Затѣмъ онъ замѣчаетъ: не соглашаться съ тѣми, которые считаютъ отступленія въ обрядахъ за непростительные грѣхи, не соглашаться съ такими есть истинное дѣло того, кто знакомъ съ церковной исторіей. Этотъ знаетъ, что не каждый обычай имѣетъ силу расторгнуть единеніе, но только такой, который привноситъ съ собой раздѣленіе въ вѣрѣ. Различные обычаи, которые приняты латинянами и которые наши судьи считаютъ заблужденіями, произошли частію изъ благочестія и религіозности, частію изъ снисходительности къ человѣческимъ слабостямъ.

[1]) См. объ этомъ въ моей выше цитированной статьѣ.

Въ существѣ дѣла Ѳеофилактъ гораздо болѣе порицаетъ восточныхъ за ихъ ожесточеніе противъ латинянъ, чѣмъ латинянъ за ихъ заблужденія. Только одно въ латинскихъ заблужденіяхъ Ѳеофилактъ считаетъ безусловно важнымъ и неизвинительнымъ—это прибавку къ символу filioque и самое ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына; за это заблужденіе латиняне, по Ѳеофилакту, заслуживаютъ наказанія во адѣ. Что касается до обыкновенія латинскаго совершать евхаристію на опрѣснокахъ, то Ѳеофилактъ высказывается чуть ли не въ пользу латинянъ. Онъ утверждаетъ, что Христосъ установилъ евхаристію на тайной вечери послѣ совершенія ветхозавѣтной пасхи и слѣдовательно при этомъ случаѣ были лишь хлѣбы опрѣсночные. Впрочемъ онъ оговаривается, что отсюда нельзя извлекать ничего обязательнаго для церкви; ибо, по его сужденію, матеріальное, вещественное, однообразіе съ тѣмъ дѣйствіемъ, какое совершено Христомъ, вовсе не нужно, да оно и недостижимо. Въ самомъ дѣлѣ, тогда нужно было бы употреблять для евхаристіи тотъ же самый родъ хлѣба и вина, какой употребленъ былъ Христомъ, т. е. хлѣбъ ячменный (?), а не пшеничный, вино нужно было бы употреблять именно палестинское; евхаристію нужно было бы совершать вечеромъ и притомъ возлежа, нужно было бы для этого избирать какой нибудь залъ [1]. Вообще Ѳеофилактъ на споры тогдашніе восточной церкви съ западной по вопросамъ церковно-обрядовымъ смотритъ одними и тѣми же глазами съ Петромъ Антіохійскимъ.

Сообщая свѣдѣнія о направленіи въ церкви восточной IX, X, XI вѣка, направленіи, которое противопоставляло себя ультроритуальному направленію того времени, мы должны сказать еще объ одномъ представителѣ того же направленія, о монахѣ Георгіѣ, родомъ изъ Грузіи. Этому монаху въ 1066 году пришлось вести бесѣду съ тогдашнимъ императоромъ Константиномъ Дукою. Въ этой бесѣдѣ онъ ясно высказалъ, что въ вопросахъ объ обрядовыхъ отличіяхъ западной церкви отъ восточной, онъ держится тѣхъ же

[1]) Theophylacti. Liber de iis quorum Latini incusantur. p. 221—5; 233—5; 245. 249. Migne. Gr. ser. t. 126.

мыслей, какихъ держался немного раньше того Петръ патріархъ и позднѣе Ѳеофилактъ. Императоръ, между прочимъ, предложилъ Георгію такой вопросъ: „скажи мнѣ, почему мы и вы служимъ евхаристію на квасномъ хлѣбѣ и къ вину примѣшиваемъ воду, а римляне служатъ на опрѣснокахъ безъ прибавленія воды; что значитъ квасный хлѣбъ и примѣсь воды къ вину?“ Въ отвѣтъ на это Георгій, указавъ, что квасностію хлѣба означается одушевленность тѣла Господа, а примѣшиваніемъ воды къ вину воспоминается истеченіе крови и воды изъ прободеннаго ребра Христова, замѣтилъ о латинянахъ: „Римляне, какъ только познали истиннаго Бога, никогда не уклонялись отъ Него, и какъ верховный Петръ совершилъ безкровную жертву, или лучше какъ Самъ Господь преподалъ евхаристію ученикамъ Своимъ на тайной вечери, такъ совершаютъ и они; и *нѣтъ у насъ никакой разности съ ними, только бы вѣра была правая*“. Императоръ очень доволенъ остался отвѣтами монаха [1]).

Направленіе, выражаемое Петромъ, Ѳеофилактомъ и отчасти Георгіемъ, не было явленіемъ мимолетнымъ. Оно удерживается въ исторіи восточной и послѣдующихъ ближайшихъ вѣковъ. Къ сожалѣнію впослѣдствіи изъ подъ вліянія его выходили такъ называемые латинофроны на востокѣ, т. е. такія лица, которыя, ни мало не сумнясь, усвоивали себѣ латинскія заблужденія и нерѣдко прямо переходили въ латинство.

IV. Отъ направленій религіозной мысли въ средѣ восточной греческой церкви, возникшихъ по преимуществу въ спорахъ, какіе имѣли мѣсто въ тогдашнее время, переходимъ къ направленію, которое возникало изъ простой, но глубокой наблюдательности надъ состояніемъ церковнымъ, возникало вслѣдствіе серьознаго сознанія дѣйствительныхъ потребностей религіозныхъ. Мы не говоримъ, что это направленіе выступило и дѣйствовало, а говоримъ только, что оно встрѣчалось. Въ тиши монастырской, въ благодатномъ уединеніи, нѣкоторыя лица всецѣло отдавались вопросу:

[1]) „Исторія Аѳона“. Труды Кіевск. Дух. Академіи, 1873, январь. стр. 43—44.

какъ спастись, можно ли достигнуть цѣли христіанскаго совершенства, при помощи тѣхъ средствъ, по преимуществу внѣшнихъ, какія выдавались за вполнѣ достаточныя для дѣла? Являлся скепсисъ, но не тотъ скепсисъ, который все разрушаетъ, но тотъ скепсисъ, который все возникаетъ для того, чтобы созидать. Являлись порывы къ серьозной критикѣ церковной жизни времени; плодомъ этой вѣрующей критики бывали свѣтлыя, какъ ясная заря, идеи, которыя и раскрывались то въ частныхъ бесѣдахъ, то въ сочиненіяхъ, назначенныхъ не для широкаго кружка читателей, идеи, которыя хотѣли перенести центръ тяжести истиннаго благочестія со внѣ, снаружи, перенести внутрь, въ глубины души, въ противоположность тѣмъ проповѣдникамъ въ церкви, которые обѣщали спасеніе за соблюденіе внѣшней законности, въ родѣ вышеупомянутаго нами патріарха Николая. Словомъ, мы хотимъ сообщить свѣдѣнія о направленіи, которое пожалуй назовемъ спиритуально-либеральнымъ, съ практическимъ характеромъ. Это направленіе желало реформъ въ церковной жизни, заявляло о нихъ, но не домогалось ихъ. Замѣчательнымъ представителемъ изучаемаго направленія былъ монахъ Нилъ Россанскій (X в. [1]), Грекъ, жившій въ Италіи и основавшій здѣсь Крипто-ферратскій монастырь. Онъ имѣлъ большое и благодѣтельное вліяніе не только на грековъ, но и на латинянъ. Этого праведнаго мужа часто посѣщали знаменитѣйшія лица изъ духовнаго и свѣтскаго сословія, они предлагали ему множество вопросовъ касательно религіозныхъ дѣлъ; онъ пользовался подобными случаями, чтобы сказать имъ свое мудрое слово. Онъ предостерегалъ ихъ противъ ложной увѣренности, что можно спастись имѣя одну мертвую вѣру, давалъ имъ разумѣть, при какихъ условіяхъ можетъ быть пріятно Богу исполненіе внѣшней обрядовой законности, какую цѣну имѣетъ эта законность сама по себѣ, когда не сопровождается должнымъ расположеніемъ духа [2]). Такъ

[1]) Названъ такъ по имени города Россано въ Калабріи, родины Нила. Нилъ также извѣстенъ съ именемъ „младшаго“.

[2]) Въ томъ же родѣ дѣйствовалъ Симеонъ новый Богословъ. Вотъ его мысли: „я знаю нѣкоторыхъ, которые нисколько не заботятся, какъ избѣгать того, что бываетъ съ ними тайно, или о чемъ размышляютъ въ сокровенности серд-

однажды одному знаменитому мужу, принадлежавшему къ числу царедворцевъ, когда онъ пришелъ къ Нилу, послѣдній далъ для чтенія вслухъ жизнеописаніе подвижника Симеона, и открылъ его на томъ именно мѣстѣ, гдѣ говорится, что изъ 10,000 душъ едвали и одна спасется; всѣ бывшіе въ кельи Нила воскликнули: „быть

ца; они думаютъ спастись безъ всякаго другаго дѣланія, т. е. безъ молитвы, храненія устъ, воздержанія, смиренія и любви, а просто однимъ хожденіемъ къ службамъ, думаютъ, что для нихъ довольно не оставлять только установленныхъ службъ—утрени, вечерни, часовъ—чтобы стяжать добродѣтели и достигнуть совершенства совершенныхъ по возрасту Христову. Но это не такъ. Ибо Богъ не зритъ на лице, ни на внѣшнее одно благочиніе нравовъ, ни на вопли наши, но на сердце сокрушенное и носящее страхъ Божій (Двѣнадцать словъ Симеона въ русск. переводѣ, стр. 89—90. Москва. 1868). „Пусть также не говоритъ человѣкъ, что онъ покаялся, и тому уже столько-то лѣтъ; пусть не высчитываетъ мнѣ раздаянія и расточенія богатства и злата и не говоритъ: „отъ имущества моего я одѣлъ столько-то нагихъ, напиталъ алчущихъ, напоилъ жаждущихъ; я расточилъ все свое достояніе, поклонился гробу Господню, входилъ на гору Елеонскую, или давно уже постригшись, сижу въ келліи одинъ, исполняя по стольку-то молитвъ: этимъ спасусь, сего мнѣ и довольно". Не обольщай себя, братъ, кто бы ты ни былъ. Не утѣшай себя пустыми мыслями, поступая безумно. Все это хорошо и очень хорошо, но если ты не увидалъ еще, посѣяно ли что изъ лучшихъ плодовъ на землѣ твоей, т. е. на нивѣ сердца твоего; то скажи мнѣ, какую получишь ты пользу обошедши концы земли и достигши до отдаленныхъ морей? Отнюдь никакой" (ibid. стр. 174—5). „Посты, молитвы, милостыни, произвольная нищета, спаньё на голой землѣ и все другое, что ни дѣлаетъ человѣкъ, долженъ онъ дѣлать для того, чтобы содружиться съ Богомъ. Если же все такое не ведетъ его къ сему содруженію, то какая отъ того польза" (слова Симеона новаго Бог., Душепол. Чтен. 1877, октябрь, стр. 180)? Кстати укажемъ и другія характеристическія черты направленія, представляемаго Симеономъ. Симеонъ почитается лицемъ, положившимъ прочныя основанія тому ученію о небесномъ озареніи души вѣрующаго, которое впослѣдствіи привело къ знаменитому спору Паламитовъ и Варлаамитовъ. Вотъ это ученіе, какъ находимъ его у Симеона. „Умъ, соединившійся съ Богомъ вѣрою, видитъ дивныя и преславныя чудеса. Онъ весь освѣщается и становится какъ свѣтъ, хотя не можетъ понять и изречь то, что видитъ Свѣтъ всяческихъ, т. е. Бога, и свѣтъ сей, который онъ видитъ, есть жизнь и даетъ жизнь тому, кто его видитъ. Умъ видитъ себя совершенно объединеннымъ съ симъ свѣтомъ и трезвенно бодрствуетъ. Сознаетъ онъ, что свѣтъ сей внутри души его и изумляется; изумляясь же видитъ его, какъ бы онъ былъ вдали отъ него; потомъ пришедши въ себя опять находитъ свѣтъ сей внутри; и такимъ образомъ не находитъ ни словъ, ни мыслей, что сказать и что подумать о свѣтѣ томъ, имъ видимомъ. Сей свѣтъ зримъ бываетъ умно,

этого не можетъ; это говоритъ еретикъ". „Въ такомъ случаѣ мы напрасно крещены, напрасно чтимъ крестъ, напрасно вкушаемъ евхаристію, напрасно называемся и христіанами". На это Нилъ сказалъ тихимъ голосомъ: „что вы скажете на это, если я укажу вамъ, что тоже говорятъ Василій Великій, Златоустый, Θеодоръ Студитъ, ап. Павелъ и само Евангеліе. Что вы скажете на это, вы, позволяющіе называть еретическимъ сказанное святыми мужами? А я вамъ скажу вотъ что: чрезъ все то, посредствомъ чего вы ищете оправданія себѣ, чрезъ все это вы ничего не пріобрѣтаете у Бога. Знайте, что если вы не будете добродѣтельными, истинно добродѣтельными, ни одинъ изъ васъ не спасется отъ наказанія". Всѣ вздохнули и сказали: „увы намъ грѣшнымъ". Тогда протоспаθарь (военный начальникъ), по имени Николай, который много полагался на свою раздачу милостыни, сказалъ: „но Господь изрекъ: если кто напоитъ студеною водою бѣднаго, и тотъ не потеряетъ мзды своей". На это Нилъ отвѣтилъ: „это сказано для бѣдныхъ, чтобы никто не отказывался отъ благотвореній подъ предлогомъ, что они не имѣютъ дровъ, чтобы приготовить и просто теплой воды". Затѣмъ одинъ изъ присутствовавшихъ у Нила священниковъ спросилъ его: что такое былъ запрещенный плодъ въ раю? Нилъ отвѣчалъ: дикое яблоко. И когда всѣ засмѣялись, онъ сказалъ: каковъ вопросъ, таковъ и отвѣтъ. Моисей не назвалъ плода, и какъ мы хотимъ

какъ умный свѣтъ и приходитъ съ тихостію, принося обрадованіе,—что есть отсвѣтъ перваго онаго вѣчнаго свѣта и отблескъ непрестающаго блаженства. Какъ только возсіяетъ сей свѣтъ въ духѣ, тотчасъ исчезаетъ всякій нечистый помыслъ, изгоняется всякая страсть душевная. Умъ и мысль зрятъ Бога, какъ написано въ Евангеліи о блаженствахъ. Тогда душа какъ въ зеркалѣ видитъ все, даже малѣйшія согрѣшенія, помышляя же о величіи оной славы исполняется всякою радостію и веселіемъ. Эта благодать всесвятаго Духа дѣлаетъ его другомъ и сыномъ Божіимъ и Богомъ, насколько это вмѣстимо для человѣка" („Слова Симеона" Душ. Чт. Ноябрь, стр. 302—303. Слич. „Двѣнадцать словъ" Симеона, стр. 179—180). Вообще Симеонъ не чуждъ мистическихъ представленій объ отношеніи Христа къ человѣку вѣрующему. Такъ напр. онъ говоритъ: „мы члены Христа и члены наши—Христосъ. И рука моя у меня жалкаго и нога моя Христотъ. И рука Христова и надежда Христова—это я наименьшій" и пр. (Divinorum amorum liber singularis, p. 507. Migne. ibidem, tomus 120).

знать то, что было скрыто отъ Моисея. Ты не спрашиваешь о томъ, какъ ты созданъ, какъ ты находился въ раю подобно Адаму (т. е. чрезъ искупленіе), какія заповѣди ты получилъ и не соблюлъ, почему ты изгнанъ изъ рая или лучше сказать исключенъ изъ царствія Божія и какъ ты можешь достигнуть прежняго достоинства, вмѣсто того ты спрашиваешь о деревѣ, которое было какъ и всѣ другія дерева". Предъ концемъ жизни Нилъ поселился въ маленькомъ монастырѣ св. Агаѳіи и сказалъ: „здѣсь будетъ мѣсто моего упокоенія навсегда". Между тѣмъ многіе изъ его друзей и вельможъ римскихъ просили его выдти изъ монастыря для совершенія молитвы на гробахъ апостоловъ Петра и Павла; въ отвѣтъ на эти просьбы Нилъ объявилъ: „кто имѣетъ вѣру съ зерно горушное, тотъ и отсюда можетъ воздавать поклоненіе апостоламъ Петру и Павлу". Нилу приходилось высказывать и свое сужденіе касательно споровъ церкви восточной съ западной. Это сужденіе носило на себѣ печать истинно-христіанской гуманности. Однажды монахи спросили его, какъ онъ смотритъ на различіе существующее между востокомъ и западомъ касательно поста въ субботу. Нилъ отвѣчалъ, примѣняясь къ словамъ апостола: „кто ѣстъ, да не презираетъ того, кто не ѣстъ, и кто не ѣстъ, да не осуждаетъ того, кто ѣстъ".—„Зачѣмъ ты судишь брата своего? Можемъ мы ѣсть, можемъ и поститься, но слѣдуетъ совершать это во славу Божію". Затѣмъ Нилъ привелъ примѣры древнихъ греческихъ отцевъ въ защиту греческой практики, но прибавилъ: „однакожъ мы не должны спорить объ этомъ, ибо постъ не есть что либо худое". И еще Нилъ говорилъ: „знайте, все, что ни совершается ради Бога, есть благое; нѣтъ худаго и въ томъ, чтобы убить человѣка,—примѣръ Финеесъ". Такимъ образомъ все зависитъ отъ расположенія, съ которымъ совершается [1]).

Къ одному и тому же направленію съ Ниломъ принадлежалъ и монахъ константинопольскій Константинъ Хризомалъ, жившій въ концѣ XI и началѣ XII вѣка. Свои мысли Хризомалъ изложилъ въ сочиненіяхъ, которыя нашли себѣ

[1]) Vita sancti Nili. p. 88, 91, 129—31, 157—8. Migne. ibid. t. 120.

много читателей. Около Хризомала составился кругъ его почитателей. Вліяніе слѣдовательно было прочнѣе, сильнѣе, чѣмъ вліяніе Нила. Мысли Хризомала отличаются отъ мнѣній Нила нѣкоторымъ мистицизмомъ. Хризомалъ высказывалъ, что безъ внутренняго преобразованія человѣка всѣ таинства церкви не могутъ приблизить человѣка къ высшей духовной жизни; мертвая начитанность въ Св. Писаніи, безсердечное исполненіе обрядовыхъ предписаній церковныхъ не могутъ приблизить человѣка ко благу спасенія. Приводимъ собственныя слова Константина Хризомала. „Всякое пѣніе и моленія, всякое участіе въ церковныхъ дѣйствіяхъ, всецѣлое углубленіе въ изученіе Св. Писанія есть нѣчто безполезное и мертвое, если все подобное не сопровождается внутреннимъ преобразованіемъ, чрезъ которое мы освобождаемся отъ силы злаго начала. Если кто наизустъ изучитъ все Св. Писаніе и въ состояніи будетъ обучать другихъ—все это не принесетъ ему никакой пользы, безъ преобразованія его душевнаго состоянія“. „Къ достиженію благодати внутренняго преобразованія не могутъ служить дѣла человѣка; эта благодать достигается чрезъ вѣру“. Но эта вѣра, по Хризомалу, должна быть разумная, должна основываться на основательномъ пониманіи требованій христіанства. Отсюда онъ отвергалъ крещеніе дѣтей. Онъ говорилъ: „тѣ, кто еще въ дѣтствѣ окрещены, безъ предварительнаго наученія (въ религіи), не суть истинные христіане, хотя и носятъ это имя. Если и совершаютъ они нѣчто добродѣтельное, то совершаютъ въ томъ же родѣ, какъ и язычники“ [1]). Сочиненія и нѣкоторыя идеи Хризомала, по смерти его, въ 1140 г. были осуждены соборомъ, именно когда кружокъ его почитателей довольно разросся; но это намъ не мѣшаетъ видѣть въ Хризомалѣ не безъинтересное проявленіе реакціи благочестиваго духа противъ лицемѣрной святости, противъ механическаго пониманія религіи. Замѣтить должно еще, что осужденіе идей его и его послѣдователей произошло по нѣкоторымъ случайнымъ причинамъ.

[1]) Neander. Allgemeine Geschichte der Religion und Kirche. B. II, s. 632—3. Gotha. 1856.

II.

Отъ направленій религіозныхъ въ средѣ самой церкви IX, X и XI вѣка обращаемся къ направленіямъ въ религіозно-умственной жизни въ ересяхъ. Ересь, какъ прямое и рѣшительное уклоненіе отъ идей и практики, господствующихъ въ церкви, есть непремѣнно болѣе или менѣе новое, самобытное направленіе. Изучаемая нами эпоха не богата ересями, и потому она не богата и направленіями религіозными собственно еретическаго характера. Направленія эти характеризуются или утрированнымъ спиритуализмомъ или раціонализмомъ. При разсмотрѣніи ересей, какъ направленій, насъ будутъ занимать по преимуществу два вопроса: изъ какихъ религіозныхъ потребностей возникала ересь и въ какомъ отношеніи она стояла къ господствующей церкви въ ученіи и религіозной практикѣ.

I. Самое видное мѣсто между ересями того времени занимаютъ *Павликіане* [1]). Первымъ основателемъ секты былъ нѣкто Константинъ изъ Сиріи въ VII вѣкѣ [2]). Но собственное господство и широкое распространеніе ереси падаетъ на эпоху, которой мы занимаемся. Чѣмъ больше эта ересь слабѣетъ, падаетъ къ IX вѣку, тѣмъ больше она получаетъ силы и значенія, когда во главѣ сектантовъ становится нѣкто Сергій изъ Галатіи. Этотъ Сергій является истиннымъ реформаторомъ названной ереси. Замѣчательно побужденіе, по которому онъ присоединяется впервые къ обществу павликіанъ, откуда можно заключать, какъ многіе присоединялись сюда вслѣдствіе неудовлетворенности своимъ религіознымъ потребностямъ со стороны тогдашняго духовенства. Однажды пришлось идти Сергію съ женщиною, принадлежавшею къ павликіанамъ, и въ разговорѣ она спросила его: читалъ-ли онъ евангеліе? Сергій отвѣчалъ на

1) Въ краткой, но превосходной рѣчи, напечатанной въ Христ. Чтеніи (1877, мартъ—апрѣль), проф. Чельцовъ даетъ интересный очеркъ павликіанства.—Свѣдѣнія о павликіанахъ можно находить также въ сочиненіи: „о мнимо-духовномъ христіанствѣ въ древнія времена церкви“. „Правосл. Собесѣдникъ“, 1856, ч. I, 1857, ч. I.

2) Petri Siculi. Historia Manichaeorum. p. 1276. 7. Migne. Gr. ser. tom. 104.

это отрицательно, прибавивъ, что это дѣло духовенства читать св. книги и что для мірянъ недоступны тайны Св. Писанія. Женщина возразила, что Св. Писаніе назначено для всѣхъ и что оно для всѣхъ открыто, ибо Богъ хочетъ привести всѣхъ къ познанію истины. Это не больше, какъ уловка духовенства, когда оно утверждаетъ, что ему только открыты тайны писанія, а мірянамъ нѣтъ; духовенство не хочетъ, чтобы для всѣхъ открылось, насколько церковь расходится въ своихъ понятіяхъ съ писаніемъ; поэтому-то духовенство и читаетъ вамъ въ храмахъ лишь отрывки изъ Св. Писанія, внѣ связи съ цѣлымъ. Она спрашивала Сергія, кого Господь разумѣетъ, когда говоритъ въ Евангеліи Матѳея: „многіе скажутъ Мнѣ въ тотъ день: Господи! не отъ Твоего ли имени мы пророчествовали? И не Твоимъ ли именемъ бѣсовъ изгоняли? И не Твоимъ ли именемъ многія чудеса творили? „И о которыхъ Онъ однакожъ скажетъ: Я не вѣмъ васъ“ (Мѳ. 7, 22—23). Или спрашивала еще женщина: „Кого Господь разумѣетъ подъ сынами царствія, которые извержены будутъ (Мѳ. 8, 12)? Это тѣ, комментировала она, кого вы называете святыми угодниками, о комъ вы говорите, что они совершаютъ чудесныя исцѣленія, изгоняютъ злыхъ духовъ, кого вы считаете своими пастырями, этихъ-то вы почитаете отказываясь отъ почитанія живаго Бога. Эти слова женщины произвели сильное впечатлѣніе на Сергія; съ тѣхъ поръ онъ занялся тщательнымъ изученіемъ Св. Писанія, въ особенности посланій ап. Павла. Онъ выступилъ въ качествѣ учителя съ библейскимъ именемъ Тихика, ученика Павлова. Тридцать четыре года съ ревностію проповѣдывалъ онъ свои идеи, обошелъ всѣ части Азіи, повсюду устроилъ павликіанскія общества, такъ что онъ могъ съ полною справедливостію писать о себѣ въ одномъ посланіи къ павликіанскимъ обществамъ: „Отъ востока до запада, и отъ сѣвера до юга прошелъ я, проповѣдуя евангеліе Христово“ [1]). Для большаго сходства съ апостоломъ Павломъ Сергій хотѣлъ питаться во время про-

1) Petri Siculi, ibidem. p. 1288—292.

повѣдыванія трудами рукъ своихъ, а потому занимался плотничествомъ. Даже самые враги павликіанства не отказывались признать высоту нравственной жизни Сергія, его кротость и искренность, которыя привлекали къ нему сердца. Между послѣдователями Сергія насчитывали и монаховъ, и монахинь, и лицъ духовныхъ. Сергій чрезвычайно былъ польщенъ своимъ успѣхомъ и въ самообольщеніи видѣлъ въ себѣ прямаго посланника Божія. Онъ писалъ: „не дозволяйте никому обманывать васъ, утѣшайтесь тѣмъ, что вы ученіе получили отъ Бога; я пишу вамъ полный глубокаго убѣжденія, ибо я стражъ при дверѣхъ, добрый пастырь и руководитель Христова тѣла и свѣтъ дома Божія. Я съ вами пребуду во вся дни до скончанія вѣка, ибо если я тѣломъ и разлучусь съ вами, но духомъ пребуду съ вами" [1]. Господство ереси павликіанъ, кромѣ IX вѣка, падаетъ и на X и XI вѣка. Но въ началѣ XII вѣка павликіане уже изчезаютъ изъ исторіи. Особенно дѣятельнымъ борцомъ противъ павликіанъ былъ императоръ Алексѣй Комнинъ, который дѣйствовалъ на еретиковъ не мечемъ и огнемъ только, но и убѣдительнымъ словомъ собесѣдованія.

Ученіе павликіанъ. Догматическое ученіе павликіанъ представляетъ собой въ большинствѣ случаевъ повтореніе древнихъ гностическихъ теорій. Оно есть перемѣсь дуалистическихъ воззрѣній древности съ идеями христіанскими. Павликіане признавали два начала, Бога злаго и Бога благаго. Злой богъ есть міродержецъ теперешняго вѣка, а добрый есть отецъ вѣка будущаго. Злаго бога они называли диміургомъ, княземъ міра сего. Этому злому богу они приписывали твореніе видимаго міра — земли и звѣзднаго неба, откровеніе ветхозавѣтное, власть надъ іудеями и язычниками и мнимое извращеніе христіанства въ каѳолической церкви. Какъ весь міръ, такъ и тѣло человѣческое есть твореніе злаго начала, диміурга, но душа—небеснаго происхожденія. Подобно древнимъ гностикамъ, они учили, что диміургу удалось захватить божественное зерно жизни, которое онъ захотѣлъ заключить въ узы, для чего и облекъ оное въ человѣческое тѣло. Въ грѣхопаденіи видѣли они

[1]) Petri Siculi. ibid. 1224. Photii, Contra Man. p. 72. Migne. Gr. ser. tom. 102

непослушаніе димiургу, слѣдовательно начало спасенія. Грѣхопаденіе полагали они въ чувственномъ совокупленіи первыхъ людей. Это паденіе сдѣлалось началомъ искупленія въ томъ смыслѣ, что слѣдствіемъ грѣха было размноженіе рода человѣческаго, а съ этимъ божественное зерно жизни достигало все болѣе и болѣе широкаго развитія и распространенія. Благой богъ имѣлъ своею задачею освободить изъ узъ матеріи находившееся тамъ божественное зерно жизни. Такое освобожденіе и совершается чрезъ Искупителя. Представленія павликіанъ о лицѣ и сущности Искупителя намъ недостаточно извѣстны. Извѣстно только, что, по ихъ ученію, Онъ—небесное Существо, снисшедшее на землю отъ добраго Бога, и что послѣ того, какъ Онъ совершилъ свое дѣло, возвратился въ небесное отечество. Такъ какъ матерію и тѣлесность павликіане производили отъ злаго начала, то воплощеніе Бога они понимали докетически. Христосъ, по нимъ, Свое тѣло принесъ съ неба, съ которымъ Онъ и прошелъ чрезъ Пресв. Марію, какъ чрезъ каналъ. Вслѣдствіе такихъ представленій о плоти Христа они не могли, конечно, страданія Его считать дѣйствительными [1]). По всей вѣроятности они учили, что такъ какъ димiургъ понялъ, что его царству грозитъ конецъ, то онъ и побудилъ своихъ слугъ пригвоздить Христа; но это конечно было дѣломъ напраснымъ, потому что Христосъ по свойству Своего тѣла былъ неуязвимъ. Быть можетъ, они приписывали страданію Христа символическое значеніе; съ нимъ соединялась у нихъ мысль о томъ, какъ Христосъ снизшелъ въ царство димiурга и распространилъ здѣсь божественную жизнь.

Болѣе замѣчательнаго, чѣмъ въ догматическомъ ученіи, павликіане представляли въ ученіи о христіанскомъ культѣ и богослуженіи. Полагая сущность христіанской жизни лишь во внутренней религіозности, они отвращались святости, проявляемой во внѣшности, избѣгали всякой помпы, великолѣпія въ священныхъ церемоніяхъ, отрицали почитаніе иконъ, мощей, св. угодниковъ. Въ частности: павликіане были

1) Petri Siculi. p. 1253, 1297. Photii. p. 89. 25. Petri Siculi Sermo 1 adversus Manichaeos. Migne. ibid. t. 104.

иконоборцы, они почитали иконоупотребленіе суевѣріемъ. Будучи докетами, павликіане отвергали дѣйствительность смерти Христовой, а потому они возставали и противъ почитанія креста. Но въ тоже время они приписывали фигурѣ креста нѣкоторое символическое значеніе: распростертыя руки Искупителя, какъ Онъ изображается на крестѣ, напоминали имъ о всеобъемлющей любви Христа. Мощи святыхъ и поклоненіе святымъ считали они также суевѣріемъ. Въ святыхъ каѳолической церкви, также какъ и въ пророкахъ ветхозавѣтныхъ, они видѣли слугъ диміурга. Они отвергали почитаніе Пресв. Маріи; возставали противъ общецерковнаго взгляда касательно приснодѣвства Маріи, утверждая, что, кромѣ Христа, Марія имѣла и другихъ дѣтей отъ Іосифа, для доказательства чего они пользовались мѣстами евангельскими, гдѣ говорится о братьяхъ и сестрахъ Іисуса. Говорятъ даже, что они питали такую ненависть къ лицу Пресв. Дѣвы Маріи, что даже не отводили ей мѣста и вообще между добрыми людьми. Вѣроятно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ евангельскихъ они извлекали представленіе о недостаткѣ вѣры въ Богоматерь Христа (напр. Луки 1, 34: какъ будетъ сіе, когда я мужа не знаю). Богослуженіе павликіанъ отличалось крайней простотой и отсутствіемъ обрядности. Мѣста богослужебныя они иногда называли словомъ προσευχή, обозначая этимъ, что молитва составляла существенную часть ихъ богослуженія. Они отвергали даже крещеніе и евхаристію, какъ ненужныя церемоніи. Христосъ, говорили они, предписалъ не водное, а духовное крещеніе, Онъ самъ есть живая вода, которою вѣрующіе и крещаются. Также они думали, что вкушеніе плоти и крови Христа состоитъ только въ живомъ общеніи со Христомъ, а этого общенія можно достигать чрезъ Его ученіе, чрезъ Его слова, которыя составляютъ Его истинную плоть и кровь. Словами—плоть и кровь Христа указывается, по нимъ, не на чувственный хлѣбъ и чувственное вино, но на ученіе Христово, которое для души тоже, что хлѣбъ и вино для тѣла. Отвергая значеніе таинства крещенія, однакожъ павликіане дозволяли крестить своихъ дѣтей православнымъ священникамъ: это они дѣлали ради земнаго благоденствія своихъ дѣтей. Такъ какъ они приписывали диміургу власть дѣлать

счастливыми людей въ земномъ, плотскомъ отношеніи, то, чтобы пріобрѣсть такое благоволеніе для своихъ дѣтей, они и крестили ихъ у православныхъ священниковъ, которые были, по ихъ воззрѣнію, служителями димiурга. Съ тою же цѣлію—пріобрѣсть помощь отъ димiурга, они въ тяжелыхъ болѣзняхъ на грудь больнаго полагали крестъ, но когда больному становилось легче, они снова съ пренебреженіемъ откидывали его прочь. Словомъ: они хотѣли обманывать димiурга въ своихъ интересахъ. Павликіане отвергали іерархію, потому что они проповѣдывали общее священство, всѣхъ христіанъ считали въ духовномъ отношеніи равными. Правда, у нихъ были предстоятели общества, которые носили у нихъ имена „учителей", „пастырей", но эти не имѣли никакого клерикальнаго характера, они должны были питаться отъ дѣлъ рукъ своихъ и при богослуженіи не отличались особеннымъ одѣяніемъ [1]). Богослуженіе кромѣ молитвы состояло изъ объясненія Св. Писанія.

Дѣлаемъ свои замѣчанія о нравственномъ ученіи павликіанъ. Противники павликіанъ, церковные полемисты, взводили на нихъ самыя тяжелыя обвиненія. Ихъ обвиняли въ чудовищномъ развратѣ, въ содоміи, кровосмѣшеніи, блудодѣяніи и утверждали о нихъ, что во время ихъ праздниковъ послѣ ночнаго богослуженія, когда тушились свѣчи, начинались самыя дикія оргіи. Обвиненія эти едвали справедливы. Обвиненіе въ кровосмѣшеніи вѣроятно возникло изъ того, что павликіане дозволяли браки между близкими родственниками вопреки правиламъ церкви. Другія обвиненія, касательно ихъ чувственнаго сладострастія, основывались вѣроятно на томъ, что они первый грѣхъ полагали въ чувственномъ совокупленіи мужа и жены, и при всемъ томъ видѣли въ этомъ грѣхѣ начало, первый моментъ имѣющаго совершиться спасенія. Правда, есть несомнѣннѣйшія извѣстія, что предъ началомъ IX вѣка въ секту павликіанъ вкралось нравственное растлѣніе, но это было явленіемъ временнымъ, противъ котораго сильно вооружались представители общества, какъ наприм. Сергій. Въ общемъ пра-

1) Petri Siculi. Historia Man. p. 1256; Sermo II et III adversus Man. p. 1331—1349. Photii, ibid. p. 25. 29.

вила нравственныя у павликіанъ были строги. Павликіанъ упрекали въ томъ, что они считали позволительнымъ внѣшнее отреченіе отъ своихъ сектаторскихъ правилъ и такое же внѣшнее присоединеніе къ господствующей церкви—въ тѣхъ видахъ, чтобы избѣгнуть гоненій [1]). Примѣры такіе дѣйствительно встрѣчаются въ исторіи павликіанъ. Оправданіемъ для нихъ въ подобномъ случаѣ могло быть ихъ мнѣніе, что Самъ Христосъ, хотя и зналъ, что ветхій законъ произошелъ отъ диміурга, однакожъ, снисходя къ слабымъ понятіямъ іудеевъ, являлъ Себя такимъ, какимъ былъ предсказанъ Мессія въ ветхомъ завѣтѣ. Впрочемъ нужно сказать, что съ другой стороны исторія павликіанъ полна разсказами о самой доблестной смерти многихъ изъ павликіанъ, желавшихъ скорѣе умереть, чѣмъ отказаться отъ своихъ убѣжденій.

Что касается до источниковъ христіанскаго ученія, то такимъ они считали Св. Писаніе, но не все. Въ новомъ завѣтѣ выше всего ставили посланія ап. Павла, отъ чего они получили и самое имя *Павликіанъ*. Евангеліе чтили, но не равно. Евангеліе Луки, спутника Павлова и евангеліе Іоанна ставили выше прочихъ. Посланія ап. Петра рѣшительно отвергали, потому что они не считали его истиннымъ апостоломъ, а причисляли его къ ворамъ, разбойникамъ и исказителямъ истиннаго ученія (вѣроятно за его споръ съ ап. Павломъ объ обрядовомъ законѣ). Церковному преданію они не придавали ни малѣйшей цѣны [2]).

II. Другія секты въ восточной церкви IX, X, XI вѣка представляютъ въ сравненіи съ павликіанами мало интереса. Двѣ изъ этихъ сектъ—*Сыны солнца* и *Евхиты* представляютъ въ своихъ воззрѣніяхъ смѣсь христіанскихъ идей съ религіозно-персидскими. Ересь сыновъ солнца возникла въ очень древнее время и получила свое имя отъ того, что сектанты эти воздавали почитаніе Ормузду, а потому поклонялись солнцу. Особенную жизненность и распространеніе эта секта получаетъ съ началомъ XI вѣка, когда одинъ епископъ въ Арменіи, Іаковъ, сдѣлался главою сек-

[1]) Photii. ibidem. p. 32. 53. 60. Petri Siculi. Hist. Man. p. 1284—5.

[2]) Photii. p. 28. Petri Sic. Hist. Man. p. 1256.

ты. По свидѣтельству самыхъ враговъ, Іаковъ отличался суровостію жизни, а его помощники, священники, въ качествѣ проповѣдниковъ покаянія обходили Арменію, распѣвая псалмы. Іаковъ и его приверженцы возставали противъ увѣренности, что чрезъ участіе въ евхаристіи, чрезъ милостыню и церковныя молитвы можно достигнуть прощенія грѣховъ. Тому, кто грѣшитъ, говорили они, могутъ оказать помощь только его собственныя дѣла. Іаковъ возставалъ также противъ приношенія въ жертву животныхъ, которое встрѣчалось въ армянской церкви, какъ остатокъ отъ временъ языческихъ. Іаковъ нашелъ себѣ послѣдователей въ народѣ, въ духовенствѣ и между самыми вельможами [1]).

Нѣсколько родственны съ сынами солнца евхиты или энтузіасты. Быть можетъ, эта секта стояла въ какой нибудь связи съ древними евхитами. Въ XI вѣкѣ эта секта сдѣлалась многочисленною. Евхитами сектанты назывались потому, что выше всѣхъ религіозныхъ дѣйствій ставили молитву (εὐχή), а энтузіастами назывались потому, что хвалились, что въ экстазѣ имъ бываютъ особенныя откровенія и видѣнія духовъ. Въ догматическомъ ученіи они примыкали къ ученію Зороастра; они признавали всесовершеннѣйшее первосущество, отъ котораго происходятъ двое сыновъ— доброе и злое начало. Одинъ изъ этихъ сыновъ—благой Богъ есть именно Христосъ. Нравственность евхитовъ рисуется въ мрачныхъ чертахъ. Разсказываютъ, что евхиты держали особыхъ такъ называемыхъ посвященныхъ дѣвъ, съ которыми въ ихъ церковныхъ собраніяхъ, послѣ потушенія свѣчъ, присутствующіе—отцы и братья—вступали въ преступную связь. Дѣти, которыя рождались отъ такого совокупленія, на третій день по ихъ рожденіи убивались и сожигались. Кровь и пепелъ, потомъ, примѣшивались къ пищѣ и питью [2]). Достовѣрность подобныхъ разсказовъ сомнительна.

1) Neander. Allg. Geschichte d. chr. Relig. und Kirche. Band II, s. 323—4.

2) Neander. ibidem. s. 324—5. Kurts. Kirchen Geschichte. Abtheil. 3. s. 87. Mitau. 1858.

Bayerische Staatsbibliothek München

ОПЕЧАТКИ

стр.	строк.		Напечатано	Должно читать
28	св.	16	онъ	оно
42	св.	10	снаѳари	спаѳари
43	сн.	17	чистый	истый
47	св.	12	запнулась	замкнулась
48	сн.	4	Валаншинъ	Валантинъ
52	сн.	7	Канадохосу	Ксенодохусу
68	сн.	8	Самотскій	Самосатскій
73	сн.	11	И удачно	И удачно;
80	св.	5	характерности	безхарактерности
118	св.	2	страшно	странно
138	св.	2	Николаемъ,	Николаемъ, но и послѣ продолжаютъ враждовать противъ Николаитовъ,
152	св.	3	Воанесъ	Ваанесъ
154	св.	17	слога	слова
161	св.	17	думать	заключать
166	сн.	1	5)	4)
166	сн.	2	4)	5)
167	сн.	19	его. . .	—
173	св.	15	Впослѣдствіи	затѣмъ
175	св.	5	Багрянороднаго	(Багрянороднаго)
182	св.	8	Игнатій	(Игнатій)
195	сн.	1	плеопазмы	плеоназмы
197	св.	12	умые	умные
200	св.	14	надарилъ	подарилъ
212	св.	5	Евіонской	Аріанской
212	сн.	2	Нилъ	Ниль
213	св.	6	идею	одно
213	сн.	4	продолжателемъ	продолжателями
218	св.	4	доказательствъ	законодательствъ
219	св.	16	припятому	принятому пути
220	сн.	16	много	мало
221	сн.	13	сказалъ слово	предалъ свое ученіе

222	св.	2	до IX вѣка	до IX вѣка. Кромѣ „Исторіи“ до насъ сохранилось три слова Петра противъ тѣхъ же Павликіанъ.
222	св.	19	единства	единство
223	св.	2	безобразія	безбрачіе
229	сн.	3	временамъ	воззрѣніямъ
231	св.	3	изъ пѣсней	изъ писаній
240	сн.	4	если бы	еслибы кто
249	св.	9	крѣпкій	кроткій
252	св.	5	который все	который —

Изъ «Чтеній въ Обществѣ любителей духовн. просвѣщенія.

Bayerische Staatsbibliothek München

-00.

[illegible] vc.

15-00.

Lebedev, Aleksej P.,

Očerki vnutrennej istorii Vizantijskovostočnoj cerkvi v IX, X i XI věkach <
Ot konca ikonoborčeskich sporov 842 g. do načala krestovych pochodov,- 1096
g.>

Moskva 1878

H.eccl. 3185 o
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11372046-6